

1910.

Годъ 18.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

— 96 —
АСТА

35925

ET

COMMENTATIONES

IMP. UNIVERSITATIS JURIEVENSIS

(OLIM DORPATENSIS).

№ 3.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1910.

1910.

Годъ 18.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

№ 3.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1910.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Юрьевскаго
Университета.

Юрьевъ, 3 марта 1910 г.

Ректоръ В. Алексѣевъ.

№ 617.

СОДЕРЖАНИЕ.

Официальный отдѣлъ.

Стр.

К. К. Сентъ-Илеръ Отчетъ о заграничной командировкѣ лѣтомъ 1909 года	1— 22
---	-------

Приложенія.

П. А. Поляковъ. Основы гистологiи съ элементами эмбрио- логiи челоуѣка и позвоночныхъ	1377—1422
А. Н. Миклашевскiй. Исторiя политической экономiи.	529— 592
Karl Konrad Grass. Die russischen Sekten II	289— 352
Joannes Kvačala. Analecta Comeniana (съ портретомъ). I—VIII и 1—	80

К. К. Сентъ-Илеръ.

**Отчетъ
о заграничной командировкѣ**

лѣтомъ 1909 года.

Отчетъ о заграничной командировкѣ лѣтомъ 1909 года.

Истекшимъ лѣтомъ я предполагалъ воспользоваться для того, чтобы произвести нѣкоторыя фізіологическія наблюденія надъ планктонными животными. Въ частности я намѣревался изучить строеніе и функцію пневматофоровъ сифонофоръ и фізіологію питанія у сальпъ. Эти изслѣдованія возможно произвести, конечно, только въ весеннее время, когда планктонныя животныя встрѣчаются въ изобиліи и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ матерьяла достаточно. Наиболѣе подходящимъ мѣстомъ для этой цѣли является зоологическая станція въ Вилла-Франкѣ, которая славится своимъ весеннимъ планктономъ.

Въ виду этого я и ходатайствовалъ передъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія о командировкѣ за границу съ 1-го Мая. Мнѣ же была разрѣшена командировка только съ 1-го Іюня, вслѣдствіе чего планъ моихъ работъ оказался невыполнимымъ.

Семейныя обстоятельства удержали меня лѣтомъ въ Россіи и я могъ выѣхать за границу только въ серединѣ Августа. О какой либо спеціальной научной работѣ такимъ образомъ нельзя было думать; поэтому я рѣшилъ использовать время для ознакомленія съ нѣкоторыми научными учрежденіями, которыя до сего времени мнѣ видѣть не приходилось.

Данный отчетъ такимъ образомъ долженъ представить собой продолженіе моихъ прежнихъ отчетовъ о заграничныхъ командировкахъ, въ которыхъ собраны описанія различныхъ музеевъ, зоологическихъ садовъ и др. научныхъ учрежденій Западной Европы (Отчеты за 1892 и 1898 года).

Можетъ быть мнѣ удастся когда нибудь соединить всѣ эти отчеты воедино для составленія научнаго зоологическаго путеводителя по Зап. Евр., что было бы весьма важно для тѣхъ, кому приходится попадать впервые за границу.

Большая часть времени моего краткаго пребыванія за границей я провелъ въ Дрезденѣ и оттуда сдѣлалъ двѣ экскурси: одну въ Прагу, другую въ Лейпцигъ, Іену и Галле.

Въ своемъ изложеніи я буду придерживатъся порядка, соответствующаго тому, какъ я дѣйствительно осматривалъ учрежденія.

Въ Берлинѣ я осмотрѣлъ *Museum der Meeresforschung*, въ которомъ мнѣ пришлось быть первый разъ, т. к. онъ открылся сравнительно недавно (5 марта 1906 г.). Музей этотъ содержитъ въ себѣ все, что касается изслѣдованія моря, использованія его и передвиженія по немъ. Онъ устроенъ по опредѣленному, обдуманному плану и имѣетъ главною цѣлью — заинтересовать публику всѣмъ тѣмъ, что касается моря и главное конечно военнымъ флотомъ. Понятно поэтому, что биологическій отдѣлъ занимаетъ тамъ не первое мѣсто; главное же вниманіе посвящено устройству судовъ, гаваней, вооруженію судовъ и т. под. Въ этомъ отношеніи музей дѣйствительно очень богатъ. Тамъ выставлены не только модели различныхъ существующихъ и прежнихъ судовъ, но — цѣлыя военныя эскадры въ видѣ небольшихъ моделей, на которыхъ однако можно видѣть всѣ приспособленія, команду и пр. Имѣется также громадная модель Гамбургскаго порта, въ которомъ стоитъ нѣсколько океанскихъ пароходовъ.

Вооруженіе судовъ, т. е. пушки различныхъ системъ, представлены уже не въ видѣ моделей, а въ настоящемъ видѣ. Все это конечно занимаетъ публику, которой всегда много въ музеѣ. На описаніи этихъ отдѣловъ я останавливаться не буду. Меня интересовали болѣе другіе отдѣлы, напр., отдѣлъ, въ которомъ собраны различные инструменты, служащіе для изслѣдованія глубины, состава грунта, состава воды и пр., также отдѣлъ рыболовства, а главнымъ образомъ отдѣлъ биологическій.

И здѣсь выдержанъ общій стиль музея, стремящагося представить жизнь моря въ видѣ картинъ. Мы видимъ въ этомъ отдѣлѣ, напр., картину, изображающую полярное море съ тюленями и пингвинами; далѣе — картину коралловаго рифа съ его многочисленными обитателями: рыбами, иглокожими, ракообразными и др. животными. Самые кораллы огромной величины и весьма разнообразныхъ формъ. Для добыванія матерьяла для этой картины была снаряжена экспедиція въ Красное море подъ руководствомъ проф. Плате.

Около оконъ стоятъ небольшіе акваріумы, въ которыхъ представлены участки морскаго дна съ ихъ обитателями. Животныя

сохраняются въ жидкости (въ каталогѣ они названы *Alkoholarien*) и фиксированы настолько удачно, что вполне напоминаютъ живыхъ. Тамъ есть напр. медузы, плавающія въ водѣ, которыя хватаютъ своими щупальцами мелкихъ рыбокъ. Надо сказать, впрочемъ, что эти картины въ акваріумахъ довольно однообразны, хотя взяты изъ различныхъ мѣстностей: изъ коралловыхъ рифовъ, изъ Нѣмецкаго моря и т. д.

Кромѣ этого имѣются систематическія коллекціи, распределенныя по группамъ, причемъ и въ этомъ случаѣ обращено большое вниманіе на біологическія особенности животныхъ. Такъ, напр., въ отдѣлѣ рыбъ находимъ кладки различныхъ рыбъ, рыбъ съ выводковыми камерами, живородящихъ и т. д. Въ отдѣлѣ *Crustacea* очень хороши линяющіе крабы: видно, какъ сходитъ верхній панцирь и подъ нимъ появляется новый, хотя и мягкій, но большаго размѣра. Между кораллами обращаетъ на себя вниманіе громадный экземпляръ *Meandrina labyrinthica*.

Но особенно интересенъ отдѣлъ продуктовъ моря животнаго происхожденія, гдѣ собраны дѣйствительно богатые коллекціи, иллюстрирующія то, чѣмъ человекъ пользуется отъ моря. Причемъ рыболовство выдѣлено, ему посвященъ особый отдѣлъ. Здѣсь представлены напр. издѣлія изъ раковинъ: различные украшенія дикихъ народовъ, ложки изъ раковинъ *Nautilus*, кольца, браслеты изъ другихъ раковинъ; раковины, употребляющіяся, какъ деньги; благородные кораллы — въ естественномъ своемъ видѣ и въ обдѣлкѣ (есть очень крупныя виды коралла); жемчужныя раковины съ образующимся жемчугомъ и жемчугъ уже образованный; перломутровыя издѣлія; очень интересныя японскія издѣлія изъ раковинъ, особенно напр. цвѣты, которые поражаютъ своей тонкой отдѣлкой; губки обыкновенныя туалетныя, а также японскія стеклянныя, идущія только какъ украшенія. Между прочимъ, изображена картина морского дна, покрытаго губками, куда спустился водолазъ для ихъ лова. Устрица, конечно, занимаетъ большое мѣсто въ коллекціи; тамъ представленъ ихъ ростъ, способъ разведенія ихъ, способъ лова и пр.

Изъ продуктовъ, получаемыхъ отъ позвоночныхъ животныхъ, надо указать на: кожу акулы въ обработкѣ, издѣлія изъ зубовъ кашалота, моржа; издѣлія изъ китоваго уса; кожа котика въ обдѣлкѣ; гуано; шкурки птицъ, идущихъ на шляпы, воротники и пр.; издѣлія изъ черепахи; жиръ и ворвань.

Всѣ объекты подобраны очень хорошо: можно прослѣдить

весь ходъ обработки. Нѣкоторыя иллюстрируются прекрасными фотографіями. Такъ напр. есть фотографіи гигантскихъ черепахъ — ихъ лова, хода для откладыванія яицъ и т. под.

Для зоологовъ, конечно, весьма интересна коллекція орудій лова морскихъ животныхъ : драгъ различнаго образца ; между ними очень большія съ швабрами, похожія на траль ; драги полукруглыя или трехугольныя съ желѣзными болтами, предохраняющими мѣшокъ отъ разрыва ; кромѣ того пелагическія сѣтки разныхъ образцовъ и др. инструменты.

При музеѣ существуетъ особая аудиторія, въ которой по опредѣленнымъ днямъ читаются лекціи по предметамъ, касающимся мореходства, кораблестроенія, изслѣдованія моря и тому подобное. Конечно и эта программа имѣетъ ту же цѣль, которая положена въ основу всего музея, т. е. заинтересовать публику моремъ и флотомъ.

Вотъ нѣкоторыя темы такихъ лекцій : о происхожденіи морскихъ млекопитающихъ, о компасѣ, историческое развитіе корабля, починка глубоководнаго кабеля на борту нѣмецкаго парохода.

Онѣ изданы въ видѣ изящныхъ брошюръ съ иллюстраціями и продаются тутъ же въ музеѣ.

Научную постановку всего дѣла въ музеѣ гарантируетъ его связь съ Институтомъ для изслѣдованія моря при Берлинскомъ Университетѣ.

Дрезденскій зоологическій и антропологическій музей помѣщается въ такъ наз. Zwinger'ѣ вмѣстѣ съ художественной галлереей, геологическимъ музеемъ, доисторическимъ и другими образовательными учрежденіями. Онъ содержится саксонскимъ правительствомъ и имѣетъ особый научный персоналъ.

Высокое культурное развитіе этой небольшой страны отразилась въ частности и на этихъ музеяхъ. Несмотря на небольшіе размѣры, зоологическій музей содержитъ много интереснаго.

Въ первой залѣ собрана коллекція животныхъ мѣстныхъ, водящихся въ Саксоніи. Животныя распределены въ систематическомъ порядкѣ, но нѣкоторыя изъ нихъ монтированы въ естественной обстановкѣ. Тамъ видимъ напр. : лису, которая смотритъ на дрозда, пойманнаго въ силки ; ласку, впившуюся въ зайца ; гнѣздо хомяка въ разрѣзѣ съ запасами зерна ; гнѣздо сови ; гнѣзда многихъ птицъ ; токъ дрофы и т. д.

Въ этой же залѣ находимъ небольшую коллекцію альбиносовъ и др. цвѣтныхъ отклоненій, а также породы домашнихъ куръ и

голубей. Въ общей систематической коллекціи попадаются очень хорошіе отдѣльные экземпляры животныхъ, такъ напр.: громадный коралль *Rhipidogorgia flabellum* изъ Амбоина, гигантское головоногое — *Ommastrephos gigas* изъ Чили, также гигантскій крабъ *Macrocheira kaempheri* изъ Японіи, хорошія стеклянныя губки, огромный *Ceratodus*. Вообще же эта коллекція составлена весьма тщательно и равномерно; она не подавляется обиліемъ видовъ, какъ въ нѣкоторыхъ музеяхъ. Такая коллекція вполне достаточна для того, чтобы ознакомиться съ главнѣйшими группами животныхъ, что собственно и важно для публичнаго музея. Коллекція иллюстрируется восковыми моделями нѣкоторыхъ безпозвоночныхъ животныхъ, а также личинокъ. Часть музея помѣщается въ особой залѣ, повидимому заново оборудованной. Здѣсь красивы крупныя животныя, особенно птицы. Между ними обращаютъ на себя вниманіе великолѣпные фазаны, павлины, казуары. Есть яйца бѣгающихъ птицъ, между прочимъ настоящее яйцо вымершей *Aeriptornis*.

Музей очевидно стремится заинтересовать посѣтителей, дѣйствуя и на ихъ эстетическое чувство. Нельзя не привѣтствовать такого направленія. Конечно и въ другихъ музеяхъ выставляютъ по возможности эффектные и красивые экземпляры, но они нѣсколько затушевываются остальными объектами. Здѣсь же сконцентрировано то, что можетъ поразить глазъ и впечатлѣніе усиливается. Въ особой витринѣ собраны напр. райскія птицы, причемъ онѣ поставлены въ позахъ наиболѣе рельефно показывающихъ красоту ихъ оперенія. Особенно хороши *Paradisornis Rudolphi*, *Chlamydodera nuchalia*, *Parotia sexpennis* и нѣк. др. То же самое надо сказать и относительно колибри. Эффектъ ихъ окраски усиливается вслѣдствіе удачной постановки по отношенію къ свѣту. Здѣсь же помѣщены и великолѣпныя бабочки изъ рода *Morpho* и др.

Есть витрины, въ которыхъ собраны различныя птицы съ яркой окраской. Красота и разнообразіе отѣнковъ дѣйствительно поражаютъ глазъ.

Интересна коллекція птицъ необыкновенной формы, напр.: птица-колокольчикъ съ особымъ наростомъ на головѣ, служащимъ резонаторомъ; африканскій козодой съ необычайно длинными перьями въ крыльяхъ; птица-носорогъ; цапля-лопатень, съ клювомъ въ видѣ лопатки и нѣк. др. Къ каждому объекту приложена табличка съ объясненіемъ, чѣмъ данная птица интересна.

Характерно также сопоставленіе величины птицъ, напр.: самая большая и самая маленькая сова; самая большая и самая маленькая хищная птица; самая большая и самая маленькая утка и т. д.

Коллекція гнѣздъ птицъ — очень большая и выполнена очень тщательно. На гнѣздахъ помѣщены и соотвѣтственные птицы. Подобраны также для нѣсколькихъ случаевъ постепенныя стадіи постройки гнѣзда, напр. ремезовъ *Aegithalus pendularius* и *Aeg. castaneus*, которыя строятъ большія кошелеобразныя гнѣзда, похожія на гнѣзда ткачиковъ. Эти послѣднія собраны также въ большомъ количествѣ.

Хороша также и коллекція гнѣздъ насѣкомыхъ: пчелъ, осъ и термитовъ.

Цѣлый шкафъ занятъ птенцами различныхъ птицъ въ пуховомъ опереніи.

Очень интересны таблицы, показывающія превращенія рисунка на перьяхъ хвоста павлина, а также и у другихъ птицъ. Таблицы эти составлены, конечно, изъ настоящихъ перьевъ. На нихъ можно прослѣдить переходъ отъ простаго гладкаго пера, къ перу со сложнымъ рисункомъ.

Богатъ и энтомологическій отдѣлъ. Кромѣ хорошей систематической коллекціи есть объекты и біологическіе. Много примѣровъ мимикріи; кладки различныхъ насѣкомыхъ, между которыми обращаютъ на себя вниманіе своей крупной величиной яйца жука *Sternocera chrysis*.

Обращено вниманіе и на вредныхъ насѣкомыхъ, которыя представлены съ ихъ стадіями развитія.

Нельзя не упомянуть также о прекрасномъ препаратѣ *Chalcosoma atlas*, разчлененномъ на составныя части, причѣмъ эти послѣднія поставлены въ естественномъ положеніи.

Весьма поучительны коллекціи животныхъ, характеризующихъ опредѣленныя географическія области напр. Австраліи, Цейлона, Борнео, южн. Америки и южн. Африки.

Особое отдѣленіе музея посвящено скелетамъ, между которыми есть очень хорошіе. Есть скелетъ *Rhytina gigas*. Нѣкоторые скелеты небольшихъ животныхъ въ разобранномъ видѣ укрѣплены на доскахъ; есть также и въ спиртѣ.

За отдѣленіемъ скелетовъ слѣдуетъ антропологическій отдѣлъ, состоящій главнымъ образомъ изъ слѣпковъ головъ различныхъ народовъ земли, череповъ, мозговъ въ спиртѣ или слѣпковъ ихъ.

Далѣ идетъ уже этнографическій музей, содержащій очень много интересныхъ объектовъ.

Описывать ихъ я не буду, т. к. для оцѣнки ихъ требуются уже спеціальныя познанія.

Дрезденскій школьный музей. Этотъ музей, устроенный обществомъ учителей, помѣщается въ школьномъ домѣ. Музей небольшой, содержитъ коллекцію учебныхъ пособій по разнымъ предметамъ между прочимъ и по естествовѣдѣнію. Особенно много картинъ и рисунковъ; изъ нихъ нѣкоторые очень хорошіе напр.: К. А. Lutz въ Штуттгартѣ, Kuhnert въ Берлинѣ, Wachsmuth въ Лейпцигѣ.

Препаратовъ — не много и они ничего особеннаго не представляютъ. Упомяну только о препаратѣ костей мастерской Sander (Кѣльнъ), а именно о слѣд.: различные способы соединенія костей, кости крыла птицы съ перьями, лапа кролика, распилъ роговъ, распилы кости, рапины зубовъ. Всѣ препараты сдѣланы очень красиво и заключены подъ стекломъ. Удобенъ способъ заключенія ленточныхъ глистовъ, окрашенныхъ карминомъ, между двумя стеклами въ бальзамѣ или даже безъ него.

Въ музеѣ есть нѣсколько аквариумовъ, въ которыхъ содержатся обыкновенныя прѣсноводныя животныя.

Но самую важную особенность музея составляетъ микроскопическое его отдѣленіе. Въ опредѣленные дни, раза три въ недѣлю, въ музеѣ выставляются микроскопы съ объектами для обозрѣнія публики. Препараты раздѣлены на 12 группъ по 60 въ каждой группѣ. Каждую недѣлю препараты смѣняются, и повторяются слѣд. только черезъ 12 недѣль.

Каждая группа содержитъ препараты изъ различныхъ областей. Сначала идутъ препараты по гистологіи человѣка, потомъ по зоологіи, по анатоміи растений, по петрографіи и наконецъ почему то микрофотографіи (портреты). Особой системы въ распределеніи препаратовъ я не замѣтилъ. Перечислю для примѣра препарата по анатоміи человѣка изъ разныхъ группъ: I гр. — кровяныя тѣльца человѣка, козы, саламандры, разрѣзъ артеріи, вены слизистой оболочки желудка, кровообращеніе у живого животнаго, волосъ изъ бороды человѣка, перо синицы; II гр. — туберкулезныя бациллы, легкія морской свинки, легкія лягушки, бронхи человѣка, почка съ мальпигіевыми тѣльцами, кровообращеніе у живой лягушки, чешуя угря, китовый усъ и т. д.

Зоологическіе препараты взяты по большей части изъ насѣкомыхъ.

Многіе объекты выставляются въ живомъ видѣ, напр. водоросли, инфузоріи и т. под. Надо сознаться, что объекты съ гистологической точки зрѣнія очень неважны и микроскопы также не отличаются хорошими качествами.

Не смотря на это, музей посѣщается очень сильно. Приходятъ часто учителя съ цѣлыми классами, какъ это можно видѣть по записямъ въ книгѣ для посѣтителей. Много бываетъ также и учителей. Въ микроскопическомъ отдѣленіи въ то время, какъ музей открытъ, дежуритъ одинъ изъ членовъ учительскаго общества и даетъ поясненія препаратовъ.

Дрезденскій зоологическій садъ. Садъ этотъ довольно небольшой и его конечно нельзя сравнивать съ Берлинскимъ, но онъ представляетъ интересъ въ другихъ отношеніяхъ. Во первыхъ, въ немъ очень много животныхъ, давшихъ потомство, что свидѣтельствуетъ о хорошемъ содержаніи животныхъ, такъ тамъ есть маленькіе олени, лама.

Второе, что привлекаетъ вниманіе — это обезьяны и особенно шимпанзе. Здѣсь ихъ цѣлыхъ четыре штуки изъ разныхъ мѣстностей Африки: 1 большой и 3 маленькихъ.

Можно по цѣлымъ часамъ простаивать около ихъ клѣтки, до того интересно наблюдать за ними. Они играютъ совершенно, какъ маленькія дѣти. Притомъ характеръ у всѣхъ трехъ разный. Большой же отличается серьезностью.

Другихъ обезьянъ тоже довольно много. Между прочимъ рѣдкій альбиносъ мартышки.

Энтомологическое бюро Dr. Staudinger'a. Я очень былъ доволенъ, что посѣтилъ это интересное учрежденіе и познакомился съ его руководителями. Ихъ указанія были для меня весьма цѣнны и интересны. Бюро имѣетъ подраздѣленія, которыми завѣдуютъ особыя лица, именно: отдѣлы бабочекъ палеарктическихъ, бабочекъ экзотическихъ и жуковъ. Моей ближайшей цѣлью было отобрать кое что для нашего музея. Завѣдывающія лица съ обычной для нѣмецкихъ ученыхъ любезностью показали мнѣ коллекціи, въ которыхъ можно найти очень много интереснаго не только съ точки зрѣнія систематика, но и біолога. Мнѣ показали великолѣпные образцы мимикріи, полового диморфизма, различныхъ варіацій — случайныхъ, зависящихъ отъ географическихъ условій, отъ климата и пр., а также интересныя гнѣзда насѣ-

комыхъ, куколки и пр. Замѣчательна коллекція покойнаго Dr. Staudinger'a, которая сохраняется, конечно, въ неприкосновенности. Особенно удивительны въ ней случайныя варіаціи нѣкоторыхъ бабочекъ, настолько сильныя, что прямо невозможно принять ихъ за одинъ видъ. Замѣчательны также гибриды и гермафродиты, изъ послѣднихъ особенно гермафродитъ *Orgyia antiqua* или какой то подобной бабочки, которая имѣетъ съ одной стороны только настоящее крыло (самка этихъ бабочекъ безкрылая).

Въ отдѣлѣ прямокрылыхъ я нашелъ цѣлыхъ ряды насѣкомыхъ, подражающихъ листьямъ и сучкамъ. Въ учебникахъ приводятся, обыкновенно, какъ примѣръ *Phyllium*, *Phasmidae* и еще нѣкоторые виды. На самомъ же дѣлѣ подобныхъ прямокрылыхъ имѣется множество и можно подобрать цѣлый рядъ ихъ, начиная отъ такихъ, которые имѣютъ только зеленую окраску и кончая такими, которые похожи дѣйствительно на живой или сухой листь.

Я выбралъ довольно много весьма интересныхъ объектовъ для нашей коллекціи, но за недостаткомъ средствъ приходилось ограничиваться только недорогими объектами

И н т е р н а ц і о н а л ь н а я ф о т о г р а ф и ч е с к а я в ы с т а в к а в ь Д р е з д е н ь. Я былъ очень доволенъ, что время выставки совпало какъ разъ съ временемъ моего пребыванія въ Дрезденѣ. Я побывалъ нѣсколько разъ на ней и успѣлъ достаточно ознакомиться съ наиболѣе интересными для меня отдѣлами. Выставка такъ обширна и разнообразна, что для того, чтобы осмотрѣть хорошо всѣ ея отдѣлы, потребовалась бы не одна недѣля.

Фотографія играетъ теперь такую важную роль какъ въ технику, такъ и въ наукѣ, я не говорю уже о художествѣ. Этотъ послѣдній отдѣлъ занимаетъ, конечно, наибольшее мѣсто на выставкѣ. Онъ раздѣляется въ свою очередь на отдѣлы: работы профессиональныхъ фотографовъ, любителей и фотографическихъ обществъ.

Далѣе, имѣются отдѣлы примѣненія фотографіи къ журнальному дѣлу, къ судебной медицинѣ и полиціи и, наконецъ, къ научнымъ изслѣдованіямъ. Конечно, этотъ отдѣлъ представлялъ для меня наибольшій интересъ, и я думаю что мой трудъ не пропадетъ даромъ, если я здѣсь сообщу о тѣхъ новѣйшихъ работахъ, которыя производятся въ этомъ направленіи. Большой интересъ также представляетъ для всѣхъ, интересующихся фотографіей — отдѣлъ технической, гдѣ собраны различные аппараты — фотографическіе, проекціонные и др., приспособленія, реактивы и пр., а также отдѣлъ репродукціи, которая и для насъ, натуралистовъ,

имѣть громадное значеніе при иллюстраціи нашихъ работъ особенно по биологіи.

Научный отдѣлъ также распадается на много подотдѣловъ по числу наукъ. Есть отдѣлы приложенія фотографіи къ: астрономіи, физикѣ, метеорологіи, техникѣ, антропологіи, ботаникѣ, зоологіи, патологіи и пр.

Ограничусь описаніемъ только зоологическаго отдѣла и ближайшихъ къ нему по своимъ задачамъ.

Въ зоологическомъ отдѣлѣ больше всего — снимковъ съ живыхъ животныхъ и притомъ самыхъ разнообразныхъ.

На первомъ мѣстѣ стоятъ снимки съ различныхъ охотничьихъ животныхъ: млекопитающихъ и птицъ, а также и нѣкоторыхъ другихъ: насѣкомыхъ — бабочекъ, стрекозъ, рептилій, рыбъ и т. д. Очень многіе изъ этихъ снимковъ приходилось видѣть уже въ различныхъ изданіяхъ, напр. Bilder aus der Tierwelt, Natururkunden и тому подобныхъ.

Но нѣкоторые привлекаютъ особое вниманіе или художественнымъ выполненіемъ, или самымъ снятымъ объектомъ. Такъ напр. интересны снимки: Oelse (Ганноверъ) — раздраженной очковой змѣи, проглатывающей мышъ, гадюки, паука-птицеяда, мимикрирующихъ Phasmidae; Trägordh (Upsala), — южно-африканскихъ термитовъ съ ихъ постройками, грибными культурами и пр.; Hutchinson — бабочки въ естественной окраскѣ, печатанныя по способу Dreifarbendruck; Sobotta — снимки изъ Неаполитанскаго аквариума; Roberts — по биологіи пауковъ и лягушки; но особенно хороши снимки M. Duncan (Лондонъ) молодыхъ оранговъ и шимпанзе, хамелеона, осьминога, хватяющаго краба, бѣлки, бса, краба и нѣк. др.

Далѣе идутъ различные фотографическіе способы, имѣющіе уже специальное значеніе для научныхъ изслѣдованій. Прежде всего микрофотографіи при небольшомъ увеличеніи и при падающемъ свѣтѣ, напр. водяныхъ насѣкомыхъ, клещей; затѣмъ цѣлый рядъ разнообразныхъ микрофотографій, нѣкоторыя изъ которыхъ очень хороши. Между ними укажу: на снимки планктонныхъ животныхъ Dr. O. Zacharias'a, директора прѣсноводной станціи въ Пленѣ; увеличенные снимки тоже мелкихъ ракообразныхъ изъ фабричныхъ прудовъ — A. Halle; проф. v. Wasielewski выставилъ отъ института для изслѣдованія раковыхъ заболѣваній въ Гейдельбергѣ микрофотографіи различныхъ паразитическихъ простѣйшихъ, снятыхъ при сильныхъ увеличеніяхъ, какъ грегарины, кокцидій,

флагеллятъ, *Leucocytozoon Ziemanni*, *Haemoproteus Danilewskyi* и др. Микрофотограммы по гистологii анатомическаго института въ Лундѣ очень хороши, даже довольно сильно увеличенные; нѣкоторыя же сняты въ тѣхъ краскахъ, въ какія окрашена ткань на препаратѣ напр. развитіе кости и др. Отъ фирмы *C. Zeiss* были выставлены микрофотографii, снятыя въ ультрафіолетовомъ свѣтѣ. Этотъ способъ даетъ возможность получать на снимкахъ такія детали, которыя обыкновенно видны не бывають. Это подтверждается какъ снимками, выставленными фирмою *C. Zeiss*, такъ и снимками проф. *Lendenfeld'a* (Прага) иглъ губокъ — *Tetractinellidae*. Весьма возможно, что этотъ способъ при дальнѣйшей его разработкѣ дастъ еще болѣе плодотворные результаты. Надо только сказать, что работа съ ультрафіолетовымъ свѣтомъ требуетъ особыхъ довольно сложныхъ дорого стоющихъ приспособленій.

Весьма много также обѣщаетъ для науки кинематографическій методъ. Онъ и разработанъ былъ собственно примѣнительно къ научнымъ изслѣдованіямъ, именно къ изслѣдованію движенія животныхъ. Это — методъ извѣстнаго французскаго фізіолога Марея. Первые приборы Марея также были выставлены. Въ настоящее время кинематографъ служить болѣе для увеселенія публики, но несомнѣнно, что онъ долженъ послужить также и своей первоначальной цѣли. Онъ долженъ скоро войти въ обиходъ преподаванія, особенно зоологii и фізіологii и стать необходимымъ аппаратомъ въ хорошо оборудованной аудиторіи. Уже и на выставкѣ можно найти нѣкоторыя весьма интересныя примѣненія кинематографа къ изученію движенія животныхъ, кромѣ работъ Марея. Такъ напр. снимки *Muybridge* различныхъ животныхъ во время движенія, снимки летающей мухи проф. *Lendenfeld'a*.

Проф. *Hürtle* (изъ Бреслава) удалось снять кинематографически подъ микроскопомъ сокращеніе поперечно-полосатой мышцы. Эти снимки выставлены въ увеличенномъ видѣ; на нихъ можно прослѣдить послѣдовательно волну сокращенія. Можетъ быть такой способъ изслѣдованій поможетъ разрѣшить этотъ труднѣйшій вопросъ о процессахъ, происходящихъ въ веществѣ мышцы при ея сокращеніи.

Вообще этотъ методъ долженъ помочь разобраться въ процессахъ движенія, стадii которыхъ ускользають отъ нашего глаза, благодаря ихъ краткости. Кинематографъ въ соединеніи съ микроскопомъ дастъ возможность проникнуть въ жизнь мельчайшихъ элементовъ тѣла животныхъ.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и рентгеновая фотографія также можетъ оказать большую пользу при изслѣдованіи, конечно главнымъ образомъ скелета. Я не говорю уже о практическомъ примѣненіи этого способа къ хирургіи, патологіи и пр. Въ патологическомъ отдѣлѣ очень много рентгеновскихъ фотографій. Но и въ отдѣлѣ нормальной анатоміи и зоологіи есть интересныя вещи. Такъ напр. снимки сосудовъ, налитыхъ металлической массой. Особенно хороши такіе снимки стереоскопическіе, т. е. тогда видна вся сосудистая система какого ниб. органа и притомъ въ естественномъ положеніи. Такихъ снимковъ довольно много. Рентгеновскій способъ примѣняется и къ изслѣдованію вообще твердыхъ частей животныхъ, какъ позвоночныхъ, такъ и беспозвоночныхъ. Есть напр. рентгеновскіе стереоскопическіе снимки раковинъ, въ которыхъ видно все внутреннее строеніе раковинъ и притомъ въ рельефѣ.

Очень много выставлено стереоскопическихъ снимковъ какъ макро-, такъ и микроскопическихъ. И тѣ и другіе очень хороши. Послѣдніе возбуждаютъ, конечно, особый интересъ. Нѣкоторые изъ снимковъ мнѣ пришлось уже раньше видѣть въ изданіи одной Берлинской фирмы, специально изготовляющей стереоскопическія фотографіи. Особенно интересны снимки Берлинскаго зоологическаго института, напр. личинокъ иглокожихъ, амёбы и др.

Понятно, что и діапозитивамъ тоже отведено достаточно мѣста на выставкѣ. Есть, конечно, спеціальныя фирмы, изготовляющія ихъ, но изъ таковыхъ немногія сравнительно экспонировали свои произведенія. Жаль, что цѣна на нихъ еще довольно высока.

Въ отдѣлѣ техники выставлено очень много различныхъ фотографическихъ приборовъ и аппаратовъ. Нѣкоторыя оптическія фирмы, напр. С. Zeiss выставили способы обработки стеколъ для оптическихъ инструментовъ.

Имѣется цѣлый рядъ проекціонныхъ аппаратовъ со всевозможными приспособленіями для демонстраціи діапозитивовъ, микроскопическихъ препаратовъ, для эпископическихъ проекцій и пр. съ различными источниками свѣта, начиная отъ керосина и кончая электричествомъ. Есть также приспособленія для микрофотографіи, приборы для увеличенія снимковъ, для быстрого печатанія съ негативовъ и т. под.

Цѣна на кинематографы теперь очень понизилась. Настоящіе театральные конечно дороги, но есть для небольшихъ ауди-

торій рублей на 300. Есть даже любительскіе кинематографы малаго размѣра, которые служатъ также и для сниманія, стоящіе около 90 руб.

Приходится пожелать, чтобы и у насъ развивалось фотографическое дѣло, т. к. скоро, пожалуй, ни одно научное изслѣдованіе нашей области не будетъ въ состояніи обойтись безъ этого метода.

Чешскій музей въ Прагѣ. Это одинъ изъ самыхъ интересныхъ музеевъ, которые мнѣ приходилось видѣть. Онъ проникнуть, какъ и все въ Чехіи, какимъ то благоговѣніемъ ко всему, что касается самой страны и ея исторіи. Въ этомъ музеѣ собрано по возможности все, относящееся къ исторіи и природѣ Чехіи. Правда, въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ, какъ напр. въ естественно-историческомъ мы находимъ объекты изъ другихъ странъ. Это нарушаетъ нѣсколько общую гармонию, общій національный характеръ музея, но для специалиста дѣлаетъ его еще интереснѣе.

Я ограничусь, конечно, описаніемъ только зоологическаго отдѣла, который занимаетъ довольно большое пространство. На первомъ мѣстѣ — фауна Богеміи. Животныя, какъ и во всемъ музеѣ, расположены по системѣ, начиная съ высшихъ, кончая низшими. Въ отдѣлѣ мѣстной фауны высшія животныя не обращаютъ на себя особаго вниманія. Хороши между прочимъ гнѣзда грызуновъ: мышей, бѣлокъ, сонь и др.

Среди низшихъ находимъ интересные объекты, какъ напр. группы рептилій и амфибій въ естественной обстановкѣ, причѣмъ животныя очень хорошо препарированы въ сухомъ видѣ.

Много интереснаго среди насѣкомыхъ и др. *Arthropoda*. Такъ напр. замѣчательны коконы паука *Meta Manardi*, имѣющіе грушевидную форму и сотканые изъ нѣжной бѣлой паутины; они висятъ съ потолка небольшой земляной пещерки. Кромѣ того есть гнѣзда и другихъ пауковъ, а также и весьма многихъ насѣкомыхъ — осъ, шмелей, пчель и др.: *Halictus quadricinctus*, *Chalicodoma muraria*, *Bombus*, *Gryllotalpa vulgaris* (въ землѣ). паутинныя гнѣзда гусеницъ *Gastropacha* и др. Собраны различныя поврежденія растений насѣкомыми, особенно короѣдами. По развитію насѣкомыхъ весьма много препаратовъ, или въ спирту, или въ сухомъ видѣ (последнее для бабочекъ). Гусеницы великолѣпно надуты и посажены на то растеніе, какимъ питается данная гусеница.

Укажу еще на отдѣльные объекты, заслуживающіе вниманія.

Выставленъ напр. гермафродитъ муравья *Camponotus ligniperdus* съ объяснительнымъ рисункомъ, великолѣпныя коконы — пыльщика *Simbex americana*, а также собраніе чехликовъ *Phryganeid*.

Нѣсколько шкафовъ посвящено спеціальнымъ предметамъ, напр. исторіи развитія позвоночныхъ — кролика и цыпленка. Серія очень полная; нѣкоторые препараты инъецированы. Далѣе есть витрина, посвященная біологіи лосося и карпа. Здѣсь представлено эмбриональное и постэмбриональное развитіе рыбъ, пища ихъ, паразиты; слѣпки съ головы самца и самки лосося; анатомическіе препараты.

Такія полныя картины біологіи отдѣльныхъ животныхъ весьма поучительны, такъ какъ изображаютъ жизнь животного со всѣхъ сторонъ.

Общее отдѣленіе музея начинается съ вышихъ позвоночныхъ, именно съ обезьянъ, между которыми особенно хороши приматы. Есть чучела всѣхъ вышихъ представителей: гориллы, шимпанзе, оранга; а также ихъ скелеты.

Не буду подробно описывать другихъ млекопитающихъ, которыя всѣ заслуживаютъ полнаго вниманія. Остановлюсь только на нѣкоторыхъ объектахъ. Посреди залы расположенъ большой скелетъ кита, длиною въ 23 метра. Подъ нимъ великолѣпный экземпляръ чучела дюгоны, а также скелета его. Изъ анатомическихъ препаратовъ, относящихся къ этому отдѣлу, обращаетъ на себя вниманіе хрящевой скелетъ зародыша кита, на которомъ видны зубы въ челюсти. Есть также и цѣлый зародышъ въ спиртѣ.

То же, что сказано о коллекціи млекопитающихъ, надо сказать и о птицахъ. Коллекція подобрана очень тщательно, выставлены прекрасные экземпляры; многіе въ естественной обстановкѣ, съ гнѣздами. Колибри напр. собраны въ группу около цвѣтковъ орхидей. Изъ гнѣздъ интересны гнѣзда саланганы, гнѣздо печника (*Furnarius*) изъ Бразиліи. Есть между прочимъ извѣстный *Alca impennis*.

Въ этихъ же залахъ есть и группы животныхъ, напр. птичья гора со всевозможными водяными птицами; группа животныхъ, водящихся на пескѣ. Послѣдняя группа, надо сознаться, не особенно удачна.

Въ отдѣлѣ рептилій, амфибій и рыбъ особенное вниманіе обращаютъ на себя сухіе препараты животныхъ. Какъ они приготовлены, я себѣ не представляю. Едва ли они набиты, т. к. на нѣкоторыхъ хорошо видна брюшная сторона, но шва не замѣтно.

Животныя имѣютъ совершенно натуральный видъ и очень хорошо окрашены въ соответственные цвѣта. Особенно поражаютъ амфибіи, которыя имѣютъ такую тонкую и нѣжную кожу.

Есть представители главнѣйшихъ формъ двоякодышащихъ: *Protopterus*, *Ceratodus* и *Lepidosiren*. Всѣ они въ видѣ очень крупныхъ экземпляровъ. Кромѣ спиртовыхъ препаратовъ выставлены и скелеты ихъ: а также развитіе *Ceratodus*.

Изъ сухихъ препаратовъ нельзя не упомянуть группу ящерицъ драконовъ (*Draco volans*) на растеніяхъ, цвѣтамъ которыхъ эти ящерицы подражаютъ своей окраской. Далѣе воликолѣпна группа летающихъ лягушекъ *Rhacophorus Reinwardtii*.

Многія лягушки, какъ извѣстно, имѣютъ особыя выводковыя камеры для выращиванія молодыхъ. Изъ таковыхъ имѣются въ музеѣ *Pipa*, *Nototrema marsupiatum* и нѣкот. др.

Рядомъ съ спиртовыми и сухими экземплярами находимъ почти для всѣхъ представителей скелеты сухіе или въ спирту. Для черепахъ кромѣ того представлена анатомія щита. Много также и анатомическихъ, и эмбриологическихъ препаратовъ. Въ отдѣлѣ рептилій укажу на *Hatteria*, для которой имѣются: сухой препаратъ, спиртовый, анатомическій и скелеть.

Въ отдѣлѣ рыбъ нельзя не обратить вниманія на *Agaraima*, этого гиганта среди костистыхъ рыбъ, водящуюся въ Ю. Америкѣ.

Коллекція безпозвоночныхъ животныхъ очень обширна и интересна. Нужно указать на одну общую ея особенность, именно: параллельно съ животными современными здѣсь выставлены и ископаемыя, такъ что рельефно представлено соотношеніе между древними формами и живущими.

Наибольшее значеніе такое сопоставленіе имѣетъ конечно для *Brachiopoda*, моллюсковъ (особенно *Cephalopoda*) и иглокожихъ. Дѣйствительно въ этихъ отдѣлахъ мы и находимъ больше всего объектовъ и притомъ въ такомъ видѣ, который облегчаетъ сравненіе. Тамъ, гдѣ величина объектовъ недостаточна для показанія ихъ строенія, выставлены соответственные модели.

Но и въ другихъ отношеніяхъ коллекція содержитъ много поучительнаго, напр. въ біологическомъ. Среди моллюсковъ находимъ коллекцію сверлящихъ; очень интересенъ двустворчатый моллюскъ *Raporaea genegosa*, похожій на нашу *Mya arenaria*, живущую въ пескѣ и выставляющую свои сифоны. Здѣсь изображенъ разрѣзъ черезъ песокъ, содержащій нѣсколько такихъ моллюсковъ.

Очень интересны тоже вариации особенно въ окраскѣ нѣкоторыхъ *Pecten*: *P. flexuosus*, *opercularis*, *varius*.

Въ отдѣлѣ насѣкомыхъ хороши гнѣзда ось, пчелъ и др. напр.: *Xylocopa violacea*, *Polistes cornifex*, *Chartergus chartarius*, *Azteca Mülleri*, термитовъ, и мн. др.

Въ систематической коллекціи подобраны великолѣпные экземпляры, особенно жуковъ и бабочекъ, отличающихся или яркой окраской, или особенной формой, или рѣзко выраженнымъ половымъ диморфизмомъ, или подражательной окраской. Въ послѣднемъ отношеніи особеннымъ богатствомъ отличаются прямокрылые. Здѣсь подобранъ цѣлый рядъ ихъ, начиная отъ такихъ, которые имѣютъ зеленую окраску крыльевъ и кончая такими, которыхъ крылья не только по окраскѣ, но и по формѣ, и по положенію жилокъ совершенно походятъ на живые или засохшіе листья.

Интересны препараты развитія нѣкоторыхъ прямокрылыхъ — *Phyllium* и *Phasmidae*.

Въ систематической коллекціи бабочекъ употребленъ одинъ методъ для наиболѣе яснаго показанія отличительныхъ признаковъ группы, который между прочимъ я предлагалъ въ своей статьѣ о систематикѣ. Именно: эти характерные признаки представлены на рисункѣ, предшествующемъ данной группѣ, причемъ конечно дается и описаніе этихъ признаковъ.

Точно такой же методъ употребленъ и дальше въ коллекціи губокъ, гдѣ около объектовъ помѣщены таблички, изображающія характерныя для данной губки спиккулы.

Изъ другихъ безпозвоночныхъ мнѣ остается упомянуть интересные гнѣзда паука *Mugale avicularia*, великолѣпныхъ *Birgus latro*, *Pagurus granulatus* съ Антильскихъ острововъ, прекрасные кораллы и губки, особенно стеклянные, напр. *Periphragella Elisiae*, *Aphrocallistes beatrix* и др.

Echinus aculeatus представленъ съ кускомъ известковой породы, которую онъ высверливаетъ.

Препараты медузъ сопровождаются рисунками и стеклянными моделями. Много моделей, и очень хорошихъ, находимъ въ отдѣлѣ червей.

Въ краткомъ описаніи, конечно, трудно указать всѣ интересные объекты, пришлось бы перечислять чуть не все, имѣющееся въ музеѣ. Но, прочитавъ вышеизложенное, я надѣюсь, что читатель получитъ нѣкоторую долю того отраднаго впечатлѣнія, которое я вынесъ при осмотрѣ Чешскаго музея.

Зоологическій Институтъ Пражскаго нѣмецкаго Университета находится въ завѣдываніи проф. Ленденфельда. Въ немъ имѣется большая, но старая систематическая коллекція, значительная часть которой не имѣетъ почти никакой цѣны, и небольшая демонстративная коллекція. Самъ институтъ представляетъ также мало интереснаго. Но есть кое что достойное вниманія — это приспособленія для проекціи и для фотографированія въ ультрафіолетовомъ свѣтѣ.

Проекціонный аппаратъ — очень хорошій съ эпидіаскопомъ. Онъ примѣняется здѣсь нѣсколько особеннымъ способомъ, который по словамъ проф. Ленденфельда даетъ прекрасные результаты. Изображеніе получается не прямо на экранѣ, но при помощи большого зеркала отражается на матовой стеклѣ. Оно гораздо яснѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, если падаетъ непосредственно изъ фонаря на непрозрачный экранъ. Съ другой стороны этотъ способъ не даетъ того свѣтлаго пятна, которое портитъ изображеніе, если оно непосредственно падаетъ на прозрачный экранъ.

Положеніе фонаря также очень удобно. Онъ стоитъ не среди аудиторіи, но съ боку, что даетъ возможность демонстрирующимъ спокойно работать. Этотъ способъ особенно хорошъ для микроскопической проекціи. Картины получаются очень ясныя.

Приспособленіе для снимковъ въ ультрафіолетовомъ свѣтѣ очень сложно и довольно дорого, особенно благодаря тому, что всѣ линзы микроскопа и всѣ пластинки должны быть сдѣланы изъ кварца, пропускающаго ультрафіолетовые лучи. Затрудненіе представляетъ также установка объекта, т. к. на глазъ эти лучи не дѣйствуютъ и приходится прибѣгать къ флуоресцирующимъ пластинкамъ для наставленія.

Но результаты получаются дѣйствительно хорошіе. На снимкахъ видны детали, которыя обычно ускользаютъ изъ глазъ.

Пребываніемъ въ Прагѣ я воспользовался для того, чтобы посѣтить также извѣстнаго препаратора Фрича и чтобы отобрать у него нѣкоторые препараты для нашего института. Дѣйствительно я нашелъ тамъ много интереснаго, чего нѣтъ въ его каталогахъ. Очень хороши его всѣмъ извѣстные препараты скелетовъ въ спирту, которые онъ изготовляетъ теперь для многихъ животныхъ. Особенно мнѣ понравились скелеты *Pelobates fuscus* въ трехъ стадіяхъ развитія, на которыхъ прекрасно видно развитіе костей конечностей и исчезаніе хвоста. Есть также

скелеты болѣ рѣдкихъ животныхъ: утконоса, *Natteria*, *Amphiuma*, *Siphonops*, *Lepidosiren*, *Ceratodus*, *Bdellostoma*.

Изъ другихъ анатомическихъ препаратовъ упомяну слѣд. наиболѣ интересные: разрѣзъ черезъ голову ревуна, на которомъ виденъ хорошо мѣшокъ, служащій резонаторомъ; мышцы гортани птицъ; великолѣпныя интекціи и т. д.

Заслуживаютъ вниманія также эмбриологическіе препараты: зародыши разныхъ животныхъ напр. *Siphonops*, постэмбриональное развитіе камбалы и др.

Есть рѣдкости также среди спиртовыхъ препаратовъ, цѣлыхъ животныхъ, напр.: *Cheloderma horridum* — эта извѣстная ядовитая ящерица изъ Мексики, *Ceratodus*, выведенный изъ икры.

Нѣкоторые изъ указанныхъ выше препаратовъ я приобрѣлъ для нашего института, гдѣ они, конечно, займутъ почетное мѣсто.

Въ Іену я пріѣхалъ главнымъ образомъ съ цѣлью осмотрѣть новый Филогенетическій музей, объ открытіи котораго приходилось читать въ зоологическихъ журналахъ. Этотъ музей созданъ по мысли проф. Геккеля, котораго имя связано тѣсно съ филогеніей и съ Іеной. Въ настоящее время Геккель окончилъ свою педагогическую дѣятельность и его замѣнилъ проф. Плате изъ Берлина.

Къ моему разочарованію я однако узналъ, что для музея этого построено только зданіе, внутри же его помѣщается только одна горилла. Шкафы оказываются еще не готовы. Я зашелъ въ зоологическій институтъ къ проф. Плате, который и сообщилъ мнѣ о планѣ устройства музея и показалъ нѣкоторые объекты, приготовленные для музея. Пока ихъ еще очень мало: нѣкоторыя варіаціи бабочекъ, моллюсковъ и т. под. Въ настоящее время проф. Плате занимается изученіемъ помѣсей улитокъ, мышей и др. животныхъ. Это вопросъ теперь модный, чуть не во всякой зоологической лабораторіи производятся опыты скрещиванія. Забытый было и теперь снова признанный Менделевскій законъ наслѣдственности привлекъ къ себѣ всеобщее вниманіе. Такое обиліе опытовъ можно конечно только привѣтствовать, т. к. при статистическомъ методѣ именно и важно наибольшее число цифръ для сопоставленія.

Филетическій музей долженъ представлять собой по идеѣ нѣчто совершенно новое. Планъ его, какъ сообщилъ мнѣ проф. Плате, выработанъ только въ самыхъ общихъ чертахъ. Въ немъ должно быть представлено все, касающееся эволюціоннаго ученія, т. е.:

образование вариаций, промежуточных форм, помесей, зависимость организмов отъ окружающей среды, половой диморфизмъ и т. д.

Поле дѣятельности весьма обширное, дающее просторъ изобрѣтательности организатора музея. Предполагается оборудовать музей года въ три.

Несомнѣнно, что проф. Плате, который устраивалъ и зоологическое отдѣленіе *Museum der Meeresforschung* и здѣсь создастъ нѣчто цѣлое и интересное.

Въ Іенѣ я осматрѣлъ также знаменитую фабрику оптическихъ приборовъ *C. Zeiss'a*, которая является единственной въ своемъ родѣ, какъ въ смыслѣ качества ея издѣлій, такъ и внутренней организаціи.

Не будучи специалистомъ въ области физики, я не могу оцѣнить различныхъ деталей производства. Но конечно, знакомство съ такой фабрикой представляетъ интересъ для всякаго образованнаго человѣка.

Для меня особенно интересны были приборы для проецированія и микроскопической проекціи. Одинъ изъ представителей научнаго персонала фирмы весьма любезно демонстрировалъ мнѣ эти приборы, что мнѣ дало возможность ознакомиться съ нѣкоторыми деталями ихъ устройства. Особенно сильное впечатлѣніе производитъ эпидіаскопъ. Этотъ аппаратъ имѣетъ громадную будущность, не только въ примѣненіи къ демонстраціямъ, но и въ научныхъ изслѣдованіяхъ особенно физиологическихъ, т. к. получается реальное изображеніе предмета въ сильномъ увеличеніи.

Лейпцигскій музей зоологическаго института. Описаніе этого музея я далъ уже въ отчетѣ о командировкѣ моей за границу въ 1898 году.

Теперь меня особенно интересовала коллекція „Вальдивіи“, которая во время моего перваго посѣщенія только распаковывалась. Надо сказать, что изъ этой коллекціи выставлено въ музей сравнительно немного. Вѣроятно большая часть ихъ находится въ обработкѣ. Но то, что мнѣ удалось осматрѣть, заслуживаетъ полнаго вниманія. Очень пріятно видѣть объекты, которые хорошо знаешь по книгѣ. Какъ разъ именно многія животныя, извѣстныя по описаніямъ и рисункамъ проф. Куна въ его книгѣ можно видѣть въ музей: великолѣпныя губки *Monorhaphis*, *Semprella cucumis*, многія *Hexactinellidae*, *Zoanthus* съ *Pagurus*'омъ, удивительныя кораллы, офиуры съ молодью въ выводковыхъ камерахъ, замѣчательныя рыбы съ различными свѣтящимися органами.

Въ Галле мнѣ хотѣлось побывать въ анатомическомъ институтѣ у проф. Ру, извѣстнаго изслѣдователя въ области экспериментальной эмбриологіи. Къ сожалѣнію, однако, я проф. Ру не засталъ. Въ томъ же городѣ я посѣтилъ продавца Naturalia — Шлютера. Онъ имѣетъ громадныя запасы матеріала и дѣла его идутъ повидимому прекрасно, но онъ имѣетъ преимущественно объекты обыкновенныя, идущіе въ музеи и въ школы. Заготовлено много скелетовъ; между ними напр. Шимпанзе (и сравнительно не дорого). Много хорошихъ чучель. Не дурны анатомическіе и эмбриологическіе препараты. Все это однако уступаетъ Фричу.

Заканчивая свой отчетъ я не могу не придти къ заключенію, что заграничныя научныя учрежденія быстро идутъ впередъ, въ смыслѣ выработки новыхъ методовъ, разработки новыхъ вопросовъ, и что мы едва ли будемъ въ состояніи догнать нашихъ сосѣдей, особенно, если научная жизнь въ Россіи пойдетъ такимъ темпомъ, какъ она идетъ въ настоящее время.

каналъ даетъ начало маткѣ и влагалищу, а потому называется половымъ каналомъ или маточно-влагалищнымъ (*canalis genitalis s. utero-vaginalis*, Leuckart, 1833). (Рис. 1950.)

У млекопитающихъ слияніе каналовъ начинается со середины длины и продолжается вверхъ и внизъ. (Рис. 1951, 1952.) Части протоковъ Müller'a, находящіяся между вершиной маточно-влагалищнаго канала и мѣстомъ отхо-

Рис. 1951.

Рис. 1951. Поперечное сѣченіе 9-недѣльнаго зародыша челоуѣка въ области таза: 1 — мезодермная масса; 2 — кишечно-маточная часть полости таза; 3 — маточно-пузырная часть полости таза; 4 — половой выступъ мезодермы, потомъ преобразующійся въ широкую маточную связку; 5 — кишка; 6 — мочевой пузырь; 7 — мочеточникъ пересѣченъ въ двухъ мѣстахъ: сзади по его отхожденію отъ почечнаго таза, спереди — около мѣста его впаденія въ мочевой пузырь; 8 — протокъ Müller'a; 9 — протокъ Wolff'a (Kollmann).

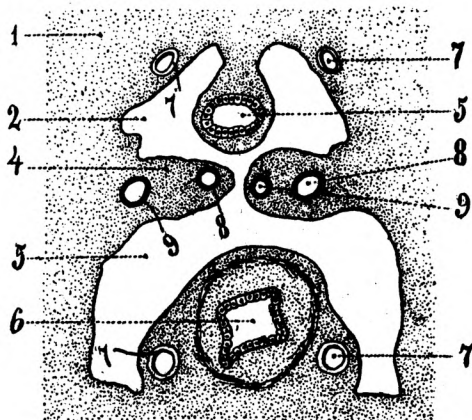
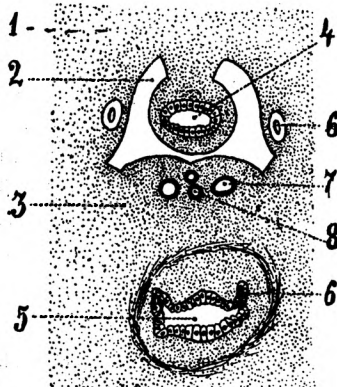

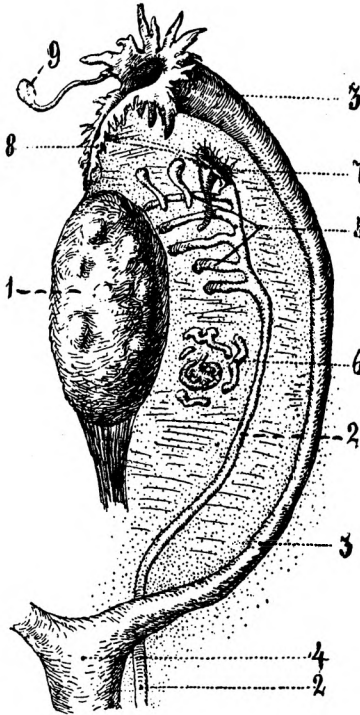
Рис. 1952.

Рис. 1952. Поперечное сѣченіе 9-недѣльнаго зародыша челоуѣка въ области основанія таза (ниже сѣченія, изображеннаго на предыдущемъ рисункѣ): 1 — мезодерма; 2 — кишечно-маточная часть полости таза; 3 — половой выступъ мезодермы въ будущемъ *ligamentum uteri latum*; 4 — кишка; 5 — мочевой пузырь; 6 — мочеточникъ; 7 — протокъ Wolff'a; 8 — протокъ Müller'a (Kollmann).

ждения круглой маточной связки, образуют собою рога матки. У человеческого зародыша матка бывает дву-рогой только до конца третьяго мѣсяца, а потомъ дно матки мало по малу разрастается, расширяется и включаетъ въ себя оба рога. (Рис. 1953—1955.)

Рис. 1953.

Рис. 1953. Схема преобразования промежуточной почки и протоковъ Wolff'a и Müller'a у женскаго человеческого зародыша (схема): 1 — яичникъ; 2 — протокъ Wolff'a, исчезающій кромѣ ничтожной нижней части, которая остается въ стѣнкѣ матки въ видѣ тонкаго канальца Gartner'a; 3 — протокъ Müller'a, преобразовавшійся въ яйцеводную или маточную трубу; 4 — матка; 5 — придатокъ яичника (parovarium); 6 — остатокъ промежуточной почки (paraoorhophoron); 7 — стебельчатые придатки съ рѣсничками и безъ нихъ; 8 — бахромки воронкообразнаго расширения протока Müller'a, теперь маточной трубы; 9 — пузырьчатый придатокъ (Kollmann).

Нижніе концы протоковъ Müller'a еще въ видѣ плотныхъ шнуровъ срастаются на четвертомъ мѣсяцѣ утробной жизни. Послѣ образованія маточно-влагалищнаго канала совершается раздѣленіе его поперечно идущей перегородкой на маточный и влагалищный отдѣлы. (Рис. 1956.) У различныхъ видовъ животныхъ раздѣленіе это совершается на различной высотѣ, почему длина и форма матки у нихъ бываютъ различны.

Когда поперечная перегородка образуется очень высоко, на уровнѣ отхожденія роговъ, какъ это наблюда-

ется у кролика, зайца, бѣлки и др., то получается двойная, двуполостная матка, состоящая изъ полостей

Рис. 1954.

Рис. 1954. Мочеполовые органы женскаго зародыша человѣка длиною въ 7,5 сантиметровъ: 1 — надпочечникъ; 2 — почка; 3 — мочеточникъ; 4 — кишка; 5 — яичникъ; 6 — маточная труба; 7 — матка въ стадіи развитія, двурогая; 8 — круглая связка матки; 9 — влагалищный отростокъ брюшины; 10 — мочевой пузырь; 11 — пупочная артерія, 12 — пупочное отверстие; 13 — пупочная вена. Естественная величина (Kollmann).

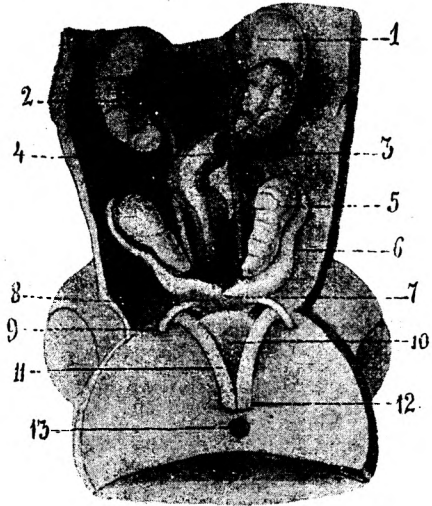
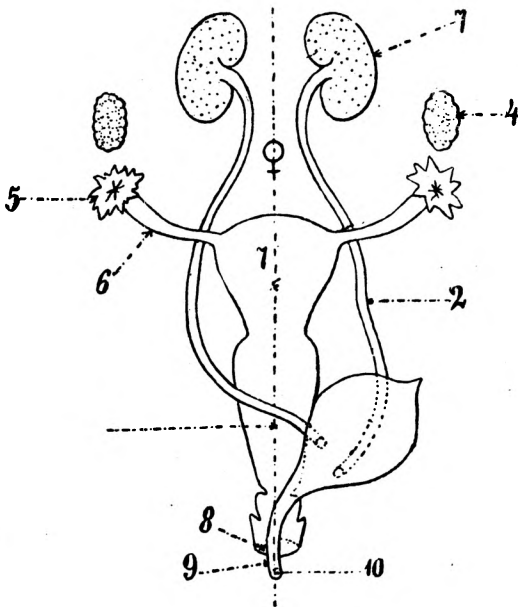

Рис. 1955.

Рис. 1955. Женскіе мочеполовые органы (схема): 1 — почка (неправильно поставлено — 7); 2 — мочеточникъ, впадающій въ мочевой пузырь — 3 (не проставлено); 4 — яичникъ; 5 — воронкообразное съ бахромками расширение передняго конца яйцевода — 6; 7 — матка, переходящая къзади во влагалище (не проставленъ знакъ, а лишь черта); 8 — преддверіе влагалища; 9 — мочеиспускательный каналъ; 10 — его отверстие (Roule).

роговъ, открывающихся во влагалище каждая отдѣльнымъ отверстіемъ. (Рис. 1957.)

Когда поперечная перегородка образуется только немного ниже вершины полового канала, то получается короткая матка съ двумя длинными рогами, какъ у грызуновъ. (Рис. 1958.) Наконецъ, матка получается тѣмъ большей длины, чѣмъ ниже въ половомъ каналѣ образуется поперечная перегородка.

У большинства сумчатыхъ (двуутробка) протоки Müller'a совсѣмъ не сливаются въ одинъ половой каналъ; поэтому у нихъ образуются двѣ матки, два влагалища, открывающіяся въ преддверіи двумя отдѣльными отверстіями. (Рис. 1959—1961.)

Рис. 1956.

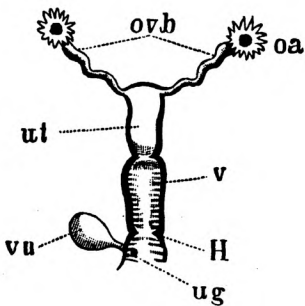

Рис. 1957.

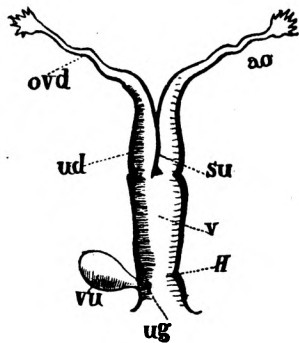

Рис. 1958.

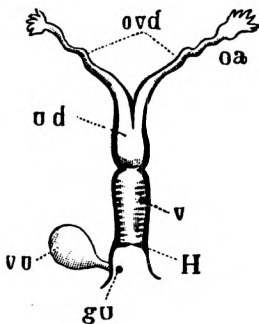

Рис. 1959.

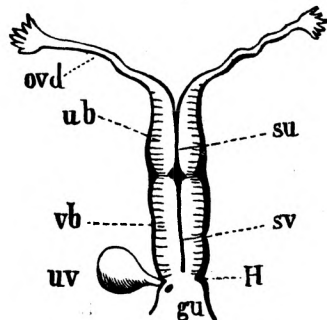

Рис. 1960.

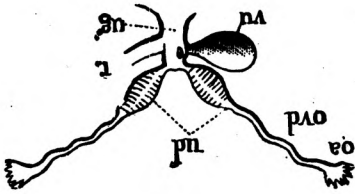
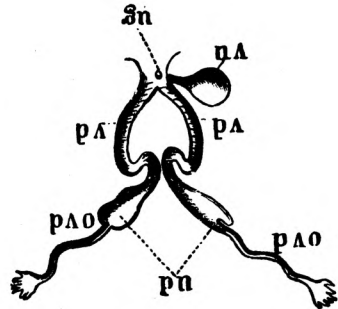

Рис. 1961.

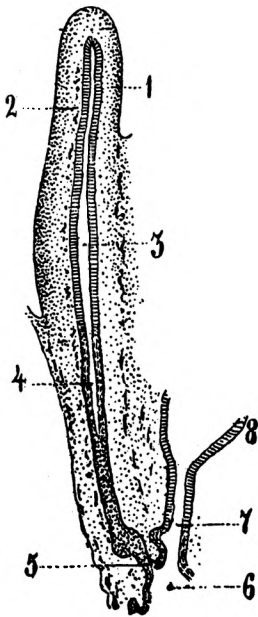
Рис. 1956—1961. Схема различных форм матки и влагалища у различных млекопитающих; общие знаки: ovd — яйцеводы; oa — ихъ брюшные концы; ut — матка; v — влагалище; Н — двѣветвенная плева; vu — мочевого пузыря; ug, gu — мочеполая пазуха (sinus uro-genitalis) — преддверіе влагалища; ud — двойная матка (uterus duplex); su — перегородка матки (septum uteri); vd — двойное влагалище (vagina duplex); sv — перегородка влагалища (septum vaginae); г — прямая кишка. Рис. 1956 простая матка (uterus simplex). Рис. 1957 двойная матка (uterus duplex). Рис. 1958 двураздѣльная или двурогая матка (uterus divisus s. bicornis). Рис. 1959 двойная матка и двойное влагалище (uterus duplex cum vagina duplici). Рис. 1960 двойная матка и двойное влагалище (uterus duplex cum vagina duplici) имѣется у сумчатыхъ животныхъ (двуутробокъ). Рис. 1961 двойная матка безъ влагалища (uterus duplex sine vagina) (Nuhn).

Когда у человѣческаго зародыша въ концѣ четвертаго мѣсяца нижніе концы протоковъ Müller'a соединятся, то многослойный эпителий, состоящій изъ многогранныхъ клѣтокъ, покрывавшій протоки Müller'a, преобразуется. Въ полости матки онъ преобразуется въ однослойный призматическій, распространяющійся и на маточныя трубы; а въ полости влагалища онъ остается многослойнымъ, но его поверхностныя клѣтки уплощаются; слѣдовательно, получается многослойный плоскій эпителий.

Этотъ эпителий въ нижней части влагалища, выполняя весь его просвѣтъ, выставляется изъ отверстія наружу въ видѣ пробки, такъ какъ эта часть полового канала произошла отъ слиянія протоковъ Müller'a, еще не имѣвшихъ просвѣта, а выполненныхъ эпителиальными многогранными клѣтками. Эта клѣточная пробка занимаетъ вершину маленькаго выступа на задней стѣнкѣ мочеполой пазухи, который

даетъ начало дѣвственной плевы (hymen). (Рис. 1962.) Въ этомъ мѣстѣ каналъ влагалища суженъ. Послѣ того половой каналъ растетъ в длину и уплощается спереди назадъ во влагалищной части. Эпителий передней и задней стѣнокъ влагалища при этомъ соприкасается и сливается въ одну пластинку въ началѣ пятого мѣсяца. Эта эпителиальная влагалищная пластинка выполняетъ полость влагалища и даетъ въ верхней части отъ себя отростки впе-

Рис. 1962.

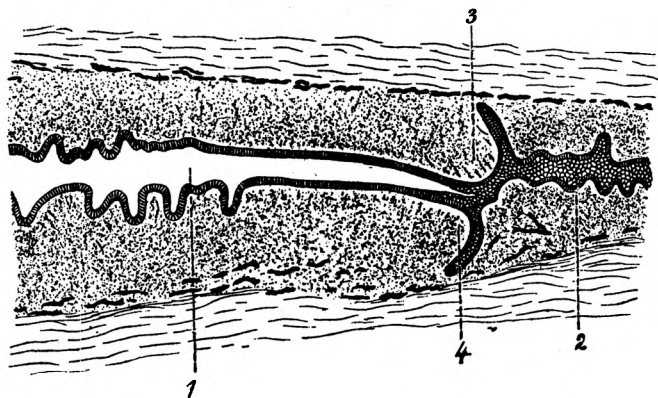

Рис. 1962. Продольное и осевое сѣченіе спереди назадъ половой трубки зародыша человѣка длиною въ 10 сантиметровъ: 1 — стѣнка матки; 2 — ея эпителий; 3 — ея полость; 4 — влагалище; 5 — дѣвственная плева; 6 — мочеполая пазуха; 7 — мочеиспускательный каналъ; 8 — мочевой пузырь (Toungneux).

редь и назадъ вглубь подлежащей ткани стѣнокъ влагалища, которая въ свою очередь образуетъ между ними соски: передней и задней. Такъ образуется влагалищная часть матки съ передней и задней губой. (Рис. 1963.)

Послѣ того клѣтки эпителиальной влагалищной пластинки начинаютъ быстро размножаться дѣленіемъ, растягивая стѣнки влагалища въ ширину и длину, отодвигая суженную часть влагалища къ преддверію, закрытому складкой слизистой оболочки влагалища съ отверстіемъ въ немъ — дѣвственной плевой (hymen). (Рис. 1964.) Дѣвствен-

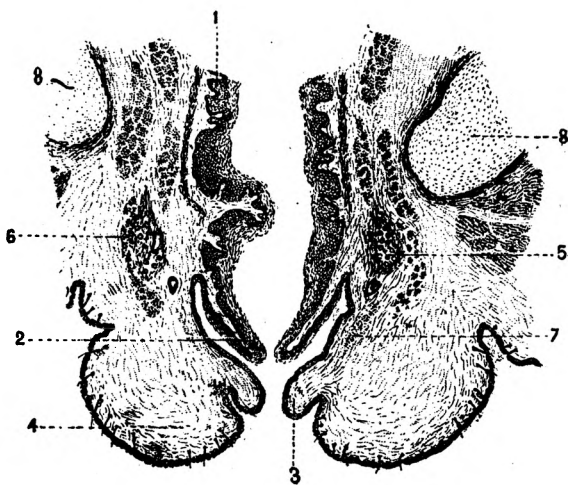
Рис. 1963.

Рис. 1963. Продольное спереди назад сѣченіе по оси матки зародыша человека длиною въ 16/23,5 сантиметровъ: 1 — полость канала шейки матки съ поперечными складками слизистой оболочки; 2 — эпителичная пластинка влагалища, отграничивающая своими двумя глубокими складками впередъ и назадъ матку съ ея передней — 3 и задней губами — 4. Увеличеніе 16 (Tourneux).

Рис. 1964.

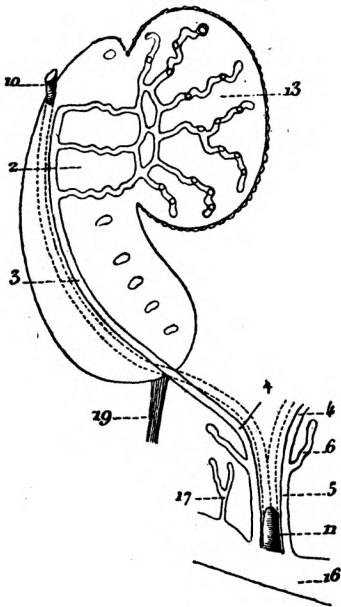
Рис. 1964. Продольное справа налѣво сѣченіе стѣнокъ канала наружныхъ половыхъ органовъ и влагалища зародыша человека длиною въ 20/31 сантиметр.: 1 — стѣнка влагалища; 2 — дѣвственная плева; 3 — малыя губы; 4 — большія губы; 5 — влагалищно-преддверная железа; 6 — поперечное сѣченіе поперечно-полосатой мышцы, суживающей входъ во влагалище, *constrictor vulvae* (*m. bulbo-savernosus*); 7 — сжиматель изъ гладкихъ мышечныхъ волоконъ; 8 — нисходящія колѣна лонной кости. Увеличеніе 4,5 (Tourneux).

ная плева имѣетъ два отверстія, когда нижніе концы протоковъ Müller'a не сраслись.

Раздѣленіе стѣнки полового канала на отдѣльные слои (слизистый и мышечный) обнаруживается только къ шестому мѣсяцу. Сначала ясно обнаруживаются только два мышечныхъ слоя: внутренній — круговой и наружный — продольный, а потомъ вмѣстѣ съ кровеносными сосудами между ними вырастаетъ средній мышечный

Рис. 1965.

Рис. 1965. Развитие половой железы мужчины съ половыми органами (схема): 1 — придатокъ яичника (parovarium); 2 — придатокъ сѣменника (epididymis); 3 — протокъ придатки сѣменника; 4 — относящій сѣмя протокъ (ductus deferens); 5 — выбрасывающій сѣмя протокъ (ductus ejaculatorius); 6 — сѣменной пузырь; 7 — маточная или яйцеводная труба; 8 — воронкообразное расширеніе трубы; 9 — половая трубка (canalis utero-vaginalis); 10 — пузырьчатый придатокъ (appendix vesiculosa epididymidis); 11 — мужская матка (uterus masculina); 12 — яичникъ; 13 — сѣменникъ; 14 — мочеиспускательный каналъ; 15 — преддверный каналъ; 16 — предстательная часть мочеиспускательнаго канала; 17 — предстательная железа; 18 — круглая маточная связка; 19 — направлятель (gubernaculum) (Tourneux).

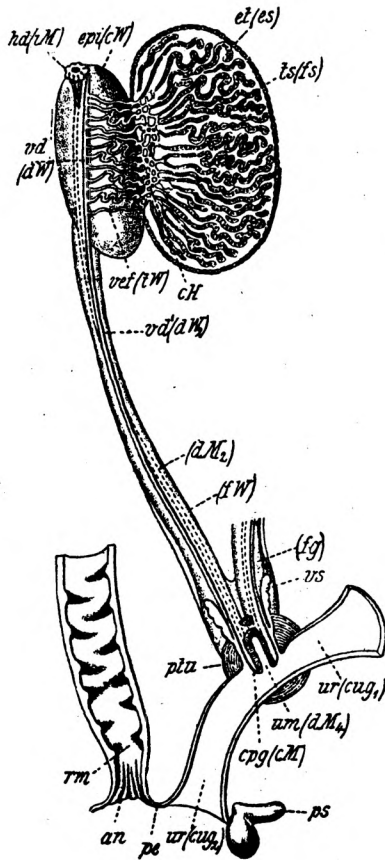
слой съ распредѣленіемъ волоконъ въ видѣ плетенки или рогожки.

Въ случаѣ развитія мужской половой железы протоки Müller'a исчезаютъ, оставляя на верхнемъ концѣ железы остатокъ въ видѣ пузырьчатого придатка — гидатиды Morgagni, имѣющей въ себѣ воронкообразное углубленіе, высланное призмическимъ съ рѣсничками эпителиемъ и соответствующее самому верхнему концу протока Müller'a.

Кромѣ того нижніе концы протоковъ Müller'a соединя-
ясь образуютъ въ предстательной части мочеиспускатель-
наго канала поперечное возвышеніе съ небольшой открытой
полостью, такъ называемую мужскую матку (*uterus masculina*),
соотвѣтствующую влагалищной складкѣ женской
дѣвственной плевы. (Рис. 1965—1967.)

Рис. 1966.

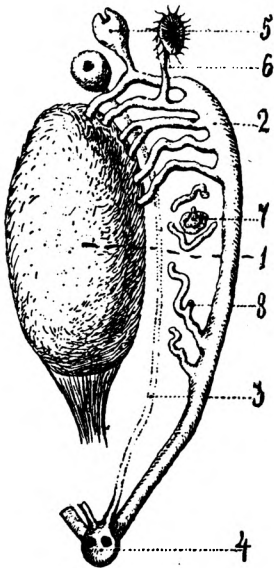
Рис. 1966. Схема развитія муж-
ского полового устройства изъ без-
различной въ половомъ отношеніи
стадіи рис. 1927: *hd* — пузырьчатый
придатокъ на головкѣ при-
датка сѣменника — *epi*; *vd* —
протокъ придатка сѣменника; *vd'* —
относящій сѣмя протокъ; *vef* —
выносящіе сѣмя протоки придатка
(*ductuli efferentes*); *сН* — сѣтъ
канальцевъ сѣменника (*rete testis*);
et — покровный эпителий сѣмен-
ника; *ts* — извитыя сѣмееобразо-
вательныя трубочки (*tubuli semini-
feri contorti*); *vs* — сѣменной пу-
зырекъ; *ptu* — предстательная
железа; *срг* — сѣменной бугорокъ;
um — мужская матка или
предстательный пузырекъ (нижній
конецъ сросшихся протоковъ Müll-
er'a); *ur* — мочеполовая пазуха
или мочеиспускательный каналъ;
ps — половой членъ (*penis*); *pe* —
промежность; *an* — заднепроход-
ное отверстіе; *gm* — прямая кишка;
обозначенныя точками части исче-
зали; знаки въ скобкахъ сравн.
рис. 1927 (Michalkowicz).

Мочеполовая брюшинная складка (*plica urogenitalis*) въ случаѣ образованія женской железы соединя-
ется вмѣстѣ съ брюшинной связкой исчезающей промежу-
точной почки и даетъ широкую маточную связку.
Въ случаѣ образованія мужской железы мочеполо-

вая складка вмѣстѣ съ широкой связкой, заложеной между нею и промежуточной почкой (*mesorchium*), остается въ видѣ короткой связки, соединяющей сѣменникъ съ его придаткомъ.

Рис. 1967.

Рис. 1967. Преобразование промежуточной почки въ различныя части придатка сѣменника у зародыша чловѣка (схема): 1 — сѣменникъ; 2 — протокъ Wolff'a, превратившійся въ протокъ придатка сѣменника (*ductus epididymidis*); 3 — исчезнувшій протокъ Müller'a, отъ котораго остается только верхнй конецъ въ видѣ пузырьчатого придатка и нижнй конецъ въ видѣ сѣменного пузырька или мужской матки, но бокамъ которой открываются отверстія сѣменпроводовъ (*ductus ejaculatorius*) — 4; 5 — стебельчатый придатокъ; 6 — придатокъ съ рѣсничками; оба они образовались изъ воронкообразныхъ расширеній верхнихъ сегментныхъ трубочекъ промежуточной почки; 7 — остатки промежуточной почки (*par-epidymis*); 8 — *ductuli aberrantes* (Kollmann).

Взаимное соотношеніе развивающихся мочевыхъ и половыхъ каналовъ съ клоакой полезно прослѣдить по прилагаемой схемѣ. (Рис. 1968.)

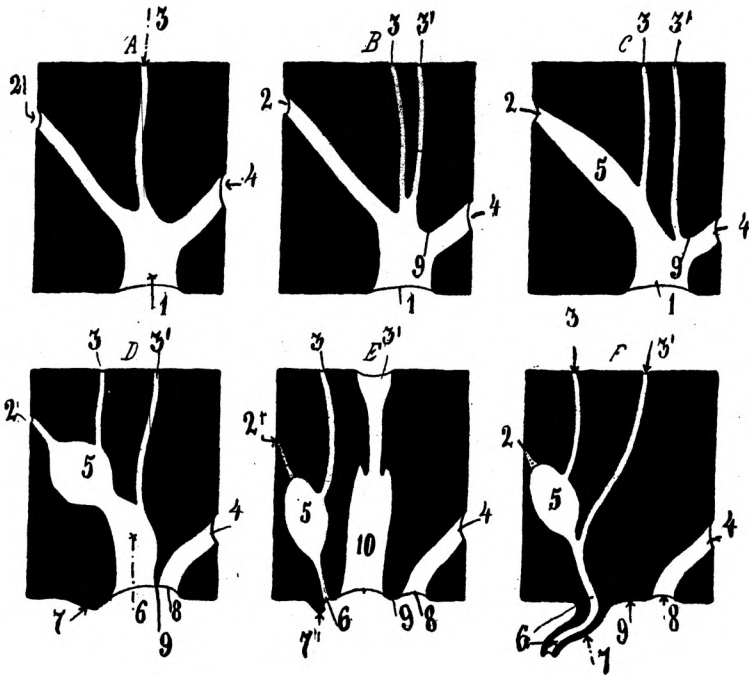
Когда промежностная перегородка не достаточно опускается для сращенія съ клоачной перепонкой, то мочеполовая пазуха въ нижней части не бываетъ отдѣлена отъ прямой кишки; поэтому клоака и мочеполовая пазуха открываются общимъ отверстіемъ. (Рис. 1969.)

4. Передвиженіе сѣменника.

Промежуточная почка бываетъ соединена съ паховой областью паховой связкой, покрытой слоемъ брюшины и называемой по своей дѣятельности по

передвиженію сѣменника на правителемъ (*gubernaculum testis s. Hunteri*). (Рис. 1970—1972.) Волокна нижняго

Рис. 1968.

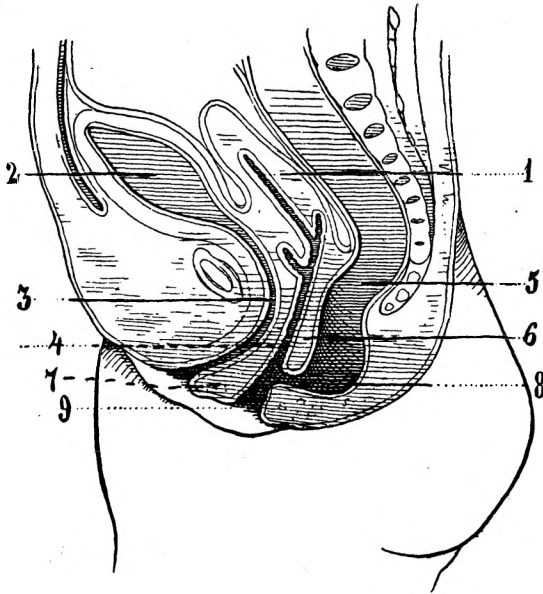

Рис. 1968. Последовательное развитие у зародыша млекопитающих и человека задняго конца первичной кишки и впадающих въ него мочеполовыхъ протоковъ — А, В, С, D — а Е и F — положеніе окончательно развившихся частей у взрослыхъ женскаго (Е) и мужскаго (F) организмовъ (схема): 1 — клоака; 2 — протокъ первичнаго мочевого мѣшка (*allantois*), во взросломъ состояніи (Е, F) зарастающій (*urachus*); 3 — протокъ промежуточной, а впоследствии задней почки (*urether*); 3' — половой протокъ (протокъ *Wolff'a* у зародышей мужскаго пола (D) и протокъ *Müller'a* у зародышей женскаго пола — С); 4 — прямая кишка; 5 — мочевоы пузырь; 6 — мочеполовая пазуха (D), преобразующаяся въ мочеиспускательный каналъ; 7 — половой бугорокъ (D), преобразующійся въ клиторъ (Е) и мужской половой членъ (F); 8 — задній проходъ (*anus*); 9 — промежностная поперечная складка, развивающаяся въ промежность; 10 — влагалище (*Roule*).

конца направителя распределены въ области образованія пахового канала въ подвздошной ямкѣ, а волокна

его верхняго конца прикрѣпляются сначала къ нижнему концу промежуточной почки и мочеполовому шнуру, а потомъ послѣ исчезанія промежуточной почки къ нижнему концу сѣменника и къ относящему протоку (ductus deferens). (Рис. 1973, 1974.)

Рис. 1969.

Рис. 1969. Продольное и осевое спереди назад сѣченіе нижней части новорожденнаго съ неразвившейся до конца промежностной складкой, влѣдствіе чего осталось сообщеніе прямой кишки — клоаки съ мочеполовой пазухой (atresia ani vaginalis): 1 — матка; 2 — мочевой пузырь; 3 — мочеиспускательный каналъ; 4 — влагалище; 5 — прямая кишка; 6 — влагалищно-кишечная или промежностная перегородка; 7 — передняя стѣнка влагалища; 8 — клоака; 9 — мочеполовая пазуха (Esmarch).

Еще гораздо раньше опусканія сѣменника брюшина паховой ямки начинаетъ опускаться внизъ, образуя паховой каналъ, сначала въ видѣ маленькой ямки, которая, постепенно углубляясь, превращается въ каналъ, заканчивающійся слѣпымъ мѣшкомъ въ мошонкѣ. Волокна направителя, раньше прикрѣпавшіяся ко дну ямки, теперь прикрѣпляются къ дну канала. Брюшинный покровъ, по-

крывавшій сѣменникъ, направительную связку и паховую ямку, теперь кромѣ того выстилаетъ стѣнки пахового канала и извѣстенъ подъ названіемъ влагалищаго отростка брюшины (*processus vaginalis peritonei*), а самый каналъ, ею выстланный и сообщающійся съ полостью брюшины, называется брюшинно-влагалищнымъ кана-

Рис. 1970.

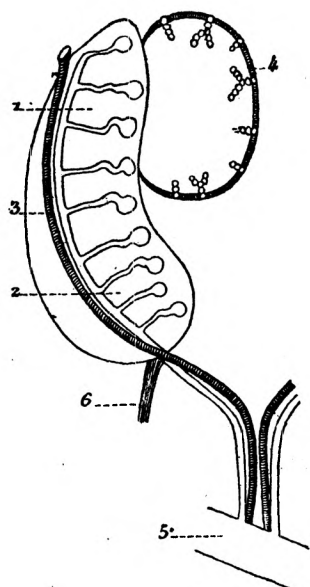
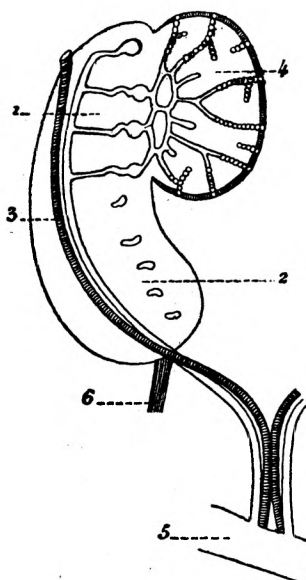

Рис. 1971.

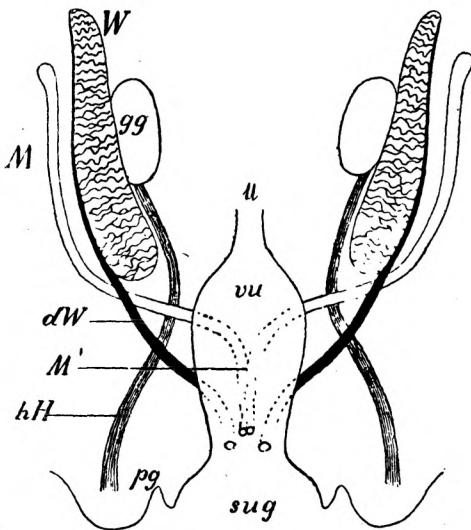
Рис. 1970, 1971. Двѣ начальныя послѣдовательныя стадіи развитія половой железы зародыша человѣка въ ея безразличномъ половомъ состояніи (схемы): 1 — половая часть промежуточной почки; 2 — ея мочеотдѣлительная часть; 3 — протокъ Müller'a; 4 — зачатокъ половой железы; 5 — мочеполая пазуха; 6 — подвздошная связка-направитель (*gubernaculum*) (Tourneux).

ломъ или по своему положенію паховымъ каналомъ (*canalis peritoneo-vaginalis* s. *inguinalis*). Дно канала у зародыша мужского пола находится на днѣ полости мѣшка мошонки, а у зародыша женскаго пола на днѣ полости мѣшка большой половой губы. (Рис. 1975.)

Сначала, до конца третьяго мѣсяца, направительная связка очень коротка и сѣменникъ, если относительно и перемѣщается изъ занимаемаго имъ мѣста при его образо-

вани къ паховой области, то только вслѣдствіе роста со-
сѣднихъ частей, будучи прикрѣпленъ этой связкой. Потомъ
между началомъ четвертаго мѣсяца и концомъ пятаго, когда

Рис. 1972.

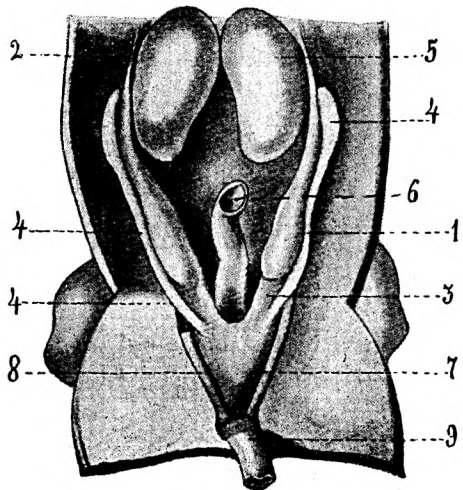

Рис. 1972. Схема раз-
витія внутреннихъ и на-
ружныхъ половыхъ ор-
гановъ зародыша чело-
вѣка. Безразличная въ
половомъ отношеніи ста-
дія развитія; *vi* — мо-
чевой пузырь; *u* — еще
не заросшій протокъ мо-
чевого мѣшка (*urachus*);
sug — *sinus uro-genitalis*
представленъ болѣе ши-
рокимъ; *gg* — половыя
складки кожи; *gg* — за-
чатокъ половой железы;
W — промежуточная поч-
ка; *dW* — протокъ Wolff'a;
M — протокъ Müller'a;

M' — сросшіеся протоки Müller'a въ одну половую трубку; *hH* —
подвздошная связка — направитель (Зерновъ).

Рис. 1973.

Рис. 1973. Мочеполовое
устройство 40-дневнаго че-
ловѣческаго зародыша, у
котораго передняя брюшная
стѣнка срѣзана и отогнута
книзу; всѣ другіе органы
удалены: 1 — промежуточ-
ная почка; 2 — верхній
конецъ ея; 3 — подвздош-
ная связка-направитель;
4 — протокъ Wolff'a; 5 —
зачатокъ половой железы;
6 — кишка; 7 — первич-
ный мочевой мѣшокъ (*allan-
tois*); 8 — пупочная арте-
рія; 9 — пупочная вена.
Увеличеніе 12 (Kollmann).

совершается ростъ мѣшка мошонки и углубляется въ него влагалищный отростокъ брюшины, то вмѣстѣ съ тѣмъ удлиняется и направитель, нарастая на счетъ клѣточныхъ эле-

Рис. 1974.

Рис. 1974. Половая железа и промежуточная почка, на правой сторонѣ отчасти вскрытая, чтобы обнаружить вскрытый протокъ Wolff'a и впадающія въ него мочеотдѣлительныя извитыя трубочки у 6-недѣльнаго зародыша чело-
вѣка длиною въ 17 миллиметровъ: 1 — промежуточная почка; 2 — протокъ Wolff'a; 3 — подвздошная связка — направитель яичка

(gubernaculum testis); 4 — протокъ мочевого мѣшка; 5 — под-
держивающая связка; 6 — половая железа; 7 — аорта; 8 —
прямая кишка. Увеличеніе 15 (Kollmann).

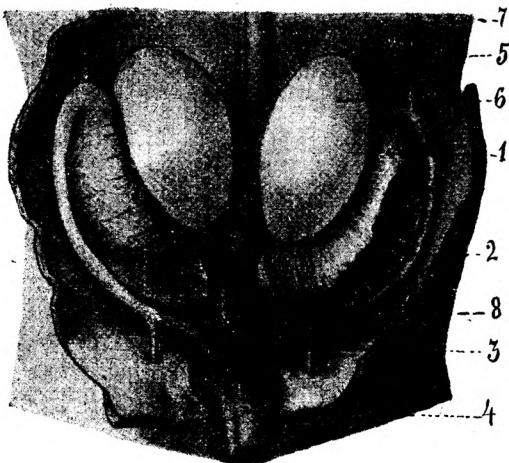
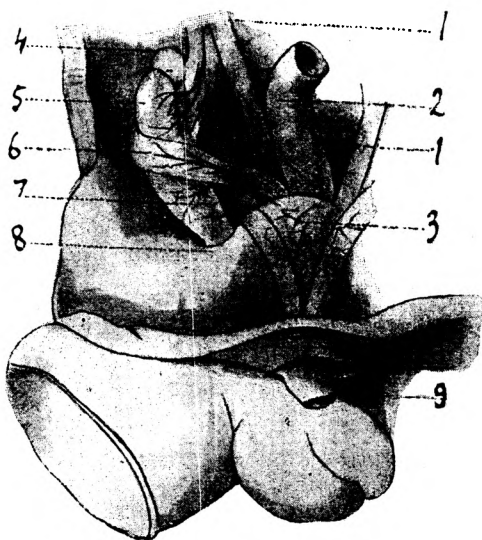

Рис. 1975.

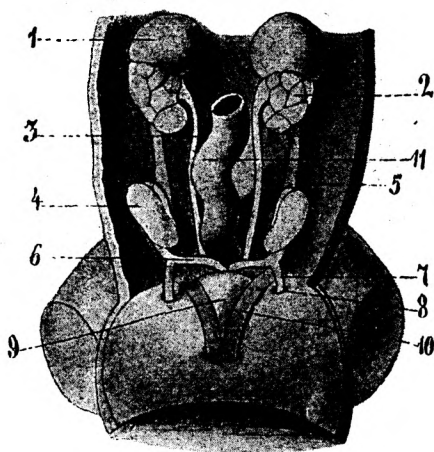
Рис. 1975. Нижняя часть
человѣческаго зародыша
длиною въ 210 миллимет-
ровъ: 1 — мочеточникъ;
2 — кишка; 3 — моче-
вой пузырь; 4 — прида-
токъ сѣменника; 5 —
сѣменникъ; 6 — относя-
щій сѣмя протокъ (ductus
deferens); 7 — направит-
ель (gubernaculum testis);
8 — подвздошная сумка
(bursa inguinalis); 9 — пу-
почный канатикъ. Есте-
ственная величина (Koll-
mann).

ментовъ нижняго конца влагалищнаго отростка. По этой причинѣ сѣменникъ остается на своемъ мѣстѣ. (Рис. 1976.)

На шестомъ мѣсяцѣ ростъ направителя сравнительно съ ростомъ брюшиннаго отростка ускоренъ и потому сѣменникъ постепенно отодвигается на нѣсколько миллиметровъ въ полость брюшины, образуя за нимъ широкую поддерживающую связку. Это періодъ временнаго восхожденія сѣменника (Bramann, -1883; Soulié, 1895).

Наконецъ отъ седьмого до начала девятаго мѣсяца брюшинный отростокъ продолжаетъ удлиняться и въ то же

Рис. 1976.

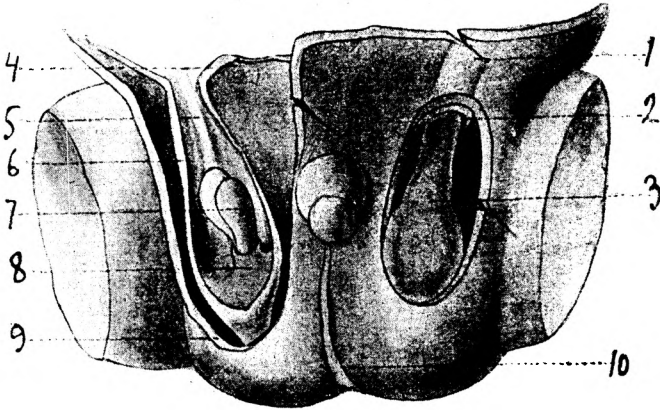

Рис. 1976. Мочеполовое устройство мужского зародыша человека длиною въ 7 сантиметровъ: 1 — надпочечникъ; 2 — почка; 3 — мочеточникъ; 4 — сѣменникъ; 5 — поддерживающая его связка (*mesorchium*); 6 — относящій протокъ (*ductus deferens*); 7 — направитель сѣменника; 8 — влагалищный отростокъ брюшины, выстилающій полость мошонки (*processus vaginalis*); 9 — мочевой пузырь; 10 — пупочная артерія. Естественная величина (Kollmann).

время его дно суживается. При этомъ хотя длина направителя остается неизмѣнной или только слегка сокращается, однако сѣменникъ, притягиваемый направителемъ, входитъ во внутреннее отверстіе пахового канала и постепенно проходитъ въ полость влагалищнаго отростка. (Рис. 1977.)

На девятомъ мѣсяцѣ и до рожденія влагалищный отростокъ продолжаетъ расти вдлину, а направитель укорачивается, и постепенно исчезаетъ вслѣдствіе перехода его волоконъ въ стѣнку влагалищнаго отростка. Поэтому сѣменникъ занимаетъ свое окончательное мѣсто на днѣ брюшиннаго влагалищнаго мѣшка, образуя вокругъ него влагалищную оболочку общую съ сѣменнымъ

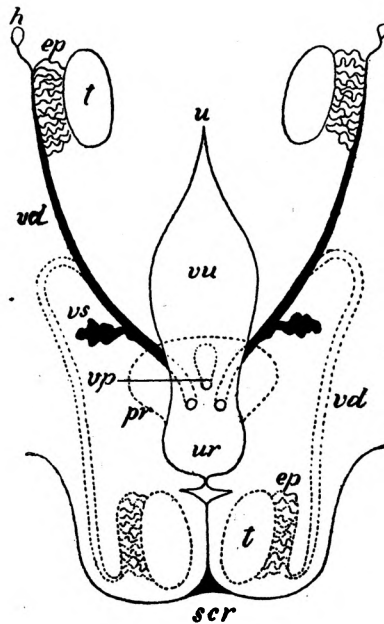
Рис. 1977.

Рис. 1977. Нижняя часть человеческого зародыша длиною въ 250 миллиметровъ; мошонка вскрыта: 1 — сѣменной шнуръ (*funiculus spermaticus*); 2 — наружное отверстие пахового канала; 3 — общая оболочка (*tunica communis*) съ поднимающей яичко мышцей (*m. cremaster*); 4 — брюшина; 5 — поддерживающая яичко связка (*mesorchium*); 6 — влагалищный отростокъ брюшины (*processus vaginalis*); 7 — сѣменникъ съ его придаткомъ; 8 — направитель (*gubernaculum testis*); 9 — кожа; 10 — шовъ (Kollmann).

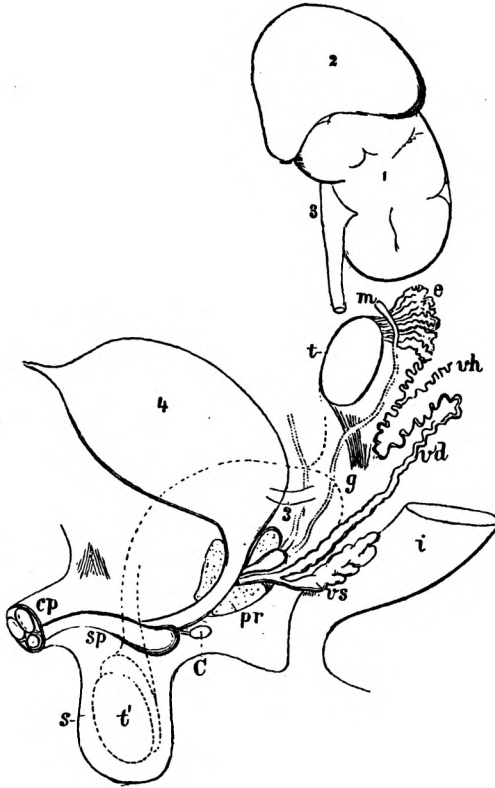
Рис. 1978.

Рис. 1978. Мужские половые органы: *vu* — мочевого пузыря; *ur* — мочеиспускательный каналъ въ поперечномъ сѣченіи; *pr* — предстательная железа, обхватывающая нижнюю часть мочевого пузыря и начало мочеиспускательнаго канала; *u* — заросшій протокъ мочевого мѣшка; *scr* — мошонка, въ которой помѣщаются опустившіеся сѣменники — *t*; *ep* — придатокъ сѣменника; *vd* — относящій сѣмя протокъ; *vs* — сѣменной пузырекъ; *h* — пузырчатый придатокъ; *vp* — предстательный пузырекъ или мужская матка (Зерновъ).

канатикомъ (tunica vaginalis communis testis et funiculi spermatici). (Рис. 1978, 1979.)

Рис. 1979.

Рис. 1979. Схема развитія мужскихъ мочеполовыхъ органовъ: 1 — почка; 2 — надпочечникъ; 3 — мочеточникъ (начало и конецъ); 4 — мочевого пузыря; 5 — urachus; t — сѣменникъ въ мѣстѣ образованія; t' — позднѣйшее положеніе его въ мошонкѣ — s; e — протоки головки придатка сѣменника; vd — относящій сѣмя протокъ; vh — блуждающій протокъ придатка (ductulus aberrans); g — направитель сѣменника при движеніи въ мошонку; vs — сѣменной пузырькъ; pr — предстательная железа; m — остатокъ протока Müller'a въ видѣ стебельчатого пузырька; вся часть, обозначенная точками, пропадаетъ и остается еще нижній конецъ соединившихся протоковъ обѣихъ сторонъ въ предстательной части мочеиспускательнаго канала въ видѣ маленькаго слѣпого мѣшка — мужской матки или предстательнаго пузырька (uterus masculinus s. vesicula prostatica); C — залуковичная железа мочеиспускательнаго канала; sp — сръзанная пещеристая часть мужского полового члена (penis); sp — пещеристое тѣло мочеиспускательнаго канала (Raubert).

Послѣ рожденія брюшинно-влагалищный каналъ въ верхней части зарастаетъ, а его нижняя часть образуетъ влагалищную полость. Влагалищный отростокъ, образующій стѣнки этой полости, состоитъ изъ серознаго листка и волокнистаго.

Направитель яичка остается въ видѣ короткаго шнурка изъ гладкихъ мышечныхъ волоконъ, соединяющихъ хвостъ придатка и прилежащую часть сѣменника съ влагалищной оболочкой; остальные гладкія мышечныя волокна направителя сѣменника образуютъ въ толщѣ влагалищной оболочки внутреннюю приподнимающую мышцу изъ гладкихъ мышечныхъ волоконъ (*musculus cremaster internus*).

У зародыша женскаго пола верхній конецъ направителя прикрѣпленъ къ мѣсту, гдѣ протокъ Müller'а превращается кверху отъ него въ маточную трубу, а книзу — въ рогъ матки. (Рис. 1980, 1981.)

Рис. 1980.

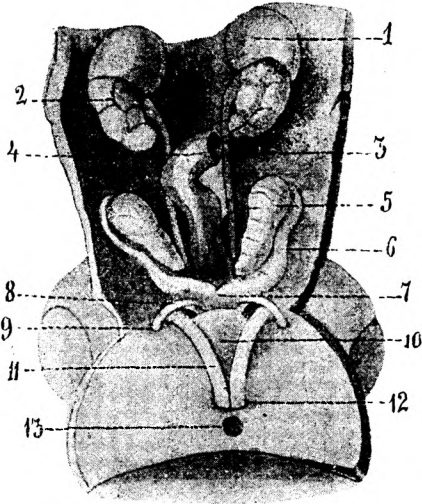
Рис. 1980. Половая железа и промежуточная почка, на правой сторонѣ отчасти вскрытая, чтобы обнаружить вскрытый протокъ Wolff'a и впадающія въ него мочеотдѣлительныя извитыя трубочки у 6-недѣльнаго зародыша чловѣка длиною въ 17 миллиметровъ: 1 — промежуточная почка; 2 — протокъ Wolff'a; 3 — подвздошная связка — направитель яичка

(*gubernaculum testis*); 4 — протокъ мочевого мѣшка; 5 — поддерживающая связка; 6 — половая железа; 7 — аорта; 8 — прямая кишка. Увеличеніе 15 (Kollmann).

Нижній конецъ его въ теченіе всего развитія имѣетъ тѣ же соотношенія, какія имѣлись у зародыша мужскаго пола. Вслѣдствіе удлиненія направителя, превращающагося въ круглую связку, яичникъ развивается на своемъ мѣстѣ не смѣщаясь; если наблюдается его кажущееся перемѣщеніе, то оно находится въ зависимости отъ роста сосѣднихъ органовъ и частей организма снизу вверхъ; потому яичникъ оказывается какъ бы смѣщеннымъ внизъ. (Рис. 1982.)

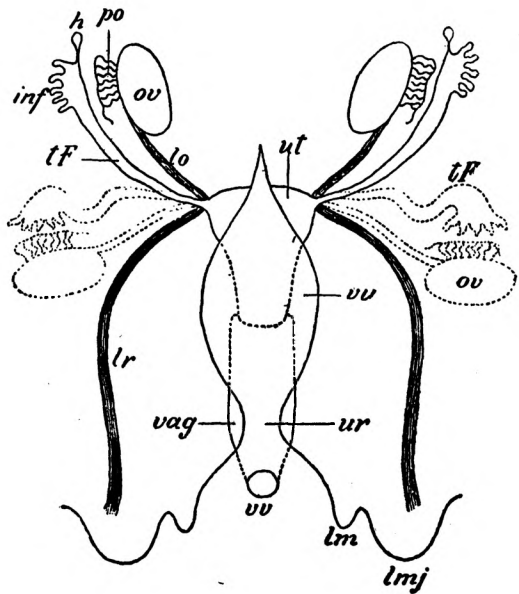
Рис. 1981.

Рис. 1981. Мочеполовые органы женскаго зародыша челоуѣка длиною въ 7,5 сантиметровъ: 1 — надпочечникъ; 2 — почка; 3 — мочеточникъ; 4 — кишка; 5 — яичникъ; 6 — маточная труба; 7 — матка въ стадіи развитія, двурогая; 8 — круглая связка матки; 9 — влагалищный отростокъ брюшины; 10 — мочевой пузырь; 11 — пупочная артерія, 12 — пупочное отверстие; 13 — пупочная вена. Естественная величина (Kollmann).

Рис. 1982.

Рис. 1982. Женскіе половые органы: *vu* — мочевой пузырь; *ur* — мочеиспускательный каналъ; *lm* — малыя губы; *lmj* — большія губы; *ov* — яичникъ послѣ его сформирова-нія и точками обозначено его положеніе у взрослой женщины; *po* — придатокъ яичника; *ut* — матка; *vag* — влагалище; *tF* — маточная труба; *inf* — воронкообразное ея расширеніе; *h* — стемельчатый придатокъ; *lo* — связка яичника; *lr* — круглая маточная связка (Зерновъ).

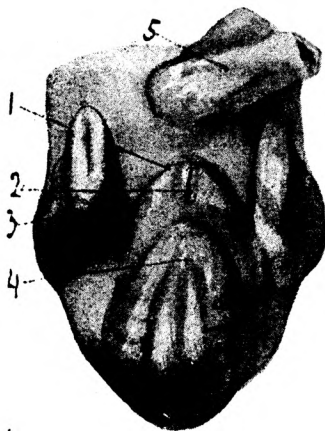
5. Образование наружныхъ половыхъ органовъ.

Наружные половые органы въ продолженіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ утробной жизни развиваются одинаково для зародышей обоихъ половъ.

Половой бугорокъ, сначала едва различимый, увеличивается въ теченіе второго мѣсяца и у зародыша длиною въ 25 миллиметровъ достигаетъ 1,5—2 миллиметровъ въ длину. (Рис. 1983, 1984.) На его нижней повер-

Рис. 1983.

Рис. 1983. Нижняя часть человеческого зародыша длиною въ 17 миллиметровъ: 1 — половой бугорокъ; 2 — клоачная перепонка; 3 — нижняя конечность; 4 — хвостъ; 5 — пупочный канатикъ (Kollmann).

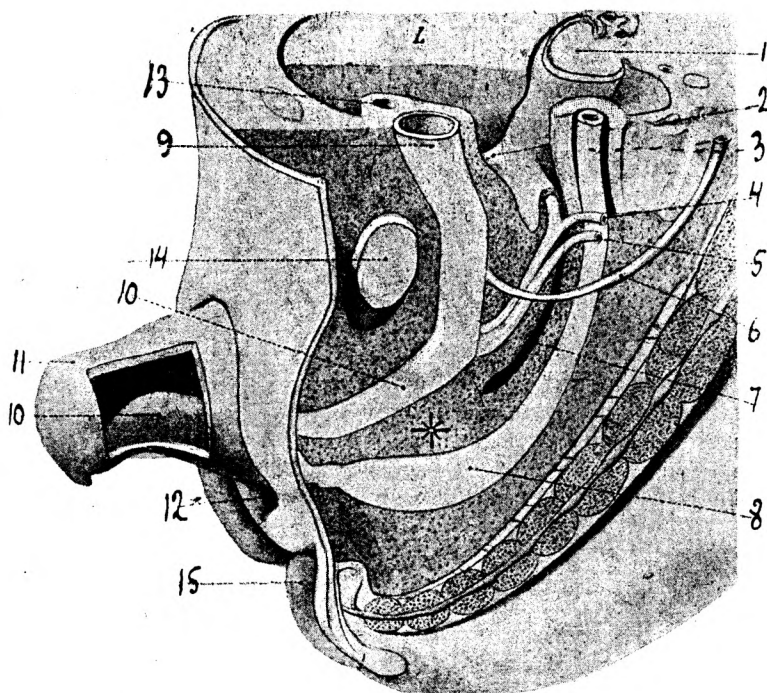
ности по срединной линіи имѣется мочеполовая бороздка, оканчивающаяся, не доходя до вершины бугорка, а кзади переходящая въ поперечную заднепроходную ямку, ограниченную сзади выступомъ изъ 2—3 маленькихъ бугорковъ.

Основаніе полового бугорка спереди и съ боковъ ограничено круговой половой складкой кожи (plicae genitales). Задніе концы половой складки продолжаются въ заднее возвышеніе, за которымъ выдается значительно хвостовой бугорокъ. (Рис. 1985.)

Къ концу второго мѣсяца промежностная складка, опускаясь внизъ, выставляется наружу и отдѣляетъ заднепроходное отверстіе отъ мочеполового. (Рис. 1986—1989.)

Немного спустя, заднепроходная ямка, имѣвшая поперечное направление, искривляется въ форму V. (Рис. 1990.) Далѣе по мѣрѣ роста хвостовой бугорокъ отодвигается къзади,

Рис. 1984.

Рис. 1984. Распределение мочеполовыхъ путей въ тазу чело-вѣческаго зародыша длиною въ 25 миллиметровъ ($8\frac{1}{2}$ —9 — недѣльнаго): 1 — яичникъ; 2 — широкая маточная связка; 3 — кишка; 4 — протокъ Müller'a лѣвый, соединяющійся съ правымъ въ одинъ общій половой каналъ; 5 — протокъ Wolff'a; 6 — мочеточникъ; 7 — полость тѣла (Coelom); 8 — прямая кишка; 9 — мочевой пузырь; 10 — мочеполовая пазуха; 11 — половой бугорокъ; 12 — заднепроходное отверстіе; 13 — пупочная артерія (art. umbilicalis); 14 — лонная кость; 15 — хвостовой бугорокъ; L — печень; * — промежностная перегородка (septum uro-rectale). Увеличеніе 20 (Keibel).

увлекая за собой и околозаднепроходное или хвостовое возвышеніе, отъ котораго двѣ боковыхъ складки направляются впередъ въ половую складку.

Рис. 1985.

Рис. 1985. Нижняя часть человеческого зародыша длиной в 23 миллиметра: 1 — половой бугорок; 2 — клоачная и половая щель; 3 — половая складка; 4 — хвостовой бугорок; 5 — нижняя конечность срезана; 6 — пупочный канатик (Kollmann).

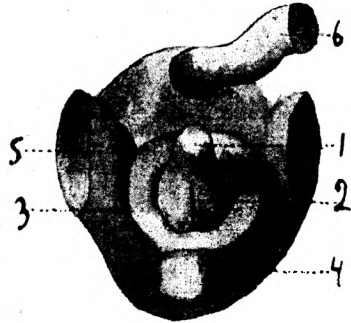
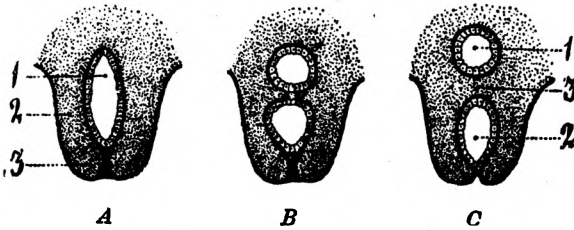
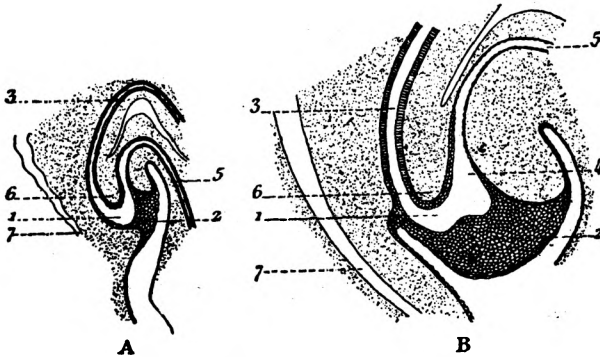

Рис. 1986.

Рис. 1986. Разделение клоаки на прямую кишку и мочеполовую пазуху у человеческого зародыша А — длиной в 3 миллиметра; В — длиной в 6,5 миллиметра; С — длиной в 17 миллиметров. Поперечное сечение А: 1 — клоака; 2 — мезодерма; 3 — мочеполовая пластинка; В и С: 1 — прямая кишка; 2 — мочеполовая пазуха; 3 — промежностная поперечная перегородка (Kollmann).

Рис. 1987.

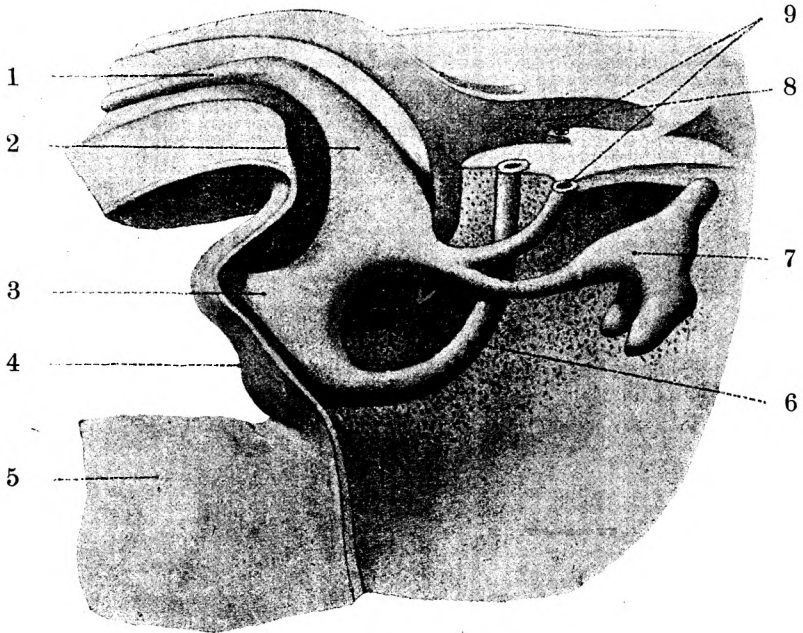

Рис. 1987. Продольное и осевое спереди назад сечение в области хвостового конца зародыша человека: А — длиной в 8 миллиметров и В — длиной в 14 миллиметров: 1 — клоака; 2 — утолщенная в видѣ пробки клоачная перепонка; 3 — кишка; 4 — мочеполовая пазуха; 5 — проток мочевого мѣшка (allantois); 6 — промежностная складка; 7 — хвостовая артерія. Увеличение 20 (Tourneux).

Въ это же время половой бугорокъ увеличивается въ объёмъ, доходя до двухъ миллиметровъ въ длину и до одного миллиметра въ ширину. Конецъ его слегка расширенъ и ограниченъ отъ тѣла бороздкой.

Половые кожные складки значительно приподнялись вокругъ полового бугорка, а ихъ задніе концы пере-

Рис. 1988.

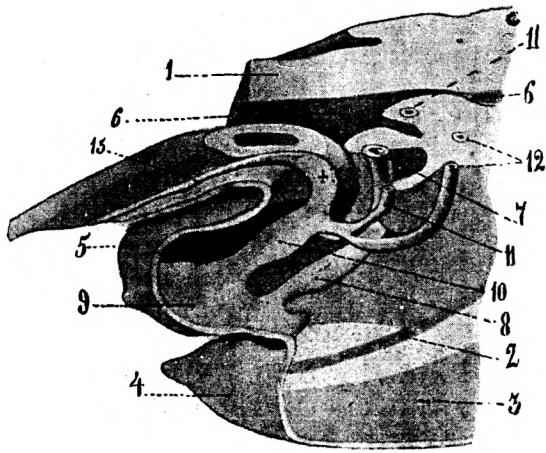
Рис. 1988. Задній конецъ $4\frac{1}{2}$ -недѣльнаго человѣческаго зародыша длиною въ 11,5 миллиметра: 1 — протокъ мочевого мѣшка (allantois); 2 — мочевого пузыря; 3 — клоака; 4 — клоачная перепонка; 5 — хвостъ; 6 — задняя кишка; 7 — зачатокъ почечнаго таза; 8 — мезодермная полость тѣла (Coelom); 9 — протоки Wolff'a; * — промежностная складка (plicae perinealis). Увеличеніе 40 (Keibel).

ходятъ не въ заднепроходное возвышеніе, а въ промежностную складку.

Въ третьемъ мѣсяцѣ часть мочеполовой пластинки, покрывающая снизу головку (glans) полового бугорка, выступаетъ наружу вслѣдствіе размноженія ея клѣтокъ и образуетъ на нижней поверхности его средин-

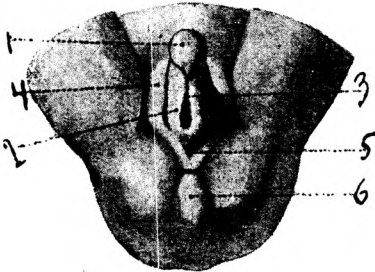
Рис. 1989.

Рис. 1989. Среднее почти, продольное сечение 5-недельного зародыша человека длиной в 14 миллиметров: 1 — брюшная стенка; 2 — спинная струна; 3 — мозговая трубка; 4 — хвостовой конец; 5 — половой бугорок; 6 — полость тела; 7 — задняя кишка; 8 — прямая кишка; 9 — клоака;

10 — мочеполовая пазуха; 11 — проток Wolff'a; 12 — мочеточники; 13 — проток первичного мочевого пузыря (allantois); † — мочевой пузырь; * — мезодермная поперечная промежностная перегородка. Увеличение 20 (Keibel).

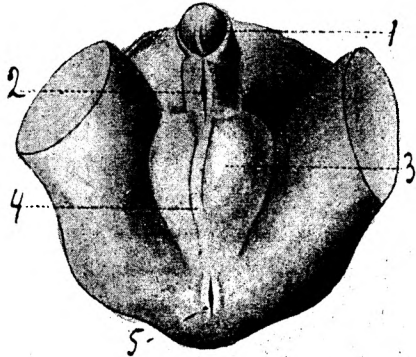
Рис. 1990.

Рис. 1990. Нижняя часть человеческого зародыша длиной в 29 миллиметров: 1 — головка полового бугорка; 2 — половая бороздка; 3 — мочеполовая пазуха; 4 — половая складка; 5 — заднепроходное отверстие; 6 — хвостовой бугорок (Keibel).

Рис. 1991. Нижняя часть мужского человеческого зародыша длиной в 45 миллиметров (10-недельного): 1 — головка полового члена с гребешком в половой бороздке; 2 — мочеполовая бороздка и щель; 3 — мошонка, образовавшаяся из половой складки; 4 — шов; 5 — заднепроходное отверстие (Kollmann).

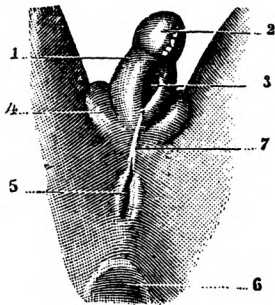
Рис. 1991.

ный продольный гребень, оканчивающийся на вершинѣ головки маленькимъ возвышеніемъ, видимымъ даже у двухмѣсячнаго зародыша (Keibel, 1896). (Рис. 1991, 1992.)

Послѣ девятой недѣли утробной жизни начинаютъ обозначаться половыя различія.

Рис. 1992.

Рис. 1992. Наружныя половыя части мужскаго человѣческаго зародыша длиною въ 53/70 миллиметровъ: 1 — половой членъ; 2 — его головка съ эпителиальнымъ гребешкомъ на срединной линіи; 3 — мочеполовая бороздка и щель; 4 — мошонка, образуемая изъ половой складки; 5 — заднепроходное отверстіе; 6 — хвостовой бугорокъ; 7 — шовъ. Увеличеніе 6 (Tourneux).

а. Образованіе наружныхъ частей мужскаго полового устройства.

У мужскаго зародыша половой бугорокъ удлиняется, выпрямляется и образуетъ свободную часть полового члена, заканчивающуюся головкой.

Промежностная перегородка утолщается и появляется шовъ на срединной линіи на мѣстѣ сращенія двухъ боковыхъ частей промежностной складки.

Половыя складки, нижніе или задніе концы которыхъ соединялись съ передними концами промежностной складки, увеличиваются въ объемъ и образуютъ мѣшки мошонки.

У зародыша длиною въ 40—50 миллиметровъ мочеполовая бороздка, которая назадъ продолжается въ мочеполовую пазуху (*sinus urogenitalis*) чрезъ мочеполовую щель, занимаетъ всю длину полового члена (*penis*), за исключеніемъ головки.

Въ это время края мочеполовой бороздки начинаютъ соединяться и срастаться на срединной линіи. (См. рис. 1991.) Соединеніе начинается сзади и распространяется

кпереди на всю мочеполовую бороздку полового члена, превращая ее въ мочеиспускательный каналъ (urethra).

Во второй половинѣ третьяго мѣсяца мочеполовая бороздка все еще отчасти открыта около головки и представляется въ видѣ ромба. (См. рис. 1992.) Далѣе мочеполовая бороздка продолжается на нижней поверхности головки въ видѣ бороздки, углубленной въ ея эпителиномъ гребешкѣ, и, постепенно распространяясь впередъ и зарастая сзади, образуетъ головную часть мочеиспускательнаго канала. (Рис. 1993—1996.)

Рис. 1993.

Рис. 1993. Наружныя половыя части мужского человѣческаго зародыша длиною въ 55/70 миллиметровъ: 1 — половой членъ; 2 — его головка съ эпителинымъ гребешкомъ; 3 — мочеполовая бороздка и щель; 4 — мошонка; 5 — заднепроходное отверстие; 7 — шовъ. Увеличение 6 (Tourneux).

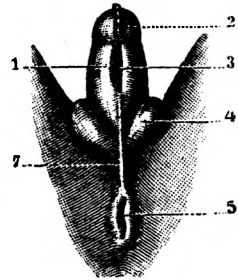
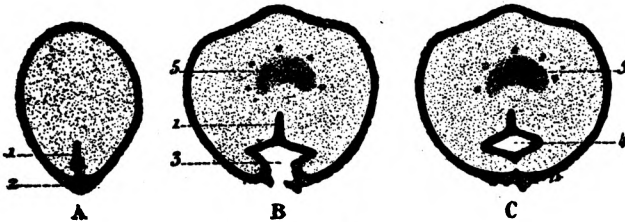

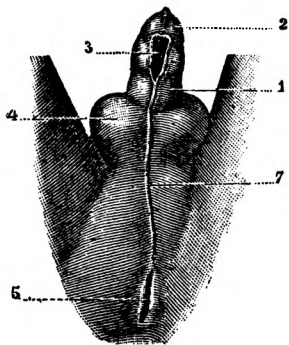
Рис. 1994.

Рис. 1994. Поперечныя сѣченія полового бугорка (tuberculum genitale) мужского человѣческаго зародыша длиною въ 55/70 миллиметровъ, показывающія преобразование мочеполовой бороздки въ пещеристой части мочеиспускательнаго канала. Сѣчение А въ области головки; В — въ области тѣла, С — въ области корня мочеполового бугорка: 1 — мочеполовая клѣточная эпителиная пластинка; 2 — эпителиный гребешокъ головки бугорка; 3 — мочеполовая бороздка, распространяющаяся на нижнюю поверхность полового бугорка; 4 — мочеиспускательный каналъ; 5 — зачатокъ пещеристаго тѣла. Увеличение 16 (Tourneux).

Крайняя плотъ (praerutium) появляется въ концѣ третьяго мѣсяца въ видѣ мезодермнаго вѣнчика, надвигающагося отъ основанія къ вершинѣ головки полового члена и совершенно ее покрывающаго. (Рис. 1997.) Сначала вѣнчикъ крайней плоти на нижней поверхности головки прерывается мочеполовой бороздкой на срединной линіи. (Рис. 1998.) Но потомъ, по мѣрѣ

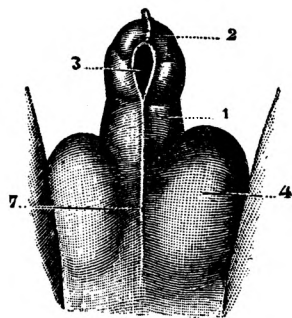
Рис. 1995.

Рис. 1995. Наружныя половыя части мужского человѣческаго зародыша длиною въ 67/92 миллиметра: 1 — половой членъ; 2 — его головка съ эпителинѣмъ гребешкомъ; 3 — мочеполовая бороздка и щель; 4 — мошонка; 5 — заднепроходное отверстіе; 7 — шовъ. Увеличеніе 6 (Tourneux).

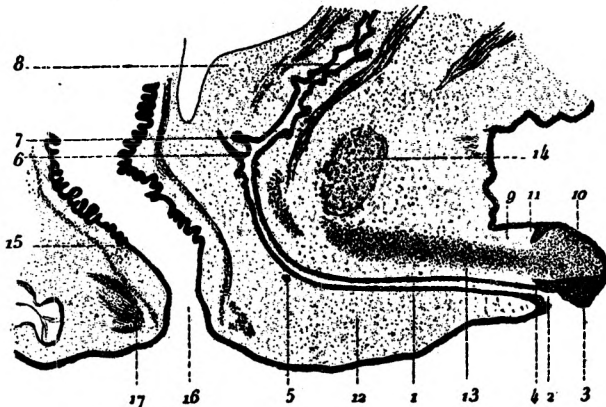
Рис. 1996.

Рис. 1996. Наружныя половыя части мужского человѣческаго зародыша длиною въ 83/110 миллиметровъ: 1 — половой членъ; 2 — его головка съ эпителинѣмъ гребешкомъ; 3 — мочеполовая бороздка и щель; 4 — мошонка; 7 — шовъ. Увеличеніе 6 (Tourneux).

разрастанія крайней плоти и срастанія краевъ мочеполовой бороздки, совершающагося сзади напередъ, срастаются и края или губы крайней плоти. Но срастаніе краевъ мочеполовой бороздки заканчивается на вершинѣ головки полового члена, а срастаніе губъ крайней плоти на ея свободномъ концѣ. Срастаніе краевъ мочеполовой бороздки вмѣстѣ съ срастаніемъ соотвѣтственной части губъ крайней плоти образуетъ

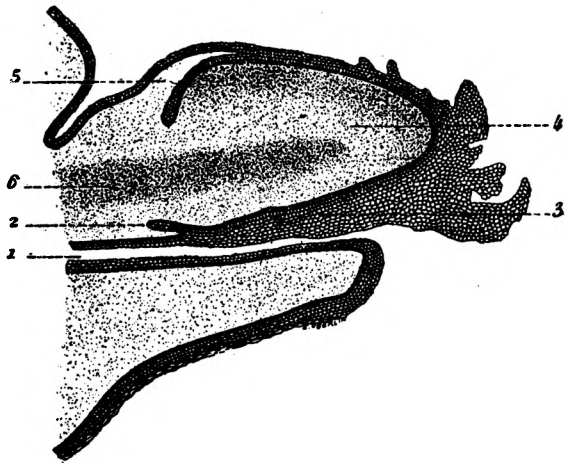
Рис. 1997.

Рис. 1997. Передне-заднее срединное сечение нижней части мужского человеческого зародыша длиной в 67/92 миллиметра: 1 — мочеиспускательный каналъ; 2 — мочеполовая бороздка; 3 — мочеполовая пластинка; 4 — круговая бороздка у основания головки полового члена (Guérin); 5 — залуковичная железа (gl. bulbo-urethralis); 6 — мужская матка; 7 — предстательная железа; 8 — мочевого пузыря; 9 — половой членъ; 10 — его головка; 11 — крайняя плоть; 12 — мошонка; 13 — пещеристое тѣло; 14 — лонная кость; 15 — прямая кишка; 16 — заднепроходное отверстие; 17 — наружный жомъ (sphincter ani externus). Увеличение 10 (Tourneux).

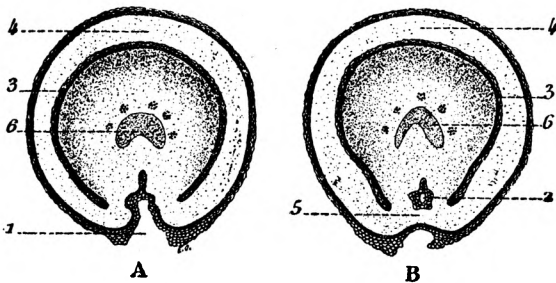
Рис. 1998.

Рис. 1998. Продольное по срединной линіи сечение полового члена мужского человеческого зародыша длиной в 80/120 миллиметровъ, показывающее способъ образования крайней плоти и бороздки въ основаніи головки: 1 — мочеиспускательный каналъ; 2 — начало образования бороздки отдѣляющей крайнюю плоть — 5 отъ головки — 4; 3 — мочеполовая пластинка съ эпителинымъ гребешкомъ; 4 — головка; 5 — крайняя плоть; 6 — пещеристое тѣло. Увеличение 20 (Tourneux).

уздечку крайней плоти (*frenulum praeputii*). Дальше этого мѣста къ срединѣ четвертаго мѣсяца крайняя плоть разрастается въ видѣ кольца. Мезодермный слой, образующій крайнюю плоть, поднимается въ видѣ кольца, вѣдряющагося своими элементами въ многослойный эпителий, покрывающій головку полового члена. При этомъ мезодермный слой разсѣкаетъ многослойный эпителий на два слоя: наружный, который покрываетъ образуемую крайнюю плоть снаружи, и внутренний, который продолжаетъ покрывать снаружи головку полового члена и въ то же время служитъ внутреннимъ покровомъ для крайней плоти. Слѣдовательно крайняя плоть непосредственно прилегаетъ къ головкѣ полового члена до конца ея образования. (Рис. 1999.) Эпителиальный слой остается общимъ до рожденія. Въ срединѣ пятаго мѣсяца въ мезодермной части крайней плоти появляются гладкія мышечныя волокна-клетки.

Рис. 1999.

Рис. 1999. Поперечныя сѣченія полового бугорка мужского зародыша длиной въ 83/110 миллиметровъ въ области основанія головки, объясняющія способъ образова-

нія уздечки крайней плоти (*frenulum praeputii*): 1 — мочеполовая бороздка; 2 — мочеиспускательный каналъ въ области головки; 3 — эпителий головки и крайней плоти; 4 — крайняя плоть; 5 — ея уздечка; 6 — пещеристое тѣло. Увеличеніе 15 (Tourneux).

б. Образование наружныхъ частей женскаго полового устройства.

Половой бугорокъ у женскаго зародыша наклоненъ книзу и образуетъ клиторъ (*clitoris*) съ расширеннымъ концемъ — головкой. Мочеполовая бороздка составляетъ переднюю часть преддверія вла-

галища, лежащую кпереди от мочеиспускательного канала; а ее боковыя края формируют малыя губы. (Рис. 2000, 2001.)

Въ концѣ третьяго мѣсяца, когда происходитъ образование крайней плоти клитора, мочеполовая бороздка, достигавшая только до головки, вѣдряется въ задній конецъ эпителиаго гребешка головки. (Рис. 2002, 2003.) Далѣе она распространяется впередъ наравнѣ съ крайней плотью, но края послѣдней сзади не срстаются, какъ это наблюдалось при образовании крайней плоти у

Рис. 2000.

Рис. 2000. Нижняя часть женскаго человѣческаго зародыша длиною въ 34 миллиметра: 1 — клиторъ; 2 — половая бороздка; 3 — мочеполовая щель; 4 — половая складка; 5 — заднепроходное отверстие (Kollmann).

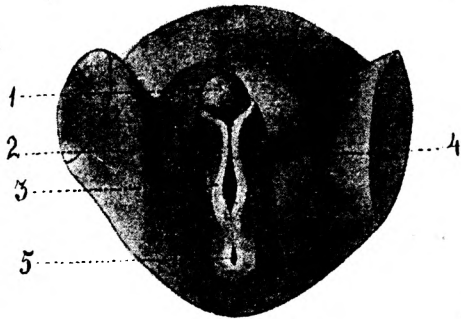

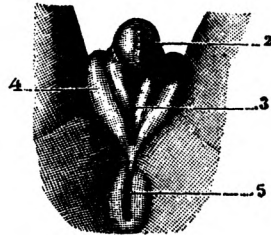
Рис. 2001.

Рис. 2001. Наружныя половыя части женскаго человѣческаго зародыша длиною въ 37 миллиметровъ: 1 — клиторъ; 2 — его головка съ эпителинымъ гребешкомъ; 3 — мочеполовая щель; 4 — большія губы; 5 — заднепроходное отверстие; 6 — хвостовой бугорокъ. Увеличение 6 (Tourneux).

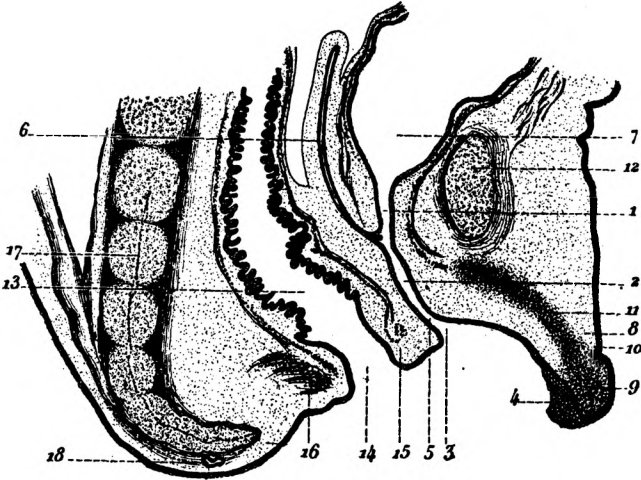
Рис. 2002.

Рис. 2002. Наружныя половыя части женскаго человѣческаго зародыша длиною въ 60/85 миллиметровъ: 1 — клиторъ; 2 — его головка съ эпителинымъ гребешкомъ; 3 — мочеполовая щель; 4 — большія губы; 5 — заднепроходное отверстие. Увеличение 6 (Tourneux).

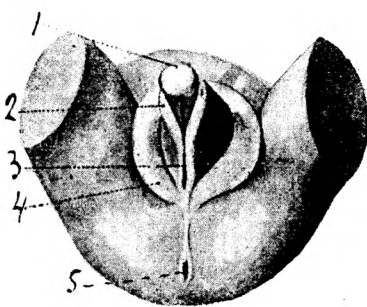
мужского зародыша. Этимъ объясняется то, что крайняя плоть покрываетъ только верхнюю поверхность кли-

Рис. 2003.

Рис. 2003. Передне-заднее срединное сѣченіе нижней части женскаго человѣческаго зародыша длиною въ 65/90 миллиметровъ: 1 — мочеиспускательный каналъ; 2 — преддверный каналъ; 3 — мочеполовая щель; 4 — мочеполовая пластинка; 5 — мѣсто положенія не попавшей въ сѣченіе большой преддверной железы (gl. vestibularis major s. Bartolini); 6 — общій половой каналъ; 7 — мочевой пузырь; 8 — клиторъ; 9 — его головка; 10 — крайняя плоть клитора; 11 — пещеристое тѣло; 12 — лонная кость; 13 — прямая кишка; 14 — заднепроходное отверстіе; 16 — его наружный жомъ; 15 — промежность; 17 — спинная струна, передавливаемая межпозвоночнымъ способомъ; 18 — остатки хвостоваго спинного мозга. Увеличеніе 10 (Tourneux).

Рис. 2004.

Рис. 2004. Нижняя часть женскаго человѣческаго зародыша длиною въ 70 миллиметровъ (11-недѣльнаго): 1 — клиторъ; 2 — малыя губы; 3 — мочеполовая пазуха; 4 — большія губы; 5 — заднепроходное отверстіе. Увеличеніе 3,5 (Kollmann).

тора, а на нижней поверхности ея нѣтъ, такъ какъ края въ этой части не срались, а пошли на образование малыхъ губъ. (Рис. 2004, 2005.) Отношеніе эпителия головки къ крайней плоти то же, какое наблюдается при образованіи послѣдней у мужскаго зародыша. (Рис. 2006—2008.) Отдѣленіе крайней плоти отъ головки клитора совершается уже послѣ рожденія.

Рис. 2005.

Рис. 2005. Наружные половые части женскаго человѣческаго зародыша длиною въ 70/93 миллиметра: 1 — клиторъ; 2 — его головка съ эпителиемъ гребешкомъ; 3 — мочеполовая щель; 4 — большія губы; 5 — заднепроходное отверстіе. Увеличеніе 6 (Tourneux).

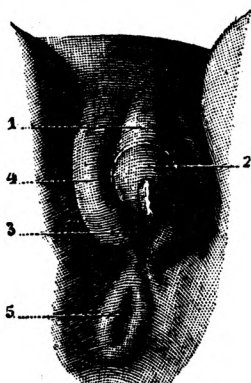
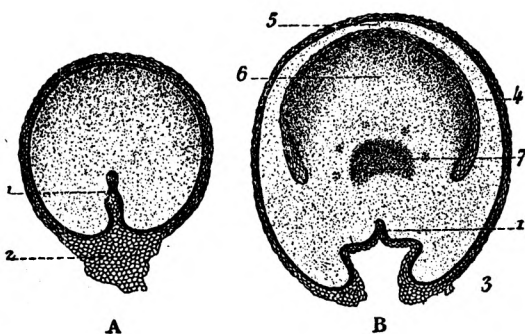
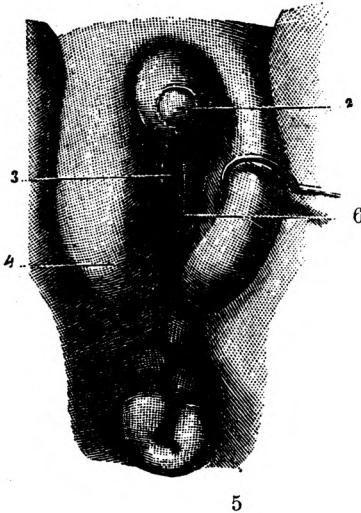

Рис. 2006.

Рис. 2006. Поперечныя сѣченія полового бугорка женскаго человѣческаго зародыша длиною въ 75/105 миллиметровъ А — проходящее у свободнаго конца головки; В — у ея основанія: 1 — мочеполовая пластинка; 2 — эпителиный гребешокъ; 3 — мочеполовая бороздка; 4 — эпителий головки и крайней плоти; 5 — крайняя плоть; 6 — головка; 7 — пещеристое тѣло. Увеличеніе 20 (Tourneux).

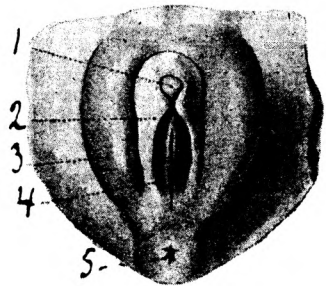
Рис. 2007.

Рис. 2007. Наружныя половыя части женскаго человѣческаго зародыша длиною въ 105/160 миллиметровъ: 1 — клиторъ; 2 — его головка; 3 — мочеполовая щель; 4 — большія губы; 5 — заднепроходное отверстіе; 6 — малыя губы. Увеличеніе 6 (Tourneux).

Рис. 2008.

Рис. 2008. Нижняя часть женскаго человѣческаго зародыша длиною въ 150 миллиметровъ (16-недѣльнаго): 1 — клиторъ; 2 — малыя губы; 3 — большія губы; 4 — дѣвственная плева; 5 — заднепроходное отверстіе. Увеличеніе 3 (Kollmann).

Отдѣль XV.

Околоплодная оболочка.

Зародышъ человѣка или плодъ рождается, разрывая при этомъ оболочки, въ которыхъ онъ развивался. Эти оболочки вообще околоплодная раздѣляются на оболочки материнскаго происхожденія или маточныя оболочки и на оболочки, развивающіяся вмѣстѣ съ зародышемъ или плодомъ на счетъ элементовъ яйца; это собственно плодная или зародышевыя оболочки.

Къ маточнымъ оболочкамъ плода относится истинная отпадающая оболочка (*tunica decidua s. caduca vera*), выстилающая всю полость матки съ ея участкомъ, помѣщаемымъ подъ развивающимся плодомъ и называемымъ поздней отпадающей оболочкой (*decidua vera serotina*) или маточной частью дѣтскаго мѣста (*placenta uterina*). Это наружная маточная оболочка. Другая маточнаго происхожденія околоплодная оболочка есть внутренняя маточная оболочка, покрывающая непосредственно развивающееся яйцо, называется завороченной отпадающей оболочкой (*tunica caduca s. decidua reflexa*).

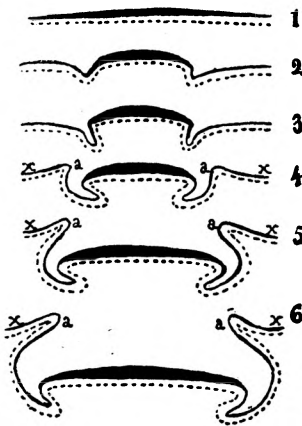
Собственно плодная оболочка суть водная оболочка (*amnion*) и ворсинчатая оболочка (*chorion*). Въ тѣсномъ соотношеніи съ плодомъ и этими плодными оболочками находятся мочевою мѣшокъ или первичный мочевою пузырь (*allantois*), желточныи пузырь или пупочный пузырь (*omphalon s. vesicula umbilicalis*) и пупочный канатикъ (*funiculus umbilicalis*).

А. Плодные оболочки.

1. Водная оболочка.

Образование водной оболочки (amnion) было изложено выше и начинается съ того, что въ краевыхъ частяхъ (*zona parietalis*) зародышевой бляшки вдоль позвоночника эктодерма и соматоплевра начинают подниматься въ видѣ складокъ, которыя, сближаясь своими все болѣе и болѣе возвышающимися гребнями на срединной линіи, срастаются надъ спинной поверхностью зародыша. (Рис. 2010—2012.) Потомъ заключающіяся въ этихъ срo-

Рис. 2010.

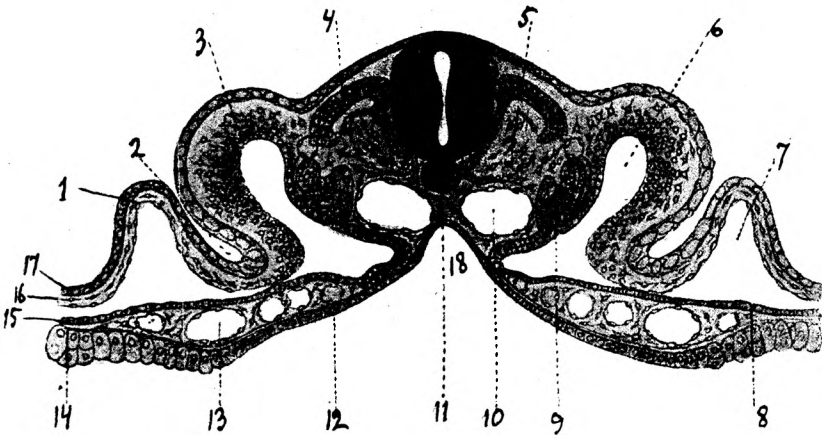

Рис. 2010. Схема образования водной оболочки надъ спиной зародыша, видимая на поперечныхъ сѣченіяхъ зародышевой площадки: 1 — ранняя стадія развитія зародыша безъ признаковъ образования: темная полоска — эктодерма, линія изъ точекъ — соматоплевра; 2 — соотвѣтственно наружному краю краевого пояса въ свѣтлой площадкѣ появляются съ той и другой стороны зародыша боковыя складки, которыя въ 3 — углубляются, а въ 4 — имѣютъ дно складки и при а — вершину складки, которая приподнимается надъ спинной поверхностью зародыша — 6 (Prenant).

шихся своими гребнями двухслойныхъ складкахъ внѣзародышевыя части полости тѣла (Coelom) соединяются, когда раздѣляющая ихъ промежуточная часть соединившихся складокъ рассосется и исчезнетъ. (Рис. 2013—2017.)

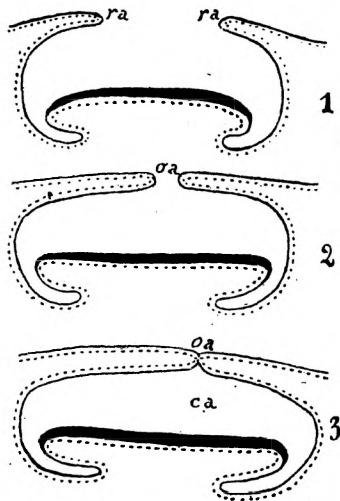
Такія же точно складки эктодермы и соматоплевры поднимаются одновременно со стороны головной и хвостовой частей надъ спинной поверхностью зародыша и также срастаются. (Рис. 2018—2022.) Такимъ образомъ оказывается, что зародышъ бываетъ заключенъ въ полости, образованной поднявшимися со всѣхъ четырехъ сторонъ и

Рис. 2011.

Рис. 2011. Поперечное сѣченіе тѣла зародыша курицы съ 24 первичными позвонками: 1 — боковая складка, поднимающаяся для образованія водной оболочки (amnion); 2 — дно этой складки; 3 — наружная пластинка мезодермы (соматоплевра); 4 — первичный позвонокъ съ его полостью; 5 — тѣло будущаго постоянного позвонка; 6 — внутризародышевая мезодермная полость тѣла (Coelom); 7 — внѣзародышевая мезодермная полость тѣла; 8 — внутренняя пластинка мезодермы (спланхноплебра); 9 — промежуточная почка; 10 — аорта; 11 — спинная струна; 12 — энтодерма кишечной бороздки; 13 — кровеносный сосудъ; 14 — энтодерма желточного пузыря; 15 — спланхноплебра; 16 — соматоплебра; 17 — эктодерма; 18 — кишечная бороздка (Balfour).

Рис. 2012.

Рис. 2012. Схема образованія водной оболочки зародыша на поперечныхъ сѣченіяхъ: схождение къ срединной линіи вершинъ складокъ водной оболочки — *ra* и срастаніе ихъ на ней — *oa*; *ca* — полость водной оболочки (amnion); 1, 2, 3 — послѣдовательныя стадіи развитія водной оболочки (Prenant).

сросшимися надъ его спинной поверхностью складками эктодермы и соматоплевры.

Вслѣдствіе такого преобразованія зародышъ млекопитающаго и человѣка, раньше того бывшій обнаженнымъ, голымъ, теперь является покрытымъ сразу двумя двухслойными оболочками, состоящими изъ эктодермы и соматоплевры. Но въ наружной оболочкѣ располо-

Рис. 2013.

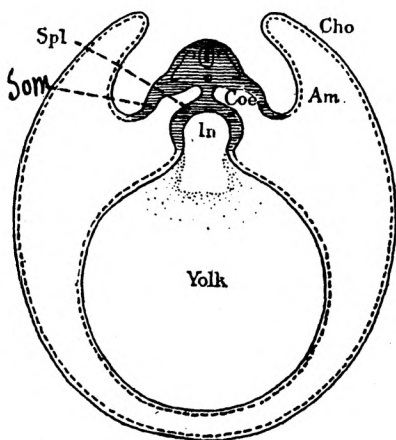
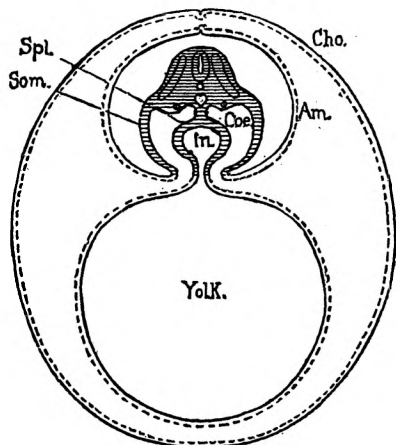

Рис. 2014.

Рис. 2013, 2014. Схема образованія водной оболочки на поперечныхъ сѣченіяхъ двухъ болѣе ранняго и болѣе поздняго возраста зародышей: Am — водная оболочка; Cho — ворсинчатая оболочка; Som — соматоплевра, далѣе обозначенная точечной линіей; кнаружи отъ нея линіей обозначена эктодерма; Spl — спланхноплевра, далѣе обозначенная точечной линіей; кнутри отъ нея линіей обозначена энтодерма; Coe — Coelom или мезодермная полость тѣла; In — кишка; Yolk — желточный мѣшокъ (Minot).

женіе эктодермы и соматоплевры обратное расположенію ихъ во внутренней оболочкѣ: въ наружной оболочкѣ кнаружи обращена эктодерма и кнутри — соматоплевра, а во внутренней оболочкѣ — снаружи расположена соматоплевра, а изнутри — эктодерма. Между этими двумя оболочками содержится внѣзародышевая часть полости тѣла (Coelom).

Наружная изъ этихъ оболочекъ называется первичной ворсинчатой оболочкой (chorion primitivum),

Рис. 2015.

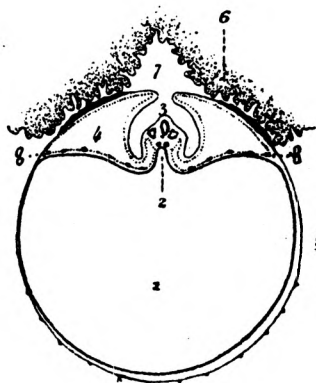
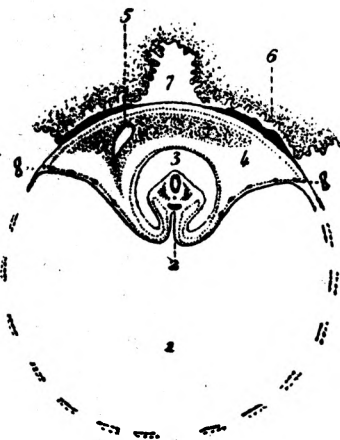
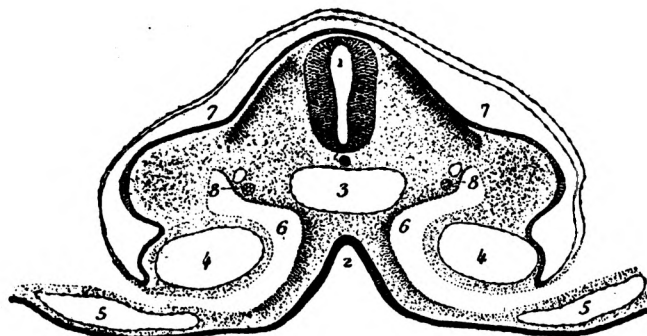

Рис. 2016.

Рис. 2015, 2016. Поперечныя сѣченія яицъ кролика въ двухъ (ранней и поздней) стадіяхъ развитія для показанія соотношенія зародыша и его оболочекъ (схема): 1 — желточный мѣшокъ; 2 — кишечная бороздка; 3 — полость водной оболочки; 4 — мезодермная полость (Coelom); 5 — мочевой мѣшокъ (allantois); 6 — слизистая оболочка матки; 7 — полость рога матки; 8 — правая пазуха — sinus terminalis (Tourneux).

Рис. 2017.

Рис. 2017. Поперечное сѣченіе въ средней части тѣла зародыша кролика (224 часа), обнаруживающее схождение къ срединной линіи пластинокъ энтодермы и спланхнолевры, образующихъ между собой кишечную бороздку: 1 — мозговая трубка; 2 — кишечная бороздка; 3 — аорта; 4 — почечныя вены; 5 — желточно-брыжеечныя вены; 6 — внутрizarодышевая мезодермная полость тѣла (Coelom); 7 — полость водной оболочки (amnion); 8 — каналъ Wolff'a и зади отъ него нижняя кардинальная вена. Увеличеніе 60 (Tourneux).

потому что на ее поверхности мѣстами появляются разра-
щенія эктодермныхъ клѣтокъ въ видѣ ворсинокъ все
болѣе и болѣе возрастающихъ и вѣтвящихся. (См. рис.
2014, 2023—2032.)

Рис. 2018.

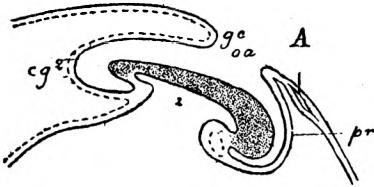

Рис. 2019.

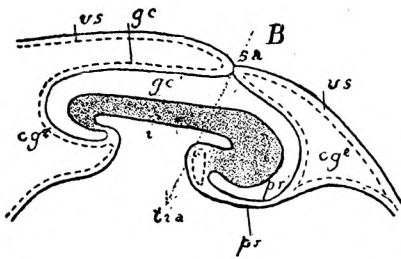
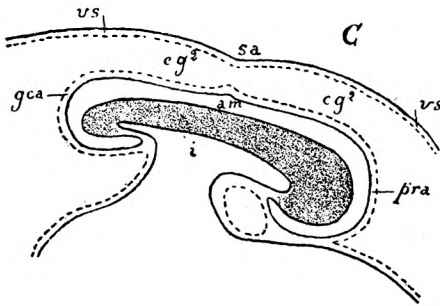

Рис. 2020.

Рис. 2018—2020. Схема обра-
зования водной оболочки зароды-
ща на продольныхъ сѣченіяхъ
зародышевой площадки разнаго
возраста: Рис. 2018 А — болѣе
ранняя стадія; рис. 2019 В —
средняя стадія; рис. 2020 С —
законченное развитие: gc — вер-
шина хвостовой складки водной

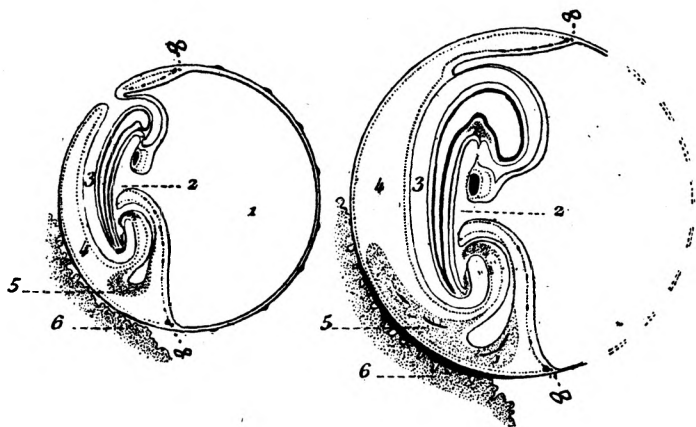
оболочки; pr — головная склад-
ка водной оболочки — двух-
листковая (эктодерма + энто-
дерма) — proamnion; oa — от-
верстiе водной оболочки; sa —
шовъ водной оболочки въ мѣстѣ
сращенія; gc' — хвостовой от-
дѣлъ полости водной оболочки;
pr' — головной отдѣлъ той же
полости; tia — линия сращенія
головного и хвостового концевъ
складокъ водной оболочки;
gca — хвостовая часть вод-
ной оболочки; pra — голов-
ная часть водной оболочки;
am — полость водной обо-
лочки; i — полость первич-
ной кишки; vs — серозная
полость; gc² — внѣзароды-
шевая мезодермная полость
(Coelom); пластинки наружная
и внутренняя мезодермы обо-
значены точечной линіей;
эктодерма и энтодерма — чер-
ными линіями (Prenant).

Внутренняя оболочка сначала обнимаетъ только
спинную и боковыя части зародыша и называется водной
оболочкой, заключающей въ себѣ полость (amnion), въ
которой по мѣрѣ роста зародыша накапливается все большее
и большее количество водной жидкости.

Въ это время энтодерма хвостового конца первичной кишки выпячивается впередъ въ видѣ полаго канала со слѣпымъ концемъ. (Рис. 2023.) Это каналъ первичнаго мочевого мѣшка (allantois), который выпячиваясь во внѣзародышевую часть полости тѣла (Coelom), естественно оттѣсняетъ предъ собой спланхноплевру и одѣвается ею, дѣлаясь двухслойнымъ. По мѣрѣ своего роста и накопленія въ его полости все большаго и боль-

Рис. 2021.

Рис. 2022.

Рис. 2021, 2022. Продольныя сѣченія зародышей кролика въ двухъ (ранней и поздней) стадіяхъ развитія для показанія соотношенія его тѣла и его оболочекъ (схема): 1 — желточный пузырь; 2 — первичная кишка; 3 — полость водной оболочки; 4 — мезодермная полость (Coelom); 5 — мочевого мѣшка съ кровеносными сосудами въ его оболочкѣ; 6 — слизистая оболочка матки; 8 — краевая пазуха — sinus terminalis (Tourneux).

наго количества первичной мочи каналъ въ своемъ слѣпомъ концѣ расширяется въ первичный мочево-й пузырь или мочевого мѣшокъ (allantois). (Рис. 2024—2026.) Въ стѣнкѣ мочевого мѣшка, именно въ спланхноплеврѣ ея, разрастаются, начиная отъ зародыша, крове-носные сосуды.

Внутренняя оболочка или водная вслѣдствіе все большаго и большаго накопленія въ ея полости (amnion) водной или околоплодной жидкости постепенно разраста-ется, отодвигается отъ зародыша во всѣхъ направленіяхъ и

включает въ себя не только его, но и его придатки: части первичнаго мочевого мѣшка и части желточнаго мѣшка, образуя вокругъ послѣднихъ оболочку такъ называемой желточной ножки или пупочнаго канатика (*funiculus umbilicalis*). (Рис. 2027—2043.)

Такимъ образомъ сформировалась околоплодная водная оболочка, самая внутренняя. Она состоитъ, слѣдовательно, изъ внутренняго слоя — эктодермы и наружнаго — соматоплевры. Эктодерма состоитъ изъ одного слоя эпителиальныхъ кѣлокъ уплощенныхъ вна-

Рис. 2023.

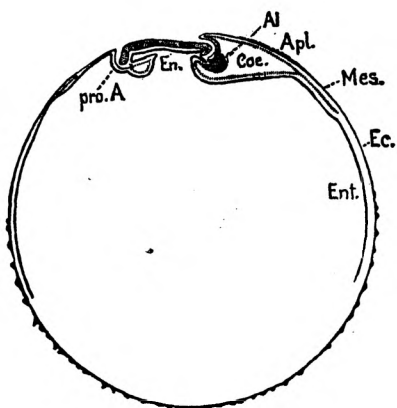
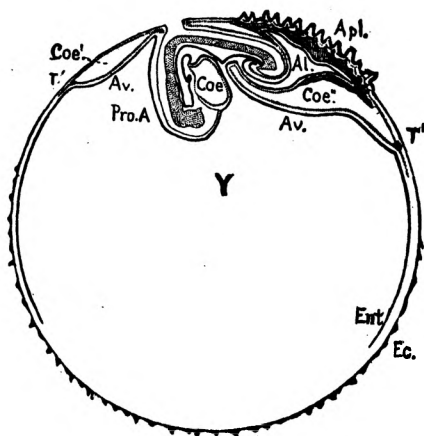

Рис. 2023.

Рис. 2023—2026. Схема развития плодных оболочек въ четырехъ послѣдовательныхъ стадіяхъ развитія зародыша кролика на продольныхъ сѣченіяхъ: Y — желточный мѣшокъ; pro. A — proamniotic; Av. — сосудистая площадка; Coe — Coelom; Coe', Coe'' — внѣзародышевая часть мезодермной полости (Coelom); En — энтодермная полость зародыша (первичная кишка); Ent — энтодерма; Ec — эктодерма; Mes — мезодерма (указатель слѣдуетъ продолжить до средней рубчатой полоски); Apl — слизистая оболочка матки — дѣтское мѣсто (placenta); Al — мочево-й мѣшокъ (allantois); T — краевая пазуха сосудистой площадки (sinus terminalis); am — водная оболочка (amniotic); Pl — дѣтское мѣсто — placenta; Ch — ворсинчатая оболочка — chorion (Van Beneden et Julin).

Рис. 2025.

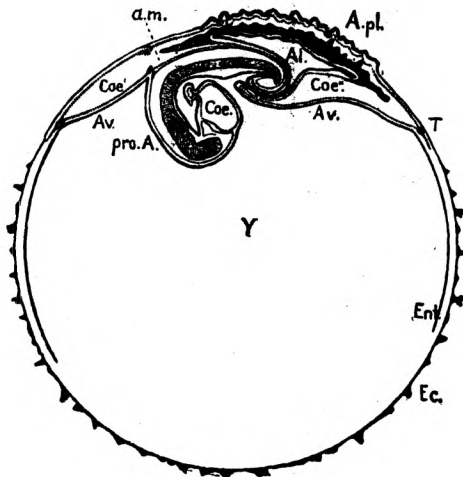
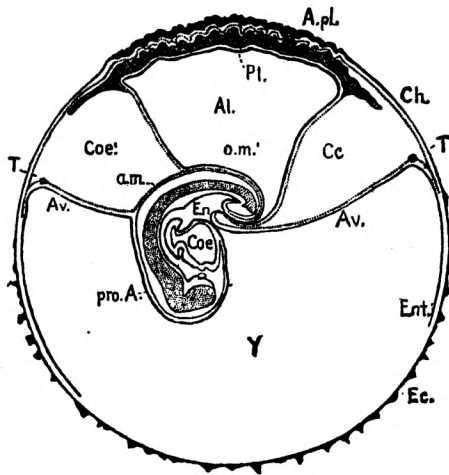

Рис. 2026.

чалѣ и кубическихъ впоследствии. Къ концу второго мѣсяца онѣ имѣютъ въ поперечникѣ 26—35 μ , а на седьмомъ мѣсяцѣ — 10—12 μ . (Рис. 2044.)

Наружный слой (соматоплебра) водной оболочки состоитъ изъ рыхлой волокнистой соединительной ткани, не содержащей кровеносныхъ сосудовъ; въ ней имѣется примѣсь гладкихъ мышечныхъ волоконъ.

Рис. 2027.

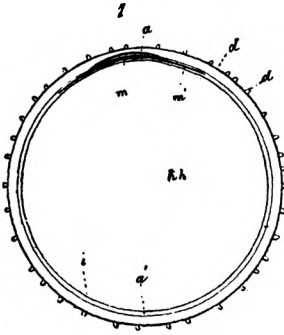

Рис. 2028.

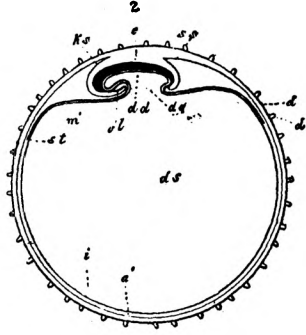

Рис. 2029.

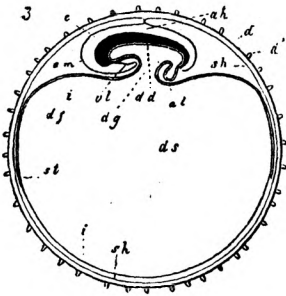

Рис. 2030.

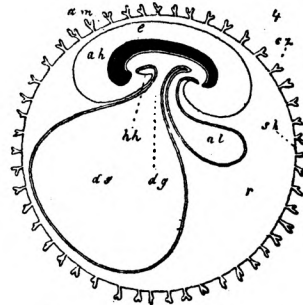
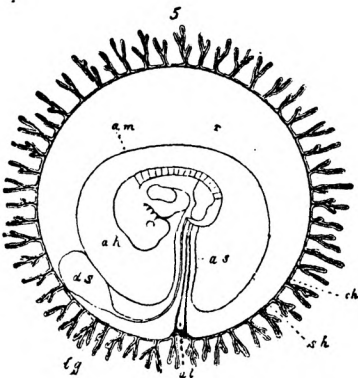

Рис. 2031.

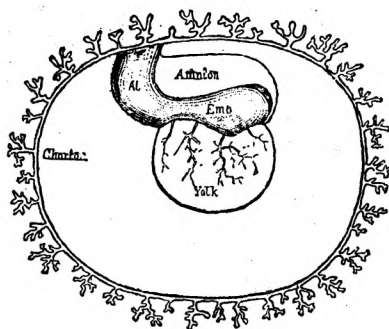

Рис. 2027—2031. Схема последовательного развития плодных оболочек у зародышей млекопитающих и человека: Рис. 2027. Яйцо с зародышевой площадкой. Рис. 2028. Яйцо с образующейся водной оболочкой и зачатком кишки. Рис. 2029. Яйцо, в котором складки (передняя и задняя) водной оболочки соединились и появляется зачаток мочевого мѣшка. Рис. 2030. Яйцо, в котором разрослись ворсинки ворсинчатой оболочки, а водная оболочка образовалась; желточный

пузырь уменьшился; мочевой мѣшок образовался. Рис. 2031. Яйцо с человеческим зародышем, в котором мочевой мѣшок разросшись соединился с ворсинчатой оболочкой и его кровенос-

ные сосуды распространились и вросли въ ворсинки этой оболочки, желточный мѣшокъ сократился; водная оболочка разраслась. Общія знаки: d — яйцевая оболочка (zona pellucida); d' — на ней ворсинки; sh — серозная щель (указатель слѣдуетъ продолжить до промежутка между линиями); ch — ворсинчатая оболочка (chorion); chz — ворсинки этой оболочки; am — водная оболочка (amnion); ks, ss — головная, хвостовая складки водной оболочки; a, a' — эктодерма; m, m' — мезодерма; dd, i — энтодерма; df — сосудистая площадка; st — sinus terminalis; kh, ds — желточный мѣшокъ; dg — желточный протокъ; al — мочевого мѣшокъ; e — зародышъ; r — пространство между ворсинчатой и водной оболочками — внѣзародышевая часть мезодермной полости (Coelom); vl — брюшинная, hh — околосердечная часть мезодермной полости (Kölliker).

Рис. 2032.

Рис. 2032. Схема 15—16-дневнаго человѣческаго зародыша: Emb — тѣло зародыша; Yolk — желточный мѣшокъ; Amnion — водная оболочка; Al — allantois въ желточной ножкѣ; Chorion — ворсинчатая оболочка плода (Minot).

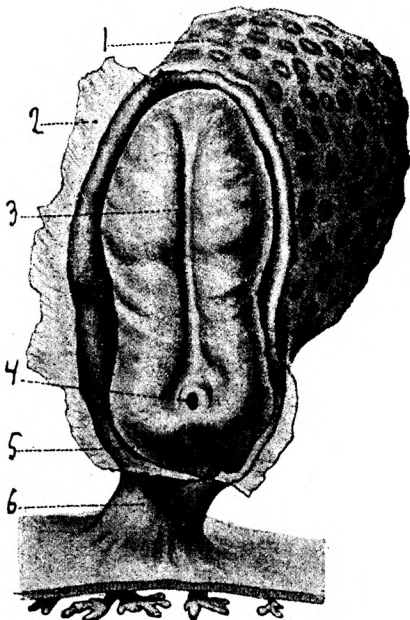
Рис. 2033.

Рис. 2033. 15—18-дневный зародышъ человѣка въ своихъ оболочкахъ; наружная оболочка — ворсинчатая (chorion) вскрыта; водная оболочка (amnion) покрываетъ зародышъ (Coste).

Въ теченіе перваго мѣсяца водная оболочка почти прилегаетъ къ поверхности зародыша. (См. рис. 2032—2036.) На второмъ мѣсяцѣ появляется водная жидкость, которая, постепенно накапливаясь, растягиваетъ водную оболочку и отодвигаетъ ее кнаружи отъ зародыша къ ворсинчатой оболочкѣ. (См. рис. 2038, 2039.)

Рис. 2034.

Рис. 1034. Зародышъ человека длиною въ 2 миллиметра; водная оболочка снята: 1 — желточный мѣшокъ; 2 — водная оболочка (amnion); 3 — мозговая бороздка; 4 — нервнокишечный каналъ; 5 — первичная бороздка; 6 — пупочный канатикъ. Увеличение 30 (Graf Spee).

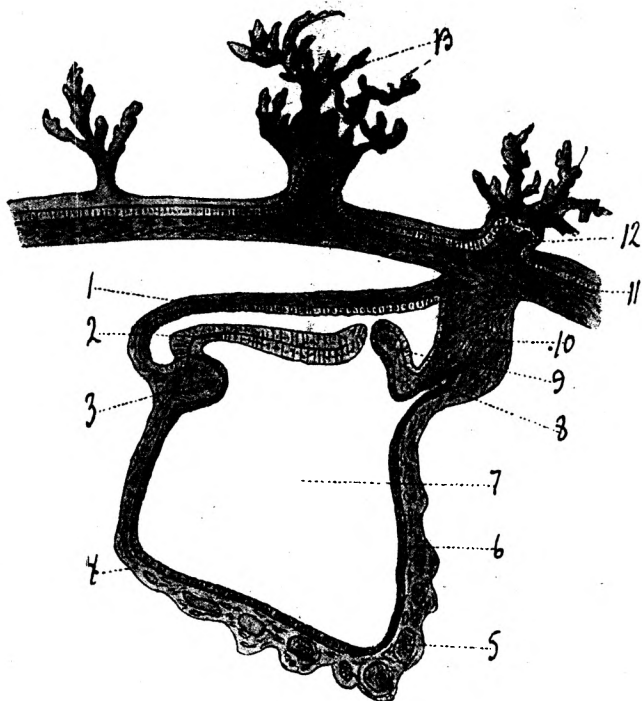
На шестомъ мѣсяцѣ количество водной жидкости достигаетъ одного литра, а къ концу утробной жизни уменьшается почти наполовину. Эта жидкость слегка щелочная и напоминаетъ по химическому составу разведенную водой кровяную плазму. Она содержитъ 1—1,5% растворенныхъ веществъ: бѣлковыхъ, слизи, мочевины, глюкозы и минеральныхъ солей.

2. Мочевой мѣшокъ.

Мочевой мѣшокъ (allantois) или первичный мочевой пузырь послѣ своего образования постепенно разрастается вслѣдствіе накопленія въ немъ жидкости и растяги-

вается до такой степени, что своимъ дномъ приходитъ въ соприкосновеніе съ внутренней поверхностью первичной ворсинчатой оболочки (chorion primitivum), въ

Рис. 2035.

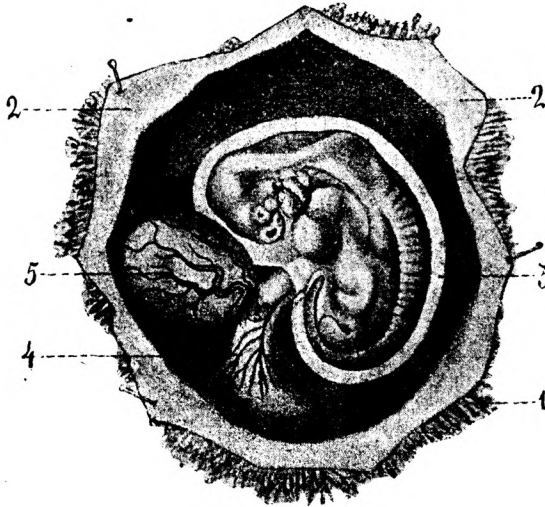

Рис. 2035. Продольносрединное сѣченіе зародыша человѣка длиною въ 2 миллиметра, изображеннаго на предыдущемъ рисункѣ: 1 — водная оболочка плода (amnion); 2 — мозговая пластинка; 3 — сердечная складка; 4 — мезодерма; 5 — кровеносные сосуды; 6 — энтодерма; 7 — желточный мѣшокъ; 8 — выпячиваніе зачатка первичнаго мочевого пузыря; 9 — первичная линія, а за ней нервнокишечный каналъ; 10 — пупочный канатикъ; 11 — мезодерма; 12 — ворсинчатая оболочка (chorion). Увеличеніе 30 (Graf Spee).

полости которой онъ помѣщается вмѣстѣ съ желточнымъ мѣшкомъ. (См. рис. 2021—2032, 2037.)

Когда стѣнка мочевого мѣшка приходитъ въ соприкосновеніе со стѣнкой первичной ворсинчатой оболочки, то наружный слой первой или спланхноплевра срастается съ внутреннимъ слоемъ второй, т.

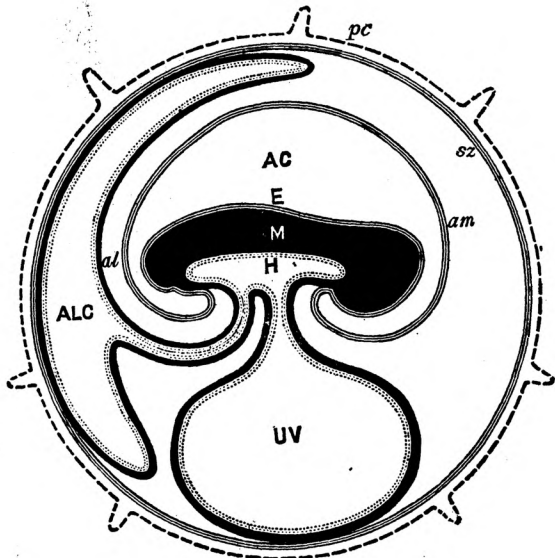
Рис. 2036.

Рис. 2036. Зародыш человека длиной в 7,5 миллиметра: 1 — ворсинки ворсинчатой оболочки — 2, которая вскрыта, а в полости ее видны: 3 — водная оболочка; 4 — пупочная ножка; 5 — желточный пузырь. Увеличение 4 (Kollmann).

Рис. 2037.

Рис. 2037. Схема оболочек зародыша млекопитающих и человека: *pc* — ворсинчатая оболочка (chorion) с ворсинками на ее поверхности; *sz* — серозная полость; *ALC* — полость мочевого мѣшка (allantois); *al* — стѣнка мочевого мѣшка; *UV* — желточный мѣшок; *AC* — полость водной оболочки (amnion); *am* — водная оболочка; *E* — наружный зародышевый листок — эктодерма; *M* — мезодерма — средний зародышевый листок; *H* — энтодерма — внутренний зародышевый листок или кишечно-железистый (Turner).

же товаръ¹⁾. Другими словами, исходя изъ теоріи производства, необходимо дать и теорію распредѣленія доходовъ.

6. Для доказательства трудовой теоріи цѣнности, Марксъ приводитъ три аргумента:

а) по его мнѣнію, всѣ разнокачественные товары имѣютъ между собою нѣчто общее. Всѣ они представляютъ собой результатъ затраченнаго на ихъ производства труда и при томъ въ двухъ его видахъ: непосредственнаго труда и того, который предварительно кристаллизовался въ капиталѣ. Хотя товары и являются продуктами разнокачественнаго труда, но это не имѣетъ значенія при обмѣнѣ товаровъ, какъ эквивалентовъ. Всякій трудъ опредѣленной формы „конкретный“ можетъ быть сведенъ къ такъ называемому „абстрактному“ труду, т. е. къ общему его выраженію въ нѣкоторомъ количествѣ времени, въ теченіи котораго происходитъ трата мускульной и нервной энергіи²⁾. Всякій конкретный трудъ создаетъ ту или иную потребительную цѣнность. Какъ потребительныя цѣнности эти товары различны, но какъ продукты затратъ равнаго количества труда они становятся эквивалентны по цѣнности при обмѣнѣ.

б) То обстоятельство, что трудъ представляетъ нѣчто общее во всѣхъ товарахъ, даетъ возможность считать трудъ „мѣрою“ цѣнности всѣхъ товаровъ и таковою онъ въ дѣйствительности и является, хотя товаро-производители и не сознаютъ этого. „Цѣнность товаровъ представляетъ собой специфически историческую форму, въ которой проявля-

1) Въ качествѣ аргумента въ защиту трудовой цѣнности теоретическимъ допущеніемъ Рикардо о равенствѣ заработныхъ платъ и прибылей Марксъ не пользуется. Равенство прибыли, какъ дохода, по первоначальному построению Марксовой теоріи, должно было быть не первоначальнымъ допущеніемъ (предпосылкой), а выводомъ изъ теоріи цѣнности; сравни выше стр. 243.

2) Въ своей статьѣ „Теорія стоимости и діалектической матеріализмъ (Современный міръ, 1908 г. № 1) г. Аксельродъ пишетъ: „трудъ, воплощенный въ холстѣ и сюртукѣ, тождественъ и различенъ въ одно и то же время трудъ, стало быть, заключаетъ въ себѣ основное противорѣчіе. Какъ трата простой силы, онъ представляетъ собою одинаковую субстанцію, присущую всѣмъ произведеннымъ предметамъ, но какъ цѣлесообразное конкретное проявленіе, онъ выступаетъ въ дѣйствительности въ различныхъ другъ на друга непохожихъ формахъ“. „Противорѣчивый характеръ труда порождаетъ противорѣчіе свойственное товару. Товаръ есть потребительная стоимость и мѣновая“. Такъ до сихъ поръ забавляются гг. марксисты. Замѣтивъ въ вещи два свойства они говорятъ уже о противорѣчіи. При такой точкѣ зрѣнія легко отыскать противорѣчія вездѣ. Чернильница, которая, стоитъ предо мною, зеленая и стеклянная, великое противорѣчіе, основное! Въ томъ, что трудъ трата энергіи, а результатъ траты воплощается въ различныхъ продуктахъ также мало противорѣчія, какъ мало противорѣчія между причиной и слѣдствіемъ. Опредѣленная трата энергіи порождаетъ и опредѣленное конкретное послѣдствіе.

ется опредѣляющее дѣйствіе производительной силы труда.“ Съ развитіемъ общества производство начинается совершаться на началахъ раздѣленія труда. Все рабочее время общества распределяется соотвѣтственно нуждамъ общества. Производитель вноситъ въ общую массу богатства общества опредѣленное количество товаровъ и передачей ихъ въ другія руки можетъ получить любой эквивалентъ, т. е. такое же количество труда. Онъ, быть можетъ, и не знаетъ, что онъ дѣлаетъ, но законы обмѣна научаютъ его, что только трудъ идетъ за трудъ (этотъ аргументъ приобрѣлъ громкое названіе идеи товарнаго фетишизма и разъясненъ нами примѣромъ на стр. 323—325, п. 3).

Марксъ дѣлаетъ, однако, существенную оговорку. Не всякій товаръ можетъ быть на рынкѣ проданъ и притомъ по цѣнности, соотвѣтствующей количеству затраченнаго труда. Товаръ будетъ имѣть цѣнность только тогда, когда онъ будетъ полезенъ для общества, если товаръ будетъ годенъ для удовлетворенія общественныхъ потребностей. Безполезность товара дѣлаетъ и трудъ, въ немъ заключенный, бесполезнымъ. Кромѣ того, одинъ можетъ затратить на производство товара — одинъ день, другой — два и т. д. Можетъ показаться, что если цѣнность опредѣляется количествомъ затраченнаго труда на производсто, то чѣмъ лѣнивѣе и неискуснѣе человѣкъ, тѣмъ большую цѣнность имѣетъ его товаръ, такъ какъ тѣмъ больше времени требуется на его производство. Это не такъ; на рынкѣ, каждый товаръ считается какъ средній экземпляръ даннаго рода товара. Какъ бы разнообразны ни были условія производства товара, но въ данное время и въ данномъ обществѣ необходимое количество товаровъ въ наибольшей ихъ массѣ производится при нѣкоторыхъ среднихъ условіяхъ, хотя имѣются иногда и наряду съ ними какъ худшія, такъ и лучшія условія.

„Общественно-необходимымъ рабочимъ временемъ является то рабочее время, которое, при существующихъ нормальныхъ въ данномъ обществѣ условіяхъ производства и средней степени умѣлости и напряженности труда, необходимо для изготовленія той или другой вещи, товара“¹⁾. Только это общественно-необходимое время даетъ нормирующее начало для цѣнности.

с) Такъ какъ всякій товаръ производится съ участіемъ двухъ родовъ капитала, то слѣдуетъ разъяснить вопросъ,

1) Т. I., пер. Струве, стр. 5, т. III, пер. Н-она, стр. 140 и слѣд. Отклоненія отъ этой цѣнности возможны, по Марксу, въ сторону пониженія, если долгое время оказываютъ вліяніе лучшія условія, и въ сторону пониженія подъ вліяніемъ худшихъ условий; какъ мы видѣли, то же говорилъ и Родбертусъ.

какое вліяніе это оказываетъ на цѣнность, какимъ образомъ получается прибыль и каково ея движеніе при развитіи производительныхъ силъ. Всякій производитель затрачиваетъ капиталъ въ двухъ формахъ: 1) на матеріалы и орудія, 2) на покупку труда. Первый видъ капитала слѣдуетъ назвать „постояннымъ“. Онъ обыкновенно служитъ для цѣлага ряда процессовъ или, какъ говорятъ, потребляется по частямъ. Онъ пріобрѣтается какъ извѣстная цѣнность, которая, потребляясь въ производительномъ процессѣ, вновь воспроизводится, но новой цѣнности онъ не создаетъ. Правда, участіе капитала увеличиваетъ производительность труда, но это участіе не увеличиваетъ, а уменьшаетъ цѣнность продукта. Такъ, если одинъ день труда производилъ ранѣе 2 продукта и произведенная цѣнность была X , затѣмъ тотъ же одинъ день труда + одна единица капитала, стоившая 1 продуктъ, произведетъ 5 продукто́въ, то цѣнность всего произведеннаго, за вычетомъ затраченнаго капитала, по прежнему останется X ; ранѣе одинъ продуктъ, стоилъ $\frac{X}{2}$, теперь онъ будетъ стоить $\frac{X}{5}$ — у, т. е. цѣнность затраченнаго капитала. Если напр. $X = 50$ к., значитъ 1 продуктъ ранѣе стоилъ 25 коп.; теперь онъ стоитъ 10; а за вычетомъ $\frac{1}{5}$ на потраченный капиталъ — 8 к. Пониженіе цѣнности объясняется тѣмъ, что ранѣе въ продуктѣ кристаллизовалось $\frac{1}{2}$ дня, теперь въ этомъ продуктѣ кристаллизуется только $\frac{1}{5}$ дня. Видоизмѣнимъ этотъ примѣръ и такъ; безъ капитала 1 продуктъ представлялъ $\frac{1}{2}$ дня; затѣмъ было произведено 5 продукто́въ однимъ днемъ труда + $\frac{1}{5}$ дня въ капиталѣ, т. е. $\frac{6}{5}$ дня; одинъ продуктъ будетъ стоить тогда $\frac{6}{25}$ дня. Отсюда Марксъ дѣлаетъ выводъ, что цѣнность „не только пропорціональна количеству общественно-необходимаго труда, но и обратно (?) пропорціональна производительной силѣ воплотившагося въ немъ труда“¹⁾.

Положеніе о томъ, что капиталъ постоянный не создаетъ новой цѣнности Марксъ, однако, почти оставляетъ въ видѣ одного утвержденія.

1) Томъ I-й, стр. 6. Примѣры взяты нами, чтобы показать, какъ неважно это разсужденіе математически. Математическая школа, родоначальниками которой были Курно, Госсенъ и Джево́нсъ, искала и не нашла въ формулахъ законъ соотношенія количествъ продукта и цѣнности. Заслуга ея, однако, заключается въ разработкѣ пріемовъ составленія такъ называемыхъ индексовъ для изученія движенія цѣны; см. о нихъ мое изслѣдованіе „Деньги“ (1895), гдѣ приведены также разные индексы движенія цѣны до 1895 г. Особенно видными представителями математической школы въ новѣйшее время были экономисты Вальрасъ, Вильфредъ де Парето и Эджуортъ. Краткія замѣчанія объ этой школѣ можно найти у J. Rambaud. Histoire des doctrines économiques, Paris, 1899. стр. 277 и слѣд.

Послѣ пространныхъ разсужденій, что трудъ сохраняетъ или переноситъ по частямъ, цѣликомъ, или отчасти, цѣнность постояннаго капитала въ цѣнность продукта, разсужденій, въ которыхъ нѣтъ ничего, что могло бы доказывать отсутствіе возможности воздѣйствія постояннаго капитала на цѣнность продуктовъ, не приведено ни одного аргумента, кромѣ констатированія этого факта перенесенія цѣнности постояннаго капитала массою излишнихъ повтореній, Марксъ пишетъ: „отсюда слѣдуетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, что средство производства не можетъ придать продукту бѣльшей цѣнности, чѣмъ та, которую оно само потеряло въ теченіи процесса труда, вслѣдствіе уничтоженія собственной потребительной цѣнности. Если бы оно не имѣло никакой мѣнновой цѣнности, которую оно могло бы терять, т. е. если бы оно не было само продуктомъ труда, то оно не могло бы придать мѣнновой цѣнности и продукту. Оно участвовало бы въ этомъ случаѣ въ образованіи потребительной цѣнности продукта, не участвуя нисколько въ образованіи его мѣнновой цѣнности. Поэтому (?) мы дѣйствительно наблюдаемъ такое явленіе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда средства производства представляютъ естественныя произведенія природы, находящіяся въ природѣ готовыми и не требующими для своего производства содѣйствія человѣка, напр., земля, вѣтеръ, вода, желѣзо въ горной жилѣ, дерево въ первобытномъ лѣсу и т. д.“

Марксъ затѣмъ переходитъ къ доказательству, что только переменный капиталъ, т. е. капиталъ, потраченный на покупку труда, создаетъ цѣнность. Аргументація его общеизвѣстна въ этомъ отношеніи. По его мнѣнію, рабочій день какъ бы раздѣляется на двѣ части; капиталистъ покупаетъ за переменный капиталъ рабочаго на весь день; первая половина дня идетъ на производство цѣнности этого переменнаго капитала, т. е. средствъ, переданныхъ рабочему какъ вознагражденіе въ видѣ наемной платы; вторая половина дня составляетъ прибавочное время и создаетъ прибавочную цѣнность; отношеніе прибавочнаго времени къ необходимому или что тоже прибавочной цѣнности къ переменному капиталу составляетъ то, что онъ называетъ „нормой прибавочной цѣнности“¹⁾. Отношеніе прибавочной цѣн-

1) Марксъ дѣлаетъ важное замѣчаніе о существованіи такъ называемой абсолютной и относительной прибавочной цѣнности. Онъ пишетъ: „удлиненіе рабочаго дня за тотъ періодъ, когда рабочій производитъ только эквивалентъ цѣнности своей рабочей силы и присвоеніе этого прибавочнаго труда капиталомъ, — это и есть производсто абсолютной прибавочной цѣнности. Оно составляетъ *всеобщее основаніе капиталистической системы* и исходный пунктъ производства относительной прибавочной цѣнности. При немъ рабочій день изначала является раздѣленнымъ

ности ко всему затраченному капиталу (переменный + постоянный) составляет норму прибыли.

Изъ этихъ положеній онъ дѣлаетъ выводъ громадной важности. Такъ какъ постоянный капиталъ не создаетъ никакой цѣнности, то законъ паденія прибыли присущъ самому капиталистическому производству. Прогрессивное стремленіе общей нормы прибыли къ паденію есть выраженіе прогрессивнаго развитія общественной производительной силы труда, выраженіе, свойственное капиталистическому производству. Это паденіе обусловливается прогрессивнымъ возрастаніемъ постояннаго капитала, какъ это видно изъ прилагаемой Марксомъ таблички паденія нормы прибыли при неизмѣнной нормѣ прибавочной цѣнности.

Постоянный капиталъ c , переменный капиталъ и прибавочная цѣнность v , прибыль p .

$$c = 50; \quad v = 100; \quad p = \frac{100}{150} = 66\frac{1}{3}\%$$

$$c = 100; \quad v = 100; \quad p = \frac{100}{200} = 50\%$$

$$c = 400; \quad v = 100; \quad p = \frac{100}{500} = 20\%$$

Въ третьемъ томѣ все это построеніе, однако, совершенно видоизмѣнено. Процессъ образованія цѣнъ товаровъ, въ производствѣ которыхъ участвуютъ основной и оборотный капиталъ въ разныхъ пропорціяхъ, еще со времени Рикардо остался неразъясненнымъ. Марксъ ввелъ новыя термины: постоянный и переменный капиталъ, но проблема осталась той же. Рикардо и самъ былъ склоненъ относить къ оборотному капиталу только то, что Марксъ назвалъ переменнымъ капиталомъ, т. е. выплаченную заработную плату. Марксу хотѣлось доказать, что производители-капиталисты самую силу вещей получаютъ равныя прибыли внѣ условій обмѣна, такъ какъ цѣнность опредѣляется въ производствѣ, а въ обмѣнѣ товары встрѣчаются уже, какъ эквиваленты. Этого ему сдѣлать не удалось. Въ третьемъ томѣ онъ попробовалъ рѣшить проблему эту слѣдующимъ образомъ.

на двѣ части: необходимый трудъ и прибавочный трудъ. Для удлиненія прибавочнаго труда необходимый трудъ сокращаютъ такими методами, посредствомъ которыхъ эквивалентъ заработной платы производится въ меньшее время. При производствѣ абсолютной прибавочной цѣнности дѣло идетъ только о длинѣ рабочаго дня, производство же относительной прибавочной цѣнности производить полный переворотъ въ техническихъ процессахъ труда и въ общественныхъ группировкахъ". (Сравни дополненіе къ этой страницѣ съ замѣчаніемъ о Р. Мальтусѣ). Капиталъ т. I. пер. Струве, стр. 421.

Марксъ беретъ пять паръ затраченнаго переменнаго и постояннаго капитала. Норма прибавочной цѣнности, т. е. приростъ въ цѣнности въ зависимости отъ затраты труда за опредѣленную заработную плату въ теченіи необходимаго и прибавочнаго времени, равна 100%. Отсюда при продажѣ товара по трудовой цѣнности получаютъ неравныя нормы прибыли т. е. нормы, исчисляемыя не на переменный, а на весь затраченный капиталъ. „Цѣна издержекъ,“ по Марксу, равняется потребленному постоянному капиталу плюс потребленному переменному; „трудовая цѣнность“ равняется всему потребленному переменному и постоянному капиталу плюс вновь произведенная прибавочная цѣнность. Тогда имѣемъ слѣдующую таблицу Маркса:

Капиталы.	Прибав. цѣнность.	Норма прибыли въ %	Потреб. пос. кап.	Цѣна издерж.	Труд. цѣн.
I. 80с + 20v	20	20 ⁰ / ₁₀₀	50	70	90
II. 70с + 30v	30	30 „	51	81	111
III. 60с + 40v	40	40 „	51	91	131
IV. 85с + 15v	15	15 „	40	55	70
V. 95с + 5v	5	5 „	10	15	20
Всего 390с + 110v	Въ средн.	22 ⁰ / ₁₀₀			
Въ средн. 78с + 22v	„ „	22 ⁰ / ₁₀₀			

Если, пишетъ Марксъ, мы будемъ смотрѣть на капиталы 1—5, какъ на единичный капиталъ одного сложнаго предпріятія, напр., хлопчатобумажной фабрики, то увидимъ, что въ этомъ случаѣ строеніе пяти капиталовъ или 390с + 110v или среднее органическое строеніе будетъ 78с + 22v. Средняя прибавочная цѣнность будетъ равна средней же прибыли. Если эта средняя прибавочная цѣнность равномерно распредѣлится на капиталы 1—5-й, то товарныя цѣны, какими онѣ и могутъ только быть на рынкѣ, стремящемся путемъ соперничества къ установленію средней прибыли, отступятъ отъ трудовой цѣнности и окажутся слѣдующими:

Капиталы.	Трудов. цѣнность.	Цѣна издерж.	Рыночн. цѣна.	Отклон. отъ труд. цѣнос.	Норма прибыл.
I. 80с + 20v	90	70	92	+ 2	22 ⁰ / ₁₀₀
II. 70с + 30v	111	81	103	— 8	„
III. 60с + 40v	131	91	113	— 18	„
IV. 85с + 15v	70	55	77	+ 7	„
V. 95с + 5v	20	15	37	+ 17	„
Всего 390с + 110v	422	312	422	+26—26	

Разсматривая эту таблицу, Марксъ приходитъ къ убѣжденію, что „въ общей сложности товары одного сочетанія капиталовъ будутъ продаваться на 26 единицъ выше трудовой стоимости-цѣнности, другого — на 26 единицъ ниже. Такимъ образомъ отклоненія цѣнъ, вслѣдствіе равномернаго распредѣленія прибавочной цѣнности или вслѣдствіе надбавки въ 22⁰/₁₀ средней прибыли на сотню затраченнаго капитала къ соответственнымъ издержкамъ производства товара капиталовъ 1—5, взаимно уничтожаются; „на сколько одна часть будетъ продаваться выше своей цѣнности, настолько же другая будетъ продаваться ниже ея. И только продажа по такимъ рыночнымъ цѣнамъ даетъ возможность нормѣ прибыли капиталовъ 1—5 стать равномерной — 22⁰/₁₀, независимо отъ органическаго строенія каждаго изъ этихъ капиталовъ.“

Это элементарное построеніе Марксъ считаетъ возможнымъ сохранить для объясненія всѣхъ сложныхъ отступленій „цѣнъ производства“ отъ „цѣнности“ для каждаго конкретнаго товара. Какой то средней общественной трудъ создающій среднюю прибавочную цѣнность - прибыль имѣетъ и капиталъ средняго состава. Отклоненія отъ этой цѣнности вообще обусловливаются: а) отношеніемъ органическаго состава капитала даннаго предпріятія къ среднему составу всего вложеннаго въ данную отрасль промышленности капитала, часть котораго составляетъ данное предпріятіе; б) отношеніемъ средняго состава капитала данной отрасли промышленности къ среднему составу всего капитала страны и в) отношеніемъ, въ какомъ стоитъ быстра во времени производительнаго и торговаго оборота капитала даннаго предпріятія къ быстротѣ оборота его въ данной отрасли промышленности и странѣ. „Ясность и точность“ подобной средней, конечно, не уменьшится, если мы смѣло допустимъ и міровой „средній органическій составъ“ капитала. Повидимому, рѣшеніе найдено простое и на первый поверхностный взглядъ даже убѣдительно. Но ближайшій же анализъ показываетъ, что все построеніе по цѣлому ряду оснований совершенно не пригодно для выясненія проблемы прибыли, а, слѣдовательно, и для процесса образованія цѣнъ.

Что же можно сказать относительно всей этой теоріи во всемъ ея цѣломъ и по каждому изъ этихъ пунктовъ въ отдѣльности?

Теорія цѣнности Маркса была послѣднимъ и наиболѣе яркимъ цвѣткомъ абстрактной, дедуктивной экономіи и материалистическаго пониманія исторіи. Казалось, что соединеніе этихъ двухъ сильнѣйшихъ по логическому построенію методовъ должно дать наиболѣе стройную и истинную тео-

рію. Въ теченіе почти цѣлаго поколѣнія, въ особенности у насъ въ Россіи, въ эпоху господства элементарнаго народническаго міросозерцанія, она считалась основнымъ положеніемъ теоретической экономіи, въ которое вѣрили (да и теперь еще многіе вѣрятъ), какъ въ догматъ. Въ настоящій моментъ, однако, значительное количество ученыхъ совершенно разочаровалось въ этой трудовой теоріи цѣнности и не только въ ней, но и въ возможности идти въ рѣшеніи этой проблемы той дорогой, по которой шли классики и ихъ продолжатели — Марксъ и его ученики.

Ранѣе всего рухнуло ученіе о трудѣ, какъ единственно возможномъ и реальномъ мѣрилѣ цѣнности и по слѣдующимъ причинамъ:

а) То обстоятельство, что въ большинствѣ продуктовъ-товаровъ кристаллизуется опредѣленное количество прибавочнаго и необходимаго труда еще не доказываетъ что трудъ и только онъ можетъ быть мѣриломъ цѣнности. Несомнѣнно, что мѣрой можетъ быть то свойство, которое обще всѣмъ продуктамъ, но такихъ свойствъ много¹⁾ и надо еще доказать, что трудъ наиболѣе удобное и пригодное изъ этихъ свойствъ. Во всякомъ случаѣ при признаніи только труда мѣрой цѣнности, эта мѣра уже не можетъ прилагаться къ предметамъ рѣдкимъ и не произведеннымъ трудомъ (земля, рѣдкія картины и проч.) т. е. получается ограниченіе круга предметовъ, къ которымъ прилагается общій законъ цѣнности. Это обстоятельство не можетъ не вліять на процессъ обмѣна и распредѣленія.

Въ новѣйшее время вновь возродилось существовавшее уже и у Тюрго стремленіе объяснить цѣнность и измѣрить ее болѣе общимъ свойствомъ — „полезностью“²⁾.

1) Эти общія свойства отмѣчены мною выше на стр. 39.

2) Какъ будетъ видно изъ нижеслѣдующаго, я не считаю попытку Бемъ-Баверка удачной. Вкратцѣ его теорію можно изложить слѣдующимъ образомъ. Наше благополучіе, разсуждаетъ Бемъ-Баверкъ, или что тоже благосостояніе является основаніемъ для всѣхъ нашихъ сужденій о цѣнности предметовъ, а потому, въ конечномъ результатѣ, оно является масштабомъ или мѣрой для цѣнности. Мы придаемъ предмету большую или меньшую цѣнность въ зависимости отъ того, служить-ли онъ болѣе или менѣе нашему благосостоянію. Наше благосостояніе можетъ быть связано съ обладаніемъ вещи двояко: во первыхъ, предметъ можетъ доставлять намъ пользу, въ которой, при отсутствіи его, мы могли бы чувствовать недостатокъ; въ этомъ случаѣ польза служить масштабомъ для измѣренія цѣнности; во вторыхъ, обладаніе предметомъ предохраняетъ насъ отъ какого либо неудовольствія, страданія, усилія, напряженія, которое мы должны были бы сдѣлать. Въ этомъ случаѣ сохраненное пожертваніе (Opfer) является масштабомъ для измѣренія цѣнности. Задача теоріи цѣнности и заключается, по мнѣнію Бема, въ томъ, чтобы опредѣлить, когда и какъ дѣйствуетъ первый или второй масштабъ. У человѣка представленіе о цѣнности всегда имѣетъ двоякій

в) Со времени Рикардо приложение этого начала полезности отвергалось по тому соображению, что полезность, — как субъективное представление, неопредѣлимо и слишком разнообразно, чтобы его свести къ какому либо общему, среднему выражению для всѣхъ людей. Казалось, что трудъ, какъ трата энергій, нѣчто реальное и легко опредѣлимое, но это оказалось не столь простымъ, какъ кажется. Мы видѣли уже, что при социальномъ характерѣ всего производства опредѣлить долю труда, кристаллизовавшуюся въ каждомъ отдѣльномъ продуктѣ, невозможно. Трудность этого вычисления увеличивается еще и тѣмъ, что приходится опредѣлять общественно — необходимую норму затраченного труда. Даже неизмѣнно правотѣрный ученикъ Маркса Каутскій отказался дѣлать такія исчисления. Одинъ изъ новѣйшихъ писателей Гильфердингъ пытался доказать, что „высота цѣнности только „теоретически“ измѣримая величина,“ что „не слѣдуетъ смѣшивать „теоретическую“ и „практическую“ измѣримость.“ „Я могу, пишетъ онъ, изъ опыта установить конкретную затрату труда на производство опредѣленного блага. Насколько этотъ конкретный трудъ будетъ общественно-необходимъ, насколько онъ будетъ, поэтому,

характеръ. Цѣнность въ субъективномъ смыслѣ — есть то значеніе, которое предметъ-блага или сумма предметовъ имѣетъ для благосостоянія данного лица. Цѣнность въ объективномъ смыслѣ — есть сила или пригодность (*Kraft oder Tüchtigkeit*) предмета вызывать какое либо объективное послѣдствіе (*Erfolg*). Всѣ блага, имѣющіяся въ безграничномъ количествѣ, не обладаютъ цѣнностью, всѣ хозяйственные блага имѣютъ ее. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ помнить, что только количественныя отношенія опредѣляютъ, можетъ ли какое либо благо только обладать свойствомъ полезности или быть также условіемъ нашего благополучія (*ob irgend ein Gut bloss fähig ist zu nützen oder auch Bedingung eines Nutzen für uns ist*). Рѣдкость — первоначальное свойство всѣхъ цѣнныхъ предметовъ.

Чтобы судить о всей теоріи Бема, достаточно рассмотреть, какъ, по его мнѣнію, опредѣляется цѣнность наличнаго запаса благъ. Предположимъ, что какой либо человѣкъ имѣетъ опредѣленный запасъ предметовъ, которымъ онъ долженъ удовлетворить свои потребности. Если этотъ запасъ состоитъ изъ одного предмета, то онъ будетъ употребленъ на удовлетвореніе важнѣйшихъ изъ нашихъ потребностей. Но что произойдетъ, если у насъ нѣсколько такихъ предметовъ и важнѣйшая потребность уже покрыта, напр., при наличности 5 пудовъ хлѣба потребность въ пищѣ сполна покрывается уже однимъ пудомъ. Потребности, которыя мы удовлетворяемъ нашимъ наличнымъ запасомъ благъ почти всегда имѣютъ разныя степени важности. Владѣлецъ пяти пудовъ хлѣба употребляетъ первый пудъ на удовлетвореніе своего голода, второй на улучшеніе состава своей пищи, третій на прокормъ животныхъ, четвертый на попойку къ столу водки и, наконецъ, пятый пудъ на удовлетвореніе потребностей роскоши. Спрашивается, какую же цѣнность въ такомъ случаѣ онъ будетъ придавать пуду хлѣба, что будетъ мѣриломъ ея? На это Бемъ отвѣчаетъ: ясно, что такимъ мѣриломъ будетъ наименѣ важная изъ потребностей или иначе наименѣ важное употребле-

образующимъ цѣнность, я былъ бы въ состояніи опредѣлить только тогда, если бы я могъ вычислить среднюю степень производительности и интенсивности труда вообще, а также и количество потребнаго продукта этого рода. Это значило бы отъ единичнаго человѣка требовать того, что совершаетъ общество, ибо счетчикомъ, который можетъ вычислить цѣну, является общество, а средствомъ для этого является конкуренція¹⁾. Безъ сомнѣнія, такой отказъ отъ „практическаго“ измѣренія — значительно видоизмѣняетъ значеніе трудовой цѣнности, ибо отсылаетъ насъ къ рыночнымъ процессамъ (конкуренція), т. е. заставляетъ искать закона цѣнности не чрезъ полное теоретическое устраненіе закона спроса и предложенія, а чрезъ посредство борьбы за ту или иную норму прибыли, ренты и заработной платы, тогда какъ законъ цѣнности Маркса стремился опредѣлить самую ихъ норму изъ закона цѣнности, какъ опредѣлителя нормы доходовъ.

Къ тому же мы знаемъ изъ опыта, что сведеніи различныхъ затратъ нервной и мускульной энергіи совершается путемъ оцѣнки труда, а не приравненія одного для од-

нѣ; только при наличности пяти пудовъ, я могу имѣть предметы роскоши; будь у меня четыре пуда я могъ бы имѣть напитки, но не другіе предметы роскоши. Другими словами, оцѣнка одного предмета или опредѣленной части общей ихъ массы изъ наличнаго запаса или, что тоже, „субъективная цѣнность“ опредѣляется послѣднимъ употребленіемъ или послѣдней потребностью, короче, „конечной полезностью“ этого предмета. Высота этой конечной полезности, въ свою очередь, всегда будетъ зависеть отъ двухъ факторовъ: а) отъ числа и значенія потребностей, требующихъ удовлетворенія и б) отъ обилія запаса, который можетъ быть употребленъ для ихъ удовлетворенія. Чѣмъ больше послѣдній, тѣмъ менѣе важныя потребности могутъ быть удовлетворяемы, тѣмъ ниже по степени стоитъ послѣдняя польза, — конечная или предѣльная полезность, а, слѣдовательно, и субъективная цѣнность. Само собой разумѣется, что ему не трудно приложить тотъ же способъ разсужденія и къ продуктамъ, которые являются результатомъ пожертвованія или труда. Менгеръ, Бемъ-Баверкъ, Визеръ считаются родоначальниками такъ называемой австрійской школы. Критика этой теоріи дана въ сочиненіи проф. А. А. Мануилова — Понятіе о цѣнности, глава I. Русскими сторонниками этой теоріи являются Туганъ-Барановскій, Оржевецкій, Зальскій, Войтинскій и друг.

1) См. Marx-Studien, Wien, 1904 г., стр. 21—22. Столь поруганный Марксомъ Прудонъ оказался побѣдителемъ. Въ своихъ „Экономическихъ противорѣчійхъ (см. новое фр. изд., т. I, стр. 181) Прудонъ пишетъ: „конкуренція необходима для констатированія и опредѣленія цѣнности т. е. для установленія началъ распредѣленія, а, слѣдовательно, и равенства. Пока продуктъ производится однимъ и единственнымъ фабрикантомъ, реальная цѣнность продукта остается тайной или вслѣдствіе сокрытія ея производителемъ, или вслѣдствіе неспособности его довести доходъ (le prix de revient) до послѣдняго предѣла. Всякая привилегія является реальной потерей для общества, а публичный характеръ промышленности, какъ и соперничество работниковъ, необходимо“.

ного работника двумъ днямъ другого и т. п. Еще никому не удалось доказать, что такая оцѣнка совершается съ точной и математической правильностью именно по затратѣ энергіи. Вся совокупность социальнихъ условій создаетъ своеобразныя расцѣнки труда и никто теперь не вѣритъ, какъ во время Мальтуса, что существуетъ „неизмѣнная цѣнность“ хотя бы простаго рабочаго труда. Оцѣнка труда, какъ въ этомъ рабочему приходится убѣждаться на каждомъ шагу, зависитъ не только отъ его собственной самооцѣнки, но и отъ всѣхъ окружающихъ условій производства, обмѣна и распредѣленія, при чемъ зачастую самый тяжелый, самый напряженный и неблагодарный трудъ оплачивается хуже всего. Нервная энергія используется до полного истощенія, а оцѣнка ея ниже, чѣмъ оцѣнка труда животнаго, а, слѣдовательно, нервная и мускульная энергія одного дня этого труда приравнивается многимъ днямъ труда въ другихъ отрасляхъ производства въ полномъ притворѣчїи съ установленнымъ Марксомъ положеніемъ.

с) То обстоятельство, что во всѣхъ товарахъ заключено опредѣленное, хотя и трудно опредѣлимое количество труда, не можетъ само по себѣ служить достаточнымъ основаніемъ для утвержденія, что психологически у каждаго субъекта хозяйства должно создаться представленіе о трудовой цѣнности, какъ объ абсолютномъ и равномъ для всѣхъ принципѣ. Теоретически мы разсматриваемъ трудъ, какъ тотъ элементъ производства, который приводитъ все въ движеніе и который является наиболѣе ограниченнымъ по своему количеству. Практически трудъ расходуется самымъ безжалостнымъ образомъ, ибо работникъ все же воспроизводитъ себя и прибавочный продуктъ, а капитализмъ можетъ оцѣнивать его трудовую энергію, какъ заработную плату плюсъ прибыль, которую онъ рассчитываетъ получить. Теоретически, для созданія такого представленія о трудовой цѣнности, пожертвованія труда должны быть пропорціональны полезности продукта для всѣхъ участниковъ производства, фактически работникъ производитъ то, что ему приказываютъ условія рынка, о которыхъ судить владѣлецъ орудій производства. Полезность же нѣкоторыхъ предметовъ (всѣ рѣдкія предметы и продукты роскоши) зависитъ отъ условій распредѣленія экономическаго избытка. Полезность же продуктовъ массоваго производства, которые служатъ главной основой для прїобрѣтенія прибыли, ихъ общественная необходимость опредѣляется лишь тогда, когда они произведены въ нужномъ количествѣ т. е. тогда, когда это количество соотвѣтствуетъ покупательной способности населенія или, другими словами, она зависитъ не только отъ условій производства, но и распредѣленія. Психологи-

чески, слѣдовательно, въ головѣ каждого субъекта хозяйства должны бороться два противорѣчивыхъ начала: затраты труда и количественныя соотношенія массъ продукта съ потребностями. Умноженіе же массы продукта приписать одному труду, какъ увидимъ ниже, онъ не имѣетъ никакого права. Отмѣченныя выше соображенія, какъ видимъ, не отрицаютъ того положенія, что трудъ является количественно ограниченнымъ элементомъ производства. Они только говорятъ, что оцѣнка трудовой энергіи, именно благодаря ея ограниченности, капиталистомъ можетъ совершаться, какъ оплата прибыли и заработной платы, но норма и той и другой будетъ опредѣляться количественнымъ соответствіемъ массы продукта къ массѣ потребностей, а также и разнообразіемъ различныхъ производительныхъ условий.

Ученіе объ „органическомъ“ составѣ капиталовъ, конечно, представляетъ теоретическое допущеніе. Терминъ „органической“ употребленъ Маркомъ безъ достаточныхъ основаній, ибо онъ вовсе не показалъ, какія техническія или социальныя условія *необходимо*, какъ въ какомъ либо организмѣ, вызываютъ то или иное сочетанія капиталовъ. Эти сочетанія въ разныя историческія эпохи измѣнчивы. Быть можетъ, современемъ удастся открыть и закономерность въ исторіи развитія этихъ сочетаній. Пока же этого не сдѣлано . . . Признаніе же самаго факта отступленія рыночныхъ цѣнъ отъ трудовой цѣнности подѣ дѣйствіемъ технической структуры предприятий (органической составъ капиталовъ) и социальныхъ условій распредѣленія (тенденція доходовъ къ равенству) имѣетъ важное историческое значеніе. Оно должно направить изслѣдователей на изученіе исторіи цѣнъ. Оно подтверждаетъ, что при социальномъ характерѣ производства провозглашеніе права работника на полную цѣнность его труда представляетъ, какъ выразился Бернштейнъ, „нелѣпость въ экономическомъ и социальномъ отношеніи“. Въ процессѣ обмѣна цѣнность подраздѣляется съ крупными отступленіями отъ теоретической цѣнности въ зависимости отъ условій, не связанныхъ съ трудомъ работника.

d) Все построеніе закона цѣнности Маркса, стремившагося отдѣлаться отъ потребностей, какъ фактора психологическаго, а не матеріальнаго, было разрушено введеніемъ ученія объ общественно-необходимомъ трудѣ¹⁾. Трудъ ста-

1) Все ученіе объ общественно-необходимомъ трудѣ, казалось бы, должно было показать двумъ спорившимъ сторонамъ (марксистамъ и народникамъ), какъ одностороння была формула ихъ истолкованія *системы цѣлей* капиталистическаго хозяйства. Безъ конца въ этомъ спорѣ твердили, что „руководящимъ мотивомъ, опредѣленною цѣлью и необходимымъ условіемъ капиталистическаго процесса производства служить

новился образующимъ цѣнность всетаки лишь при наличности условія пригодности товара для удовлетворенія общественной потребности и превращался въ ничто со всякимъ видоизмѣненіемъ потребности. Другими словами, получалось важное ограниченіе проблемы: трудъ создавалъ цѣнность только тогда, если его затрачено было нужное „количество“ для удовлетворенія опредѣленнаго же „количества“ потребностей. Еще и Рикардо чувствовалъ это. Онъ иногда говорилъ: „цѣнность есть количество“ и только сомнѣвался, „можно-ли создать какой либо законъ относительно количества“, т. е. относительно вліянія массы произведеннаго товара на цѣнность. Бемъ-Баверкъ и его школа, какъ я отмѣтилъ, полагаютъ, что они нашли этотъ законъ для количества въ „предѣльной полезности“, но самое представленіе о ней является абстрактной идеей и еще менѣе „практически“ опредѣлимо, чѣмъ понятіе общественно — необходимаго труда ¹⁾.

накопленіе, а не личное потребленіе.“ Первая часть этой формулы слишкомъ тяжеловѣсна, соединяетъ воедино мотивы, цѣли и условія всего общественнаго процесса, вторая наивна по своей малозначительности. Капиталистическій способъ производства, конечно, имѣетъ дѣло съ общественнымъ потребленіемъ, но каждый индивидуальный капиталистъ производить не ради производства, а также и ради собственнаго потребленія и обезпеченія своего будущаго. Производство для производства, т. е. для прибыли вовсе не является для него какимъ то безсмысленнымъ процессомъ. Въ первыя стадіи свободнаго соперничества усиленное расширеніе производительной дѣятельности было принято за какой-то роковой процессъ; новое время показало, что капиталисты очень хорошо способны понимать систему цѣлей капиталистическаго производства, какъ хозяйства, которое можетъ держаться только чрезъ уравновѣшеніе производства съ потребленіемъ. Въ томъ, что это уравновѣшеніе не всегда достигается еще не заключается доказательство отсутствія стремленія къ нему; совершенно наоборотъ, сравнительно съ предшествовавшимъ временемъ капитализмъ развилъ учрежденія все болѣе этому способствующія: биржи, банки, расчетныя палаты, торговая пресса, торговые склады, комиссіонеры, картели, тресты и проч. и проч. По мѣрѣ роста этихъ учреждений капитализмъ пріобрѣтаетъ все большую силу, какъ орудіе эксплуатаціи и, потому, необходимы и противосилы, которыя должны создаваться для его видоизмѣненія.

Не слѣдуетъ забывать и того, что ученіе объ общественно-необходимомъ трудѣ совершенно разрушало и теоретическую предпосылку и аргументъ, отмѣченные въ пунктѣ 5 и 6. Продажа продукта выше трудовой цѣнности даннаго предпріятія и согласно общественно-необходимой средней или предѣльной цѣнности даетъ возможность, какъ землевладѣльцу, такъ и капиталисту, вносить въ обмѣнъ меньшее количество труда и получать въ возвратъ большее количество, другими словами, выиграть вовсе не для того, чтобы проиграть а, напротивъ, чтобы путемъ обмѣна пріобрѣсти избыточный доходъ, котораго не будетъ имѣть хуже поставленный производитель.

1) Анализъ этой теории см. у Мануилова. Понятіе о цѣнности и т. д. глава I. Миклашевскій. Обмѣнъ и экономическая политика, стр. 63 и слѣд. Политика труда, стр. 52 и слѣд. Существовать попытки свести ученіе о предѣльной полезности къ трудовой цѣнности. Такимъ теоре-

Какъ бы то ни было, но и все ученіе Маркса объ общественно-необходимомъ трудѣ оказалось простымъ ученіемъ о законѣ количествъ продукта, т. е. „ученіемъ о рѣдкости“ и, что особенно важно, равно приложимымъ ко всѣмъ производительнымъ силамъ: землѣ, труду и капиталу. Самое же понятіе о среднемъ общественно-необходимомъ трудѣ, о средней производительности, о средней интенсивности осталось въ высшей степени неопредѣленнымъ. Въ результатѣ получалось только старинное положеніе классиковъ, — что цѣнность есть „выраженіе для трудности или легкости производства“, для опредѣленія производительности труда, но что цѣнность понижается, исчезаетъ по мѣрѣ накопленія продуктовъ сверхъ потребностей. Недаромъ же и Марксъ полагалъ, что „накопленіе для накопленія“, производство для производства разрушаетъ капиталистическую систему. Наше время показало, что капиталъ это давно понялъ и своими трестами, картелями и проч. мѣрами показалъ, какъ онъ можетъ вновь достигнуть „рѣдкости“ продуктовъ.

е) Но не эти, однако, возраженія могли бы окончательно поколебать теорію Маркса. Въ ней лежитъ гораздо болѣе глубокое противорѣчіе и оно вытекло изъ самой неразработанности ученія о „производственныхъ отношеніяхъ“. Въ этомъ ученіи главная опора всей Марксовой цѣнности и она то именно и заколебалась.

Трудовая цѣнность, какъ абсолютное начало, какъ явленіе исключительно зависящее отъ труда, какъ представленіе хозяйствующаго субъекта, основанное на убѣжденіи, что трудъ — единственная стоимость, единственная издержки (сравни стр. 487 и слѣд.), уже въ значительной мѣрѣ была расшатана яснымъ пониманіемъ всѣхъ вышеуказанныхъ аргументовъ. Въ условій обмѣна это абсолютное представленіе о цѣнности мало интересно. Важно было

тикамъ представляется, что распредѣленіе народнаго труда по занятіямъ опредѣляетъ и количество продукта, которое можно произвести. Въ конечномъ результатѣ предѣльная доля труда, какъ единственно ограниченная величина, опредѣляетъ и цѣнность предѣльнаго продукта. Эти построенія, однако, болѣе хитроумны, чѣмъ ясны и противорѣчатъ всему построенію Бема, согласно которому субъективная цѣнность опредѣляется безъ отношенія къ производству и заранѣе нормируетъ самое распредѣленіе народнаго труда. Къ тому же и предѣльный трудъ Рикардо кажется теперь сомнительнымъ опредѣлителемъ цѣнности. Мнѣ представляется, что примиреніе этихъ теорій невозможно и потому, что каждая изъ нихъ отразила на себѣ вѣянія времени особой стадіи капиталистическаго производства. Рикардо живетъ въ эпоху, когда капитализмъ пробиваетъ себѣ дорогу: для него цѣнность выраженіе трудности производства; Бемъ живетъ въ эпоху, когда рынокъ заваленъ продуктами; какъ истинный буржуа онъ цѣнитъ продукты только по ихъ менѣе полезному употребленію. Онъ тонко понялъ, что „рѣдкость продукта“ выгодна капиталу. Картели и тресты взялись за это дѣло.

знать, не является-ли трудовая цѣнность все таки основой общественныхъ мѣновыхъ отношеній.

Изъ вышеизложеннаго ясно, что самъ творецъ этой теоріи Марксъ отказался отъ мысли, будто трудовая теорія цѣнности въ ея наиболѣе элементарномъ видѣ объясняетъ явленія обмѣна.

Согласно теоріи выходило, что съ ростомъ капитализаціи человѣчество неизбѣжно идетъ къ порядку вещей, при которомъ получается все меньшая и меньшая возможность пріобрѣтенія прибыли. При меньшемъ участіи переменнаго капитала (трудъ) создаваемая цѣнность относится ко все большему капиталу и норма прибыли падаетъ; это прогрессивное стремленіе общей нормы прибыли къ паденію — есть выраженіе, по мнѣнію Маркса, прогрессивнаго развитія общественной производительной силы труда, выраженіе свойственное капиталистическому производству и вообще для всѣхъ промысловъ¹⁾. Какъ мы видѣли въ третьемъ томѣ, оказалось, что капиталы разнаго органическаго состава создаютъ разныя нормы прибавочной цѣнности. Для дѣйствительнаго осуществленія равенства прибыли необходимо, чтобы одни товары продавались по рыночной цѣнѣ выше трудовой, другіе ниже. Отсюда вытекалъ выводъ, что вся сумма національнаго продукта опредѣляется, какъ цѣнность, всей совокупностью общественно-необходимаго труда и эта идеальная цѣнность затѣмъ раздѣляется въ соответствующихъ пропорціяхъ, благодаря рыночной борьбѣ между всѣми наличными предпріятіями, давая каждому продукту ту или другую цѣну.

Уже такая формулировка означала полное банкротство прежней теоріи, которая стремилась объяснить цѣнность каждаго товарнаго атома соціальнаго производства; въ дѣйствительности, какъ оказалось, столь поруганный Марксомъ, теоретикъ Родбертусъ восторжествовалъ: „распредѣленіе“ — оказалось нормирующимъ для цѣнъ: необходимость уравнивать доходы капитала — вызвала отклоненіе трудовыхъ цѣнностей и преобразование ихъ въ рыночныя²⁾. Ученіе объ общественно-необходимомъ трудѣ столкнулось съ закономъ „количествъ“ производительныхъ силъ и закономъ количествъ потребностей, т. е. съ потребленіемъ; законъ о нормѣ прибыли и прибавочной цѣнности — съ законами распредѣле-

1) Сравни ученіе Рикардо, который паденіе прибыли объяснял ухудшеніемъ условій производства пищи. Самъ Марксъ въ III-мъ томѣ понималъ, что прибыль не можетъ служить выраженіемъ производительности труда, ибо доля ея поглощается рентой и заработной платой, если она выше минимума существованія.

2) Я добавилъ бы: также необходимость опредѣлить соответствующую норму ренты.

нія. И все это произошло потому, что въ основу всей системы было положено наивное представленіе о товарномъ фетишизмѣ, которое нами изображено въ простой схемѣ на стр. 323 и слѣд.

Въ этой схемѣ предполагается, что трудъ является „единственной“ производительной силой, тогда какъ опытъ показываетъ, что вся національная производительность зависитъ отъ дѣйствія всѣхъ трехъ производительныхъ силъ: труда, капитала и земли, къ тому же при всякомъ разнообразномъ сочетаніи крайне неравныхъ по своей производительности, а также по рѣдкости или изобилію каждой изъ этихъ производительныхъ силъ въ ту или иную историческую эпоху. Въ основѣ ученія о производственныхъ отношеніяхъ первоначально предполагаются только отношенія продавцевъ вполнѣ равныхъ, какъ производителей; впоследствии оказывается, что производственныя отношенія — это нѣчто въ высшей степени сложное; это мѣновыя отношенія товаро-производителей, отношенія соподчиненія землевладѣльцевъ, капиталистовъ и рабочихъ, отношенія распредѣленія продукта въ предѣлахъ мастерской и исторически сложившіяся условія распредѣленія имущества, владѣнія орудіями производства, извѣстное исторически сложившееся распредѣленіе народнаго труда по промысламъ, т. е. отношеніе не только производителей, но владѣльцевъ и потребителей всего народнаго дохода.

При такихъ сложныхъ условіяхъ, естественно, цѣнность не могла и не можетъ служить выраженіемъ только однихъ производственныхъ условій, а въ особенности одного труда, но и всѣхъ другихъ социальныхъ условій; другими словами, чисто матеріалистическое, доведенное до крайности, пониманіе исторіи и здѣсь потерпѣло значительное ограниченіе. Устраненіе спроса и предложенія при выводѣ теоретическаго закона цѣнности предполагаетъ, что мѣновыя отношенія товаро-производителей сбалансированы исключительно подъ вліяніемъ тождества производственныхъ условій, фактически же эти производственныя условія неравны и зависятъ отъ цѣлаго ряда причинъ, не стоящихъ въ прямой зависимости отъ текущихъ условій производства. Даже само ученіе о среднемъ общественно-необходимомъ трудѣ предполагаетъ это разнообразіе условій¹⁾.

1) Приходится, такимъ образомъ, помянуть добрымъ словомъ одного изъ первыхъ индуктивистовъ въ политической экономіи, слишкомъ рано умершаго для науки Клиффъ-Лесли, который въ своихъ „Этюдахъ“ одинъ изъ первыхъ старался доказать, что законъ сравнительныхъ издержекъ имѣетъ общее значеніе, а не только примѣнительно къ международной торговлѣ. Все ученіе Маркса объ органическомъ составѣ капиталовъ — есть ничто иное, какъ Рикардіанское ученіе о сравнитель-

Какъ и Родбертусъ, Марксъ полагаетъ, что иногда на цѣну долгое время оказываютъ влияніе лучшія условія производства, иногда худшія, но въ то-же время среднія условія производительности во всякой отрасли промышленности характерны „для наибольшаго количества предпріятій.“ Эти соображенія Маркса весьма интересны, но возникаетъ и цѣлый рядъ недоумѣній. Во первыхъ, допустивъ вѣроятность того, что среднія условія производства имѣютъ доминирующее значеніе, а предѣльныя условія Рикардо только рѣдкое исключеніе, по своей незначительности не могущее нормировать цѣнность, возникаетъ вопросъ что же это за среднія условія и средняя производительность? Математика и здѣсь приходитъ къ намъ на помощь. Мы имѣемъ разное количество участковъ, на которыхъ „одинъ день труда“ производитъ разное количество продуктовъ, а именно:

2 уч. дають по 10 пр. — 20	5 уч. по 10 пр. — 50
8 " " " 8 " — 64	8 " " 8 " — 64
20 " " " 6 " — 120	30 " " 3 ¹ / ₂ " — 105
4 " " " 5 " — 20	2 " " 2 ¹ / ₂ " — 5
34 уч. 224	45 уч. 224

Что же намъ считать за среднюю производительность нашего средняго труда? Средняя относительнаго вѣса даетъ въ первомъ случаѣ 6,5, во второмъ 5,6. Или мы просто должны принять среднюю по количеству предпріятій, т. е. въ первомъ случаѣ 6, во второмъ 3¹/₂? Очевидно, въ утвержденіи, что среднія цѣны совпадаютъ съ трудовой цѣнностью, какъ бы заранѣе предполагается, что средняя по своему характеру модальна, т. е. относится только къ „наибольшему“ числу случаевъ; другими словами, это утвержденіе требуетъ признанія дифференціаціи доходовъ, какъ постояннаго явленія, притомъ дифференціаціи восходящей и нисходящей.

f) Конецъ 19-го вѣка, такимъ образомъ, вновь поставилъ наукѣ сложные и трудные вопросы. Весь процессъ развитія политической экономіи показалъ, что простая формула классиковъ и Родбертуса, что *„работникъ въ условіяхъ раздѣленія труда можетъ производить больше, чѣмъ сколько необходимо на его содержаніе“* — правильна, но процессъ распредѣленія народнаго дохода, процессъ образованія цѣны — еще остался невыясненнымъ и надъ ними еще должна

ныхъ издержкахъ; такимъ образомъ, по существу дѣла, Маркса дѣйствительно приходится считать ученикомъ Рикардо; онъ въ области теоріи экономіи не превзошелъ своего учителя и изученіе экономіи надо всегда начинать съ Рикардо.

много поработать человеческая мысль¹⁾. Въ отмѣченномъ ниже изслѣдованіи я старался показать, что экономической наукѣ еще придется впослѣдствіи вновь переработать все ученіе о рентѣ, понимая этотъ терминъ въ томъ широкомъ смыслѣ, какъ его употреблялъ Родбертусъ. Я лично пришелъ къ убѣжденію, что рента есть плата за пользованіе устойчивыми преимуществами неравныхъ по качеству и результатамъ производительныхъ силъ, которыя по социальнымъ и техническимъ основаніямъ имѣются въ ограниченномъ количествѣ и что тотъ „дифференціальный принципъ“, который такъ неправильно прилагался исключительно къ земельной рентѣ, имѣетъ болѣе общее значеніе и долженъ быть формулированъ совершенно иначе, а именно: дифференціальный принципъ, во первыхъ, это принципъ общихъ различій въ естественной и социальной производительности; во вторыхъ, универсальный принципъ рѣдкости производительныхъ силъ и, въ третьихъ, условій дифференціального, обусловленнаго всей совокупностью предшествовавшихъ историко-психологическихъ условій, раздѣла избытка надъ необходимымъ содержаніемъ работника, гдѣ бы этотъ избытокъ не соиздался, въ силу естественныхъ или общественныхъ условій производства, обмѣна и распредѣленія.

Для выясненія этого принципа экономія должна вновь переработать все ученіе о производительныхъ силахъ и въ особенности о капиталѣ²⁾, въ частности и ученіе о паденіи нормы прибыли.

Этой теоріи мы должны хотъ вкратцѣ коснуться.

1) Желающихъ ознакомиться съ моей личной точкой зрѣнія, я отсылаю къ моему изслѣдованію „Обмѣнъ и экономическая политика“ (1904 г.).

2) Все ученіе объ основныхъ формулахъ капитала, впервые разработанное Д. С. Миллемъ, нуждается въ полнѣйшей переработкѣ. Въ теоретической разработкѣ этихъ формулъ особенно неясно и невѣрно были сформулированы тѣ выводы, которые вытекали изъ наиболѣе общепринятаго въ настоящее время положенія, что „капиталь — результатъ предшественнаго труда“. Эти неправильные выводы могутъ быть изложены въ трехъ пунктахъ.

1. Во первыхъ, изъ того положенія, что при созданіи капитала неизбежно принимаетъ участіе трудъ, не слѣдуетъ, будто капиталъ является однимъ результатомъ труда. Въ созданіи его принимаютъ участіе и неравныя по своей производительности силы земли. Если это такъ, то, прежде всего, становится яснымъ, что законъ уменьшающейся производительности земли (а не только почвы) одинаково приложимъ, какъ для созданія продуктовъ пропитанія, такъ и нѣкоторыхъ видовъ капитала, напр. золота, желѣза и т. п. и далѣе, что капиталъ является прежде всего продуктомъ, который служитъ средствомъ для созданія другихъ продуктовъ. Установивъ, что капиталъ является продуктомъ, мы еще не имѣемъ права считать его опредѣленной цѣнностью и сводить ее къ труду. Общій законъ количествъ или относительной рѣдкости, очевидно, одинаково проложимъ, какъ къ самому капиталу, такъ и къ

Старая теорія разорвала экономію на части, совершенно обособивъ теорію прибыли отъ теоріи ренты и придавъ дифференціальному принципу послѣдней ограниченное, произ-

продуктамъ, которые являются результатами производительнаго употребленія. Отсюда слѣдуетъ, что утверждение, будто капиталъ содѣйствуетъ производству „даромъ“, не говоритъ ровно ничего. Цѣна создается не тѣми или другими производительными силами, а ихъ изобиліемъ или недостаткомъ сравнительно съ потребностями. Капиталъ могъ бы содѣйствовать *даромъ* (т. е. вѣрнѣе только восстанавливаться въ производительномъ процессѣ) созданію продуктовъ, если бы онъ какъ производительная сила былъ въ безграничномъ количествѣ, не былъ технически и социальнo ограниченной величиной.

II. *Во вторыхъ*, самая проблема о созданіи капиталомъ цѣнности поставлена совершенно ложно и невѣрно. Въ наукѣ укоренилось признание, что въ процессѣ производства совершается „цѣнное восстановление“ затраченнаго постояннаго капитала и спорамъ подлежалъ только вопросъ, создаетъ ли капиталъ *новую* цѣнность? Постановка вопроса совершенно ложная.

Если капиталъ представляетъ прежде всего продуктъ, а не цѣнность, то ясно, что мы не можемъ заранѣе утверждать, будто въ процессѣ производства уже совершается неизбѣжно его цѣнное восстановление. Въ процессѣ производства одна форма матеріи переходитъ въ другую форму матеріи. Въ тоже время, одновременно чрезъ посредство рыночныхъ процессовъ совершается опредѣленіе цѣны капитала, какъ продукта, такъ и цѣны продуктовъ этого продукта-капитала. Цѣнное восстановление капитала предполагаетъ уже вполнѣ доказанной, что цѣнность капитала опредѣляется только однимъ трудомъ, что стоимость производства капитала восстанавливаются неизбѣжно въ полной мѣрѣ, и не болѣе. Эти предположенія не доказаны.

Но что особенно важно, это то, что слѣдующій вопросъ ставится ложно: создаетъ ли капиталъ цѣнность? Ни земля, ни капиталъ, ни трудъ, какъ мы видѣли, не создаютъ никакой цѣнности. Всѣ производительныя силы создаютъ только продуктъ. Остается ли послѣ процесса производства еще прибавочный продуктъ, какова будетъ цѣна всего продукта и въ частности прибавочнаго продукта, это будетъ зависеть отъ закона цѣны, который гласитъ, что цѣна зависитъ отъ количества производительныхъ силъ, убываетъ съ возрастаніемъ ихъ производительности и отражаетъ всѣ условія социальнаго раздѣла прибавочнаго продукта. Самый вопросъ, слѣдовательно, въ корнѣ ложенъ. Капиталъ вовсе не создаетъ цѣнности, цѣнное его восстановление возможно только чрезъ соответствующіе процессы образованія цѣны. Вся теорія издержекъ производства есть только буржуазное стремленіе разсматривать социальныя условія въ ихъ статическомъ состояніи, а не въ процессѣ ихъ возможнаго, динамическаго видоизмѣненія.

Въ третьихъ, безконечная масса теоретиковъ стремилась доказать ложность положенія классиковъ, и Милля-Кернса въ особенности, будто капиталъ, главнѣйше капиталъ переменный, есть величина неподвижная. Въ наукѣ въ особенности въ наше время установилось положеніе, что капиталъ величина не постоянная, а подвижная, что капиталистическое производство представляетъ собою процессъ все возрастающаго увеличенія капитала. Намъ важно, однако, укрѣпить мысль, что процессъ возможнаго возрастанія отнюдь не означаетъ въ нашихъ социальныхъ условіяхъ факта безграничнаго наростанія капитала. Какъ бы велики ни были процессы наростанія капитала, но какъ мы знаемъ изъ житейскаго опыта, какъ постоянно, настойчиво и съ полной справедливостью повто-

водственное значенія. Она не могла понять, что различіе во вліянія тѣхъ или другихъ факторовъ: земли, труда и капитала и ихъ живыхъ представителей общественныхъ классовъ на характеръ производства, обмѣна и распредѣленія можетъ быть очень велико по степени, въ особенності въ разныя историческія эпохи, но по существу аналогично по принципу. Теорія же дифференціальной ренты и дифференціальныхъ доходовъ вообще не знаетъ закона цѣнности, а имѣетъ дѣло только съ закономъ цѣнъ. Для нея важны: законъ рѣдкости или количествъ, законъ неравной производительности, законъ накопленія и размѣра доходовъ. Только примѣнивъ эти законы къ прибыли, мы можемъ постигнуть ея собственный законъ и причины ея паденія.

Рѣшающее мѣсто у Маркса, пишетъ Энгельсъ¹⁾, гласить: „вся трудность происходитъ отъ того, что товары обмѣниваются не просто какъ товары, а какъ продукты капиталовъ, претендующихъ на участіе въ общей массѣ прибавочной цѣнности въ соотвѣтствіи съ своею величиною, а при равенствѣ послѣдней на равное участіе“. Да, это дѣйствительно рѣшающее мѣсто, но только вмѣсто участія въ прибавочной цѣнности здѣсь слѣдовало бы поставить въ прибавочномъ продуктѣ, и притомъ неравномъ въ разныхъ производительныхъ организмахъ на протяженіи всего народнаго хозяйства.

Только такъ формулировавъ проблему, можно было бы обратиться къ изученію тѣхъ регуляторовъ, которые направляютъ движеніе цѣнъ.

Отъ старой классической школы намъ остался довольно схоластическій споръ, гдѣ, въ предѣлахъ какой отрасли промышленности опредѣляется прибыль? Рикардо утверждалъ, что земледѣльческая прибыль опредѣляетъ промышленную, Марксъ вывелъ прямо противоположное заключеніе. Оба писателя были по своему правы и неправы. Стараясь формулировать нѣчто объяснявшее реальную дѣйствительность, находившуюся передъ ихъ глазами, они были правы, ибо въ каждую историческую эпоху болѣе или менѣе благо-

---

ряетъ большинство экономистовъ — средства производства не находятся въ безграничномъ количествѣ у всѣхъ членовъ общества и капиталъ въ процессъ своего накопленія не уничтожаетъ ренты рѣдкости. Капиталъ остается ограниченномъ количествомъ для теоретически безграничнаго круга потребностей. Эта рента рѣдкости можетъ падать, но она неуничтожима; существованіе процента на капиталъ, его крайне медленное видоизмѣненіе доказываетъ это неопровержимо.

При нашихъ общественныхъ условіяхъ говорить, поэтому, о томъ, что капиталъ „даромъ“ содѣйствуетъ труду въ созданіи продукта, это значитъ просто играть словами.

1) *l. c.* Законъ цѣнности и уровень прибыли' стр. 117.

приятныя условія раздѣла прибавочнаго продукта могли быть на сторонѣ того или другого класса, болѣе благопріятны землевладѣльцамъ или капиталистамъ. Рикардо жилъ въ переходную эпоху, когда господство земледѣльческаго класса надо было сломить: онъ и пустилъ въ ходъ свою теорію. Марксъ жилъ въ эпоху господства промышленнаго капитала, въ ростъ его видѣлъ эмансипацію рабочаго сословія. Естественно, что ему казалось, что промышленный капиталъ опредѣляетъ прибыль. Но не правы ли были съ исторической точки зрѣнія и меркантилисты, которые полагали, что торговая прибыль опредѣляетъ всѣ другіе виды прибыли? Энгельсъ самъ признаетъ, что въ долгій періодъ, съ средне-вѣковья и до начала господства эпохи капитализма, интернаціональная торговля была основана не на продажѣ по цѣнностямъ и вообще давала значительныя прибыли¹⁾. Какъ же могъ не пѣть хвалебнаго гимна этой торговлѣ реалистъ-меркантилистъ, знавшій по опыту значеніе и силу къ тому же государственной нормирующей и захватывающей власти?

Исторически мы можемъ изучать, какіе виды капитала въ данную историческую эпоху создаютъ наибольшее количество прибавочнаго продукта для даннаго народа, но спорить и стараться теоретически вырѣшить, гдѣ опредѣляется прибыль, въ какой отрасли промышленности, совершенно нелѣпо. Прибыль, вѣрнѣе, экономическій избытокъ одновременно опредѣляется во всѣхъ производительныхъ организмахъ народнаго хозяйства. Тамъ, гдѣ есть прибавочный продуктъ, будетъ и прибыль, такъ же какъ и рента и дифференціальная заработная плата.

При изложеніи теоріи экономическаго избытка и ученія о распредѣленіи классической школы (см. выше, стр. 232 и слѣд.) мы отмѣтили тѣ основанія, по которымъ эта школа считала необходимымъ изучать каждый изъ видовъ дохода обособленно. Современная политическая экономія должна признать правильность положенія Родбертуса, что для построенія теоріи доходовъ необходимо исходить изъ представленія о народномъ производствѣ, народномъ доходѣ и о подраздѣленіи его на ренту, прибыль и заработную плату. (срав. стр. 456). Только тогда мы сумѣемъ выяснитъ себѣ *процессы превращенія* долей ренты въ прибыль и плату, долей при-

1) Въ III-мъ томѣ Капитала (см. 20 гл.) Марксъ пытается такъ формулировать свою историческую теорію торговаго капитала: „на первыхъ ступеняхъ капиталистическаго развитія торговля господствуетъ надъ промышленностью, въ современной стадіи — наоборотъ; . . . самостоятельное развитіе торговаго капитала находится въ обратномъ отношеніи къ степени развитія капиталистическаго производства“. Слѣдуетъ помнитъ, что исторія развитія капитализма далеко не изучена.

были въ плату и наоборотъ. На вопросъ, гдѣ создается прибыль, вѣрнѣе экономическій избытокъ сверхъ необходимаго для содержанія труда, экономистъ можетъ отвѣтить только: въ народномъ хозяйствѣ. На вопросъ, гдѣ она держится въ наибольшемъ размѣрѣ и какъ дифференцируется, онъ можетъ сказать: обратитесь къ изученію реальной дѣйствительности.

Въ системѣ Маркса есть любопытная сторона, которую мы должны отмѣтить въ связи съ только что сказаннымъ. Средняя норма процента, по его мнѣнію, не можетъ быть опредѣлена рѣшительно никакимъ закономъ¹⁾. „Если при этомъ конкуренція, какъ конкуренція, что либо и опредѣляетъ, то такое опредѣленіе само по себѣ случайно, основано вполнѣ на опытѣ и только педанство или фантазія могутъ такую случайность изображать, какъ нѣчто необходимое. Нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній, почему среднія отношенія конкуренціи должны дать заимодавцу на его капиталъ 3,4 или 5⁰/₁₀“. Что денежный процентъ зависитъ отъ общаго уровня промышленной прибыли и можетъ быть весьма различенъ при разной высотѣ послѣдней, противъ такого положенія врядъ ли кто спорить. Денежный процентъ и прибыли, однако, могутъ и должны стоять въ нѣкоторомъ соотношеніи. Мы могли бы пойти даже далѣе и сказать, что въ нашей хозяйственной системѣ замѣтно стремленіе къ установленію соотношенія между процентомъ, рентою и прибылью. Но вопросъ вовсе не въ этомъ, а въ томъ, какія же силы создаютъ въ каждое данное время опредѣленное соотношеніе и вѣрно ли утвержденіе, что наличность установившагося равновѣсія свидѣтельствуетъ о томъ, что долженъ быть найденъ законъ доходовъ изъ состоянія устойчиваго равновѣсія обмѣна, въ которомъ товаръ одного производителя вполнѣ эквивалентенъ товару другаго производителя.

Обсуждая это положеніе теоріи прибыли Маркса, не слѣдуетъ впадать въ ошибку тѣхъ писателей, которые, отвергая утвержденіе Маркса, что „конкуренція — результатъ паденія прибыли“, сами впадаютъ въ ошибку, считая правильнымъ, будто конкуренція вызываетъ паденіе прибыли, будто паденіе прибыли есть результатъ конкуренціи. Конкуренція есть только орудіе, при помощи котораго обнаруживается дѣйствіе наличныхъ экономическихъ силъ. Уравновѣсившіяся условія конкуренціи, такъ-же какъ и равенство спроса и предложенія товаровъ, во всякій данный моментъ ничего ровно не объясняютъ. За этимъ установившимся равновѣсіемъ можетъ скрываться не равенство, а дифферен-

1) См. т. III., гл. 21.

ціація доходівъ, не еквивалентность въ размѣнѣ товаровъ, а грубѣйшія отклоненія отъ нея. Уже изъ одного того факта, что въ одну и ту же историческую эпоху возможна норма процента въ 3,4 и 5% и т. п., ясно, что существуютъ силы, которыя уравниваются въ разныхъ условіяхъ.

Въ хозяйствѣ, гдѣ оцѣнка продукта совершается не столько чрезъ опредѣляющее воздѣйствіе индивидуальных представленій о потребительномъ значеніи продукта, сколько чрезъ дифференціальныи раздѣлъ его при посредствѣ регулирующаго воздѣйствія доходівъ, паденіе нормы прибыли является сложнымъ результатомъ трехъ основныхъ причинъ: 1) уменьшенія рѣдкости, 2) уменьшенія ренты производительности и 3) уменьшенія ренты дифференціального раздѣла.

а) Законъ паденія прибыли является прежде всего результатомъ обезцѣненія массы продукта „благодаря тому процессу, при посредствѣ котораго совершается оцѣнка продуктовъ въ наніемъ хозяйствѣ.“ Мы уже неоднократно говорили, что земля, трудъ и капиталъ содѣйствуютъ созданію продукта, необходимаго для удовлетворенія человѣческихъ потребностей. По мѣрѣ умноженія массы этого продукта, подѣ влияніямъ развитія производительныхъ силъ, необходимомъ содержаніе работника, если условія соціального раздѣла этому не противодѣйствуютъ, уменьшается, какъ доля продукта. Такимъ образомъ въ предѣлахъ хозяйствъ, будь то земледѣльческія или фабричныя, увеличивается масса прибавочнаго продукта. Это обстоятельство ускоряетъ процессъ накопленія. Производство расширяется, усовершенствуется, масса продукта растетъ въ количествѣ. Другими словами, рѣдкость какъ капитала, такъ и продукта уменьшается. Исчезновеніе рѣдкости въ предѣлѣ обозначаетъ собою полное отсутствіе какой нибудь цѣны. Если бы мы могли представить себѣ теоретически такое умноженіе производства, что продуктовъ всѣхъ видовъ и качествъ было бы столь же достаточно для всѣхъ, какъ и воздуха, наступилъ бы моментъ полного отсутствія борьбы за продуктъ. Онъ былъ бы доступенъ всѣмъ. Имъ пользовались бы, его потребляли бы, но цѣны въ нашемъ теперешнемъ смыслѣ онъ не имѣлъ бы.

Въ нашемъ капиталистическомъ обществѣ этотъ процессъ обезцѣненія протекаетъ при своеобразныхъ условіяхъ. Изъ среды экономистовъ-оптимистовъ неоднократно раздавались голоса, что должно наступить скоро совершенное исчезновеніе процента и прибыли на капиталъ, что возможно даже такое положеніе вещей, когда владѣльцы капитала будутъ сами платить опредѣленный процентъ за сохраненіе или за поддержаніе капитала! Такое воззрѣніе, однако, не

болѣе, какъ утопія. Капиталь въ борьбѣ за свое существованіе можетъ отказываться отъ части своихъ выгодъ, но допустить возможность полного самоуничтоженія мы не имѣемъ никакихъ основаній. Вся исторія показываетъ, что процессъ обезцѣненія массы произведеннаго трудомъ, капиталомъ и землей продукта не доходитъ никогда до нормы оплаты труда. Капиталь, какъ производительная сила, пока онъ въ рукахъ собственниковъ, никогда не можетъ умножиться въ такихъ предѣлахъ, чтобы исчезла „рента рѣдкости“. Поэтому и процессъ образования цѣны не можетъ допустить обезцѣненія массы продукта до уровня оплаты труда. Капиталь только по ошибкѣ, въ рѣдкихъ случаяхъ и спорадически, въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности доводитъ массу продукта до такого „безпредѣльнаго количества“. Вся его цѣль созданіе выгодной цѣны т. е. такой, которая совпадаетъ въ понятіемъ прибавочной цѣны. Онъ поэтому вѣчно заботится о такомъ движеніи капиталовъ въ производительной дѣятельности, при которомъ обезцѣненіе массы продукта не достигало бы той степени, чтобы исчезла эта прибавочная цѣна.

Для правильного пониманія проблемы прибыли, такимъ образомъ, вовсе не нужно представлянія, что постоянный капиталъ создаетъ цѣнность. Онъ создаетъ только продуктъ. Но созданіе это совершается всегда въ такихъ количествахъ, что рента рѣдкости не исчезаетъ. Собственное потребленіе капиталистовъ, необычайное увеличеніе роскоши вовсе не потому задерживаетъ паденіе нормы прибыли, что въ этихъ отрасляхъ промышленности, какъ думаетъ Марксъ, употребляется болѣе живого труда, а потому, что расширеніе поля употребленія капитала увеличиваетъ рѣдкость капитала.

Девизомъ капиталистическаго хозяйства, поэтому, является не только — накапливайте, но потребляйте, потребляйте, старайтесь увеличить этимъ ренту рѣдкости. Капиталистическая эксплоатація, поэтому, совершенно неотдѣлима ни отъ капиталистическаго потребленія, ни отъ капиталистическихъ способовъ умноженія продукта.

Рента рѣдкости есть сложный результатъ трехъ основныхъ факторовъ: во первыхъ, соціального господства, которое даетъ возможность захватывать прибавочный продуктъ и употреблять его по своему усмотрѣнію, въ предѣлѣ даже допуская умышленное уничтоженіе продукта, во вторыхъ, неизбѣжный чисто экономическій результатъ необходимости оставлять часть продукта внѣ траты его на вознагражденіе работника, такъ какъ иначе невозможно и самое расширеніе производства; капитализація возможна только чрезъ несоотвѣтствіе продажной цѣны съ цѣною содержанія ра-

бочихъ; и, въ третьихъ, прямой результатъ потребления капиталистовъ, которое создаетъ вѣчно возрастающія потребности или вознаграждаетъ по повышенной дифференціальной нормѣ тѣ отрасли промышленности, куда надо направить новый потокъ рѣдкихъ силъ или могущественнѣйшихъ сочетаній капиталовъ. Тамъ, гдѣ эта рента рѣдкости падаетъ, понижается прибыль¹⁾.

2. Вторая причина паденія нормы прибыли заключается въ уменьшеніи ренты производительности. Анализируя законъ ренты, мы старались доказать, что въ нашемъ народномъ хозяйствѣ цѣна продукта никогда не опредѣляется предѣльной производительностью, какъ училъ Рикардо, ни производительностью высшаго размѣра. Борьба экономическихъ силъ, которая создаетъ такое положеніе, совершается опять таки чрезъ воздѣйствіе неравныхъ доходовъ, чрезъ раздѣлъ прибавочнаго продукта на особыхъ дифференціальныхъ началахъ. Мы не имѣемъ никакого права теоретически устанавливать, какъ мы старались доказать, и доктрину тенденции доходовъ къ равенству. Эквиализація доходовъ, какъ мы старались доказать, есть не болѣе какъ двусторонній процессъ дифференціаціи доходовъ, который, во первыхъ, болѣе производительнымъ сочетаніямъ капиталовъ сохраняетъ нѣкоторую ренту производительности, а при наличности таковой, во вторыхъ, вполне объяснима и дифференціація другого рода: дифференціація соціального раздѣла, которая даетъ возможность собственникамъ орудій производства отвоевывать себѣ при извѣстныхъ условіяхъ чрезъ процессъ образованія цѣнъ относительно большую долю продукта и оплачивать затѣмъ по повышенной нормѣ тѣ отрасли промышленности, которыя работаютъ и создаютъ „виды богатства“ для наслажденія экономически сильнѣйшихъ.

Всѣ разсужденія Маркса объ органическомъ сочетаніи капиталовъ, доказываютъ только то, что производительность разныхъ видовъ капитала различна, что масштабомъ для измѣренія этой производительности должно взять прибавочный продуктъ и прибавочную цѣну; тогда безъ всякой фикціи трудовой цѣнности мы объяснимъ весь сложный процессъ образованія цѣнъ.

Марксъ полагалъ, что возможно и должно объяснять процессъ образованія прибыли внѣ обмѣна. Если бы онъ

1) Эта рента рѣдкости въ разныя историческія эпохи можетъ быть очень различна. Убѣжденіе Рикардо, будто предѣльная ея норма опредѣляется исключительно необходимыми побужденіями къ дальнѣйшему накопленію (см. стр. 221), врядъ ли вѣрно и достаточно полно. Она зависитъ отъ всего характера потребления капиталистовъ, отъ общихъ условій производительности труда и дифференціального раздѣла экономического избытка т. е. должна быть изслѣдована исторически.

болѣе оцѣнили универсальное значеніе различій въ производительности, этого положенія онъ не могъ бы высказать. Тамъ, гдѣ существуютъ такія различія, а они существуютъ повсемѣстно и могутъ уменьшаться только въ извѣстныхъ предѣлахъ, обмѣнъ играетъ основную роль въ дѣлѣ раздѣла прибавочнаго продукта, и притомъ неравнаго. Если экономическій процессъ уравниваетъ эти различія, создается новая дифференціація прибылей, которая можетъ чувствоваться, какъ пониженіе нормы прибыли, но, какъ общее правило, мы не имѣемъ никакого права утверждать, что рента производительности исчезаетъ въ нашемъ хозяйствѣ неизбежно.

Мы приходимъ, слѣдовательно, къ выводу, что капиталъ средней производительности даетъ и среднюю прибыль; капиталъ высшей производительности — высшую, низшей — низшую. Отсюда ясно, что предположеніе классическихъ экономистовъ о тенденціи прибыли къ равенству надо принимать съ осторожностью. Эта тенденція возможна только при полномъ равенствѣ въ производительности каждой единицы капитала. До тѣхъ поръ, пока эти различія существуютъ, прибыль можетъ быть только явленіемъ дифференціальнымъ. Различія же эти никогда не могутъ исчезнуть, пока остается въ силѣ процессъ капиталистическаго накопленія и пока онъ, къ выгодѣ капиталистовъ, совершается, несмотря на кажущуюся быстроту, столь относительно медленно, что и теперь еще во всѣхъ странахъ, на ряду съ высокопроизводительными сочетаніями капиталовъ для снабженія рынка, работаетъ масса малопродуктивныхъ капиталовъ и по своимъ размѣрамъ, и по технической формѣ. Капиталы низшей производительности, получая меньшую сравнительно прибыль, стараются выжимать всѣ соки изъ своихъ рабочихъ, но все же живутъ. Если дифференціальныя различія между прибылями становятся слишкомъ велики, процессъ капиталистическаго накопленія начинаетъ дѣйствовать быстро, обнаруживается усиленная концентрація капиталовъ; разрушеніе менѣе производительныхъ предприятий идетъ усиленнымъ темпомъ. Съ нѣкоторымъ подъемомъ средней производительности капитала этотъ процессъ снова затихаетъ на время, и капиталисты начинаютъ предпочитать потреблять свою прибыль, не улучшая технически и капиталистически своего производства. Это ясно понимали и классики, когда говорили о „дѣятельномъ стремленіи къ накопленію“ и о неизбежномъ существованіи минимума прибыли, безъ котораго капиталисты потеряли бы выгоду двигать далѣе экономическую машину. До нѣкоторой степени, слѣдовательно, отъ сознательной или бессознательной воли капиталистовъ, стремя-

щихся къ своей выгодѣ, зависятъ и то, что не только трудъ является „ограниченнымъ для неограниченнаго“ (т. е. потребностей), но таковымъ становится и капиталъ.

Изученія третьей причины: условій дифференціального раздѣла продукта чрезъ борьбу общественныхъ классовъ за размѣры ихъ доходовъ завело бы насъ слишкомъ далеко; это заставило бы насъ переработать всю теорію доходовъ, а главное исторически изобразить реальныя условія жизни народныхъ хозяйствъ въ разныя эпохи ихъ развитія.

Изъ всего предшествовавшаго анализа ясно, что современная политическая экономія не только не построила точнаго закона цѣнности, но, пожалуй, и перестала стремиться къ этому. Для современнаго экономиста исторія споровъ о цѣнности имѣетъ интересъ только потому, что въ нихъ выяснились болѣе надежныя методы для пониманія процесса распредѣленія и созданія народнаго дохода.

Въ заключеніе разбора социалистическихъ ученій мы должны теперь обратиться къ намѣченному выше вопросу: что же такое социализмъ?

Прежде всего мы должны сдѣлать оговорку; мы будемъ говорить о социализмѣ, какъ объ одной изъ экономическихъ системъ, а не какъ о программѣ одной изъ борющихся политическихъ партій. Изученіе партійныхъ программъ повело бы насъ слишкомъ далеко.

Социализмъ — явленіе очень сложное, многообразное и встрѣчавшееся въ самыхъ разнообразныхъ историческихъ эпохи. Въ переживаемую нами историческую эпоху это міросозерцаніе сложилось подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ причинъ и не можетъ быть замкнуто въ одну какую либо формулу.

Во первыхъ, социализмъ представляетъ собой то своеобразное міросозерцаніе, которое пыталось разработать теорію социальныхъ силъ, направляющихъ исторію развитія чело-вѣчества. Въ этомъ отношеніи социализмъ стоитъ въ связи со всей исторіей развитія философіи 19-го вѣка и до сихъ поръ въ немъ рѣзко борются два направленія: идеалистическое и материалистическое. Наибольшее распространеніе въ концѣ 19-го вѣка получило материалистическое направленіе, стоявшее въ непосредственной преемственной связи съ либерально-материалистическимъ міросозерцаніемъ индивидуализма. Материалистическое пониманіе исторіи содѣйствовало раскрытію „главнѣйшихъ“ причинъ историческаго процесса и сильно облегчило проясненіе той сложной связи, которая существуетъ между индивидомъ, какъ субъектомъ

дѣйствій и какъ объектомъ воздѣйствій окружающей экономической и социальной среды¹⁾. Даже преувеличенія его оказали свою пользу: они побудили къ внимательной разработкѣ вопроса.

Во вторыхъ, социализмъ стоитъ въ непосредственной связи и съ политическими видоизмѣненіями, которыя произошли въ Европѣ въ теченіе 19-го вѣка. Первые социалисты, въ особенности Оуенъ, Сень-Симонъ и имъ подобные, придавали политической организаціи сравнительно мало значенія. Они исходили изъ анализа человѣческой природы и настаивали, главнымъ образомъ, на нравственномъ усовершенствованіи человѣка, которое должно преобразовать и экономическій строй. Послѣдующіе социалисты стали придавать главнѣйшее значеніе политическимъ преобразованиямъ, полагая, что путемъ всеобщаго избирательнаго права возможно осуществленіе полнаго видоизмѣненія социальныхъ условій жизни. Это политическое преобразование имъ рисуется въ наиболѣе демократическихъ формахъ, равныхъ для мужчины и женщины. Преобразование внутренней социальной жизни создастъ возможность и для гармоническаго общенія народовъ, которое рисуется разными фракціями социалистовъ весьма разнообразно²⁾.

Въ третьихъ, социализмъ — критическое ученіе, которое попыталось, исходя изъ началъ классической школы и пользуясь обратно-дедуктивнымъ методомъ, изучить дѣйствіе капиталистическаго механизма, а также указать вредныя и разлагающія стороны этого строя на почвѣ индуктивнаго собранія фактовъ въ разныя эпохи исторіи. Въ особенности его

1) По справедливому замѣчанію Антоніо Лабріола (см. его „Къ вопросу о материалистическомъ взглядѣ на исторію“ р. пер. 1898 г.) школа Маркса содѣйствовала распространенію правильной идеи: „въ одно и то же время человѣкъ не творитъ нѣсколько исторій; всѣ эти мнимыя отдѣльныя исторіи (искусство, религія и т. д.) составляютъ единую исторію. . . Только крестинъ можетъ воображать, что индивидуальная мораль каждаго пропорціональна его экономическому положенію. Но мораль не появляется самопроизвольно и не развивается сама изъ себя. Духовной сущности, какъ единообразное и единственное основаніе для всѣхъ людей, не существуетъ... Человѣкъ при своемъ рожденіи на свѣтъ и въ своемъ развитіи вовсе не является существомъ, надѣленнымъ отъ рожденія свойствами, которыя развиваются раціональнымъ ритмомъ. Онъ развивается одновременно и какъ причина, и какъ слѣдствіе, какъ дѣятель, и какъ продуктъ опредѣленныхъ условій, создающихъ опредѣленные направленія идей, мнѣній, вѣрованій и чаяній... Психическій механизмъ очень эластиченъ, однако, никто не живетъ, замкнувшись въ собственномъ классѣ, не испытывая вліянія другихъ классовъ. Вліяніе среды и традиціи (передачи) идей настолько тѣсно переплетаются между собой, что невозможно свести развитие каждаго индивида къ абстрактной и общей жизни одного класса“.

2) См. Очеркъ А. Яценко. Социализмъ и интернаціонализмъ, Москва, изд. Скирмунта.

критика была направлена на учение о происхождении и основах собственности, прибыли, ренты, на анализ системы соперничества и наемного труда. Многие из сложнейших вопросов экономии, напр., вопросы о кризисах, о крупном и мелком хозяйствѣ, о капиталѣ, о землѣ нашли въ лицѣ Родбертуса и Маркса не только критиковъ, но и людей, давшихъ наиболѣе яркія и творческія обобщенія. Вообще, большинство социалистовъ - эволюціонистовъ наиболѣе глубоко проанализировало учение Смита, Мальтуса и Рикардо.

Критика социализма основана не только на предположеніи о цѣлесообразности и о возможности осуществленія въ будущемъ общественной собственности, но и на необходимости признанія трудового дохода въ той или другой формѣ, другими словами на отрицаніи правомѣрности дохода, который получается отъ собственности въ землѣ и капиталѣ.

Въ четвертыхъ, какъ часть философскихъ теченій нашего времени, социализмъ, въ особенности идеалистическій, пытался разработать основы новой социальной этики, опредѣлить идеалы распределительной справедливости, а также и основы будущаго социалистическаго общества. По этому предмету въ предѣлахъ социалистовъ сказалось громадное разнообразіе взглядовъ, которое отчасти и намѣчено выше: они разбились на коммунистовъ, разныя фракціи социалистовъ¹⁾ съ весьма разнообразной социальной политикой.

Материалистическій социализмъ, который положилъ въ основу объясненія исторіи борьбу классовъ, не столько заботился о построении новой этики и плановъ будущаго, сколько старался критиковать существующую этику и обна-

1) Формулы распределительной справедливости предложено не мало. Изъ нихъ наибольшую популярность приобрѣли отмѣченныя выше формулы С. Симонистовъ (см. выше стр. 372) и Луи Блана (см. стр. 407). Очень часто коммунистами нынѣ называютъ тѣхъ, которые стремятся не только къ устраненію частной собственности на орудія производства, но и на продукты труда, представляютъ себѣ въ будущемъ обществѣ общность потребленія, труда и жизни въ особыхъ, специально организованныхъ ассоціаціяхъ (см. стр. 309, 310, 378, 385). Всѣ эти предположенія объ организаціи будущаго общества, однако, обыкновенно такъ неясны, что построить на этомъ началѣ какую либо классификацію социальныхъ ученій совершенно невозможно. Самый терминъ „коммунизмъ“ сильно измѣнилъ свой смыслъ въ наше время. Марксъ и Энгельсъ называли себя коммунистами, но никакихъ такихъ, какъ указано выше, предположеній о будущемъ не имѣли и ихъ теперь называютъ „социалистами“, а прежнихъ организаторовъ труда, какъ разъ наоборотъ, коммунистами (см. стр. 467). Я принялъ другую классификацію и называю всѣхъ, строящихъ тѣ или иныя планы будущей общественной жизни и видящихъ въ этомъ основу своей системы „организаторами труда“, тѣхъ, которые полагаютъ, что картина будущаго предвидѣть невозможно и что жизнь общества преобразовывается съ ходомъ историческаго процесса, я называю „социалистами-эволюционистами.“

руживать ея противорѣчія. На ряду съ справедливой критикой нерѣдко можно встрѣтить въ рядахъ представителей этого социализма значительныя преувеличенія. Но и онъ не избѣгъ необходимости попытаться построить теперь же свою этику на чисто телеологическихъ началахъ, причемъ пользовался, какъ и всѣ новыя ученія, возникающія въ мірѣ, при построеніи своей новой этики и своего новаго естественнаго права діалектическимъ методомъ противоположенія. Эта этика основана на убѣжденіи, что преобразование частной собственности въ общественную, которое совершится самою силою необходимости историческаго процесса, прекратитъ борьбу людей между собою и тогда наступитъ царство альтруизма и свободы, торжество индивидуальности и общественной гармоніи¹⁾, разумной и справедливой организаціи труда.

Въ пятыхъ, особенное распространеніе социализмъ получилъ среди работающихъ классовъ населенія и потому нерѣдко, хотя и безъ достаточныхъ основаній, его называютъ философіей пролетаріата. Эта философія была формулирована въ 19-мъ вѣкѣ на почвѣ вновь развившихся политическихъ и экономическихъ отношеній интеллигенціей Европы и лишь получила громадное распространеніе среди пролетаріата.

Въ шестыхъ, какъ особая вѣтвь критическаго и организаторскаго социализма, анархизмъ представляетъ собой попытку созданія „новаго индивидуализма“, отрицающаго частную собственность, но и опасющагося, что, съ возникновеніемъ правительствъ, облеченныхъ властью организовать экономическую жизнь, можетъ возникнуть новая промышленная тиранія надъ свободою полного самоопредѣленія личности.

Главная заслуга социалистовъ-эволюціонистовъ заключается въ ихъ стремленіи объяснить и понять историческій процессъ, какъ необходимую цѣпь причинъ и слѣдствій. Какъ попытка создать новую этику и распространить научныя взгляды на историческій процессъ, социализмъ много сдѣлалъ для воспитанія массъ. Въ зависимости отъ условій той или иной общественной среды практически социализмъ пріобрѣталъ эволюціонный или же революціонный характеръ. Нельзя, однако, отрицать и того, что нерѣдко въ немъ сказывались и ярко выраженные демагогическія

1) Особенно характерна въ этомъ отношеніи книга вождя современной германской социаль-демократіи А. Бебеля. Женщина и социализмъ (рус. пер. 1906 г.); также Антонъ Менгеръ. Новое ученіе о государствѣ, р. пер. 1906 г.; вѣмец. изд. 1903; сравни также М. Бурганъ. Современныя социалистическія системы и экономическое развитіе, р. пер., Спб., 1906. J. Rae. Contemporary Socialism, 3 изд. 1901 г.

стремленія, въ особенности въ тѣхъ странахъ, гдѣ культурный уровень массъ крайне низокъ, а экономическое положеніе ихъ бѣдственно, близко въ полной нищетѣ.

ГЛАВА VIII и послѣдняя.

Соціалъ-политики.

§ 1. Разныя теченія въ этой школѣ. Вагнеръ, Шмоллеръ, Брентано. Первые русскіе соціалъ-политики. § 2. Соціальная политика въ истолкованіи Вагнера, Шефле, Филлиповича и другихъ. Критика Зомбарта, ея полезныя результаты. Господство фразы и Зомбартъ. Идеалы производства и политика распределенія. Хозяйственный прогрессъ и классовая политика. Можно ли опредѣлить, кто является представителемъ хозяйственнаго прогресса? Четыре формы производственнаго идеала. Рикардо и Родбертусъ и ихъ политика доходовъ. Политика валового и чистаго дохода. Необходимыя измѣненія въ политикѣ чистаго дохода.

§ 1. Въ концѣ XIX-го вѣка Западная Европа сдѣлалась владыкой всего міра, но и на крайнемъ Западѣ — въ Америкѣ, и на Востокѣ — въ Россіи, экономическая жизнь получила громадное развитіе; здѣсь стали выростать новыя политическія и соціальныя силы. Во внутренней жизни Европы стали происходить крупныя видоизмѣненія, а соціальный вопросъ и развитіе производительныхъ силъ сдѣлались главной заботой ея государствъ.

Въ концѣ же XIX-го вѣка на ряду съ индивидуалистическимъ и социалистическимъ міровоззрѣніемъ, создались и другая школа, которая пріобрѣла названіе „соціалъ-политиковъ“ или катедеръ-соціалистовъ. Эта школа выросла на почвѣ индивидуалистическаго, матеріалистическаго и идеалистическаго міросозерцаній школъ естественной свободы и социализма и подъ непосредственнымъ давленіемъ практическихъ нуждъ жизни и борьбы партій. Уже въ 1872 г. почувствовалась потребность въ объединеніи различныхъ представителей этого направленія ¹⁾. Въ октябрѣ этого года

1) Представители всеобщаго рабочаго союза, т. е. тогдашніе соціалъ-демократы или, вѣрнѣе, послѣдователи Фердинанда Лассаля, руководимые г. Швейцеромъ, встрѣтили образованіе этого союза очень враждебно. Резолюція ихъ гласила: „дѣло конгресса является безпомощной попыткой всякаго рода палліативами удержать рабочее сословіе отъ социализма“. Г. Швейцеръ въ свое время былъ особенно популяренъ въ Россіи, благодаря своему соціальному роману подъ заглавіемъ „Эмма“.

въ г. Эйзенахъ для обсужденія „соціального вопроса“ былъ созданъ конгрессъ, на которомъ участвовали почти всѣ нѣмецкіе профессора политической экономіи, нѣкоторые предприниматели, адвокаты, литераторы и друг. На этомъ конгрессѣ было положено основаніе такъ называемому „союзу соціальной политики“, который существуетъ до настоящаго времени и выпустилъ около 116 томовъ своихъ трудовъ.

Со второй половины 19-го вѣка и въ самой Англіи утилитаріанская доктрина Бентамитовъ начинаетъ получать истолкованіе въ духѣ государственнаго и профессиональнаго социализма, если подъ послѣднимъ понимать простое расширеніе сферы вмѣшательства государства въ соціальныя отношенія и развитіе соединеній для защиты экономическихъ интересовъ отдѣльныхъ классовъ. Христіанскіе социалисты Англіи: Морисъ, Кингслей, Людловъ съ ихъ проповѣдью коопераціи, „радикальные тори“ съ ихъ агитаціей въ пользу фабричныхъ законовъ и за „соціальную монархію“, Карлейль, Рэскинъ и другіе соціальныя литераторы съ ихъ критикой „грубаго утилитаризма“ и „сухой экономической науки“, Д. С. Милль съ его наклонностями къ французскому социализму и позитивизму, сдѣлали свое дѣло.

Первые нѣмецкіе социаль-политики стараются перенести англійскіе идеи новаго времени и новыя англійскія учрежденія на континентальную почву. Очень характерно, что на первомъ же съѣздѣ въ Эйзенахъ — Brentano читаетъ докладъ о фабричномъ законодательствѣ, Шмоллеръ о рабочихъ союзахъ и стачкахъ, Энгель — о рабочихъ жилищахъ. Многие въ своей полемикѣ противъ классической школы и собственныхъ представителей манчестерства: Трейчке, Бамбергера и Оппенгейма — первые социаль-политики заимствуютъ изъ англійскаго источника. Слѣды этого англійскаго вліянія задокументированы въ книгахъ: проф. Шефле. Капитализмъ и социализмъ (1870); проф. А. Гельда. Двѣ книги по соціальной исторіи Англіи (1881); проф. Л. Brentano. Рабочіе союзы нашего времени (1870), проф. Шульце-Геверница, Соціальная Англія (1890). Въ своей полемикѣ противъ Трейчке, Оппенгейма, Бамбергера и другихъ представителей манчестерства въ Германіи первые социаль-политики Шефле, Шмоллеръ, Шеель, Brentano, Замтеръ и друг. опираются на англійскіе эксперименты и видятъ въ пропагандѣ своихъ идей вѣрное средство для противодѣйствія „революціоннымъ“ социалистическимъ идеямъ, которыя особенно сильно стали распространяться съ 1863 г. подъ вліяніемъ замѣчательной энергіи Фердинанда Лассаля. Уже въ 1870 г. въ своей книгѣ: „Социализмъ и капитализмъ“ Шефле противопоставляетъ социализму „соціальную реформу“, которая должна примирить противорѣчія труда

и капитала. „Не только государство, пишет онъ, я иду далѣе и утверждаю — всѣ культурныя силы общества должны работать надъ социальной реформой: наука, литература, пресса, искусство, педагогика, школа, церковь и свободная религіозность“.

Я не хочу, дѣлая эти замѣчаніе объяснять происхождение школы социаль-политиковъ исключительно вліяніемъ англійской мысли. Мѣстныя, континентальныя вліянія имѣли также серьезное значеніе, но нѣмецкіе социаль-политики ужъ слишкомъ дерзновенно приписываютъ себѣ якобы переворотъ, произведенный ими въ теченіи европейской мысли. Они порожденіе англійскаго торійскаго полу-соціализма и франко-нѣмецкаго же социализма, радикализма и историзма. Именно по этой то причинѣ въ рядахъ социаль-политиковъ и обнаруживается такая пестрота міровоззрѣній.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что можно называть „социаль-политиками“ только тѣхъ, кто входитъ въ составъ этого союза. Онъ объединяетъ людей очень разныхъ міросозерцаній; много людей и въ самой Германіи осталось внѣ союза по самымъ разнообразнымъ причинамъ. Нельзя сказать даже и того, что въ вопросахъ „социальной политики“ писатели этого направленія заняли среднее положеніе между индивидуализмомъ и социализмомъ. Одни изъ нихъ занимаютъ положеніе болѣе близкое къ индивидуализму¹⁾, дру-

1) Изъ числа русскихъ экономистовъ болѣе всего близкихъ къ индивидуализму особеннаго вниманія заслуживаютъ Н. Х. Бунге (1823—1896), В. П. Безобразовъ (1828—1889), И. И. Кауфманъ. Бунге былъ первымъ профессоромъ въ Россіи, который поставилъ преподаваніе экономіи, статистики и полицейскаго права на надлежащую научную высоту. Его курсы статистики (Кіевъ, 1865 г.) и полицейскаго права (Кіевъ, пять выпусковъ, 1873—1877) въ исторіи развитія русской науки займутъ почетное мѣсто. Любопытно отмѣтить, что какъ Бунге, такъ Безобразовъ и Кауфманъ были прекрасными знатоками денежнаго обращенія и въ теченіи долгаго времени боролись противъ злоупотребленія выпусками бумажныхъ денегъ. Статьи Безобразова „О нѣкоторыхъ явленіяхъ денежнаго обращенія въ Россіи“ до сихъ поръ заслуживаютъ вниманія. Большой заслугой Безобразова является изданіе восьми томовъ Сборника Государственныхъ Знаній, въ которомъ сотрудничали почти всѣ выдающіеся профессора того времени и дали въ немъ рядъ весьма цѣнныхъ работъ (первый выпускъ 1873 г., восьмой — 1880 г.). Произведенія Бунге, Безобразова и Кауфмана по денежному и банковому вопросу отмѣчены въ моемъ изслѣдованіи „Деньги“, Москва, 1895 г. О другихъ трудахъ этихъ лицъ и вообще о всѣхъ ниже отмѣченныхъ русскихъ экономистахъ см. Энциклопедическій словарь Брокгауза и Биографическій словарь г. Венгера. Надлежитъ отмѣтить, что И. И. Кауфманъ много поработалъ въ области практической статистики банковаго и денежнаго дѣла и въ теоретической разработкѣ государственнаго кредита (въ сочиненіи „Основанія расчетовъ по публичнымъ займамъ“, Спб. 1891 г.). Къ этой же категоріи слѣдуетъ отнести и В. А. Лебедева, проф. финансоваго права въ Спб. У. и проф. политич. экономіи того же университета П. И. Георгіевскаго, занимавшагося желѣзно-дорожнымъ хозяйствомъ.

гіе къ соціалізму, одни тяготѣють къ матеріалізму, другіе къ идеалізму. Одни признають значеніе обратно-дедуктивнаго метода, другіе требуютъ исключительнаго примѣненія историческаго и наблюдательнаго метода въ экономіи. Въ предѣлахъ этой школы господствуетъ громадное разнообразіе взглядовъ, а въ зависимости отъ той страны, гдѣ живутъ и дѣйствуютъ эти писатели, взгляды „соціаль-политиковъ“ еще болѣе разнообразятся. Очень многіе изъ соціаль-политиковъ занимали и занимаютъ профессорскіе кафедръ, откуда и произошло ихъ наименованіе „катедеръ-соціалистами“.

Наиболѣе видными „соціаль-политиками“ Германіи, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ признать Адольфа Вагнера, Густава Шмоллера и Луйо Brentano — это старѣйшіе ветераны этой школы. У насъ въ Россіи такими же старѣйшими представителями этой школы слѣдуетъ признать: А. И. Чупрова († 1908), И. И. Янжула, И. И. Иванюкова, И. Н. Миклашевскаго († 1901), Н. А. Карышева († 1905), А. А. Исаева, Л. В. Ходскаго, В. Ф. Левицкаго, А. И. Скворцова, А. С. Постникова, Н. А. Каблукова и нѣкоторыхъ другихъ¹⁾.

1) Называю только эти имена, какъ старѣйшихъ университетскихъ преподавателей экономіи. А. И. Чупровъ и И. И. Янжулъ должны считаться родоначальниками русскаго соціально-политическаго направленія въ экономіи. На московской кафедрѣ они прекрасно дополняли другъ друга. А. И. Чупровъ былъ типичнымъ народникомъ и главнымъ образомъ направлялъ симпатіи своихъ слушателей на изученіе аграрнаго вопроса. Большинство его учениковъ и доньякъ сохраняетъ народническую завѣщанію. Изъ ученыхъ трудовъ А. И. Чупрова особенно популярностью пользовались его курсы: 1) исторіи политической экономіи (первое печатное изданіе 1892 г.) и 2) курсъ теоріи, составленный подъ сильнымъ вліяніемъ В. Рошера, Д. С. Милля и А. Вагнера, въ которомъ слабой струей прибавилось немного марксизма. А. И. Чупровъ считался специалистомъ по желѣзно-дорожному хозяйству, которому посвящены обѣ его диссертации. И. И. Янжулъ имѣлъ значеніе, какъ прекрасный знатокъ и дѣятель фабричнаго законодательства, рѣшительный сторонникъ государственнаго вмѣшательства въ духѣ А. Вагнера и его системы финансоваго хозяйства. Учебникъ Янжула былъ первымъ курсомъ финансоваго права, въ которомъ Вагнеровская соціальная политика финансовъ была болѣе или менѣе послѣдовательно проведена. Учебникъ даетъ обзоры финансоваго законодательства XIX вѣка въ разныхъ странахъ и указываетъ про и contra всякаго финансоваго мѣропріятія. Исторіи финансовъ вообще и исторіи финансовъ Россіи учебникъ не даетъ. Заслуга Янжула, какъ экономиста, заключается въ разработкѣ практическихъ вопросовъ экономіи (таможенная политика, синдикаты, торговые музеи, фабричное законодательство) и ознакомленіе русской публики съ новинками западно-европейской литературы (неомальтузианство, армія спасенія и проч.). Докторская его диссертация была посвящена свободной торговлѣ въ Англіи (вып. I. меркантильный періодъ; вып. II. періодъ свободной торговли, М. 1876—1882). И. И. Иванюковъ въ своей докторской диссертации: „Основныя положенія теоріи экономической политики съ А. Смита до настоящаго времени“ (Москва, 1880 г.) впервые въ русской литературѣ далъ сводку идей нѣмецкихъ соціаль-политиковъ. Нѣсколько позднѣе то же сдѣлалъ и В. Ф. Левицкій

Въ разныя эпохи своей жизни нѣкоторые изъ этихъ русскихъ социаль-политиковъ тяготѣли то къ народническому, то марксистскому социализму и вообще относились нѣсколько пренебрежительно къ германскимъ социаль-политикамъ за ихъ буржуазное направленіе, но по условіямъ русской жизни далѣе обыкновенной социальной политики и они не шли.

Какъ ни многообразны взгляды этихъ писателей, но надлежитъ, хотя бы въ немногихъ словахъ, дать характеристику главнѣйшихъ теченій въ средѣ германскихъ социаль-политиковъ, а главное дать анализъ самаго существа ихъ „социальной политики.“ Достаточно взять Вагнера, Шмоллера, Brentano, чтобы видѣть, какъ разнообразны эти взгляды.

А. Вагнеръ¹⁾ называетъ свое направленіе — социальнo-правовымъ, т. е. такимъ, которое прежде всего занимается изслѣдованіемъ необходимыхъ условій совместной общественной жизни людей и только въ связи съ выясненіемъ этихъ условій стремится опредѣлить сферу хозяйственной свободы отдѣльной личности. По мнѣнію Вагнера, необходимо ясно и опредѣленно разработать, главнымъ образомъ, вопросъ объ отношеніи права и политической экономіи. Вагнеръ былъ однимъ изъ людей, наиболѣе порабатвавшихъ надъ выясненіемъ вопроса о предѣлахъ государственнаго вмѣшательства въ общественную жизнь и о налоговой системѣ, какъ о средствѣ, при помощи котораго можно сгладить имущественныя неравенства и облегчить экономически слабому борьбу за свое существованіе съ экономически эксплуатирующими его.

въ своей магистерской диссертациі „Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ“ (Ярославль, 1890 г.). Для освѣщенія вопросовъ практической экономіи много далъ „Курсъ политической экономіи“ проф. А. А. Исаева и другіе его труды; хорошій учебникъ по финансовому праву былъ также написанъ проф. Л. В. Ходскимъ; онъ же написалъ цѣнный трудъ: „Земля и земледѣлецъ.“ А. И. Скворцовъ написалъ лучшій въ русской литературѣ учебникъ „Основы экономики земледѣлія“ (въ трехъ выпускахъ) и цѣнный трудъ „Вліяніе цароваго транспорта на сельское хозяйство“ (Варшава, 1890 г.). Изъ московскихъ преподавателей юристовъ, несомнѣнно, болѣе всего сдѣлалъ для экономическаго пониманія исторіи М. М. Ковалевскій, но его едва ли можно включить въ составъ социаль-политиковъ. Его надобно отнести къ школѣ русскихъ историковъ.

1) Вагнеръ, авторъ безконечнаго числа работъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ. Для него, какъ социаль-политика, особенно характерны оба его курса политической экономіи и финансовъ; *Grundlegung der politischen Oekonomie*, 1. Theil — *Grundlagen der Volkswirtschaft*, 2. Theil, *Volkswirtschaft und Recht*. Особенно интересны — второй полутомъ первой части, гдѣ изложено ученіе о населеніи и вторая часть, гдѣ дано ученіе о собственности и свободахъ; также „*Finanzwissenschaft*“, четыре громадныхъ тома, въ которыхъ дана теорія финансовъ, законодательство европейскихъ странъ и политика финансовъ.

По вопросу о государственномъ вмѣшательствѣ онъ высказывался такимъ образомъ. По его мнѣнію, расширение государственнаго вмѣшательства и проведение „общественнаго начала“ никогда не слѣдуетъ дѣлать „безъ разбора,“ „изъ принципа“ за счетъ частно-хозяйственнаго и благотворительнаго начала. Цѣлый рядъ отраслей промышленности, по его мнѣнію, не можетъ существовать безъ руководящей роли предпринимателя, ибо создать планъ хозяйства и разумно его провести можетъ далеко не всякій. Здѣсь нужны знанія, отсутствіе рутины, смѣлость и искренняя преданность своему дѣлу, какъ призванію жизни. Случаи, когда государственное вмѣшательство наиболѣе умѣстно, опредѣляются по самому свойству ихъ и стоятъ въ зависимости отъ стадии развитія, на которой находится общество; здѣсь можно установить только самыя общія положенія. Однако, задачу государства нельзя такъ узко опредѣлять, какъ это дѣлаетъ Смитъ. Можно, напротивъ, утверждать, что съ развитіемъ общества сфера государственнаго воздѣйствія все болѣе и болѣе расширяется. Для проведения въ жизнь этого вмѣшательства все болѣе и болѣе воспитывается и необходимая бюрократія, и необходимые промышленные руководители. Проведеніе государственнаго начала и дѣятельности всегда справедливо и полезно тамъ, гдѣ а) организація хозяйства за счетъ государства можетъ удовлетворять общественнымъ нуждамъ лучше и дешевле, во всѣхъ отношеніяхъ цѣлесообразнѣе, чѣмъ единичная или даже союзная дѣятельность частныхъ лицъ (напр., почта, желѣзныя дороги, страхованіе и т. п.); б) гдѣ частная инициатива совсѣмъ не можетъ обнаружить свое дѣйствіе по тѣмъ или другимъ причинамъ (стремленіе вызвать къ жизни развитіе производительныхъ силъ, создать культурныя и образовательныя учрежденія, образцовыя техническія хозяйства и проч.); в) государство можетъ взять въ свои руки веденіе такихъ предпріятій, гдѣ требуется единство въ веденіи дѣла; гдѣ предпріятіе общественно-необходимо, хотя и промышленно невыгодно; гдѣ по самому роду дѣла предпріятіе имѣетъ монопольный характеръ или преслѣдуетъ просвѣтительныя или культурныя цѣли, можетъ окупиться только въ теченіи значительнаго періода лѣтъ и при веденіи дѣла на громадномъ пространствѣ и съ очень большимъ капиталомъ; гдѣ самый характеръ хозяйства связанъ съ совмѣстнымъ пользованіемъ всѣхъ членовъ общества (пути сообщенія, рынки и проч.); гдѣ управленіе всѣмъ сложнымъ веденіемъ хозяйства не такъ тѣсно связано съ личными свойствами и способностями предпринимателей.

Тотъ-же Вагнеръ одобряетъ государственное вмѣша-

тельство во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о защитѣ экономически слабѣйшихъ и нѣтъ никакихъ основаній надѣяться на возможность съ ихъ стороны самозащиты. Это вмѣшательство въ отношенія работодателей и рабочихъ необходимо и потому, что только такимъ образомъ могутъ создаться равныя условія соперничества для всѣхъ предприятий, добросовѣстныхъ и недобросовѣстныхъ. Во всемъ міровоззрѣніи Вагнера замѣтно вліяніе идей Кетла, Родбертуса и Маркса. Онъ ближе другихъ стоитъ къ экономическому матеріализму. Его замѣчанія о роли предпринимателя заслуживаютъ серьезнаго вниманія. Въ спорахъ о крупномъ и мелкомъ хозяйствѣ даже социалисты должны были признать, что демократія нуждается въ хорошихъ организаторахъ, что всякое расширеніе государственнаго вмѣшательства цѣлесообразно лишь при наличности подходящихъ творческихъ рабочихъ силъ и организаторовъ.

А. Вагнеръ — ученый коллосальный эрудиціи и трудо-способности (род. въ 1835 г.). Онъ былъ въ 1864—68 г. профессоромъ статистики въ Дерптскомъ (нынѣ Юрьевскомъ) Университетѣ. Широкаго и благотворнаго личнаго вліянія на родинѣ (въ Германіи) онъ не имѣлъ благодаря отрицательнымъ свойствамъ своего темперамента. Онъ какъ-то сумѣлъ соединить въ себѣ весьма радикальныя взгляды на социальную реформу съ грубыми проявленіями прусскаго чиновника и филистера. Онъ всегда былъ ярымъ нѣмецкимъ шовинистомъ, славяно-ненавистникомъ, прусскимъ централистомъ, аграріемъ и биметаллистомъ. Издатель и истолкователь сочиненій Родбертуса — онъ не въ состояніи былъ возвыситься до его благороднаго государственнаго идеализма. Эпоха Бисмарка наложила на него свою тяжелую печать національно-государственнаго своекорыстія. Теорію банковаго, страховаго и бумажно-денежнаго дѣла Вагнеръ знаетъ великолѣпно, изучивъ всю литературу въ Англіи съ 1805 по 1844 г. и другихъ странъ. Классическій трактатъ Вагнера „Русскія бумажныя деньги“ былъ переведенъ въ 1871 г. на русскій языкъ Н. Х. Бунге, съ его дополненіями и примѣчаніями, и содѣйствовалъ распространію правильныхъ взглядовъ въ правящихъ сферахъ на злоупотребленія выпусками. Попытка проф. (а потомъ и министра) А. Антоновича въ его книгѣ „Теорія бумажно-денежнаго обращенія“ (Кіевъ, 1883 г.) вновь доказать благотѣльность выпусковъ для спекулятивнымъ цѣлей имѣла только эффектный успѣхъ въ первые годы министерства г. Витте.

Шмоллеръ¹⁾, самый умѣренный изъ социаль-полити-

1) Изъ многочисленныхъ трудовъ Шмоллера для характеристики его, какъ социаль-политика, слѣдуетъ имѣть въ виду: *Über einige Grund-*

ковъ, менѣ всего склоненъ признавать значеніе матеріализма. Нѣкоторыя изъ его руководящихъ идей можно изложить такимъ образомъ.

Шмоллеръ является большимъ поклонникомъ индуктивнаго и историческаго методовъ. Онъ съ особой симпатіей цитируетъ слова Лассаля: „факты безъ идей всегда имѣютъ нѣкоторую цѣну, идеи безъ фактовъ получаютъ значеніе химеръ.“ Гибельнымъ заблужденіемъ является представленіе, что политическая экономія есть такая наука, которая имѣетъ только логическую функцію дальнѣйшаго разложенія понятій или простыхъ заключеній изъ установленныхъ аксіомъ. Политическая экономія должна быть обоснована на психологическихъ, этическихъ, юридико-философскихъ данныхъ. Лозунгомъ старой англійской экономіи было стремленіе: начинать изслѣдованіе народно-хозяйственныхъ явленій съ индивидуума; они думали, что только единичныя явленія доступны наблюденію. Представители исторической школы требовали противоположнаго. Они считали болѣе доступнымъ изученіе коллективныхъ явленій. По мнѣнію Шмоллера, такая постановка неправильна, если она утверждаетъ: или тотъ, или другой методъ. Какъ же существуетъ общаго правила относительно того, исходить ли при всѣхъ изслѣдованіяхъ изъ причины или изъ слѣдствія, также мало въ политической экономіи можно утверждать, что слѣдуетъ всегда исходить отъ индивида или всегда отъ коллективныхъ явленій. *Мы должны всегда исходить отъ извѣстнаго къ неизвѣстному.* Часто начинаютъ точное наблюденіе съ психическихъ качествъ и поступковъ индивидовъ, часто съ психическихъ качествъ и поступковъ человѣческихъ группъ, часто предметомъ перваго наблюденія являются данныя о цѣнахъ, измѣненія хозяйственныхъ состояній, ихъ организаціи, часто другія общественныя массовыя явленія.

Шмоллеръ полагаетъ, что обратно-дедуктивный методъ Д. С. Милля, заимствованный имъ у О. Конта (см. стр. 208 и слѣд.) обратилъ чистую дедукцію Рикардо въ индукцію. Главная опора Д. С. Милля, заставлявшая его въ экономіи предпочитать дедуктивный методъ, а именно положеніе,

---

fragen des Rechts und der Volkswirtschaft (1879); Die Gerechtigkeit in der Volkswirtschaft (1880) и въ особенности 2 тома его курса: Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre (1900 и 1904 г.). Извлеченіе изъ его трудовъ въ Библиотекѣ экономистовъ отмѣчено на стр. 181, прим. 24 июня 1908 г., въ день 70-лѣтія Г. Шмоллера, цѣлая плеяда профессоровъ поднесла ему особый трудъ: Die Entwicklung der deutschen Volkswirtschaftslehre in XIX Jahrhundert, 2 части, т. е. развитіе политической экономіи Германіи въ XIX вѣкѣ; этотъ трудъ социаль-политиковъ его школы заслуживаетъ большаго вниманія.

что всѣ психическія явленія, даже въ ихъ массовомъ дѣйствіи, должно выводить изъ индивидуальной психологіи, по мнѣнію Шмоллера, вѣрно только отчасти. Конечно, пишетъ Шмоллеръ, индивидъ всегда исходный пунктъ психологическаго изслѣдованія, но совмѣстныя и противоположныя другъ другу дѣйствія психическихъ стремленій одинаковыхъ и различныхъ людей — явленіе совершенно особое, которое не можетъ быть сведено къ простому сложению и вычитанію силъ . . . Всякій знаетъ, какъ психическія силы вырастаютъ, благодаря чувству единомыслія, въ гораздо болѣе сильной прогрессіи, чѣмъ это соотвѣтствуетъ числу участниковъ; какъ двадцать собраній, состоящихъ каждое изъ 50 разумныхъ людей, которые, совѣщаясь раздѣльно, даютъ разумныя рѣшенія, будучи соединены въ общее собраніе, приходятъ къ совершенно неразумнымъ результатамъ, такъ какъ всякое соединеніе воли въ значительномъ числѣ столько же увеличиваетъ ихъ силу, сколько и нейтрализуетъ ее. Коротко, какъ бы ни было истинно положеніе, что вполнѣ совершенная индивидуальная и массовая психологія даетъ возможность экономіи пользоваться по преимуществу дедукціей, тотъ запасъ истинъ, которымъ располагаетъ психологія въ своемъ современномъ состояніи совершенно недостаточенъ для этой цѣли. Эти истины еще надо найти и частью съ помощью психо-экономическихъ индукцій“.

Часто отмѣчаютъ, полагаетъ Шмоллеръ, „что новая школа характерно отличается отъ прежней абстрактно-дедуктивной школы Смита, Рикардо и друг. своимъ отношеніемъ къ государственной дѣятельности въ области народнаго хозяйства.“ Это справедливо только до извѣстной степени; принципиально экономисты новой школы не возражаютъ противъ вмѣшательства государства, но иногда настаиваютъ на его расширеніи, иногда на ограниченіи. Новое направленіе стремится показать, что народное хозяйство во всемъ его цѣломъ стоитъ въ тѣсной связи съ правомъ, моралью, обычаями даннаго общества и на данной стадіи развитія. То общее, которое связываетъ отдѣльныя единичныя хозяйства въ одно цѣлое, не заключается только въ государствѣ, но лежитъ глубже: это общность языка, исторіи, воспоминаній, обычаевъ и нравовъ, идей, — это міръ общихъ чувствъ, представленій и господство однохарактерныхъ идей, большее и меньшее согласіе всѣхъ психологическихъ стремленій. Изъ этихъ однородныхъ психологическихъ основъ вырастаетъ объективно осуществляющійся общій порядокъ жизни; это то, что греки называютъ „этось“, т. е. кристаллизовавшееся въ правѣ, въ обычаяхъ и въ морали духовно-нравственное самосознаніе, которое оказываетъ вліяніе на всѣ „хозяйственныя дѣйствія общества“.

Часто утверждаютъ, что всѣ хозяйственныя дѣйствія не могутъ быть разсматриваемы съ „этической“ точки зрѣнія, ибо они имѣютъ совершенно „технической“ характеръ. Можно выковать дурно или плохо гвоздь, но съ этической точки зрѣнія это обстоятельство не имѣетъ значенія. Я и самъ, говоритъ Шмоллеръ, это готовъ признать: всякая работа должна быть выполнена цѣлесообразно и больше ничего. Но дѣло въ томъ, что большая часть хозяйственныхъ дѣйствій, изслѣдованіемъ которыхъ занимается политическая экономія, не принадлежитъ къ области индивидуальной, технической дѣятельности; политическая экономія — не технологія: она главнымъ образомъ занимается изслѣдованіемъ отношеній единичныхъ хозяйствъ между собою и къ цѣлому; а при такомъ изслѣдованіи мы имѣемъ дѣло съ дѣйствіями, при которыхъ техническая сторона, если не вполне отстываетъ на задній планъ, но во всѣхъ случаяхъ, при посредствѣ нравственности и права, при посредствѣ „этоса“, она только и получаетъ опредѣленную окраску, форму и направленіе.

„Этосъ“ захватываетъ всѣ естественныя дѣйствія человека, т. е. тѣ, которыя онъ обязанъ выполнять по свойствамъ своей природы и потребностей, придаетъ имъ опредѣленный образъ. Этотъ образъ можетъ быть первоначально грубъ, страненъ, чудовищенъ; но въ немъ уже заключается нравственно-эстетическое чувство и разумъ, которые начали упорядочивать жизнь, создавать нормы для простого, естественнаго. Этотъ „этосъ“ представляетъ собою новое открытіе духа въ естественной жизни. Черезъ него, черезъ этотъ этосъ или нравы человѣкъ создаетъ въ природѣ новый міръ, міръ культуры. И къ этому міру культуры принадлежитъ также и народное хозяйство¹⁾.

По инстинкту человѣкъ ѣсть, нравы побуждаютъ его ѣсть въ опредѣленное время, съ извѣстными формами и орудіями. Холодъ заставляетъ его одѣваться, нравы создаютъ одежду, моду, всѣ виды болѣе изящнаго и благороднаго потребленія. По инстинкту человѣкъ ищетъ себѣ самку, нравы создаютъ бракъ и семью. Руководимый чувствомъ голода, дикарь убиваетъ звѣря, нравы отдають убитое животное въ его исключительную собственность и такъ создается частная собственность и наслѣдованіе. Безъ прочно сложившихся нравовъ не можетъ быть ни рынковъ, ни об-

1) Шмоллеръ отмѣчаетъ, что все его міровоззрѣніе сложилось подъ сильнымъ вліяніемъ Фихте, который впервые, по его мнѣнію, въ своемъ ученіи о хозяйствѣ сдѣлалъ великую попытку примирить право и нравственность съ жизнью. О Фихте см. G. Schmoller. Zur Literaturgeschichte der Staatwiss. und Socialismus., Leip. 1888; Marianne Weber. Fichte's Socialismus und sein Verhältniss zur Marx'schen Doctrin, Tübingen, 1900 г.

мѣна, ни денежнаго оборота, ни раздѣленія труда, ни касть, ни рабовъ, ни государственнаго общенія. На всѣ стороны жизни, на всѣ ея области распространяются церемоніи, символы, съ которыми юношеская фантазія народовъ соединяетъ всѣ дѣйствія, что бы тѣмъ какъ бы показать, что не только естественно, не только технически оно должно такъ совершаться, но оно происходитъ по праву, если чрезъ символы народовъ оно вносится въ связанный порядокъ систематически установившагося образа жизни. Если мы на низшихъ ступеняхъ развитія нигдѣ не имѣемъ дѣла съ чисто естественными дѣйствіями, то тѣмъ болѣе на высшихъ ступеняхъ культуры.

Простые нравы (Sitte) потеряли свою старую строгость; они расчленились на религію, право, реальные объективные обычаи и свободную нравственность. Это было необходимо для освобожденія личности и культурнаго прогресса. Свободная нравственность, которая находитъ только въ себѣ законъ и правило, до настоящаго времени является руководителемъ только болѣе одаренныхъ и высокихъ натуръ. Масса же и теперь въ большинствѣ своихъ хозяйственныхъ дѣйствій руководится нравами и правомъ. Противоположность между правомъ и нравами не заключается въ томъ, что право принудительно регулируетъ отношенія людей; нравы предоставляютъ его дѣйствія произволу. Въ первомъ случаѣ узда, сдерживающая людей, имѣетъ опредѣленное значеніе, во второмъ болѣе эластичное, но отнюдь не произвольное. И такъ, несмотря на такое расчлененіе „этоса“, основа осталась та же. Нигдѣ не встрѣчаемся мы съ чисто-естественными потребностями, но вездѣ мы имѣемъ дѣло съ потребностями, созданными культурой; нигдѣ мы не имѣемъ дѣла съ чисто техническими хозяйственными процессами, но съ процессами, которые регулируются обычаями, привычнымъ образомъ дѣйствій, нравами и правомъ. Сила народовъ вообще, а также и ихъ экономическая сила, покоится на запасѣ ихъ общественнаго чувства, на ихъ способности подчиняться общимъ нормамъ и общественнымъ учрежденіямъ. Въ общественной жизни всего яснѣе обнаруживается все, что возвышаетъ человѣка надъ животнымъ — разумъ и нравственное чувство.

„Если это такъ, говорить Шмоллеръ, то мы должны поставить себѣ вопросъ, какой выводъ мы должны сдѣлать изъ всего сказаннаго для тѣхъ проблемъ, которыя имѣютъ отношеніе къ организациі хозяйства, т. е. къ вопросу о томъ, какъ опредѣляется у даннаго народа совмѣстная работа единичныхъ хозяйствъ и раздѣленіе добытаго дохода. Отвѣтъ простъ (?). Хозяйственная организациа каждаго народа есть не что иное, какъ описанный выше порядокъ хозяйственной

жизни; она находитъ свое главнѣйшее выраженіе въ этическихъ нормахъ, въ хозяйственныхъ обычаяхъ и въ экономическомъ правѣ каждаго народа. И при этомъ она выражается не только въ главнѣйшихъ правовыхъ институтахъ, какъ рабство, крѣпостное право, феодализмъ, свобода промышленности, аграрное устройство, но также и во всѣхъ болѣе второстепенныхъ организаціонныхъ вопросахъ. Даже тамъ, гдѣ не имѣется никакого положительнаго права, всякое хозяйственное состояніе покоится на нормахъ, которыя входятъ въ жизнь, какъ нравы и обычаи“. Шмоллеръ и его ученики, поэтому стали обращать большое вниманіе на психологическій анализъ человѣческой природы, на общія культурныя условія въ разныя эпохи человѣческой исторіи—заслуга не малая, ибо понять жизнь во всѣхъ ея краскахъ задача высокая и благородная. Горожанинъ и феодалъ среднихъ вѣковъ и тѣ же типы промышленника и помѣщика въ наше время, конечно, не одно и то же. Религіозныя настроенія въ среднія вѣка и въ наше время имѣютъ совершенно разное значеніе и вліяніе, хотя общая основа ихъ и осталась той же.

Всѣ эти соображенія объ этическихъ основахъ хозяйства приводятъ Шмоллеръ къ мысли о необходимости желать и стремиться къ осуществленію „новаго хозяйственнаго этоса“ и новаго хозяйственнаго законодательства. „Мы, пишетъ онъ, устранили промысловое и аграрное законодательство 16—18 вѣка вовсе не потому, что мы перестали нуждаться во всякихъ ограниченіяхъ права въ нашей хозяйственной дѣятельности, но только потому, что прежде всего намъ необходимо было какой бы то ни было цѣною освободиться отъ права, которое было нужно совсѣмъ для другого времени, создалось при господствѣ другой техники и подъ вліяніемъ давно пережитыхъ культурныхъ идей, нравовъ и потребностей. Очень много ограниченій мы разорвали только для того, чтобы послѣдовательно въ другихъ мѣстахъ создать новыя ограниченія права, которыя соответствуютъ нашей технике и нашимъ культурнымъ идеямъ и потребностямъ. Наше строительное право, водяное, горное, наше фабричное законодательство, наши законы относительно рабочаго договора, санитарное законодательство относительно вредныхъ и опасныхъ предпріятій, относительно банкового дѣла, желѣзныхъ дорогъ, акціонерныхъ компаній, наше новое налоговое законодательство — не оставляютъ повода къ сомнѣніямъ по этому предмету. Да, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ въ наше время эти ограниченія должны быть проведены и еще далѣе... Стремленіе къ хозяйственной свободѣ остается при этомъ естественно исполнѣ важнымъ элементомъ, цѣлью, работать для которой человѣчество ни-

когда не перестанетъ. Всякій принудительный законъ долженъ имѣть тенденцію къ упраздненію самого себя; онъ долженъ такъ воспитать людей, чтобы они могли, въ концѣ концовъ, обходиться безъ костылей принудительнаго закона. Въ стремленіи къ свободѣ выражается это желаніе, — желаніе, до осуществленія котораго такъ же далеко, какъ и до приобщенія всѣхъ людей къ высшимъ благамъ культуры“ (см. приложение).

Въ пѣмецкихъ ученыхъ кругахъ Шмоллеръ имѣлъ и сохраняетъ до нынѣ громадное вліяніе. Его ученики завладѣли большинствомъ кафедръ въ германскихъ университетахъ. Онъ консервативнѣе А. Вагнера, но его консерватизмъ откровеннѣе, въ немъ нѣтъ грубости, онъ сглаживается воспоминаніями объ идеалистическихъ вліяніяхъ Фихте. Идеализмъ Шмоллера — часто переходитъ въ оптимистическое настроеніе чловѣка, стоящаго вдали отъ реальныхъ страданій народныхъ массъ. Вагнеръ болѣе способенъ цѣнить великое значеніе „британской догматики“, у Шмоллера теорія отходитъ совсѣмъ на задній планъ. Шмоллеръ — поклонникъ В. Рошера, онъ любитъ историко-статистическія изслѣдованія, но боится широкихъ творческихъ обобщеній, забывая, что „идея“, какъ говорилъ О. Контъ, творческое обобщеніе, иногда даже одностороннее, бросаетъ яркія лучи свѣта даже при собираніи матеріала. Онъ не могъ понять Маркса, односторонность котораго освѣжила застоявшееся болото чистаго историзма.

Л. Brentano¹⁾ не столько вѣритъ въ государственное вмѣшательство и преобразование общественнаго эгоса, сколько въ профессиональную организацію рабочихъ и предпринимателей. По его идеѣ, общество само должно въ предѣлахъ отдѣльныхъ классовъ чрезъ борьбу и компромиссы борящихся создать новую промышленность и новыхъ людей. Государство здѣсь можетъ быть только помощникомъ и покровителемъ. Въ законодательной реформѣ условій рабочаго договора Brentano видитъ настоятельную нужду нашего времени (см. приложение).

Эти три точки зрѣнія: необходимость расширенія государственнаго вмѣшательства, т. е. превращеніе конституціоннаго государства естественной свободы, создавнагося на почвѣ индивидуалистической экономіи, въ государство,

1) Наиболѣе характерны для Brentano, какъ социаль-политика: Die Arbeiter-Gilden der Gegenwart, 2 тома 1871—72 г.; Ueber das Verhältniß von Arbeitslohn und Arbeitszeit zur Arbeitsleistung 1876 г., есть рус. пер.; статья о рабочемъ вопросѣ въ учебникѣ Шенберга; Arbeitsleistung und Fortbildung des Arbeitsvertrags, изд. союза социальной политики подъ редакціей Brentano 1890 г. и друг. Polemika Brentano противъ классической школы и Маркса была и несправедлива, и поверхностна.

преслѣдующее социальныя цѣли, пропаганда новыхъ этическихъ социальныхъ началъ, профессиональная организація и компромиссы борющихся классовъ — наиболѣе характерны для всѣхъ социаль-политиковъ¹⁾.

§ 2. Какъ я уже отмѣтилъ выше, эта школа „социаль-политиковъ“ создавалась подъ вліяніемъ новыхъ условий жизни. Волей не волей, но государствамъ пришлось приняться за преобразование права, созданнаго индивидуалистической доктриной.

Фабричное законодательство стало принимать все болѣе сложную форму; на смѣну индивидуальныхъ договоровъ предпринимателей все болѣе и болѣе начали выработываться коллективныя соглашенія работодателей и рабочихъ. Обнаружились стремленія создать новыя учрежденія для разрѣшенія споровъ между капиталомъ и трудомъ. Германія обратила на себя общее вниманіе своими законами 1883—89 г. о страхованіи на случай болѣзни, старости и инвалидности. Все болѣе и болѣе становятся необходимыми реформы въ законодательствѣ о союзахъ, стачкахъ, потребительныхъ и промышленныхъ товариществахъ, о трестахъ и картеляхъ, объ отвѣтственности предпринимателей въ случаяхъ поврежденія здоровья и работоспособности рабочихъ²⁾ и проч.

Земельное законодательство потребовало также реформы и даже Англія стала заботиться о развитіи мелкаго землевладѣнія чрезъ нормированіе арендныхъ договоровъ и принудительное отчужденіе владѣльческой земли³⁾. Свободная тор-

1) Въ зависимости отъ „политическаго настроенія“ отдѣльныхъ писателей среди социаль-политиковъ можно найти представителей цензоваго начала или всеобщаго избирательнаго права, защитниковъ социальный монархіи или республики, системы одной или двухъ палатъ, женскаго избирательнаго права или пропорціональнаго представительства. Это „политическое настроеніе“ отдѣльныхъ социаль-политиковъ въ значительной мѣрѣ (вѣрнѣе почти всегда) обусловливается условіями мѣста и времени и самымъ характеромъ „социальной политики“, которую, соответственно своей классовой позиціи, пытается провести въ жизнь данный представитель этого направленія. См. очень характерное для школы социаль-политиковъ и интересное сочиненіе проф. Г. Геркнера. Рабочій трудъ въ Западной Европѣ, р. пер., Спб., 1899 г.

2) Разсмотрѣніе всѣхъ этихъ вопросовъ будетъ сдѣлано мною въ подготовляемомъ къ печати трудѣ: „Основные вопросы обрабатывающей промышленности и организаціи труда въ концѣ XIX в. и въ наши дни“ (появится не ранѣе 1910 г.).

3) Въ этотъ же періодъ съ 1875 по 1908 г. и русское народничество пережило свою послѣднюю драму. Въ 1883 г. по его почину основанъ Крестьянскій Банкъ, скоро вызвавшій появленіе и Дворянскаго Банка въ 1886 г. Народничеству съ 1905 г. пришлось вести борьбу противъ Крестьянскаго Банка, на который этимъ теченіемъ русской жизни возлагались такія надежды. Крестьянскій Банкъ неукоснительно поощрялъ развитіе индивидуальной частной собственности. Въ 1897 г.

говля стала смѣняться протекціонизмомъ. Однимъ словомъ, новая политическая организація народовъ не только не сократила задачъ законодательства, но бесконечно ихъ расширила. Невольно возникаетъ вопросъ: дали ли намъ какой либо опредѣленный отвѣтъ проповѣдники социальной политики?

Мы знаемъ, что по почину Германіи, которая въ 1879 г. создала своеобразный автономный тарифъ, защищавшій высокими ввозными пошлинами не только ея промышленность, но и земледѣліе и въ тоже время стремившійся имѣть и фискальное значеніе, вся Европа вновь огородилась таможенными пошлинами; многіе страны, въ особенности Германія и Франція, своими аграрными пошлинами вновь перешли къ системѣ „дорогого хлѣба“. Къ концу вѣка только и можно было слышать о боевыхъ пошлинахъ, таможенныхъ войнахъ, автономныхъ тарифахъ, о попыткахъ народовъ соединиться во враждебныя группы. На континентѣ Европы усердно проповѣдовалась идея средневропейскаго союза для борьбы съ Россіей и Америкой. Англія переживала время тяжелой политической борьбы. Въ ея предѣлахъ возникла мысль покинуть свободную торговлю и

весь цвѣтъ русскаго народничества написалъ книгу „Вліяніе урожая и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства“ подъ редакціей проф. А. И. Чупрова и А. С. Постникова, въ которой народники искренно старались доказать благодѣтельность системы дешеваго хлѣба и низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ при наличности почти натурального, потребительскаго крестьянскаго хозяйства. Министерство Финансовъ С. Витте, издавшее эту книгу, имѣло въ виду, повидимому, совѣтъ другія цѣли. Для него эта книга была нужна, чтобы защитить протекціонизмъ обрабатывающей промышленности и интересы развивающагося капитализма, (по формулѣ: дешевый хлѣбъ — дешевый работникъ, ср. ученіе Рикардо), возможность существованія котораго отрицали съ такимъ безнадежнымъ упорствомъ гг. В. В. и Николай — онъ. Историческій процессъ и здѣсь принесъ народникамъ одно разочарованіе. Капитализмъ пышно развивался и Россія со слѣдующаго же 1898 года вступила въ стадію повышающихся хлѣбныхъ и земельныхъ цѣнъ. Черезъ восемь лѣтъ, въ 1905 г. народничество, пытаясь опереться въ своихъ уже политическихъ стремленіяхъ на крестьянство, создало земельный проэктъ, близкій къ націонализациіи земли, который окончилъ свою исторію выборгскимъ процессомъ и закономъ 9 ноября 1907 г., разрушающимъ общину, и съ дополненіями выработанными парламентомъ, провозглашающимъ переходъ къ частной собственности общинъ, гдѣ передѣлы не совершались въ теченіи 24-хъ лѣтъ, замѣняющимъ семейную собственность — индивидуальной. Этотъ законъ порываетъ, такимъ образомъ, связь съ той политикой, которая 16 марта 1886 г. создала мертворожденный законъ, поставившій даже семейные раздѣлы въ зависимость отъ приговоровъ сельскихъ сходовъ. Удастся ли народничеству ввести ограниченія въ этотъ законъ, хотя бы въ духъ нѣмецкихъ аграрь-политиковъ, которыхъ ранѣе они такъ порицали, покажетъ будущее. См. напр. характерную для современнаго народничества статью М. Ковалевскаго. Что готовить намъ раздѣлъ мірскихъ земель, Русс. Вѣдом. 1908 г., № 278, также наши замѣчанія на стр. 429—433.

замкнуться со своими колоніями въ одинъ промышленный союзъ.

Какими кровавыми опасностями грозить намъ это новое направленіе европейской политики? Не нарождается ли на нашихъ глазахъ новый, дикій, жестокій, вооруженный всѣми чудесами современной техники и вооруженія меркантилизмъ, въ кровавыхъ потокахъ борьбы котораго можетъ быть будетъ суждено заглохнуть и европейской цивилизаціи? Въ такой моментъ невольно приходится задать вопросъ, куда же человѣчество идетъ, не вступило ли оно на ложный и опасный путь, нельзя ли во время направитъ силы его въ другую сторону или вѣрнѣе не должно ли оно въ ближайшемъ же будущемъ само вступить на иной и болѣе спасительный путь? Возможенъ ли такой поворотъ назадъ къ замкнутости и, если нѣтъ, то какое руководящее начало, и притомъ единое, можетъ дать наука для политика, какъ въ предѣлахъ экономическаго государства, такъ и внѣ его.

Одинъ изъ хорошихъ знатоковъ европейской торгово-промышленной политики Александръ Матлековичъ¹⁾ убѣжденъ, что поворотъ назадъ невозможенъ. Онъ пишетъ: „общій ходъ развитія, тенденція научнаго знанія, прогрессъ физическихъ знаній — все это требуетъ свободнаго движенія. Эти факторы не знаютъ національныхъ принциповъ, они не удовлетворяются узкими границами государства. Тщетно поднимаютъ таможенные пошлины, международный обмѣнъ товаровъ требуетъ своей міровой области и, если онъ не получить ее добровольно, онъ воспользуется силой, онъ разрушитъ тѣ существа и ожиданія, которыя могли бы процвѣтать и развиваться при свободномъ обмѣнѣ . . . Если бы стремленіе отгородиться отъ мірового хозяйства таможенными пошлинами было присуще только одному государству, если бы примѣръ его не былъ заразителенъ, тогда, быть можетъ, это стремленіе не было бы такъ вредно, даже для изолирующаго себя государства. Крупный механизмъ мірового хозяйства, быть можетъ, могъ бы при столь маломъ нарушеніи работать безпрепятственно. Но система всеобщихъ таможенныхъ пошлинъ, постоянная взаимная конкуренція въ изобрѣтеніи средствъ защиты себя отъ внѣшнихъ силъ, это неизбежно должно привести къ бѣдствіямъ“.

1) A. v. Matlekovits. Die Zollpolitik der Oest.-Ung. Monarchie und des deutschen Reiches seit 1868, Leipzig, 1891., стр. 812—816; не мѣшаетъ помнить также, что сравнительно съ періодомъ 1896—99 г. повсемѣстно началось повышение цѣнъ съ 1902 г. Въ 1895—7 г. цѣны стояли на наиболѣе низкой нормѣ. Въ Соед. Штатахъ цѣны на сырье и фабрикаты въ 1907 г. стояли на 44,4% выше цѣнъ 1897 г. см. Bull. of the Bureau of Labor, мартъ, 1908 г.; выше стр. 449.

Немудрено, поэтому, что человечество жадно ищет отвѣта на вопросъ, куда насъ влечетъ невѣдомый потокъ исторіи? Со всѣхъ сторонъ обращаются къ экономистамъ и требуютъ указанія или, по крайней мѣрѣ, проясненія того пути, по которому идти и должно идти экономическое развитіе. И этотъ отвѣтъ тѣмъ болѣе необходимъ, что новая политическая экономія, которая со середины прошлаго вѣка старательно заботилась похоронить и предать забвенію ученія классиковъ начала прошлаго вѣка, должна же была дать новое „крылатое слово“, которое могло бы служить лозунгомъ для новыхъ поколѣній. И она дала его, но, увы, какъ увидимъ, крылатое слово этой школы оказывается хотя, и многообобщающимъ, но очень неопредѣленнымъ и неяснымъ.

Много лѣтъ тому назадъ, а именно, еще въ 1887 г. А. Вагнеръ¹⁾ заявилъ: „мнѣ кажется по цѣлому ряду ярко выраженныхъ симптомовъ, по наличности насущнѣйшихъ потребностей, что начинается новая „соціальная эпоха“. Мы живемъ въ началѣ этой эпохи . . . Эту новую эпоху съ полнымъ основаніемъ слѣдуетъ назвать соціальной, ибо въ этотъ періодъ приобрѣтаютъ господство „опредѣленныя соціальныя идеи“ относительно производства, распредѣленія и связанныя съ ними представленія объ экономическомъ и социальномъ положеніи населенія“.

Для Вагнера даже современный протекціонизмъ является выраженіемъ этой „соціальной идеи“; онъ вмѣстѣ съ Родбертусомъ охотно назвалъ бы „свободную торговлю“, если подъ послѣдней понимать систему полного и свободнаго соперничества во всѣхъ областяхъ экономической жизни, шагомъ назадъ — „къ варварству“. Но такъ ли? Можно ли сказать, что слово новой исторической школы такъ „опредѣленно“, нашла ли она тотъ единый принципъ, который можетъ руководить политикомъ, который онъ обязанъ имѣть въ виду при регулированіи производства и обмена матеріальныхъ благъ, этого основного фактора нашей современной промышленной жизни?

Другой выдающійся экономистъ той же исторической школы, десять лѣтъ спустя, а именно, А. Шефле²⁾, поста-

1) См. его брошюры — *Finanzwissenschaft und Staatssocialismus*, стр. 67—9.

2) *Über den wissenschaftlichen Begriff der Politik*, *Zeitschrift für die gesam. Staatswiss.*, B. 53, 1897. Хотя Шефле и не признаетъ абсолютнаго идеализма, абсолютной идеи справедливости и полагаетъ, что идеи и соціальныя идеалы выросли въ соціальной борьбѣ за существованіе, но въ тоже время онъ утверждаетъ, что существуютъ общіе „идеальныя интересы“ въ борьбѣ, что эти „общіе интересы“ составляютъ основу прогресса, предвидѣнія и реформы. Въ идеаламъ Шефле, однако, величайшая путаница см. его *Bau und Leben des Socialen Körpers*, 2 т., второе изданіе 1900 г.

виль тотъ же вопросъ: „что же въ самомъ дѣлѣ такое политика, политика въ научномъ смыслѣ этого слова? По первому впечатлѣнію, пишетъ онъ, этотъ вопросъ кажется банальнымъ. Но подобно старому вопросу священной исторіи: что есть истина?, этотъ вопросъ можетъ показаться глупымъ только для глупыхъ“.

Исторія, по образному выраженію этого писателя, — „conservatio continua creatio“; для каждаго періода чело-вѣческой исторіи политикъ долженъ указать, „какъ достигнуть, создать, сохранить и при случаѣ вновь приспособить и преобразовать то единство и сочетаніе государственныхъ силъ и воли, при посредствѣ котораго можно достигнуть развитія цѣлаго въ единичномъ, единичнаго въ цѣломъ, вырваться вонъ изъ предѣловъ существующаго для про-никновенія въ будущее, дать возникнуть новому изъ наличнаго, настоящаго, памятуя при этомъ, что научная политика можетъ представлять собою развитие только въ предѣлахъ государственнаго“ . . . Вонъ изъ предѣловъ существующаго! Это смѣло и хорошо сказано, но весь вопросъ въ томъ, куда и какъ?

Историческая школа въ Германіи считаетъ своей главной заслугой то, что она укоренила въ умахъ эту увѣренность въ возможность видоизмѣненія сущаго и въ особен-ности въ томъ, что всякое данное общество само творецъ своей исторіи.

Не всѣ въ предѣлахъ социаль-политиковъ являются такими государственниками, какъ Шефле. Почти всѣ или, по крайней мѣрѣ, большинство сторонниковъ этой школы признаютъ, что прогрессъ и развитіе могутъ быть только въ предѣлахъ государственнаго и междугосударственнаго общенія, но они знаютъ, что и государство не все можетъ, что его политика не является только результатомъ ему присущихъ силъ, но и тѣхъ, которыя воплощаются въ обще-ствѣ, въ его организованныхъ силахъ: исторически сложив-шихся классахъ.

Возникаетъ вопросъ, воспринявъ эту идею о возмож-ности государственно-общественнаго видоизмѣненія и улуч-шенія сущаго, дала ли эта школа какой либо принципиаль-ный отвѣтъ, который вытекалъ бы изъ анализа обмѣна, какъ это было съ классиками?

Еще въ 1878 г. Гансъ фонъ Шеель писалъ¹⁾, что „экономическая политика исторической школы разбивается обыкновенно на разсмотрѣніе частныхъ вопросовъ и огра-ничивается указаніемъ отдѣльныхъ практическихъ мѣро-

1) См. Unsere socialpolitischen Parteien, 1878, стр. 178.

пріятій“. А. Вагнеръ ¹⁾, разумно признавая за Британской догматикой и теоріей великое и вѣчное значеніе, откровенно и много разъ признаетъ, что та школа, къ которой и онъ принадлежитъ, „слишкомъ квіетистична и ограничивается только симптоматическимъ лѣченіемъ“. Въ 1891 г. онъ откровенно признаетъ, что обыкновенно бываетъ очень неясно, что понимаютъ подъ „соціально-политической точкой“ зрѣнія, взглядами и соображеніями и это зависитъ „отъ присущей практикамъ, законодателямъ, а также и ученымъ кругамъ, въ особенности въ предѣлахъ исторической школы, способности или боязни разсматривать хозяйственные и соціально-политическіе вопросы „принципіально“. Онъ сознаетъ необходимость такого принципіальнаго рѣшенія вопросовъ теоріи и политики, ибо „безъ него мы получаемъ только оппортунистическое колебаніе въ ту или другую сторону“.

Зомбартъ ²⁾, одинъ изъ способныхъ учениковъ Шмоллера, бросаетъ еще болѣе тяжкое, но справедливое обвиненіе своему учителю и въ особенности всему правому крылу исторической школы т. е. соціально-политикамъ этического направленія, утверждая что „вся роль этого направленія заключается въ задерживаніи естественнаго процесса развитія“, а самой историко-этической школой „присуща тенденція разрозненности, безсистемности, казуистики, политики сегодняшняго дня, эклектики“. Онъ справедливо замѣчаетъ, что и Вагнеръ своей магической формулой для соціальной политики вовсе не внесъ въ нее много свѣта, не положилъ въ основу ея какое нибудь реальное принципіальное начало.

Вагнеръ „подъ соціальной политикой“ понимаетъ ту политику государства, которая средствами законодательства и управленія стремится устранить неправильности въ области распредѣлительнаго процесса, или, выражаясь другими его словами, это — „корректурa результатовъ распредѣлительнаго процесса въ частнохозяйственной системѣ“. Вся жизнь и дѣятельность Вагнера блестяще показываетъ, какъ скользка и неопредѣленна эта формула: „корректурa (упорядоченіе) неправильностей распредѣлительнаго процесса“. Самъ Вагнеръ представляетъ любопытную фигуру яраго націоналиста и милитариста, юдофоба, аграрія и биметалиста, защитника средне — европейскаго таможеннаго союза ³⁾.

1) См. Grundlegung d. P. Oe., 3-е изд., I B., стр. 50, также Über sociale Finanz- und Steuerpolitik, Archiv für Soz. Ges. und Staatsw. B. IV, 1891 г.

2) Ideale der Socialpolitik, тотъ же Archiv, B. 7, 1897 г.

3) Аграрныя тенденціи Вагнера ярко сказались въ его политической брошюрѣ — Agrar- und Industrie-Staat (Jena, 1901).

Его выдающемуся товарищу по Берлинскому Университету Шмоллеру дѣлаютъ еще болѣе тяжкіе упреки: онъ хотѣлъ отсрочить введеніе государственнаго страхованія рабочихъ, былъ противъ распространенія защиты рабочаго законодательства на земледѣльческихъ и ремесленныхъ рабочихъ, рисуя розовыми красками якобы патріархальность отношеній въ этихъ отрасляхъ промышленности, для земледѣльческихъ рабочихъ онъ считалъ возможнымъ примѣненіе уголовного закона при нарушеніи договора, былъ противъ признанія правомъ профессиональныхъ и рабочихъ союзовъ, высказывался за законъ противъ социалистовъ, который былъ принятъ въ 1878 г. Рейхстагомъ 221 голосомъ противъ 149¹⁾.

Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы показать, что Вагнеръ правъ: для упорядочивающей руки нужна „принципальная точка зрѣнія“.

Въ самое послѣднее время одинъ изъ выдающихся представителей нѣмецкой исторической школы проф. Филипповичъ попытался обработать въ систематическомъ видѣ ученіе объ экономической политикѣ; въ небольшомъ, осторожномъ введеніи къ своему курсу экономической политики онъ сказалъ въ сущности то, что безконечное число разъ повторялось его единомышленниками въ ихъ многочисленныхъ трудахъ по отдѣльнымъ вопросамъ.

Раскрывъ отмѣченный курсъ Филипповича, не трудно убѣдиться, что Зомбартъ правъ. Сопоставивъ, однако, съ этимъ ученіемъ взгляды самого Зомбарта, мы также убѣдимся въ томъ, что якобы „новое слово“, сказанное суровымъ критикомъ историко-этической школы, столь же старо и неопредѣленно, чтобы служить руководящимъ началомъ соціальной политики. Недаромъ и самъ Филипповичъ, въ примѣчаніи, замѣчаетъ, что по существу онъ согласенъ съ Зомбартомъ. Сопоставимъ же взгляды этихъ двухъ ученыхъ и посмотримъ, не дастъ ли намъ это сопоставленіе какихъ либо полезныхъ результатовъ.

„Подъ народохозяйственной политикой Филипповичъ²⁾

1) Этотъ законъ только временно задержалъ развитіе соціально-демократіи. На выборахъ въ Рейхстагъ въ 1881 г. партія получила 311 т. голосовъ (въ 1877 г. — 486 т.); въ 1884 г. она получила 549 т., въ 1887 г. — 763 т., въ 1890 — 1.427 т. Осенью этого года правительство отказалось отъ продленія этого исключительнаго закона.

2) Philippovich, Volkswirtschaftspolitik, Freiburg, 1899 г., стр. 1, 8, 15, 16, 17, 18. „Нельзя, полагаетъ онъ, установить формальнаго единства экономической политики. Это единство можетъ быть установлено только тѣмъ, что переходъ къ лучшему, болѣе совершенному снабженію матеріальными благами всегда будетъ сопровождаться съ возможно большимъ сохраненіемъ существующихъ интересовъ“ — другими словами, единство политики въ постоянствѣ компромисса.

понимаетъ совокупность тѣхъ дѣйствій, мѣръ и учрежденій, при посредствѣ которыхъ люди, какъ единичныя личности или какъ организованныя группы „сознательно“ стремятся къ развитію народнаго хозяйства. Народное хозяйство составляетъ закономерно связанное цѣлое во всѣхъ своихъ частяхъ; экономическая политика неизбѣжно должна дѣйствовать въ трехъ направленіяхъ. Она должна заботиться: 1. о развитіи производства, 2. объ усовершенствованіи хозяйственной организаціи, 3. споспѣшествовать (fördern) справедливому образованію достаточныхъ доходовъ и разумному ихъ потребленію. Мало имѣется мѣръ экономической политики, которыя одновременно не распространялись бы на три эти области. Это относится и къ политикѣ доходовъ, такъ какъ она оказываетъ вліяніе на возвышеніе производительности, на увеличеніе работоспособности населенія чрезъ сохраненіе и развитіе его жизненныхъ силъ, а также и на правильный ходъ производства чрезъ созданіе возможности равномерно протекающаго потребленія“.

Филипповичъ полагаетъ, что „единая цѣль народнохозяйственной политики заключается въ преслѣдованіи общаго блага“¹⁾, но въ тоже время заявляетъ, что „о единствѣ экономической политики и всѣхъ составляющихъ государство группъ въ смыслѣ согласія ихъ непосредственныхъ цѣлей и интересовъ не можетъ быть и рѣчи“. Остается поэтому одинъ путь — политика компромисса разнообразныхъ интересовъ, а, слѣдовательно, и постоянныхъ колебаній то къ выгодамъ однихъ, то другихъ общественныхъ группъ. „Государственная экономическая политика, пишетъ Филипповичъ, должна тамъ, гдѣ обнаруживается полное противорѣчіе интересовъ, заботиться о смягченіи (Milderung) дѣйствія экономическихъ силъ по отношенію къ подавляемому интересу. Гдѣ они находятся во взаимной зависимости, она должна стремиться сохранить относительное равновѣсіе (d. Verhältnismässigkeit zu wahren), гдѣ противорѣчія совершенно неразрѣшимы, она будетъ стараться такъ сопоставить эти интересы, чтобы произошло наименьшее количество вредныхъ послѣдствій. И государство не имѣетъ возможности дѣлать всемъ благое; оно выбираетъ и взвѣшиваетъ, но въ его задачу всегда входитъ облегченіе судьбы тѣхъ, которые являются жертвами прогрессирующаго развитія“.

1) Dr. J. Conrad (см. Grundriss, II Theil, Volkswirtschaftspolitik, стр. 1) еще неопредѣленно намѣчаетъ идеалъ соціальной политики: „das Endziel, говоритъ онъ, muss für Staat und Gesellschaft dahin gerichtet sein, bei einer so grossen Zahl von Staatsangehörigen als möglich das Gefühl der Zufriedenheit (свѣдѣнства) herbeizuführen, т. е. задача политики создать чувство довольства среди наибольшаго количества людей!

Всякому ясно, что проф. Филипповичъ сознательно отказывается найти какое нибудь принципиальное рѣшеніе вопроса. Его политика есть политика разнородныхъ совмѣстно существующихъ классовъ, противорѣчивыхъ въ своихъ интересахъ, подъ руководствомъ государства, на знамени котораго написано „общее благо“, т. е. представленіе, которое толкуется очень различно и во имя котораго совершено не мало преступленій въ исторіи человѣчества. Немного же подвинулась историческая школа сравнительно съ началомъ 18-го и 19-го вѣка! Вѣдь и Ахенваль училъ, что государственный интересъ, внутренній и внѣшній, т. е. экономическая политика есть „совокупность мѣръ, которыя государство принимаетъ для поддержанія порядка и благосостоянія внутри государства и безопасности внѣ его“. Мальтусъ также писалъ: „богатство страны, ея могущество, обильное населеніе, все это существуетъ для единой законной и великой цѣли: для увеличенія, обезпеченія счастья и добродѣтели человѣческихъ существъ“.

Счастье, добродѣтель, естественное право, „культурныя цѣнности“, народное благо, патриотизмъ, „увеличеніе социальной солидарности“, какъ теперь любятъ писать французы, и много другихъ хорошихъ словъ можно услышать изъ устъ практическихъ политиковъ и философовъ, но отъ словъ до дѣла всегда непроходимая пропасть. Не всякое хорошее слово становится реальнымъ принципомъ, основой дѣйствій въ практической дѣйствительности; философы только обѣщаютъ намъ найти „абсолютныя начала“ разумной, счастливой, полной и красивой человѣческой жизни; объективный же голосъ исторіи говоритъ намъ, что эти обѣщанія останутся обѣщаніями, что всякая историческая эпоха имѣетъ свои цѣли и идеалы, свои средства къ ихъ достиженію, что на прошлое мы часто смотримъ, и нерѣдко ошибочно, только съ точки зрѣнія цѣлей непосредственнаго — настоящаго!

Экономія должна остаться положительной наукой, а потому цѣли и средства, которыя она рекомендуетъ, должны быть реальны, жизненны, осязаемы.

Построеніе Зомбарта въ этомъ отношеніи гораздо свѣжѣе и искреннѣе, но онъ обходитъ самый коренной вопросъ: не показываетъ своего отношенія къ частной собственности, какъ бы считая этотъ вопросъ входящимъ только въ теорію распределенія.

Во первыхъ, Зомбартъ признаетъ за каждымъ право имѣть особое общественное мировоззрѣніе и свой философскій идеалъ. И въ этомъ отношеніи онъ, конечно, правъ: человѣку должна быть предоставлена свобода выбора въ томъ, что человѣчно и касается его одного. Всегда, поэтому, найдутся люди, для которыхъ тотъ или иной „категориче-

скій императивъ“ будетъ реальной движущей силой всей жизни. Этотъ „категорическій императивъ“ можетъ стоять внѣ всякой зависимости отъ идеала экономической и соціальной политики, который долженъ быть выработанъ на почвѣ научнаго, объективнаго изученія экономической дѣйствительности и условій ея развитія.

Во вторыхъ, подь „хозяйственной политикой“ Зомбартъ понимаетъ такую политику, которая оказываетъ вліяніе на хозяйственную жизнь и регулируетъ ее; подь хозяйственной жизнью — совокупность тѣхъ соціальныхъ явленій, которыя вытекаютъ изъ производства, распредѣленія и потребления матеріальныхъ вещей.

Подь „соціальной политикой“ онъ понимаетъ ту совокупность мѣръ хозяйственной политики, которыя имѣютъ свою цѣль или своимъ послѣдствіемъ *сохраненіе, развитіе или видоизмѣненіе* опредѣленныхъ хозяйственныхъ системъ или составныхъ ихъ частей¹⁾.

Въ третьихъ, самостоятельный идеалъ соціальной политики сводится къ единому, всеобщему, охватывающему всѣ стороны хозяйственной жизни, стремленію — установить такую хозяйственную систему, при которой достигается наивысшая производительность общественнаго труда, т. е. для общества получается возможность или мало работать, или много производить. Идеаломъ соціальной политики является не наивысшій размѣръ производства по количеству продукта или чистаго дохода (ренты и прибыли), не употребленіе наилучшихъ техническихъ приѣмовъ производства или перевозки, а „наилучшая организація общественнаго труда съ наилучшими техническими орудіями“. Идеалъ соціальной политики — „производственный идеалъ“.

Въ четвертыхъ, по мнѣнію Зомбарта, „совокупные интересы“ отдѣльнаго общества, скажемъ государства, имѣются

1) Такъ, мы можемъ, согласно Бюхеру, поясняетъ Зомбартъ, различать домашнее хозяйство, городское мѣновое хозяйство, капиталистическое мѣновое хозяйство и еще четвертое социалистическое „Eigenwirtschaft“, — самодовлѣющее хозяйство. Первые три системы существуютъ въ современныхъ культурныхъ государствахъ рядомъ. Къ нимъ примыкаютъ соціальные классы: юнкерство и крестьянство, какъ представители различныхъ формъ первобытнаго домашняго хозяйства; мѣщанство, какъ представитель городского мѣноваго хозяйства, буржуазія, какъ выразительница классового господства въ капиталистическомъ хозяйствѣ съ ея монархически-консервативнымъ настроеніемъ и, наконецъ, пролетаріатъ съ его тенденціей къ социализаціи и демократизаціи. Составныя части хозяйственной системы — это ничто иное, какъ обособленныя сферы однохарактерной хозяйственной жизни, вмѣстѣ съ заинтересованными въ ней группами лицъ: части соціальныхъ классовъ, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ, будучи частями одного тѣла, могутъ вступать между собою въ противорѣчіе, напр., аграрная, промышленная и торговая буржуазія.

только по отношенію къ другимъ такимъ же сообществамъ. Состояніе, уваженіе и могущество государства могутъ быть равномѣрно представлены для всѣхъ подданныхъ даннаго государства во внѣшней политикѣ, хотя это и не должно происходить необходимо; національная и классовая политика могутъ совпадать. *Внутренняя же жизнь государства характеризуется различіемъ интересовъ, которые неизбежно въ извѣстный моментъ приходятъ въ противорѣчіе и для нихъ невозможно соглашеніе.* Это противорѣчіе интересовъ основывается на „несогласуемости“ другъ съ другомъ различныхъ хозяйственныхъ системъ, реальными представителями которыхъ являются разные общественные классы.

Поэтому разумная социальная политика должна быть направлена на дѣятельное покровительство тому социальному классу, который представляетъ „хозяйственный прогрессъ“ т. е. ведетъ общество къ наилучшей организаціи труда, какъ бы послѣдовательно подготавливая ея осуществленіе. Только такимъ образомъ можетъ быть достигнутъ идеаль социальной политики: наивысшее развитіе производительныхъ силъ, наступленіе котораго желательно въ цѣляхъ культурнаго прогресса.

Зомбартъ сознается, что его формулировка примыкаетъ къ старымъ традиціямъ“, но только въ томъ смыслѣ, что она направляетъ социальную политику *на усовершенствованіе производства, не исключая какимъ бы то ни было способомъ „воздѣйствія на распределеніе“.* Эта связь социальной политики съ успѣшностью производства необходима потому, что только такимъ образомъ можетъ получиться въ хозяйственной политикѣ какое нибудь единство и опредѣленность цѣли. Очень часто социальная политика можетъ быть и является политикой распределенія, но сама по себѣ „политика распределенія“ есть всегда совокупность безсистемныхъ мѣропріятій разнаго рода. Таково мнѣніе Зомбарта¹⁾.

Я совершенно согласенъ съ первымъ положеніемъ Зомбарта, согласно которому, стараясь выработать идеаль социально-экономической политики, объективная экономическая наука не должна принимать въ качествѣ руководящихъ началъ чуждые идеалы, навязываемые ей другими общественными дисциплинами и въ частности многочисленными теченіями „идеалистической философіи“. У насъ часто и безплодно спорять о причинахъ происхожденія общественно-философскихъ идеаловъ тѣхъ или другихъ „столповъ науки или общественныхъ классовъ“. Объективная наука не можетъ не знать, что возникновеніе и обоснованіе этихъ идеаловъ можетъ совершаться также и на почвѣ всякаго рода

1) Sombart l. c., 6, 7, 10, 25 и слѣд., 43, 44, 36, 47 и passim.

метафизических построений или вѣрованій, съ которыми наука считается, всегда разсматривая ихъ, однако, въ известной исторической перспективѣ. . . Если мы признаемъ, что политическая экономія занимается спеціально лишь той областью общественныхъ явленій и отношеній, которая связана съ созданиемъ матеріальной основы нашей цивилизаціи, если мы допустимъ, что въ области этихъ соціально-экономическихъ явленій и отношеній возможна постановка опредѣленныхъ идеаловъ, осуществимыхъ цѣлей при помощи тѣхъ или иныхъ средствъ, то, несомнѣнно, мы должны постараться найти также объективно эти средства и цѣли, какъ объективенъ и реаленъ тотъ предметъ, которымъ занимается экономическая наука.

Я также понимаю, почему Зомбартъ борется противъ „политики распредѣленія“ исторической школы. Она дѣйствительно является безпринципной политикой полумѣръ и по тремъ главнѣйшимъ основаніямъ.

Во первыхъ, она часто сознательно жертвуетъ высшими формами производительной организаціи, уступая давленіямъ распредѣлительнаго процесса. Она стремится поддержать, напр., мелкаго кустаря и крестьянина, сидящаго на ничтожномъ клочкѣ земли, которому приходится много работать, въ тяжкихъ условіяхъ и получать ничтожнѣйшее вознагражденіе за свой трудъ. Она боится, повторяя только Мальтуса, обратить его въ безпокойный пролетаріатъ, отославъ на фабрику, гдѣ онъ получитъ лучшее вознагражденіе. Она стремится сгладить противорѣчія существующей системы хозяйства, чтобы ее упрочить и сохранить. Благодаря этому она вызываетъ къ себѣ столько ненависти со стороны лицъ, стремящихся къ крушенію этого порядка. Оскаръ Уайльдъ въ своей статьѣ о „соціализмѣ“ вѣрно понялъ причины этой ненависти; онъ пишетъ: „самыми вредными рабовладѣльцами были тѣ, которые обращались съ невольниками мягко, ибо этимъ они устраняли ужасъ системы и она проводилась въ жизнь тѣми самыми лицами, которыя страдали отъ нея и казалась естественной для тѣхъ, кто смотрѣлъ на нее со стороны“.

Во вторыхъ, она не любитъ касаться самихъ формъ производимаго богатства т. е. рода и качества производимыхъ продуктовъ. Она боится утопизма Фихте и ему подобныхъ. Она охотно гремитъ иногда противъ роскоши, противъ нелѣпаго расточенія источниковъ богатства; она заботится путемъ налога взять въ пользу государства нѣкоторую долю избыточнаго богатства, но она считаетъ утоніей думать о возможности приспособленія всей производительной дѣятельности къ нуждамъ наибольшей массы человѣческихъ существъ. Регулированіе производства формъ богатства, по

ея мнѣнію, есть уже регулированіе потребностей, котораго она стремится избѣгнуть. Она охотно отстаиваетъ попытки регулированія количества производимаго богатства; она привѣтствуетъ тресты и картели, но не касается самихъ формъ богатства.

Въ третьихъ, она, какъ мы видѣли на примѣрѣ Филипповича, зачастую стремится примирить непримиримое: сохранить вымирающее старое и поощрить развивающееся новое. Наличность старыхъ системъ производства напр. кустарничества, мелкихъ торговыхъ предприятий не даетъ простора развитію фабрикамъ, универсальнымъ магазинамъ и т. п.

Зомбартъ вѣрно опредѣлилъ социальную политику, какъ совокупность мѣръ хозяйственной политики, которыя имѣютъ своею цѣлью или послѣдствіемъ сохраненіе, развитіе или уничтоженіе опредѣленныхъ хозяйственныхъ системъ. Исходя изъ этого положенія, онъ съ гораздо большимъ правомъ могъ бы упрекать представителей исторической школы не въ непослѣдовательности, а въ принципиальномъ „консерватизмѣ“. Шмоллеръ болѣе всѣхъ другихъ является консерваторомъ; ему дорого существующее; смягчая его острия противорѣчій, онъ стремится сохранить систему индивидуализма съ частной собственностью, боится быстрого поглощенія мелкихъ производителей крупными предприятиями; онъ болѣе всего стремится къ сохраненію и развитію ея и не представляетъ себѣ возможности полной трансформации людей и ихъ общественныхъ отношеній¹⁾.

1) Въ своемъ учебникѣ Шмоллеръ опредѣленно формулировалъ свое мировоззрѣніе. Онъ пишетъ: „не можетъ быть высокой культуры безъ классовъ и ихъ взаимодействія; классовой порядокъ нормаленъ, когда онъ соотвѣтствуетъ среднимъ способностямъ и дѣяніямъ каждаго. Это чаще встрѣчается при новомъ образованіи классовъ, чѣмъ въ классахъ старыхъ, окаменѣвшихъ. Каждый односторонне развившійся классъ стремится преобразовать право и учрежденія въ эгоистическомъ смыслѣ. Злоупотребленія достигшей господства аристократіи иныя, чѣмъ злоупотребленія демократіи; но спрашивается, какія злоупотребленія больше и болѣе вредятъ общему благу? Чѣмъ болѣе господствующій классъ неправильно распредѣляетъ владѣніе и силу, вліяніе и почести, сравнительно съ средними способностями людей, тѣмъ болѣе невыносимымъ становится положеніе. Всякій классъ, приобретающій господство, пока онъ достигаетъ высшей силы своего вліянія, стоитъ на службѣ общаго развитія. Удерживается ли классъ на этой высокой степени развитія и сколько времени такое положеніе продолжается, зависитъ отъ того, остаются ли его способности и добродѣтели тѣми же самими, не вырождается ли классъ, не включаетъ ли онъ въ себя значительное количество неспособныхъ элементовъ, не пренебрегаетъ ли онъ своими обязанностями, не ведетъ ли онъ только жизнь наслажденій, не обогащается ли онъ гнуснымъ образомъ, не стоитъ ли его собственность и доходъ въ рѣзкомъ противорѣчій съ его дѣятельностью. Средніе и низшіе классы не такъ часто и легко попадаютъ въ положеніе, которымъ они могли бы злоупотреблять. Однако великія политическія побѣды демократіи, которыя совершались въ Греціи и въ Римѣ, въ средніе вѣка и въ новое

Правда, среди представителей этой социально-политической школы мы найдемъ безконечное разнообразіе отъѣнковъ. Вѣдь, и самъ Зомбартъ принадлежитъ къ ней. Мы видѣли, что и Филипповичъ выдаетъ себя за единомышленника Зомбарта и одобряетъ его стремленіе къ высшимъ формамъ производительной организаціи. Достаточно напомнить также о школѣ Brentano, о работахъ Шульце-Геверница, Шенгова, Дитцеля¹⁾ и другихъ, чтобы убѣдиться, что необходимость заботиться объ успѣшности, высшей матеріальной производительности труда не чужда этой школѣ и только у нѣкоторыхъ представителей или, вѣрнѣе, почти у большинства, она отступаетъ на задній планъ подъ давленіемъ существующихъ формъ хозяйственнаго быта и злободневныхъ нуждъ распределительнаго процесса. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Это доказываетъ только, что то противорѣчіе, которое сказалось уже въ доктринахъ Рикардо, Смита и Мальтуса, сохранилось и до нашихъ дней. Крупныя капиталистическія формы производства даютъ больше *чистаго дохода*, но и сосредоточиваютъ его въ видѣ ренты и прибыли въ немногихъ рукахъ. Смитъ и Мальтусъ стремятся, какъ мы видѣли, къ возрастанію *валоваго дохода* т. е. не только ренты и прибыли, но и заработной платы, Рикардо и фізіократы защищаютъ систему *чистаго дохода* (см. стр. 170, 256, 276, 284, 322).

Вѣдь, по существу дѣла, суть проблемы не въ томъ, чтобы создать идеальное производство, а въ томъ, чтобы такъ перестроить общество, чтобы бѣдность была невоз-

---

время, показываютъ намъ, что эти классы или немедленно попадаютъ подъ господство диктаторовъ или разрушаютъ могущество и финансы народа, не способны къ здоровымъ реформамъ и къ созданію новыхъ учреждений; въ болѣе продолжительное или короткое время, послѣ неудачныхъ или безумныхъ экспериментовъ, демократическіе классы снова лишаются своего господства. Вся проблема, съ одной стороны, нравственно-психологическаго характера, съ другой стороны — дѣло хозяйственныхъ и политическихъ учреждений. Попытка изъ одной техники и распределенія собственности объяснить процессъ образованія классовъ и его послѣдствія также ошибочна, какъ и стремленіе изъ этихъ же причинъ доказать для будущаго полное исчезновеніе классовъ. См. Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre, Leipzig, 1900, стр. 411. Для исторической школы и для ея взглядовъ на связь политической организаціи съ хозяйственнымъ бытомъ руководящій трактатъ написалъ В. Рошеръ. Politik. Geschichtliche Naturlehre der Monarchie, Aristocratie und Democratie; первое изданіе вышло въ ноябрѣ 1892 г., второе уже въ декабрѣ того же года; третье изданіе 1908 г. Шмоллеръ только развиваетъ взгляды В. Рошера.

1) См. напр. двѣ работы Дитцеля чисто полемико-политическаго характера: — Weltwirtschaft und Volkswirtschaft (Dresden 1900) и Das Produzenteninteresse der Arbeiter und die Handelsfreiheit, Jena, 1903; такая же брошюра Brentano: Die Schrecken des überwiegenden Industriestaates (Berlin, 1901).

можно и чтобы человек обладал возможностью развить всю полноту своих силъ, сдѣлать свою жизнь прекрасной и благодородной, незнающей недостатка въ матеріальныхъ благахъ.

Самъ Зомбартъ замѣчаетъ, что его идеаль примыкаетъ къ старымъ традиціямъ.

Если читатель заглянетъ еще разъ въ нашу вторую главу, то онъ увидитъ, что меркантилисты выставляли на своемъ знамени „производственный идеаль“ Зомбарта. Если этотъ писатель выдвигаетъ его вновь въ концѣ 19-го вѣка, то онъ долженъ былъ его обновить настолько, чтобы онъ былъ дѣйствительно опредѣленнымъ. Онъ могъ это сдѣлать двоякимъ образомъ: во первыхъ, дѣйствительно остаться на почвѣ существующаго хозяйственнаго порядка и, во вторыхъ, изъ предѣловъ этого существующаго порядка намѣтить то единственное средство, которое можетъ исправить нецѣлесообразный ходъ нашего экономическаго быта, то, что является, по моему мнѣнію, главною цѣлью и задачей грядущаго 20-го вѣка. Зомбартъ, по моему мнѣнію, исполнилъ эту задачу только отчасти.

„Производственный идеаль“ внѣ извѣстныхъ условій не только распредѣленія, но и обмѣна — нѣчто совершенно непонятное и непостижимое.

Читателю нетрудно замѣтить, что въ производственный идеаль Зомбарта не только прокрадывается распредѣлительный идеаль, съ которымъ онъ пытается бороться, но въ немъ виденъ и „пруссакъ“, который ненавидитъ Востокъ и хочетъ обезпечить могущество Германіи для борьбы съ восточноевропейскими и азіатскими народами, т. е. въ частности и съ Россіей. Идеаль его экономической политики общественный, а не индивидуалистическій. Какъ экономистъ новаго времени, онъ не вѣритъ въ тождество индивидуальных и общественныхъ интересовъ. Онъ требуетъ согласованія этихъ интересовъ. Онъ отлично при этомъ понимаетъ, что только путемъ совмѣстной, организованной, общественной, культурной борьбы съ природою возможно получение наибольшей массы продукта для удовлетворенія все нарастающей массы, какъ индивидуальных, такъ и общественныхъ потребностей. Взглядъ Фурье на историческій процессъ, какъ на постепенное ослабленіе личной и прямой зависимости человека отъ человека и какъ постепенное увеличеніе зависимости общей или косвенной, мысль Родбертуса, что исторія — великій процессъ соединенія людей въ ихъ борьбѣ за существованіе, представляютъ одни изъ самыхъ вѣроятныхъ обобщеній современной общественной науки. Но Зомбартъ въ тоже время не вѣритъ ни въ тождество интересовъ классовъ, ни въ тождество интересовъ

человѣчества и въ борьбѣ націй склоненъ видѣть экономическую необходимость. Зомбартъ высказываетъ свои опасенія относительно Востока робко, Вагнеръ, Ольденбургъ и другіе говорятъ о борьбѣ съ Востокомъ открыто, въ частности и съ Россіей!

„Производственный идеаль Зомбарта“ не такъ просто постижимъ, какъ ему кажется, но въ немъ имѣется одна очень реальная сторона, которая подкупаетъ и заставляетъ не замѣчать внутренняго противорѣчія и неясности всего построенія.

Политика Зомбарта стремится не быть политикой компромисса, замедляющаго движеніе историческаго процесса. Она разумно желаетъ быть классовой политикой, или, по крайней мѣрѣ, идти подъ принципиальнымъ знаменемъ классовой платформы. Она рѣшительно и безъ колебаній становится на сторону *того общественнаго класса, который представляетъ въ данное время „хозяйственный прогрессъ“*.

Какъ же, однако, узнать, какой общественный классъ представляетъ хозяйственный прогрессъ? Отвѣчая на этотъ вопросъ, Зомбартъ незамѣтно, но ловко облегчаетъ свою задачу.

Онъ вдвигаетъ въ свое построеніе идею о несогласуемости различныхъ по производительности хозяйственныхъ системъ, представляющихъ какъ бы разныя стадіи общественнаго развитія. Интересы развивающагося общества не могутъ сохранить въ равновѣсіи всѣ эти болѣе или менѣе производительныя системы; эти интересы должны неизбежно требовать перехода къ выснимъ формамъ развитія.

При такой постановкѣ вопроса ему, какъ кажется, нѣтрудно указать практическому политику, на сторону какого общественнаго класса онъ долженъ стать. Мелкій ремесленникъ, жалкій мелочной торговецъ, разоряющійся и немѣлый баринъ-хозяинъ и крестьянинъ, ковыряющій козулей свою несчастную единую десятину для собственнаго прокормленія и своихъ домашнихъ впроголодь, не заслужать поддержки у такого социаль-политика, какъ Зомбартъ.

Онъ будетъ видѣть хозяйственный прогрессъ въ крупномъ земледѣльческомъ и фабричномъ предпріятіи, если они возвышаютъ до наибольшихъ предѣловъ производительность труда, въ крупномъ торговомъ предпріятіи, которое уменьшаетъ напрасную растрату силъ и лучше удовлетворяетъ многообразіемъ своихъ товаровъ многочисленныхъ потребителей и т. п. Даже сосредоточивая чистые доходы въ немногихъ рукахъ, такія предпріятія, сочетая высшія формы производства и обмѣна, подготовливаютъ почву для правильнаго распредѣленія.

Построеніе Зомбарта, съ одной стороны, забѣгаетъ въ

привлекательную даль „царства свободы“, законмѣрное движеніе къ которому — идеаль нашей исторической жизни, съ другой стороны, оставаясь или, по крайней мѣрѣ, стараясь дать чисто реалистическое, жизненное построеніе, всецѣло придерживающееся современной экономической почвы, оно оставляетъ безъ отвѣта цѣлую массу вопросовъ. „Производственный идеаль“ формулированъ Зомбартомъ такъ неясно, обратился въ такую туманную фразу, что подъ нею могутъ подписаться люди самыхъ разнообразныхъ направленій. Такой же фразой является и утвержденіе Зомбарта, что социальная политика должна покровительствовать тѣмъ, кто представляетъ „хозяйственной прогрессъ“. Зомбартъ борется противъ фразы, но и самъ въ этомъ отношеніи неостороженъ. Если же единство экономической политики достигается ея неясностью, то, конечно, она несколько не выше той политики, которую Зомбартъ пытается замѣнить.

Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, мы можемъ представить себя для настоящаго переживаемаго періода человѣческой исторіи пять основныхъ формъ производственнаго идеала.

Въ первой формѣ, и притомъ самаго общаго характера, онъ былъ созданъ еще классиками и крупнѣйшимъ изъ нихъ Рикардо. Этотъ производственный идеаль указывалъ на необходимость заботиться о томъ, чтобы съ наименьшей затратой труда и капитала получалось наибольшее количество богатства, т. е., по англійской терминологіи, наибольшее количество матеріальныхъ благъ. Другими словами, онъ требовалъ наиболѣе цѣлесообразной борьбы человѣка съ природой и за свое существованіе. Этотъ идеаль требовалъ, чтобы богатство доставалось по наименьшей предѣльной цѣнности, по предѣльно наименьшимъ издержкамъ производства. Однимъ словомъ, онъ желалъ: много, безконечно много продуктовъ, наинизшія цѣнности. Онъ не боялся кризисовъ и устами Сэ провозгласилъ, что „продукты обмѣниваются на продукты“ и что при пропорціональномъ развитіи всѣхъ производствъ для роста потока продукціи мы не можемъ, да это и не желательно, знать предѣловъ. Очень часто полагаютъ, что этотъ производственный идеаль совпадаетъ съ интересами потребителей.

Тотъ же идеаль неоднократно формулировался и въ болѣе реальной классовой формѣ. Это былъ, если можно выразиться, производственный идеаль въ доходахъ. При этомъ защитники его желали высокаго размѣра или роста одного вида этихъ доходовъ или даже всѣхъ ихъ одновременно. Такой производственный идеаль мы впервые встрѣчаемъ ясно формулированнымъ въ началѣ прошлаго вѣка въ Англій, во время той знаменитой борьбы аграр-

наго и промышленнаго интереса, литературными представителями которой были Мальтусъ и Рикардо. Мальтусу была дороже всего высокая рента, Рикардо защищалъ интересы прибыли.

Въ третьей формѣ производственный идеалъ принимаетъ характеръ политико-промышленной теоріи. Разработка его почти со всѣми деталями уже сдѣлана Мальтусомъ, но приобретаетъ всесвѣтную извѣстность въ одной-сторонней, неполной и, по сравненію съ Мальтусомъ, въ болѣе публицистической формѣ у Листа. Этотъ идеалъ сводится къ желанію развить „экономическое государство“ до наивысшей степени аграрно-промышленно-торговаго государства и указываетъ средства, при помощи которыхъ можно достигнуть „наивысшаго развитія производительныхъ силъ“, техническихъ, социальныхъ и моральныхъ, для содержанія на данной территоріи наибольшей массы населенія. Этотъ гораздо болѣе политическій, чѣмъ историческій идеалъ, связывающійся, само собою разумѣется, съ многочисленными интересами, живетъ и теперь въ сердцахъ протекціонистовъ, проповѣдывающихъ солидарность протектируемыхъ интересовъ и требующихъ защиты нарождающейся, зрѣющей, но никогда не созрѣвающей промышленности.

Въ четвертыхъ, производственный идеалъ принимаетъ историческую форму. Изучая ходъ историческаго развитія, писатели этого направленія приходятъ къ убѣжденію, что самопроизвольное и неизбежное развитіе матеріальныхъ производительныхъ силъ совершается чрезъ противорѣчіе въ созданныхъ ими производственныхъ отношеніяхъ и, въ концѣ концовъ, не можетъ не привести къ гармонической организаціи производства на началахъ общественной собственности (Марксъ). Къ этому направленію, но только отчасти, принадлежитъ и Зомбартъ, идеалъ котораго мы формулировали выше¹⁾.

Въ пятыхъ, мы имѣемъ еще одну своеобразную форму производственнаго идеала, дорогого сердцу финансовымъ политикамъ. Этотъ идеалъ требуетъ: наибольшее количество свободнаго „чистаго дохода“, за покрытіемъ издержекъ производства и за вознагражденіемъ непосредственно участвующихъ въ производствѣ въ качествѣ производителей (рабочихъ) и руководителей — предпринимателей, съ освое-

1) Какъ разнообразно формулируется этотъ идеалъ напр. въ области практической торговой политики можно видѣть изъ сопоставленія ранѣе указанной книги Шиппеля и брошюры К. Каутскаго — *Handelspolitik* (Berlin, 1901). Изъ практическихъ политиковъ социализма попытался нарисовать картину этого идеала будущаго, какъ мы уже отмѣтили выше — А. Бебель въ книгѣ: „*Die Frau und der Socialismus*“, 1891, стр. 261 и слѣд.

ніемъ значительной доли этого чистаго дохода государствомъ для тѣхъ цѣлей, которыя оно, какъ особая организація, преслѣдуетъ въ каждую данную историческую эпоху. Этотъ производственный идеалъ вызвалъ къ жизни особую финансовую политику, которая не только выработала необычную по тонкости технику и организацію обложения, но и стремится расширить размѣры и ростъ самихъ государственныхъ промышленныхъ предприятий¹⁾.

Я не считаю себя въ правѣ, да это увекло бы меня далеко въ другую сторону, разбирать вновь историческую форму производственнаго идеала. О ней мы уже достаточно говорили въ предшествовавшихъ главахъ. Я не буду входить также и въ разсмотрѣніе производственнаго идеала финансиста. Какъ должно тратить государство чужой чистый доходъ и для какихъ цѣлей — это дѣло государствовѣда и социолога. Поскольку же государство является капиталистической силой, самостоятельнымъ создателемъ дохода путемъ предприятий и раздатчикомъ дохода при организаціи разныхъ общественно-необходимыхъ службъ, оно составляетъ часть промысловой организаціи страны и то руководящее начало экономической политики, которое относится къ промысловой жизни страны, равно относится и къ нему. Нѣтъ надобности и повторять обще-извѣстную истину, что чѣмъ совершеннѣе становится правовая организація государства, тѣмъ сильнѣе подчиняется оно въ своей дѣятельности наличнымъ и организованнымъ общественнымъ силамъ.

Я хочу вырѣшить вопросъ о руководящемъ началѣ экономической политики, „оставаясь на почвѣ современности, — *при наличныхъ условіяхъ частной собственности*, въ предѣлахъ непосредственныхъ задачъ, а не отдаленнаго будущаго, предполагая доказаннымъ, что возможно, какъ выражается Шефле, „пріобрѣтеніе всей (вѣрнѣе: опредѣленной) совокупности наличныхъ воли и силъ для достиженія

1) Въ числѣ представителей этого идеала имѣются искренніе представители государственнаго социализма, и просто бюрократы, которыхъ требованія государственнаго механизма заставляютъ стремиться къ захвату наибольшей доли народнаго дохода. Последніе часто преслѣдуютъ какія либо классовыя или политическія задачи. Типичнымъ представителемъ такихъ администраторовъ былъ бывшій министръ финансовъ Сергій Витте. Изданная г. Цюномъ во Франціи книга, въ которой доказывалось, что г. Витте государственный социалистъ, была написана только для того, чтобы запугать правящія сферы. Исторія русскаго полицейскаго социализма нашихъ дней (зубатовщина, гапоната и проч.) еще не можетъ быть написана. Кое какіе матеріалы, однако, имѣются въ книгахъ: проф. И. Х. Озерова. Политика по рабочему вопросу за послѣдніе годы (Москва, 1906 г.); М. Григорьевскій. Полицейскій социализмъ въ Россіи (изд. журнала Образование).

желаемых цѣлей“, созданіе того общественнаго „Macht-mensch“, той комбинаціи общественныхъ силъ, которыя необходимы и въ состояніи привести нашъ народнохозяйственный механизмъ въ состояніе наилучшей работы для наиболѣе плодотворныхъ результатовъ.

Мнѣ представляется, что возможно найти это руководящее начало для экономической и социальной политики только исходя изъ анализа условій не только производства, но распредѣленія и обмѣна. Если теорія обмѣна можетъ показать, что процессъ образованія цѣнъ въ нашемъ капиталистическомъ хозяйствѣ не зависитъ отъ однихъ условій производства, если она можетъ доказать, что созданіе тѣхъ или другихъ формъ цѣннаго богатства зависитъ отъ условій раздѣла путемъ обмѣна продукта и неравнаго прибавочнаго продукта, тогда „производственный идеаль“ для практическаго политика будетъ только туманнымъ исканіемъ невѣдомаго и неяснаго, бесконечно отдаленнаго. Тогда формула: „возвратите работнику продуктъ его труда, созданную имъ цѣнность“ будетъ слишкомъ элементарна и неясна. По справедливому выраженію Бернштейна, требованіе всего продукта труда будетъ — „явною нелѣпостью въ хозяйственномъ отношеніи“¹⁾.

Я упрекнулъ Зомбарта въ неопредѣленности его идеала экономической политики и долженъ признать, что идеаль Рикардо гораздо яснѣе и даетъ возможность лучше, правильнѣе намѣтить путь, по которому можетъ и, по моему убѣжденію, уже и начало идти человѣчество.

Зомбартъ правильно замѣчаетъ, что его идеаль примыкаетъ „къ традиціямъ классической школы“. Безъ сомнѣнія, никто не станетъ спорить, что для человѣчества желательно обезпечить матеріальную основу своей цивилизаціи съ меньшими затратами живыхъ и мертвыхъ силъ. Человѣчеству, какъ цѣлому, каждому отдѣльному классу работниковъ желательно, конечно, имѣть не много труда, не вѣчно гнуть спину за матеріальными заботами. Работнику дорого не количество труда, а хорошее вознагражденіе, которое даетъ ему возможность жить, какъ человѣческому существу, наслаждаясь всѣми благами культурной жизни. Вся трудность заключается въ томъ, какъ найти пути средства и для достиженія этой желаемой цѣли.

Зомбартъ такъ-же, какъ и всѣ классики, указываетъ намъ производственный идеаль, но, какъ мы видѣли, сильно облегчаетъ свою задачу. Онъ предсказываетъ гибель историческихъ архаизмовъ и не рекомендуетъ политику принимать мѣръ для ихъ поддержанія.

1) Сравни выше стр. 313—16, 321—327.

Бѣда въ томъ, *во первыхъ*, что мы далеко не выяснили себѣ тѣхъ формъ организаціи хозяйства, которыя мы можемъ назвать экономически лучшими съ точки зрѣнія количества и вознагражденія труда. До настоящаго времени кипитъ живой споръ о преимуществахъ мелкаго и крупнаго сельскаго хозяйства, о необходимомъ сочетаніи разныхъ формъ этого хозяйства и въ земледѣліи, и въ промышленности для нормальной эксплуатаціи даровъ природы. Я не спорю, что та система и форма хозяйства, которая требуетъ много труда и даетъ работнику малое вознагражденіе должна исчезнуть и исчезнетъ въ экономической борьбѣ, но какія формы хозяйства займутъ ее мѣсто, это рѣшитъ исторія, законы необходимости и цѣлесообразности, которые въ ней проявляются. Поэтому и въ предсказаніяхъ будущей эволюціи мы должны быть очень осторожны; здѣсь, на этомъ вопросѣ сказывается вся колоссальная сложность законовъ экономіи, постоянное, взаимодействіе законовъ производства и распредѣленія, хозяйственной и социальнo-политической организаціи. Институтъ частной собственности — это двуликій Янусъ производства, распредѣленія, социальной организаціи. Частная собственность — не только экономическая категория, но и социальная, ибо она лежитъ въ основѣ политической организаціи, потребности которой часто вызываютъ, необходимость неравнаго распредѣленія имуществъ, какъ особой системы вознагражденія представителей политической власти.

Неясность основной формулы Зомбарта также *во вторыхъ* и въ томъ, что она не даетъ возможности судить на основаніи какого либо опредѣленнаго признака, какой общественный классъ представляетъ въ каждую данную эпоху хозяйственный прогрессъ?

Историку, когда предъ его глазами лежитъ пройденный народомъ путь, легче опредѣлить, какой классъ или, вѣрнѣе, какіе классы, съ ихъ развѣтвленіями и служебными элементами, представляли хозяйственный прогрессъ; но не такъ это доступно практическому политику. Да развѣ мы такъ легко можемъ разорвать интересы отдѣльныхъ классовъ на части, развѣ „хозяйственный прогрессъ“ не является частью „соціального прогресса“ вообще? Развѣ при ретроспективномъ взглядѣ система рабскаго или крѣпостнаго хозяйства не была печальною, жестокою историческою необходимостью, не была системой „общественной организаціи труда съ наилучшими для того времени социальными и техническими орудіями“ и какіе классы въ эти періоды представляли „хозяйственный прогрессъ?“ Исторія не знала такого періода, когда одинъ какой либо классъ всецѣло былъ руководителемъ всего хозяйственнаго прогресса. Прогрессъ обнару-

Zelle zu placieren, die nach ihrer Einsamkeit zu seinem sich ruhig Verhalten und guter Überlegung dienen könne, und über ihn eine solche Aufsicht zu führen, wie sie von der Regierung vorgeschrieben werden wird. — 3) Zu seiner Aufsicht und Dienst ältere und in den christlichen Regeln erfahrene und standhafte Leute zu bestellen, auf dass sie nicht von ihm zum verderblichen Skopzentum bekehrt werden könnten“. — 4)—5) sind mit 1—3 der Vorschrift Śušins im Wesentlichen identisch. — „6) Sie müssen gemäss dem Amte eines Priors und der Verpflichtung des geistlichen Berufes ihn oft besuchen und mit ihm über die wahrhaften Mittel zur Errettung sich unterhalten, welche sind: der lebendige Glaube an den Gottessohn, den fleischgewordenen Herrn Jisus Christos, Lektüre des Wortes Gottes und häufiger Gebrauch der Sakramente der kirchlichen Busse und der Kommunion des Leibes und Blutes Christi, mit dem aufrichtigen Wunsche, dadurch die wahrhafte Reinigung des Herzens und die wirkliche Weissung ¹⁾ der Seele zu erwerben. — 7) Dazu ihm aus der Bruderschaft zum Beichtvater einen wohlgesitteten und kundigen Mann zu ernennen, der ihn ebenfalls von Zeit zu Zeit besuchte und ihn zu Lektüre des Wortes Gottes und zu Gebet günstig stimmte, indem er selber sich mit ihm in solcher Lektüre beschäftigt und bei ihm die Mönchszellenregel vollzieht. — 8)—9). Wie sein äusseres Betragen, so auch sein inneres Gestimmtsein zu beobachten, indem man sein Gewissen und seine Gedanken prüft und ihn zu Offenheit in Erwägung der Gefühle seines Herzens durch andachtsvolle geistliche Gespräche mit ihm führt . . . und sekret darüber alle vier Monate dem Minister der Geistlichen Angelegenheiten und der Volksaufklärung, Fürsten Golizün Mitteilung zu machen. — Michail, Nowgoroder und St. Petersburger Mitropolit.“ —

Nach Empfang Seliwanows, dessen Namen in den aufgeführten Schriftstücken nirgends erwähnt wird ²⁾, setzte sich Parfeni mit Śušin wegen Zusendung von Geld zu seiner Erhaltung in Relation (vom 23. Juli unter № 119, nach Mainow S. 766.) und erhielt infolge davon aus dem Ministerium der Innern Angelegenheiten erstmalig 600 Rbl., hernach aber jährlich 550 Rbl. zu diesem Zwecke.

Am 28. Juli schrieb Parfeni an den Mitropolit Michail u. a. folgendes: . . . „Was aber den 7., in der Anleitung Eurer

1) Anspielung an den skopzischen terminus für die Verschneidung, vergl. z. B. oben S. 218.

2) Nicht, wie Prugawin meint (S. 39 f.), um das Geheimnis seiner Haft strenger zu bewahren — denn er war ja doch durch die Bezeichnung „Anstifter der Skopzensekte“ deutlich genug gekennzeichnet, — sondern weil der Regierung die Authentizität des Namens Kondrati Seliwanow zweifelhaft geworden sein wird (vergl. oben S. 20 ff. u. 284).

Hochwürden angegebenen Punkt anlangt, bezüglich eines Beichtvaters für diesen Menschen, so ist leider, allergnädigster Oberhirte, in der Bruderschaft einer mit solchen Fähigkeiten nicht vorhanden, der gemäss seiner Kenntnis und Wohlgesittetheit dieses wichtige Amt übernehmen könnte, weswegen von mir mit Zustimmung des Wladimirischen Bischofs diese Sache dem Sußdaler Propste Priester Pjotr Winogradow anvertraut worden ist, als einem gelehrten, wohlgesitteten und kundigen Manne, desto mehr, als dieser selbe Priester auch für die übrigen Arrestanten, die sich im Spaso-Jewfimi-Kloster befinden, zum Beichtvater verordnet ist. . . .

Des weiteren sagt der Archimandrit in diesem Briefe: „Ich besuche ihn fast jeden Tag und er spricht mit mir ziemlich offen. Er verschnitt sich nach seinem Eingeständnis im vierzenten Jahre seines Lebens, in der Regierung der Kaiserin Anna Joannowna; darauf verschnitt er auch mehr als hundert andere Leute. Zur Beichte und heiligen Kommunion war er achtzehn Jahre nicht; jetzt aber entschloss er sich nach meinem Rate und Überredung zu den kommenden Fasten des 6. August zu beichten und an dem heiligen Sakramente zu kommunizieren. — Zu seiner Gefangenhaltung sind die allerstrengsten Massnahmen getroffen worden, ein besonderer Wachtposten ist vorgestellt worden und Beziehungen zu seinen Gesinnungsgenossen zu haben ist für ihn auf keine Weise möglich“ . . . .

Am 25. August schrieb Parfeni an Sušin (unter № 141, bei Mainow S. 767 f.; Referat bereits bei Nadeschdin S. 97 f.): „Der Greis, der Anführer der Skopzensekte . . . befand sich im Lauf dieses Monats in für sein Alter ordentlichem Gesundheitszustande. Am 8. dieses Monats beichtete er und kommunizierte . . . Seinen groben und schädlichen Raskol übrigens hat er, wie aus dem Umgang mit ihm ersichtlich ist, noch nicht völlig bereut. Seitens seiner Gesinnungsgenossen waren vom Makarjewschen ¹⁾ Jahrmarkt in Sußdal eingefahren am 15. dieses Monats der St. Petersburger Kaufmann 2. Gilde Solodownikow und am 20. der dortige Kaufmann dritter Gilde Michailow mit irgendeinem Bauern, welche unter dem Anschein des Pilgerns ins Kloster kamen, mich um die Erlaubnis baten, die Arrestanten zu sehen und an sie persönlich Almosen zu verteilen. Ich merkte aus ihren Worten, dass sie den Aufenthaltsort des Anführers der skopzischen Sekte erfahren wollten, schickte sie sofort aus dem Kloster hinaus und dem Sußdaler Polizeimeister wurde zu derselben Zeit über ihre Ausweisung aus der Stadt zu wissen gegeben. Zusendungen von Geld und Sachen sind von nirgendwoher erfolgt“ . . . .

Am 20. Dez. schrieb Parfeni wiederum an Michail (bei Mainow S. 768): „Ich besuche ihn . . . nicht selten; die Ermahnungen hört er mit Befriedigung und Reue an, indem er sich einen grossen Sünder nennt und Gott dafür dankt, dass es ihm gegeben sei, den Rest seiner Tage an einem lautlosen Orte in Reue zu verbringen“.

1) Stadt im angrenzenden Gouv. Nischni-Nowgorod, wo der jetzt in der Gouvernementsstadt selbst stattfindende Jahrmarkt früher abgehalten wurde.

Ähnliche Mitteilungen machte Parfeni auch dem Minister Golizün (z. B. am 3. Nov. unter № 173, bei Mainow S. 768). Aber am 11. Juli 1821 forderte dieser in einem Briefe (nach Mainow S. 768 nicht erhalten) von ihm ausführlichere Meldung ein, worauf er antwortete: . . . „Er ist in Beziehung zur Religion ersichtlich eifrig; zum ersten Male entschloss er sich auf meine häufigen Eingebungen hin . . . den Beichtvater zu empfangen, zu beichten und an den allerreinsten Sakramenten unseres Erlösers zu kommunizieren, hernach aber ward er auf eigenen Wunsch an allen Fasten des Empfangs der heiligen Gaben des Herrn gewürdigt. Die Zeit verbringt er einförmig und tröstet sich, wie er sagt, in der Einsamkeit nur durch Unterhaltung mit Gott. Aber was seine bekannte Häresie anlangt, so lässt seine häufige Erwähnung seiner Gesinnungsgenossen, des Bethauses, seiner Hoffnung, seine Anhänger zu sehen und sogar mit ihnen zusammen zu leben, an der Aufrichtigkeit seiner Erzählungen zweifeln. Eine von solchen, obgleich ersichtlich abgeschmackt, dennoch von ihm mir unter starkem Weinen erzählt, erkühne ich mich Eurer Durchlaucht Wort für Wort zu melden. — In der Passionswoche am grossen Freitage . . . fand ich ihn bitter weinen. Meine Frage war: — „Worüber weinst du, ehrwürdiger Greis?“ — „Ich weine, sagte er, dass man Christ den Heiland unschuldig gekreuzigt hat“. Ich sagte ihm . . . 1) (es folgt das oben S. 26—28 und 29 f. bereits Mitgeteilte).

Nach einer Reihe von allmonatlichen und allviermonatlichen Meldungen, die nichts Neues enthalten, teilte Parfeni am 3. Mai 1822 (unter № 26, bei Melnikow Materialien etc. 1872, 3. B. S. 58, bei Mainow S. 770) dem Minister folgendes mit: . . . „am 2. dieses Monats war von Seiten seiner Gesinnungsgenossen der St. Petersburger Kaufmann Stepán Kušnezow in der Stadt Sušdal unter dem Anscheine des Einkaufes von Waren, kam in das hiesige Kloster aus Neugierde und bemühte sich den Aufenthaltsort des Anführers seiner Sekte zu erfahren, fragte mich, ob er nicht Mangel an Geld oder Gegenständen habe, und bat mich, irgend eine Summe Geld anzunehmen, aber ich äusserte auf seine Frage, dass ich es nicht wisse, und ohne von ihm Geld anzunehmen, schickte ich ihn unverzüglich aus dem Kloster fort und gab zur selben Zeit dem Sušdaler Polizeimeister Makow davon zu wissen, indem ich ihn um Ausweisung des erwähnten Kaufmanns Kušnezow aus der Stadt bat“.

Auf eine Reihe von Fragen des neuen Wladimirschen Gouverneurs Graf Apraksin in seinem Schreiben vom 3. März 1824 antwortete Parfeni am 26. März (unter № 22, bei Mainow S. 772 f.) das bereits oben S. 25, 26 f., 30 Mitgeteilte und ferner folgendes: „Über den Erfolg seiner Bekehrung zur Wahrheit vergewissern er-

---

1) Aus der Antwort Parfenis ist ersichtlich, dass er nicht verstand, dass Seliwanow mit der unschuldigen Kreuzigung des Heilands seine eigenen Leiden meinte (vergl. oben S. 57, 78 f. u. unten).

sichtlich wie sein eifriger Wunsch, mit welchem er die heiligen Sakramente der Busse und Kommunion annimmt, so auch sein Glauben an die Dogmen unserer Kirche, in den Unterhaltungen mit mir nennt er sich . . ." (es folgt wörtlich der aus der Meldung vom 20. Dez. 1820 oben S. 290 mitgeteilte Satz und das bereits oben S. 30 Gebrachte): „Die Zeit verbringt er, ohne sich mit etwas zu beschäftigen, infolge seines Alters, Schwäche des Sehvermögens, und infolge Krankheit in den Beinen befindet er sich fast immer im Bett; mit Lektüre aber beschäftigt er sich deswegen nicht, weil er sich für einen des Lesens Unkundigen ausgibt, obgleich er sich in den Gesprächen am 18. dieses März verplapperte, dass er es als Autodidakt gelernt und zu lesen gepflegt habe“ . . .

Als im Jahre 1824 der Posten eines Ministers der Geistlichen Angelegenheiten aufgehoben wurde, fragte Parfeni durch seinen örtlichen Bischof an, wem er von nun an die Berichte über den Greis einzusenden habe. Der neue Oberprokureur des h. Sinods Fürst P. Meschtschérski antwortete dem Bischof (bei Mainow S. 773), dass er „in der ihm anvertrauten Abteilung der geistlichen Angelegenheiten des griechisch-russischen Bekenntnisses keinerlei Verhandlung über den angegebenen Greis gefunden und sich daher zu dem hochwürdigen Seraphim, Nowgoroder und St. Petersburger Mitropolit von Mitteilung von Nachrichten über den Inhalt der Instruktion . . . in Relation gesetzt. Aber der hochwürdige Seraphim äusserte, dass der Erlass einer solchen Instruktion sich unter den Akten in seinem Wanderkontor nicht befände“. — Schliesslich wurde von Parfeni selber eine beglaubigte Abschrift der Instruktion vom Juli 1820 durch das Wladimirsche Konsistorium eingefordert (dessen Befehl ist vom 26. Nov. 1824 datiert, unter № 91; Mainow S. 783). Am 6. März 1825 (unter № 609, bei Mainow S. 773 f.) gab dieses dem Archimandriten zu wissen, dass auf Allerhöchsten Befehl infolge Anfrage des Oberprokureurs er fortan diesem alle vier Monate ganz in der früheren Weise Meldung zu tun habe.

Die nun folgenden Meldungen enthalten (nach Mainow S. 774.) nichts Neues gegenüber den früheren. Nur die erste von ihnen (vom 31. März 1825 unter № 22) meldet Zunahme der Altersschwäche Seliwanows: „Der Arrestant befindet sich seit dem 26. März des vergangenen Jahres 1824 bis hierzu in gemäss seinem Alter schwachem Gesundheitszustande und hat das Sehvermögen völlig verloren.“

Des weiteren wird nur noch aus dem Jahre 1828 mitgeteilt, dass nachdem der Senateur Gorgoli (vergl. oben S. 280 u. 1. Anm., 281, 284, 2. Anm.) in Begleitung Parfenis den Häftling besucht, er ersterem ein Kissen einige Hemden und Socken zur Übergabe (Brief von 17. August, bei Mainow S. 775) an den „Greis

Seliwanow“ „in seinem Namen“ zugesendet, da ihm „seine Bedürfnisse im Gedächtnis geblieben“, „falls solches den Regeln nicht zuwider ist, welche bei Ihnen für die Eingeschlossenen bestehen, die mir übrigens unbekannt sind“. Parfeni sandte unter Hinweis auf seine Instruktion (Brief vom 2. Sept., Mainow S. 775) die Sachen zurück und mit der Erklärung, dass er seinerseits alle Bedürfnisse des Arrestanten genau befriedigt habe ¹⁾. —

Ist nun Seliwanow infolge der so überaus strengen und umsichtigen obrigkeitlichen Massnahmen wirklich während der zwölf Jahre seiner Sußdaler Haft ohne jede Beziehung zu seinen Anhängern geblieben? Einmal ist das noch zu seinen Lebzeiten der Regierung selbst trotz aller ihrer Vorsichtsmassregeln zweifelhaft geworden.

Im Jahre 1823 sagte ein Bauer gegen Skopzen im Nischni-Nowgoroder Kreise aus (nach Akte im Archiv des Departements der Allgemeinen Angelegenheiten № 13, Blatt 19, bei Waradinow S. 136, Melnikow, Materialien etc., 1872 2. B., S. 58 und bei Mainow S. 770 f. nach der Wiedergabe der Relation des Nischni-Nowgoroder Gouverneurs an den Wladimirschen Bischof in dem Ukaße des Wladimirschen geistlichen Konsistoriums vom 5. Mai unter № 1711) „Sie rechnen Christum den Erlöser zu den gewöhnlichen Geschöpfen und halten ihn für niedriger als ihren Lehrer, einen greisen Skopzen, welcher unter Aufsicht in dem Spaso-Jewfimi-Kloster gefangen gehalten werde ²⁾, von welchem sie, wie sie selber sagen, solche ungereimte Meinungen erhalten haben, zu dem sie nach Sußdal reisen und kleine Heiligenbilder aus Email als Zeichen des Segens erhalten . . . , und irgendwelche kleine Kuchen und Pfefferkuchen, welche sie verehren und als Posfore geniessen ³⁾; und als Zeichen der angeblichen Heiligkeit des angegebenen Skopzen werde bei ihnen sein Hemd verwahrt und seine Haare.“ — Auf Veranlassung des Nischni-Nowgoroder Kreisgerichts, in welchem der Prozess dieser Skopzen geführt wurde, fragte der Gouverneur bei dem Wladimirschen Bischof an, ob ein solcher skopzischer Greis im Spaso-Jewfimi-Kloster gefangen gehalten werde und ob Verbreitung solcher Lehre seinerseits bemerkt worden sei. Der Bischof teilte alles Aufgeführte durch Vermittlung des Konsistoriums Parfeni mit, forderte entsprechende

1) Mainow bleibt es fraglich, ob Gorgoli wirklich die strengen Regeln der Instruktion unbekannt waren, oder ob er nur die Standhaftigkeit des Abtes gegenüber Versuchung prüfen wollte, oder ob er auch zu den Verehrern des Greises gehörte.

2) Dieser Satz auch bei Melnikow 2. B. S. 72.

3) Dieser Satz auch bei Melnikow 2. B. S. 169 nach derselben Akte.

Nachrichten und schärfte von neuem ein, dass die Aufsicht über den Arrestanten unvermindert fortgesetzt werde.

Parfeni antwortete in gleichlautenden direkten Meldungen an den Bischof und den Minister Golizün (bei Melnikow S. 58, bei Mainow S. 771 f.): „Während der Gefangenhaltung des Greises in diesem Kloster wurde Verbreitung von Lehren durch ihn nicht bemerkt; ja bei der allerstrengsten Beobachtung seiner ist diese auch nicht möglich; denn er wird unter allerstärkster Wache in einem besonderen Zimmer hinter Schloss (und Riegel) gehalten, dessen Schlüssel vom dejourierenden Unteroffizier verwahrt wird, und niemand ausser dem Beichtvater, dem dejourierenden Unteroffizier und einem gemeinen Soldaten, der ihm das Essen gibt, kann ihn sehen und andere werden unter keinerlei Vorwand zu ihm zugelassen. Darüber wird ausser meinem persönlichen und häufigen Besuche und Aufsicht mir jeden Tag zweimal mündlich und am Ende der Woche, bei ihrem Wechsel, schriftlich vom den dejourierenden Unteroffizieren Meldung getan. Und obgleich zur Entdeckung des Aufenthaltsort dieses Arrestanten von seinen Gesinnungsgenossen Anschläge vorgekommen sind, so sind sie durch strenge Massnahmen zuvor abgewendet worden . . . von seiten der Personen aber, die in der Relation des Herrn Nischni-Nowgoroder Gouverneurs Krjukow aufgeführt sind, sind keine Anschläge vorgekommen. Wie keinerlei kleine Emailheiligenbilder sich bei seiner Ablieferung hierher in seinem Besitz befunden haben, ausser einem an ihm befindlichen vergoldeten Kreuz aus Silber, das er auch jetzt noch besitzt, so auch in der Folgezeit nicht, ebenso waren keine Kuchen und Pfefferkuchen vorhanden und hinsichtlich der Übergabe von Haaren ist kein Verdacht vorgekommen¹⁾. Was aber sein Hemd betrifft, so wurde wie das Hemd so auch die übrige Kleidung mir von dem St. Petersburger Untersuchungspristaw, der ihn hierher einlieferte, nach einem Register übergeben; obgleich einige (Kleidungsstücke) von ihnen auch abgenutzt sind, so sind sie doch auch jetzt alle da.“

Trotz dieser Antwort Parfenis wurden in Petersburg dennoch (irgendwie vermittelte) Beziehungen zwischen den Nischni-Nowgoroder Skopzen und Seliwanow angenommen und Parfeni erhielt infolgedessen vom Wladimirschen Konsistorium folgenden Ukas (vom 20. Juni 1824 unter № 2423, bei Mainow S. 772), in welchem zum ersten Mal in dem ganzen seit 1820 über den Greis geführten Schriftwechsel er namentlich genannt wird, worin freilich (wie Mainow bemerkt) der neue Wladimirsche Gouverneur in seiner Anfrage vom 3. März an den Archimandriten (vergl. oben S. 291)

1) Joannow erzählt (Ergänzende Nachrichten über die Tatarinowa etc. S. 2340), ohne seine Quelle anzugeben: „Im Kloster bat Seliwanow den Archimandriten, sich die Haare scheren lassen zu dürfen. Nichts Böses ahnend erlaubte er es. Es wurde aber unter seine Anhänger verteilt.“

vorausgegangen (vielleicht hat er dadurch den Anstoss dazu gegeben): „Durch Resolution seiner Hochwürden, Parfenis, Wladimirschen und Suśdaler Bischofs und Kavaliers, gegeben infolge Ukases des Heiligsten Regierenden Sinods nebst Erklärung der Verfügung des Komitees der Herren Minister in ihm, die erfolgt ist über die in verschiedenen Dörfern des Niśchni-Nowgoroder Kreises aufgetauchte Sekte der Skopzen, welche schädliche Lehren von dem im Spaso-Jewfikloster unter Bewachung gefangen gehaltenen Lehrer und V e r f ü h r e r Kondrati Seliwanow erhalten, ist vorgeschrieben worden: dem Vater Archimandriten Parfeni durch Ukaś vorzuschreiben, dass er alle möglichen Massnahmen der Vorsicht ergreifen möge zur Zurückhaltung des Arrestanten von der Verbreitung der schädlichen Verirrung und von Verbindung mit den Gesinnungsgenossen“

Ob Beziehungen zwischen dem in so strenger Haft gehaltenen Sektenoberhaupte und seinen Anhängern stattgefunden haben, darüber gibt es eine Reihe von skopzischen Nachrichten.

Gewissermassen den Boden für Seliwanow vorbereitet hatte jener Skopze Staatsrat Jeljanski, der acht Jahre im Suśdaler Klostergefängnis zugebracht hat und acht Jahre vor Seliwanows Einschliessung hieselbst gestorben war (vergl. oben S. 167).

Im Jahre 1812 wurden in der Zelle der Nonne Pa-ísija im Suśdaler Pokrowski-Frauenkloster, das vom Spaso-Jewfimi-Männerkloster nur durch eine wasserlose Schlucht getrennt ist, Andachtsversammlungen entdeckt, die besonders des Nachts stattfanden (Melnikow, Die weissen Tauben S. 268, Anm.; Materialien etc. 1872, 2. B. S. 58 f.; 3. B. XX. Nachrichten über die skopzische Salbenträgerin, die Suśdalsche Nonne Pa-ísija, S. 216—218). Die anderen Bewohnerinnen des Klosters hatten dort ungewöhnlichen Gesang, zuweilen auch tanzmässiges Stampfen gehört. Bei ihr versammelte sich eine ganze Anzahl Novizinnen des Klosters, nicht selten kamen auch zu ihr Männer verschiedener Art und Berufes, unter der Angabe, ihre Verwandten zu sein. Beim Verhör gab sie an, dass sie mit dem Polen Alekse Michailowitsch (Jeljanski), der im Suśdaler Spaso-Jewfimi-Kloster „für Bekanntmachung der skopzischen Sekte“ gefangen gehalten werde, bekannt sei, dass sie mit ihm dadurch bekannt geworden, dass er ihre Hand kuriert. Unter den fünfzehn von ihr namentlich angegebenen Teilnehmerinnen an ihren Andachtsversammlungen sind ausser einer Nonne (Naśaréta) besonders die Novizinnen Matrjóna Lwowna und Arína Lwowna Birkin zu nennen, Töchter eines Suśdaler Kleinbürgers (ferner drei Andrėjewas). Sie und die andere Nonne wurden auf Resolution des Bischof Ksenophónt in abgelegene Klöster unter Aufsicht verschickt, die Novizinnen

aber aus dem Kloster entfernt. Aber gerade in dem Jahre, als Seliwanow in Suśdal interniert wurde, bat Pa-isija um Rückkehr in das Suśdaler Pokrowski-Kloster, welche ihr auch infolge Versicherung der Äbtissin des Fjodorow-Frauenklosters in der Stadt Pereslāwl (gleichfalls in Gouv. Wladimir), in welches sie verbannt war, sie habe sich völlig gebessert, von demselben Bischof gestattet wurde (Melnikow vermutet, dass diese Erlaubnis Werk der Petersburger skopzischen Kaufleute war, die kein Geld gespart, damit Seliwanow in der Nähe einen ihm ergebenen Menschen habe [?]). Aber im Jahre 1825 lenkte sie wiederum Verdacht auf sich. In ihrer Zelle im Pokrowski-Kloster und bei ihrem Vater, dem Skopzen Iwan Kórobow in ihrem Heimatdorfe Koślów im Suśdaler Kreise wurden viele Briefe von Skopzen aus den verschiedensten Gegenden gefunden, an die Pa-isija war Geld aus dem Simbirsker Gouvernement (vergl. oben S. 107 f. u. unten) und aus Irkutsk geschickt worden¹⁾.

In einem ihrer Briefe an Kórobow wird der „Pole Alekse Michailowitsch“ und der „gerechte Vater“ erwähnt, welche letztere Benennung, wie Paisija beim Verhör angab, sich auf den sekreten Arrestanten beziehe, der im Spaso-Jewfimi-Kloster gefangen gehalten werde²⁾. Aber wer er sei und ob er zur skopzischen Sekte gehöre, wisse sie nicht, sondern verehere ihn nur gemäss dem Volksgerede über sein asketisches Leben als Gerechten (nach der Akte des Ministeriums der Innern Angelegenheiten № 11 vom Jahre 1825). Zu derselben Zeit wurde in Wladimir ein Prozess über ihren Vater Iwan Korobow nebst einem andern geführt, die sich selbst verschnitten und im Gouvernement die Skopzensekte verbreitet hatten (erwähnt in der „Akte über die in Moskwa infolge der Angabe des Bauern Matusow entdeckten Skopzen, 1820—29“; nach dem Auszuge Melnikows a. a. O. S. 268).

Pilgerten nach der oben (S. 293) zitierten Akte von 1823 Niśchni-Nowgoroder Skopzen nach Suśdal, um dort Belehrungen,

1) Ferner wurde durch diesen und den Moskauer Prozess von 1820—29 infolge der Angabe Matusows (siehe unten) nachgewiesen, dass sie in Briefwechsel mit Moskauer Skopzinnen gestanden und ihnen verschiedene Gegenstände von Seliwanow zugeschickt, Pfefferkuchen, Haare etc.

2) Ferner gab sie an, dass sie in die Skopzensekte ohne jede Beschädigung vermittels irgendeiner Operation aufgenommen worden (nach der „Akte über die in Moskwa infolge der Angabe des Bauern Matusow entdeckten Skopzen, 1820—29“, welche sich auf jene Angabe beruft; bei Melnikow a. a. O. S. 271).

Kuchen, Pfefferkuchen etc. als von Seliwanow zu erhalten, so sind wir näher über derartige Wallfahrten durch die „Meldung“ Iwan Andrejanows orientiert, der im August 1824 selber eine solche dorthin unternommen hatte (bei Waradinow S. 261 f., Melnikow Materialien etc. 1872, 3. B. S. 310 f., z. T. ausführlicher 2. B. S. 44 f., 59 f, 169, 171, 199 f.): „Bei Nikiforow“ („jenseits der Wolga“) . . . „bat ich meinen Lehrer, mich nach Suśdal zu bringen, um dort den Ort des Erlösers zu sehen. Mein Lehrer gab gerne seine Zustimmung: da sie es für eine grosse Sache halten, sich vor dem Orte zu verbeugen, wo ihr Vater sitzt . . . Am fünften August langte ich mit meinem Lehrer, dem verabschiedeten Soldaten, Skopzen Alekse Iwanow, in der Stadt Suśdal an und wir kehrten im Hause zweier Gottesmädchen¹⁾ ein (nach dem Vater Iljinitchna): sie nahmen uns auf, und als in ihrem Hause vorhanden zeigten sich an zehn Skopzen, die vor uns aus verschiedenen Gegenden gekommen waren, und weiblichen Geschlechts an dreizehn Menschen, die gleichfalls aus verschiedenen Gegenden gekommen waren. Alle sassen wir in der oberen Etage und sie sprachen vom Vater Erlöser, dass er geruhe, geduldig zu leiden, bedauerten ihn und wunderten sich über sein freiwilliges Dulden. Unter ihnen befand sich der verabschiedete Soldat aus dem Kromüschen Kreise des Gouvernements Orjol, Skopze Iwan Petrow, welcher auf das Bild der Gottesmutter, die vom Kreuz den Heiland empfängt, hinwies und sagte: siehe das dumme weltliche Volk denkt, dass die Jungfrau Marija den Gottessohn dem Fleische nach gebar, aber es weiss nicht, wie der Gottessohn von ihr geboren wird²⁾). Die anwesenden Skopzen schwiegen hierauf und keiner von ihnen zeigte auch nur durch eine Miene, dass er daran zweifele. Am Abend war Andacht. Derselbe Soldat nahm vor der ganzen Versammlung der Skopzen aus der Tasche zwei silberne Geldstücke heraus, einen Rubel und einen halben Rubel, zeigte sie den Skopzen und sagte zu ihnen: „Wisset ihr, wessen Proträts diese sind?“ Die Skopzen traten heran und küssten die Geldstücke unter Bekreuzung. Und ich sah auf dem Rubel das Porträt des Herrscher Kaisers Pjotr Feodorowitsch, und sie nennen ihn ihren Erlöser, — aber auf dem halben Rubel das Porträt der Herrscherin Kaiserin Jelisawéta Petrówna und sie nennen sie geistliche Mutter; denn der Skopze sprach so zu den übrigen Skopzen. Dabei sagt er, dass die Herrscherin Kaiserin ihren Zarischen Thron verlassen habe, geruht habe, ihren Namen zu verändern und sich Akulina Iwanowna genannt und lange Zeit in der Stadt Orjol gelebt habe“. . . . (Das Weitere siehe oben S. 35). „Am andern Tage, den 6. August, sagten die Hauswirte uns allen wir möchten möglichst schnell das Haus verlassen; denn sie sahen sich vor, dass nicht die Stadthäupter die Skopzen in ihrem Hause festnähmen; und alle gingen schnell hinaus. Wir waren im Kloster der Verklärung des Herrn, wo damals der Festtag der Kirche war,

1) d. h. zu den Gottesleuten (hier = Skopzen) gehörenden M.

2) Vergl. dazu B. I. S. 256, 301 u. unten.

und ich sah den Ort, wo ihr Vater Erlöser sitzt¹⁾; und darauf, während des Vespergesanges, gingen wir hinter die Stadt und blieben dort. Mein Lehrer und die Übrigen beteten dort zu dem Orte des Vater Erlöser. Und als wir dasassen, sagte uns eine Suśdaler Gottesjungfrau, nach dem Vater Andrejewa²⁾, aus einem anderen Hause, nicht aus dem, in welchem wir übernachteten, dass der Erlöser befohlen habe, uns zu sagen, dass wir unnütz uns alsbald beeilt, hinauszugehen; dass alles ruhig sei und dass der Vater Erlöser über die zürne, welche uns alsbald hinausgeschickt, und so sagte der Vater: „Nicht einer von ihnen wird das Reich erlangen“, und habe befohlen, uns so zu sagen: „Ich der Vater bin fröhlich und nur dem Leibe nach in Unfreiheit, aber dem Geiste nach immer in Freiheit bei meinen Kindlein, damit meine Kindlein sich nicht betrüben“; denn die Jungfrau hatte über uns dem Erlöser gemeldet. Die Reden des Erlösers sagen den Gottesleuten die Soldaten wieder, welche ihm das Essen bringen, und eben sie bringen zuweilen Prosphore und Schwarz- und Weissbrod hinaus, das von seinem Tische übriggeblieben ist und bringen es in die genannten Häuser den Gottesleuten, und die Gottesleute nehmen es als grosse Gabe entgegen. Mein Lehrer sagte damals, dass der Erlöser bei seiner Verschickung aus Peterburg nach Suśdal seinen Kindlein sagte: „Ich der Vater bin nur auf drei Järchen weggefahren und werde wieder zu euch kommen“; (vergl. oben S. 221) „und er äusserte dabei grosses Bedauern, dass Herrscher-Väterchen ersichtlich dort auch zweimal drei Jahre verweilen werde³⁾“.

Melnikow indentifiziert die beiden „Gottesmädchen“, bei denen nach dem Zeugnis Iwan Andrejanows nicht nur er und sein Lehrer in Suśdal einkehrten, sondern die dorthin pilgernden Skopzen überhaupt ihren Versammlungsort hatten, mit Matrjona und Arina Birkin, den Novizinnen, die zu dem Kreise der Paisija gehört (vergl. oben S. 295). Dem steht aber entgegen, dass als ihr Patronymikum in den Akten des Prozesses der Paisija „Lwowna“ angegeben wird, bei Andrejanow aber „Iljinitchna“. Wenn Melnikow (S. 59)

1) Hierzu macht Melnikow die Anmerkung, die wir bereits oben S. 286 mitgeteilt haben.

2) Vergl. oben S. 295.

3) Als weiteres Wort Seliwanows in Suśdal teilt Iwan Andrejanow aus dem Munde seines Lehrers mit (bei Melnikow 2. B. S. 163 und 200): „Zu einer Zeit sagte mein Lehrer vor der Versammlung den Gottesleuten, dass der Erlöser, als er im Suśdaler Kloster sass, durch die Soldaten die Gottesleute fragte: „Lesen die Kindlein das Taubenbuch, und was sage das Taubenbuch von ihm? Und dass sie immer das Buch lesen möchten.“ Dieses fragte er die Profeten, dass von ihm die Profeten weissagen möchten. Aber die Profeten antworteten ihm, dass sie wüssten und das Taubenbuch läsen.“ — Die Meinung ist wohl, dass Seliwanow von den Profeten erfahren wollte, wie lange noch seine Gefangenschaft dauern werde (vergl. B. I. S. 298 f.).

sagt, ihr Vater habe Ilja oder Lew gehiessen, so ist das nur ein wenig glücklicher Ausgleichsversuch, zu dem ihn eine Mittheilung in der „Angabe“ des Deserteurs Budülin von 1829 veranlasst hat, in welcher in der Tat Matrjona und Irina Birkin nicht nur als diejenigen genannt werden, die ihn bei seiner Pilgerfahrt (im Jahre 1825) in ihr Haus aufnahmen, sondern auch als Vermittlerinnen der Gaben Seliwanows. Aber auch hier wird als ihr Vater Lew Birkin genannt. Es ist ja möglich, dass Andrejanow sich im Patronymikum geirrt hat. Aber eben so möglich ist, dass mehrere Skopzenhäuser in Sušdal existierten, die die Pilger „zum Orte des Erlösers“ bei sich aufnahmen, wie ja z. B. Andrejanow anlässlich der Erwähnung der Andrejewas sagt, sie sei aus einem andern Hause gewesen, als in welchem sie übernachteten. Die Stelle bei Budülin lautet (bei Melnikow 4. B. S. 80): „Aus Morschansk begab ich mich in mein Dorf Wüješdnaja Slobodá im Arsamasser Kreise des Gouvernements Nišchni-Nowgorod und von hier in die Stadt Sušdal des Gouvernements Wladimir, zu dem vermeintlichen Erlöser, in das Haus des Kaufmanns Lew Jephimow Birkin, zu seinen Töchtern, Matrjona und Irina, von welchen ich Gaben empfang: Weizenzwiebacklein, Roggenkringelchen und ein auf Zypressenholz gemaltes Kreuz . . . Dieses alles erhielt ich dem Anscheine nach vom Erlöser, welchen zu sehen ich nicht zu erlangen vermochte, obgleich ich den Wunsch hatte; aus Sušdal reiste ich nach Morschansk zurück. Im Jahre 1826, im Januarmonat, reiste ich mit dem Befehle aus, der durch die Töchter Birkin vom Erlöser gegeben worden war, allen Skopzen, wo immer ich sie finde, zu erklären, dass sie drei Tage fasten, und die oben beschriebenen Gaben, wie Zwiebacklein und Kringelchen verteilen möchten, wenn auch nur zu einen kleinen Stückchen für jeden“ (es folgt Beschreibung seiner Reise durch Morschansk, Sosnowka, Koslow, Usman und die dazwischen liegenden Dörfer, siehe unten).

Über Beziehungen der Skopzen zu ihrem gefangen sitzenden Oberhaupte im allgemeinen und der Morschansker Urgemeinde im speziellen sagte ferner Budülin (S. 87): „Zu ihm haben auch bis jetzt die Skopzen Anhänglichkeit und Verehrung, schicken Geschenke durch Vermittelung verschiedener Gesandter, wie z. B. aus der Stadt Morschansk durch den verabschiedeten Soldaten Konstantinow, der bei dem kleinbürgerlichen Mädchen Katarina Chólina wohnt. Durch diesen Konstantinow erhalten die Skopzen Anordnungen des Erlösers und Gaben zum Segen, bestehend aus kleinen Niederschriften, aus Weizenzwiebacken, und kleinen Roggenkringelchen und Prosforen, welche sie für heilig halten und beim Tode und bei Krankheiten geniessen. Das Wasser, mit welchem der Erlöser seine Hände wäscht, und die Haare, welche er vom Kopfe auskämmt, goldene und silberne Kreuzchen, kleine Heiligenbildchen, gemalt auf Zypressen-

holz, Tüchlein, „Schutz“ genannt, alles dieses verwahren die Skopzen und ehren es als heilig. Der Soldat Konstantinow erhält diese Sachen in der Stadt Sušdal vom Kaufmann Birkin und seinen Töchtern, den kastrierten Mädchen Matrjona und Irina, wobei sie erklären, dass die Gegenstände von ihnen vom Erlöser erhalten worden seien; diese Mädchen erhalten von den Abgesandten, Konstantinow u. a., Geld, das von den Skopzen ihnen mitgegeben worden ist.“

Danach haben die beiden Töchter Birkins in Sušdal in der Tat eine dominierende Rolle bei Vermittelung der Beziehungen der Skopzen zu Seliwanow gespielt, was freilich nahelegt, sie mit den beiden „Gottesmädchen“ Iwan Andrejanows zu identifizieren, und hinsichtlich des Patronymikums einen Irrtum seinerseits anzunehmen.

Nadeschdin hat die im Namen des Häftlings verteilten Gaben, von denen Budülin erzählt, für „wahrscheinlich grösstenteils unecht“ erklärt (S. 168 und Anm. 226). Und in der Tat wäre es ja denkbar, dass obgleich alle Versuche der Skopzen, zu Seliwanow in Beziehung zu treten, an den umfassenden obrigkeitlicherseits getroffenen Gegenmassregeln gescheitert wären, in Sušdal lebende Skopzen aus der Anwesenheit Seliwanows in ihrer Stadt in ähnlicher Weise Kapital geschlagen hätten, wie seine Petersburger Wirte, indem sie zu diesem Zwecke ihren Glaubensgenossen Beziehungen zu Seliwanow vorgespiegelt hätten. Man müsste dann nur annehmen, dass die Unwahrhaftigkeit, deren sich die Skopzen gegenüber Andersgläubigen befleißigen, auch ihre Beziehungen zu einander in sehr hohen Masse angefressen hat — und so Theorie und Praxis bei ihnen völlig auseinandergegangen wären. Aber ist das schon an sich nicht wahrscheinlich (siehe dafür unten), so dürfte doch die andere Möglichkeit eher zur Tatsächlichkeit geworden sein, dass nämlich die Soldaten, die (einander ablösend) Seliwanow — wie Parfeni berichtet — das Essen zu bringen hatten, dem Golde der Skopzen nicht widerstanden haben. Ihnen schreibt ja Andrejanow ausdrücklich die Vermittlung der Beziehungen zu ihm zu. Sie würden demnach die Reste von den Mahlzeiten Seliwanows, Haare von ihm etc., ebenso wie Aufträge und Mitteilungen an seine Anhänger im Kloster selbst der Paisija oder den ihr ergebeneu Nonnen und Novizinnen übergeben haben ¹⁾, die sie dann weitertrugen (die Andrejewa spielt

1) Die Behauptung Reutskis aber (S. 152): „Paisija drang nicht nur selber zu Andre Iwanow vor, sondern wusste auch zu ihm die Birkins zu bringen“ — ist völlig aus der Luft gegriffen.

ja bei dem Besuche“ Andrejanows diese Rolle einer Vermittlerin, (vergl. oben S. 297). Auch Kreuze aus Email oder Zypressenholz, oder gar goldene und silberne, wie sie als von Seliwanow kommend an die Anhänger verteilt wurden (vergl. oben S. 299 f.), könnten von den Soldaten zu Seliwanow hineingebracht worden sein, um von ihm gesegnet zu werden ¹⁾. Dass Budülin angewiesen wird, die (nicht zahlreichen) Zwiebacken und Kringel als von Seliwanow kommend gewissenhaft unter die Skopzen verteilen zu lassen, wenn auch jeder nur ein kleines Stückchen erhalte, spricht doch für die Gewissenhaftigkeit der Mittelspersonen in dieser Hinsicht, oder man müsste ein ganz aussergewöhnliches Raffinement annehmen. In der langen Tabelle von bei polizeilichen Haussuchungen in Morschansk vorgefundenen Gegenständen, die Budülin als Gaben des „Erlösers“ bezeichnet („Angabe“ von 1829, bei Melnikow, Materialien etc. 1872, 4. B., S. 89—92; den Wortlaut siehe unten), sind als aus Sušdal stammend nur eine Reihe kleiner Heiligenbildchen und Haare genannt, während als aus Petersburg gekommen ausser zahlreichen kleineren Gegenständen eine ganze Garderobe aufgeführt wird. — Ferner dürfte für die Richtigkeit der skopzischen Nachrichten in die Wagschale zu legen sein, dass — wenigstens so weit bisher solche bekannt geworden sind — die behaupteten Beziehungen zu Seliwanow in die Jahre 1823—25 (Januar 1826) fallen ²⁾. In die Zeit zwischen dem März 1824 und 1825 fällt aber nach dem Zeugnis Parfenis Zunahme seines Kräfteverfalls — während 1820—24 sein Zustand sich gleichgeblieben war — und völlige Erblindung. Beides wird je länger je mehr seine Beziehungen zu seinen Anhängern erschwert und schliesslich ganz unmöglich gemacht haben. Endlich sei noch ausdrücklich darauf hingewiesen, dass die Regierung selbst ungeachtet des energischen Protestes Parfenis das Vorhandensein jener Beziehungen als nachgewiesen angesehen hat (vergl. oben S. 294 f.).

---

1) Ebenso könnte (vergl. die Erklärung Parfenis oben S. 294) es sich mit dem Hemde verhalten, das die Nišchni-Nowgoroder Skopzen, und mit dem „Erlöserhemde“, das Budülin von den Birkins erhalten und einem skopzischen Invaliden in Ranenburg zur Verwahrung übergeben (a. a. O. S. 92).

2) Ausser den aufgeführten gibt es nur noch einige allgemein gehaltene Nachrichten ohne Angabe eines Datums, die besonders in den Moskauer Skopzenprozessen zutage getreten sind (siehe unten).

d. Tod und Begräbnis des Stifters.

Zusammenfassende Charakteristik seiner Persönlichkeit.

Nach den übereinstimmenden Angaben der Forscher, die auf die Meldung seines Kerkermeisters Parfeni an die Vorgesetzten zurückgehn, ist der Stifter der Skopzensekte in der Nacht vom 19. auf den 20. Februar 1832, um ein Uhr gestorben, nachdem er gebeichtet und das Abendmahl empfangen.

Der Archimandrit Joakim berichtete am 3. Juli 1844 (unter № 126) an sein Konsistorium (Parfeni war damals Wladimirscher Bischof) auf dessen durch Relation des im Ministerium der Innern Angelegenheiten angestellten Wirklichen Geheimrats N. Liprandi veranlasste Anfragen u. a. „8) Von dem Sinne der Belehrungen des Zellenlebens dieses Lügenlehrers weiss die schon lange dienende Bruderschaft nicht, sie weiss nur, dass er Reue über seine Verirrungen zeigte mit Bedauern und schwerem Gefühl über seine Sünden“. Schon der fast gleichzeitig schreibende Nadeschdin bezweifelte die Aufrichtigkeit dieser Reue. Der Wert der Nachricht wird schon durch das unmittelbar Folgende illusorisch, da das Behauptete wohl nur daraus erschlossen ist: „Und er starb gemäss der Pflicht eines Christen der rechtgläubigen Kirche, nachdem er gebeichtet und der heiligen Sakramente der Kommunion gewürdigt worden“.

Gleichzeitige Nachrichten sind über das Begräbnis Seliwanows und dessen Ort bisher nicht bekannt geworden. 1844 antwortete Joakim auf die darauf, wie auf etwaigen Totenkultus bezüglichen Fragen in dem genannten Schriftstück: „2) . . . er ist begraben im Kloster nahe bei der Nikolai-Kirche im Garten. 3) Ein Grabdenkmal befindet sich nicht über ihm und hat sich nicht befunden. 4) Zu seinem Gedächtnis werden und wurden keinerlei (Gottes-) Dienste und Panichiden abgehalten, ebenso wenig wurden von irgend welchen Personen zu diesem Zwecke Geldbeiträge für das Kloster geopfert. 5) Dass die Kleidung, die während des Lebens im Kloster der Skopze Seliwanow trug, von irgendjemand von seinen Anhängern erbeten worden — darüber ist auch aus der Akte nichts zu ersehen, und die (schon) lange dienenden Mönche wissen davon nicht nur nicht, sondern nach ihrer Versicherung hat es auch niemals Gerüchte darüber gegeben . . . 7) Nach seinem Tode sind keine Skopzen aus irgend welchen Orten zum Vollzuge einer Gedächtnisfeier über seinem Grabe hergereist“.

Dem letzten Satze Joakims widerspricht die Behauptung Melnikows in seiner „Denkschrift“ vom Jahre 1857 (Materialien etc. 1872, 3. B. S. 87; doch hat er das Schreiben Joakims nicht gekannt): „(nach dem Tode Seliwanows) . . . führen, ihre Verirrung nicht aufgebend, einige von den Skopzen, besonders Weiber nach

Suśdal, sich vor seinem Staube zu verbeugen“. — Über den Ort des Begräbnisses sagt er (in der [späteren] Anm. 67 zur S.): „Im Suśdaler Spaso-Jewfimikloster, das mit hohen Mauern mit Türmen umgeben ist, nach Art eines Kremls, befindet sich im Innern eine andere Festung oder ein Gefängnis, welches unter Jekaterina II. erbaut wurde. In ihm befinden sich Kasematten und eine besondere Kirche. Der Platz ist umfassend, es sind dort auch Gräber. Im Jahre 1855 befand sich der Sammler dieser Materialien in Suśdal in dienstlichen Angelegenheiten . . . Der Archimandrit sagte auf meine Frage: „Wo ist Seliwanow begraben?“, dass „er es nicht wisse, aber jedenfalls nicht innerhalb des Klosters“. Nicht geringe Mühen kostete es, den Ort des Begräbnisses des Erlösers der Skopzen aufzusuchen; endlich zeigte mir ein Greis, der im Jahre 1832 Wächter oder Kirchendiener beim städtischen Friedhof war, eine Ecke des Friedhofes, indem er sagte, dass dort um 1832 die Arrestanten begraben wurden. Der ganze Ort ist mit Steppengras bewachsen“. . .

Melnikow drückt des weiteren sein Erstaunen darüber aus, dass die reichen Skopzen, die doch das Grab Schilows so geschmückt (vergl. oben S. 134, 135, 1. Anm.), das Grab des Begründers ihrer Sekte, ihres „Erlösers“, in solcher Vernachlässigung lassen. Er vermutet, dass die von ihm in Suśdal gehörte Annahme richtig sei, dass die Skopzen des Nachts die Leiche Seliwanows aus dem Grabe gestohlen und an einen andern, nur ihnen bekannten Ort übergeführt hätten.

Die Verwunderung Melnikows ist gegenstandslos, da die Behauptung des Archimandriten ihm gegenüber (1855 !), Seliwanow sei jedenfalls nicht im Kloster begraben, irrig war. Joakims Schreiben, das ersichtlich auf genaue Informierung aus den gleichzeitigen Akten zurückgeht, bezeichnet ja als Ort seines Begräbnisses den Klostergarten bei der Nikolai-Kirche. Damit stehen im Einklange mündliche Nachrichten, die Mainow (S. 775) mitteilt: „Unter den jetzigen Bewohnern des Spaso-Jewfimiklosters sind (noch) drei Mönche am Leben, die sich an das Begräbnis Kondratis erinnern. Die Mönche zeigen auf der östlichen Seite der Nikolaikirche, welche sich bei der Arrestantenabteilung befindet, das Grab Seliwanows; das ist eine einfache Erdaufschütterung, nur von sehr grossen Dimensionen der Länge und der Breite nach: es ist keinerlei Denkmal vorhanden, während über vielen anderen Arrestantengräbern Denkmäler existieren. Die Beerdigung vollzog der Archimandrit gemeinschaftlich¹⁾. Sie erzählten, dass in den ersten Zeiten nach dem Begräbnis Kaufleute aus andern Städten angefahren kamen und in Abwesenheit des Archimandriten von den dienenden Brüdern zu dem Grabe geleitet wurden, an welchem sie zuweilen ganze Nächte verbrachten“.

---

1) d. h. zusammen mit der übrigen Geistlichkeit.

Mainow bemerkt dazu (Anm. 1 zur S.): „Ein Denkmal auf dem Grabe Kondrati Seliwanows zu erbauen, erdreisten sich die Skopzen natürlich nicht, aber dass dieses Grab unter ihnen ausserordentliche Verehrung genießt, kann man aus ihren beständigen, Jahr für Jahr sich wiederholenden Pilgerfahrten in das Spaso-Jewfikloster ersehen. In der Grabaufschüttung sind irgendwelche Löchlein gebohrt, wo hinein die Pilger mitgebrachte Brezel hinablassen, die hernach für geheiligt gelten. Dasselbe geschieht auch am Grabe . . . Schilows . . . Ausserst interessant ist es, dass beider Gräber nicht nur von Skopzen, sondern auch von Rechtgläubigen besucht werden, wobei die letzteren sich zu den berühmten Toten durchaus nicht mit geringerer Verehrung verhalten, als ihre Anhänger. Oft bekamen wir sowohl in Schlüsselburg als in Suśdal von den „wunderbaren kleinen Gräbern“ zu hören und von den „Gottesleuten“, die hier begraben sind“.

Wie weit die Mitteilungen Mainows zuverlässig sind, muss ich dahingestellt lassen. Er sagt nicht ausdrücklich, dass er selber jene drei Mönche gesprochen. Und ihre Erzählung, dass (nur) in den ersten Zeiten Kaufleute aus fremden Städten das Grab besucht — dass freilich Joakim nichts davon wusste, würde durch den Umstand, dass in Abwesenheit des Archimandriten durch das (demnach verbotene) Hinführen zu demselben sich die dienenden Brüder Einnahmen verschafften, erklärt sein — und dort die Nächte zugebracht, scheint nicht ganz zu der Angabe Mainows zu stimmen, dass bis zu seiner Zeit (1880) das Grab von den Skopzen besucht wurde. Die weitere Angabe, dass in dasselbe Löcher gemacht wurden, um Brezel hinabzulassen, sieht nach Übertragung dessen, was vom Grabe Schilows bekannt ist, auf das Grab seines Lehrers aus, zumal Mainow auch von jenem redet. Sollte wirklich der Zutritt in den Hof und Garten des Klostergefängnisses den Pilgern gestattet sein?

Dass die Skopzen alles ihnen nur irgend Mögliche getan haben und tun, um dem Grabe Seliwanows ihre Verehrung zu erweisen, ist freilich an sich gewiss. Und die Vorsichtsmassregeln der Klosterobrigkeit werden mit der Zeit nachgelassen haben. Wusste doch bereits 1855 der Archimandrit selbst nicht mehr, wo Seliwanow begraben war. Haben die Skopzen keinerlei Denkmal auf seinem Grabe errichtet, so wird es anfangs zweifelsohne unmöglich gewesen sein. Änderte sich das später, so mögen sie gefürchtet haben, durch ein solches nur die Aufmerksamkeit der Klosterobrigkeit auf dieses vergessene Grab zu lenken¹⁾.

1) Ohne Erlaubnis des Archimandriten dürfte in jedem Falle unmöglich sein, Denkmäler auf die Gräber der Arrestanten zu stellen (vergl. oben S. 303).

Oder aber sie haben davon Abstand genommen, weil vielleicht das Grab ein gemeinschaftliches der um das Jahr 1832 gestorbenen Arrestanten war, worauf seine ungewöhnliche Grösse schliessen liesse.

Welch' seltsames Leben ist es gewesen, das am 20. Februar (4. März) 1832 im Sußdaler Klostergefängnis seinen Abschluss gefunden hat, um bis zum heutigen Tage in verhängnisvollster Weise nachzuwirken! Wenn die höchste Altersangabe richtig ist (vergl. oben S. 26, 2. Anm.), so tritt Andre Iwanow aus Brasowo erst auf der Schwelle des Greisenalters (siehe auch Die geh. h. Schrift der Skopzen S. 17: „Greischen“), in jedem Falle in vollem Mannesalter, aus der Verborgtheit russischen Bauernlebens hervor, um nach kaum dreijähriger Wirksamkeit für mehr als zwanzig Jahre wiederum wie spurlos in Sibirien zu verschwinden. Und doch hat diese kurze Tätigkeit genügt, dass die von ihm gegründete Sekte trotz der Entsetzlichkeit ihres Aufnahmeaktes sich wenn auch langsam, so doch unaufhaltsam in den zentralen Gouvernements Russlands ausgebreitet hat, ja gerade durch die Verfolgung seitens der Regierung auch in entfernte Gegenden des Reiches verschleppt worden ist, nicht nur nach Sibirien, sondern auch in das Ostseegebiet und in das des Schwarzen Meeres. Und durch eine höchst seltsame Verkettung von Umständen kehrt nach mehr als zwanzig Jahren der doch lebenslänglich verbannte mit dem Willen der Regierung selbst nach Russland zurück und kann unter ihren Augen wiederum mehr als zwanzig Jahre lang seine Sekte leiten und über das ganze Reich ausbreiten. Als endlich die Regierung sich aufrafft und durch strengste Einschliessung diesen gefährlichen Menschen für den Rest seines Lebens unschädlich zu machen sucht, da ist es bereits zu spät: seine fürchterliche Sekte ist ein bis zum heutigen Tage unausrottbarer Bestandteil des russischen Volkslebens geworden.

Da nun nicht nur der Ursprung, sondern auch der spätere Aufschwung und die Ausbreitung der Sekte über ganz Russland durch die Wirksamkeit dieses Mannes bedingt erscheint, so gehört seine Charakteristik zu den Hauptaufgaben der Skopzenforschung. Dennoch ist sie sehr spät in Angriff genommen worden, nämlich erst von Kutepow, und bei dessen keineswegs genügenden Aufstellungen — doch ist sein Aufriss als erster derartiger Versuch ehrenwert — hat sich die russische Forschung bis heute beruhigt.

Bis auf Kutepow finden sich bei den Forschern nur einzelne, z. T. einander strikt widersprechende Urteile. Obgleich Dosifé ihn einen Menschenseelen verschlingenden Baal nennt, erkennt er doch seine Uneigennützigkeit an, dass er nichts von den Darbringungen seiner Anhänger für seine Person annahm (vergl. oben S. 211 f.). Bei Nadeschdin findet sich über Seliwanow nur das gelegentliche Urteil (S. 166, oben S. 211): „Er war überhaupt, sagt man, „unberedt“ oder wenigstens „nicht redelustig“. S. Maksimow hat dieses Urteil durch seine Unbildung zu begründen gesucht (Hinter dem Kaukasus S. 517): „Als Analphabet verstand er nicht zu schreiben und sprach auch verworren, und deswegen profezte er auch wenig, kurz, mit leiser Stimme.“ — W. Kelsijew entwirft durch den Mund eines alten Galatzer Skopzen als früheren Dieners Seliwanows folgende Schilderung von ihm während seiner Petersburger Glanzzeit (die Doppelgläubigen des heiligen Russland I. S. 609): „Er war so ein kleiner, magerer. Schief auf Brettern; nur mit einem Laken (dim.) pflegte man sie zu bedecken. Und ass wenig — die aller kleinste Kleinigkeit. Zuweilen geniesst er ein Äpfelchen, verzehrt ein Kirschelein, probiert Erdbeerlein. Dadurch auch erhielt sich das Leben: geradezu wie aus Wachs — zarischer Schlag ist bekanntlich delikatsch. Schweigsam war er sehr. Pflügt am Tischlein zu sitzen, die Händchen faltet er kreuzweise, mit den Fingerlein, den beiden Händchen (macht er) das Kreuzeszeichen und legt das Köpchen auf sie — d. h. er betet. Und so sitzt er ganze Stunden, aber zuweilen auch ganze Tage. Der Gnädige war liebenswürdig, einen jeden segnet er und gibt etwas zum Andenken, wenn auch nur ein Äpfelchen, wenn auch nur ein Bändchen.“ — Kutepow u. a. haben diese Schilderung als die eines Augenzeugen genommen und zur Charakteristik Seliwanows benutzt, ohne zu sehen, was doch auf der Hand liegt, dass die Bekenntnisse des alten Galatzer Skopzen Kelsijews nur eine feuilletonistische Form sind, in welcher dieser seine z. T. recht mangelhaften Kenntnisse über Seliwanow und die Skopzensekte einem grösseren Publikum zugänglich machen wollte (vergl. auch I. B. S. 482 Anm.). So ist die Schilderung des Lagers Seliwanows das gerade Gegenteil alter authentischen Berichte (vergl. oben S. 187, 190, 200, 173, 182, 209 [211]). — W. Andrejew (Der Raskol und seine Bedeutung etc. S. 281) sagt über Seliwanow: „Das war tatsächlich eine bemerkenswerte Persönlichkeit. Nach seinen Porträts zu urteilen muss sein heller, weicher, ruhiger Blick und überhaupt sein ganzes Äussere einen für ihn ziemlich günstigen Eindruck auf die Umgebung gemacht haben.“ — Ein beachtenswertes Urteil hat der in Russland namhafte Jurist Kóni über Seliwanow gefällt (Gerichtliche Reden VII. In Sachen der Verschneidung des Kaufmannssohnes Gorschkow 1872, S. 134): „Ein Analphabet, aber klug, schlau und im Besitze

der für jeden Prediger einer neuen Lehre wichtigen Eigenschaft — Hartnäckigkeit und Vermögen, sich die (ihn) umgebenden Leute unterzuordnen.“ — Ganz im Gegensatz dazu überbietet J. Arsenjew, das Urteil Maksimows wiederholend (Die Sekte der Skopzen in Russland S. 29 f.), es seinerseits durch die gelegentliche Erklärung (S. 50), Seliwanow sei „ein äusserst beschränkter Mensch“ gewesen, während Mainow wiederum behauptet (Der skopzische Häresiarch etc. S. 762 f.), „dass Seliwanow durchaus kein Dutzendmensch war, sondern hochbegabt, im Besitze einer bemerkenswerten Redegabe, und nicht ein „roher Fanatiker“.

Die z. T. unter Benutzung dieser früheren Urteile entworfene Charakteristik Kutepows (S. 117—122) ist nun in den Grundzügen folgende (das Äussere Seliwanows schildert er nach dem Signalement im Brief Wjašemskis vom 21. August 1775, vergl. oben S. 15 f., nach Kelsijew, Andrejew und einer Äusserung des Skopzen Choroschkejew [bei Meln., Materialien etc. 1872, 3. B. S. 88, Anm. 70], der vom „herrlichen Antlitz“ Seliwanows geredet, das sogar von den Beamten besonderer Hochachtung gewürdigt wurde [Berufung auf die angebliche Äusserung Popows und Pilezkis, vergl. oben S. 278, 2. Anm.]): Der sittliche Charakter des Sektenstifters veränderte sich gemäss seiner zwiefachen äusseren Lage in seiner Äusserungsweise. Während des Kampfes mit den Chlüsten und der Verfolgung durch die Regierung erscheint er im höchsten Grade verschlossen, ungewöhnlich listig und nicht weniger aufdringlich. In seiner Glanzzeit aber äussert er meistens mit bemerkenswerter Offenheit seine Gedanken und Wünsche, bemüht sich, als ein braver, weicher und nachgiebiger Greis zu erscheinen. Ungeachtet aber dieses augenscheinlichen Unterschiedes in Charakter und Gemütsverfassung ist sein allgemeiner Charakter immer ein und derselbe geblieben, da jener Unterschied nur durch die äusseren, rein zufälligen Umstände bedingt ist. — Bedeutende natürliche Geistesgaben kann man ihm nicht absprechen. Nur weil diese sich nach einer ganz verkehrten Seite entwickelt haben, erscheint er für den oberflächlichen Beobachter als Idiot. Dass er durchaus kein dummer Mensch war, beweisen einerseits seine Schriften, anderseits sein an Abenteuern reiches Leben und seine Wirksamkeit, die viel praktische Klugheit und Überlegung zur Erreichung seines Zieles erforderte, so z. B. die glänzende Art, wie er im Hause Pschenitschnüs viermal der Nachforschung entging (vergl. Die geh. h. Schrift der Skopzen S. 58—61), noch mehr seine Flucht aus Sibirien und sein Gelangen nach Petersburg, wo er die Aufmerksamkeit und das Entzücken so hoch

gestellter Beamten, wie Golizün, Popow, Pilezki u. a. auf sich lenkte (Berufung auf den Bericht Choroschkejew, vergl. oben S. 278, 2. Anm.) und sogar des Besuches des Kaisers Alexanders I. gewürdigt wurde (vergl. darüber oben S. 172 ff.). — Seine religiös-sittlichen Überzeugungen waren bei aller ihrer Ungeheuerlichkeit und augenscheinlichen Ungereimtheit völlig aufrichtig und bar jeglicher materieller Berechnungen und Ziele. Ihn leitete einzig und allein die Idee, andere zu erretten. Er hat die chlüstischen sittlichen Begriffe mit grosser Hingabe und Energie in seinem Leben realisiert. Beispiele von Heuchelei und Verletzung dieser Regeln hat uns die Geschichte nicht aufbewahrt. Auch andere zu ihnen anleitend nahm er kein Interesse an ihren Darbringungen, während sich seine Umgebung daran bereicherte. Seine Lebensweise war ungewöhnlich einfach, aber gerade deswegen für die ihn Umgebenden sehr anziehend (Berufung auf Kelsijew, vergl. oben S. 306). Seine Beziehungen zu den ihm Ergebenen waren durchtränkt vom Geist der Liebe und Humanität, nur einige von ihnen, die gewandteren und dazu geeigneten, benutzte er für seine verbrecherische Propaganda. — Diese Vereinigung von ungewöhnlicher List und geistiger Gewandheit, dem Vermögen, sich aus den allerschwierigsten Verhältnissen herauszuwinden, — mit Weichheit, Gutmütigkeit und Liebenswürdigkeit gegenüber den ihn umgebenden Personen macht seinen ungewöhnlichen Erfolg verständlich: die ersteren Eigenschaften in der ersten Periode seiner Wirksamkeit, die anderen in der zweiten. —

Diese zweifelsohne viele richtige Beobachtungen neben mancherlei Falschem und Schiefem bietende Charakteristik ist besonders deswegen wertvoll, weil sie allen Nachdruck auf den eigentümlichen Zwiespalt seiner Eigenschaften legt, von dem ausgegangen und mit dem geschlossen wird. Nur ist Kutepow viel zu schnell mit der Auskunft bei der Hand, die guten und weichen Eigenschaften als bloss bei der späteren Gunst der Verhältnisse erheuchelt hinzustellen, sodass die bösen und harten als die ihm wirklich eigentümlichen erscheinen. Es liegt das z. T. daran, dass Kutepow, wie seine Berufungen hierbei, aber auch seine ganze Darstellung der Lebensgeschichte Seliwanows beweisen, nicht das ganze von uns dargebotene Material bekannt war. Aber er hat auch das ihm Bekannte, z. B. Seliwanows Schriften, nicht genügend durchforscht. Sonst hätte er sehen müssen, dass jene disparaten Eigenschaften sich von Anfang an in ihm neben einander finden — was wir des weiteren nachzuweisen haben werden

— und es nicht angeht, sie auf die verschiedenen Perioden seines Lebens zu verteilen. Diese Diskrepanz bedeutet in der Tat das Hauptproblem dieses Charakters, zu dessen Aufhellung die Behauptung, dass die eine Reihe von Eigenschaften bloss erheuchelt war, kaum dienlich sein dürfte. Dennoch aber wird nicht hiervon auszugehen sein, sondern von der Seliwanow eigentümlichen Religiosität, da er doch als Stifter einer religiösen Genossenschaft seine Bedeutung hat. Die zweifellos richtige Behauptung der Aufrichtigkeit seiner religiösen Überzeugung, der konsequenten Anwendung derselben auf das eigene Leben und das anderer ist zum Verständnis ihrer Eigenart noch nicht ausreichend, wie Kutepow zu meinen scheint, indem er dabei nur noch auf ihren chlüstischen Charakter aufmerksam macht. Die ihm im Vergleich mit dem Chlüstentum eigentümliche religiöse Lehre werden wir später im Zusammenhange darzustellen haben; wir berücksichtigen sie hier nur soweit, als es zum Verständnis seiner persönlichen Religiosität unumgänglich ist.

Da ist nun zunächst zu sagen, dass der Kern seiner Religiosität merkwürdig locker in den Hülsen seiner chlüstischen und skopzischen Vorstellungen ruht. Sein echtes und schlichtes Gottvertrauen, wie es sich in Dank und Bitte, in Geduld im Leiden und in beständiger Beschäftigung seiner Gedanken mit Gott äussert, erscheint fast unabhängig von seinen abstrusen religiösen Ideen und Prätensionen. Die gleiche Beobachtung kann man freilich hinsichtlich der Religiosität des russischen Bauern überhaupt machen. Die wirklich religiös ergriffenen unter ihnen zeigen in erstaunlichem Masse in der Schlichtheit ihrer Frömmigkeit innere Unabhängigkeit von den kirchlichen Dogmen und Riten. Die Hauptquelle für das Verständnis der Religiosität Seliwanows sind seine Sendschreiben und seine „Leiden“, besonders die letzteren. Schildern diese auch sein erstes Auftreten, so sind sie doch in der Petersburger Zeit seiner Freiheit ¹⁾ verfasst,

---

1) Der terminus a quo für die Bestimmung der Abfassungszeit der Schriften Seliwanows ist zunächst das Jahr 1799, da von Schilow als von einem bereits gestorbenen geredet wird (vergl. oben S. 134), ebenso wie von der wohl längst verstorbenen Akulina Iwanowna (vergl. Die geh. h. Schrift der Skopzen S. 7, 21 f., 25); dann aber wird nicht anzunehmen sein, dass Schilow eben erst verstorben war. Ferner aber zeigen die Schriften, dass Seliwanow sich bei ihrer Abfassung in Freiheit befand und seine Gemeinden selbst leitete. Also müssen sie nach 1802 verfasst worden sein (vergl. oben S. 152 f.).

können also nicht eine Religiosität widerspiegeln, die ihm da-

Da 1810 Miljutin die „Leiden“ aus Petersburg nach Simbirsk bringt (siehe unten), für 1811 sie der Feldwebel Nikolai Iwanow als in Kronstadt im gottesdienstlichen Gebrauch befindlich bezeugt (vergl. oben S. 191 f.), so ist dies der terminus ad quem. Doch sind sie wohl einige Jahre früher verfasst, da die Briefe Seliwanows an den Priester Iwan Sergejew vor 1809 geschrieben sind und sich mit dem grossen „Sendschreiben“ im Ausdruck mehrfach berühren (vergl. Die geh. h. Schrift der Skopzen S. 44—46 und oben S. 184 ff.). Vielleicht hat schon früherer skopzischer Gebrauch, der während Seliwanows sibirischer Verbannung aufgekommen, von seinen Leiden im Gottesdienste zu erzählen (vergl. oben S. 121 f.), einerseits, der Versuch seines Anhängers, des Staatsrats Jeljanski, die skopzische Lehre darzustellen (oben S. 155 ff.), andererseits, Seliwanows Schriftstellerei ausgelöst. — Im Streit sind die Forscher darüber, ob Seliwanow seine Briefe und seine „Leiden“ Leuten seiner Umgebung diktiert oder selbst geschrieben habe, ohne für das eine oder andere wirkliche Gründe anzuführen. A priori wahrscheinlicher ist es, dass Seliwanow nicht zu schreiben verstand, da diese Kunst damals von russischen Bauern kaum je verstanden wurde. Dass er als Autodidakt das Lesen gelernt, hat er ja Parfeni schliesslich eingestanden (oben S. 292) und in der Tat machen seine Schriften mit ihren vielen Anspielungen an die evangelische Geschichte es sehr wahrscheinlich, dass er das Neue Testament nicht etwa nur durch Vorlesen andrer kannte.

Ganz vereinzelt steht die Behauptung Reutskis da (S. 121 und Anm. 43), Seliwanow hätte bereits vor seiner Verschickung nach Sibirien ein Sendschreiben an die Skopzen geschrieben, wovon eine altertümliche Abschrift 1870 bei den Moskauer Skopzen gefunden worden sei. Reutski bietet ein Zitat aus demselben: „O, o! Fürchtet, Freunde, den Russländischen Grossfürsten und Weissen Zar Kaiser Pjotr! O, vertrauet ihm und seid seinem Sohne dem Grossfürsten Pawel Petrowitsch gehorsam! Denn wenn er Zar wird und sich hoch erhöht und bereits ganz den Thron einnimmt, dann werden auch viele Gewalten ihres Ranges beraubt werden, dann wird jede Gewalt und Macht ihn ehren . . . Denn wir sind auch deswegen Gottes Gesalbte, weil uns der Herr in allem helfen wird“. — Dieses Zitat stellt als Abfassungszeit des Briefes vielmehr die Zeit kurz vor der Thronbesteigung Pauls I. hin — 1796, und nicht die Zeit vor der Verschickung Seliwanows nach Sibirien — 1775. Wahrscheinlich handelt es sich um ein spätes Falsifikat.

In der Akte im Archiv des Departements der Allgem. Angeleg. aus dem Jahre 1818 № 12 wird nach Waradinow (S. 84) und Melnikow (Materialien etc. 1872, 2. B. S. 181) ein in dem Hause des verschnittenen Mädchens Awdotja Kašarzowa in Sosnowka im Tambowschen gefundenes Sendschreiben erwähnt, das vom „wahrhaften Vater Erlöser und Lehrer der Welt“ an seinen Sohn Iwan und seine Tochter Awdotja adressiert ist und sie ermahnt, sich zu verschneiden, weil nur die Jungfräulichen vor dem Throne des Herrn stehen würden.

mals nicht mehr eigen war. Zuvor käme nur das Zeugnis Troschtschinskis über sein Verhalten im Irrenhause in Betracht (vergl. oben S. 148), das aber nur seine Frömmigkeit im Zusammenhange mit seiner Bescheidenheit, Sanftmut und Ruhe konstatiert, ohne etwas näheres über die Eigenart der ersteren auszusagen; des weiteren besonders das Zeugnis Parfenis.

Die „Leiden“ nun zeigen Seliwanow als einen Mann, den in den Wechselfällen seines Lebens der Gottesgedanke niemals verlässt, welcher vielmehr durch jede auch noch so geringe Veränderung seiner Lage ausgelöst wird. Die Tendenzlosigkeit der Berichte zeigt der Umstand, dass durchaus nicht allein seine Leiden als von Gott gewirkt, weil als messianische hingestellt werden, sondern noch häufiger Errettung von ihnen oder Erleichterung in ihnen, was doch die christologische Deutung durchbricht. Während Seliwanow gegenüber seinen Anhängern sich als den „Vater Erlöser“ unmittelbar dem himmlischen Vater oder der Dreieinigkeit anreihet (Die geb. h. Schrift der Skopzen S. 3, 7, 8f., 14, 41, 43, 45 f.; 24), schildert er sich in seinem persönlichen Verhältnis meistens als den hilfsbedürftigen Menschen, der wie jeder andere ganz und gar von Gottes Willen abhängig ist. Diese Abhängigkeit ist geradezu fatalistisch aufgefasst. — Gehen wir die Erzählungen der „Leiden“ in der von uns (oben S. 47 ff.) festgestellten chronologischen Reihenfolge durch. Als er sich auf seiner Flucht im Orjolschen in einer Aasgrube verbirgt und die einem dorthin geworfenen, noch nicht ganz toten Hunde geltenden Steinwürfe auch ihn treffen, so sieht er das als eine von seinem Fleische dafür verdiente Strafe Gottes an, dass es ihm nicht treu gedient (also nicht als messianisches Leiden!), die er daher mit Freude und Liebe als von Gott verhängt erträgt (S. 53). Im „Roggen“ (a. a. O.) betet er so andauernd, dass er davon ganz erschöpft wird. Seinen Schlaf wagt auch ein Wolf nicht zu stören (auch S. 16). Beim „reichen Schulzen“ erwartet er von vorn herein, dass „mit manchem Widersacher, ohne dass wir . . . etwas tun, Gott richten wird“. Dass der Schulze von einem Stier getötet wird, wird als „nach dem Willen unseres Himmlischen Vaters“ als Strafe dafür geschehen aufgefasst, dass der Schulze ihm und seinem Genossen Martün Almosen verweigert und sie vom Hofe zu treiben gedroht hatte (S. 56). Als die Erkrankung des Viehs Pschenitschnüs ihren ruhigen Aufenthalt bei ihm zu gefährden droht, wird zunächst das Erbarmen Gottes zur Abwendung dieser Gefahr angerufen, dann seine Hilfe bei der unter-

nommenen Kur, deren Erfolg ganz in den Willen Gottes gestellt wird; als ein günstiger eintritt, wird Gott gelobt (S. 57 f.). Des weiteren wird das Wiederzusammentreffen mit dem aus Scheu vor dem grossen Glück fliehenden Martün ganz in Gottes Gefallen gestellt, Gott für die Errettung durch die grosse Garbe, in welche ihn der Wirt versteckt, gelobt, da er ihn verborgen (S. 59). Aber auch er ist es, der die boshafte Weiber auf den Hof kommen lässt, deren Geschwätz Seliwanow in neue Gefahr bringt (60). Gott wird angerufen, ihn in der Viehstube, in der er sich versteckt, zu verbergen, aber die Erfüllung dieser Bitte in seinen Willen gestellt, wenn Gott nur hier wie allerorts bei ihm sei (S. 60). — Gott wird für die geglückte Flucht aus der Verhaftung in Tifin gelobt (S. 17, 48), er lähmt die Hand¹⁾ der Chlүstenprofetin, die gegen ihn einen Stein erhebt, und straft sie auf seine Bitte nur mit einem beängstigenden Traumgesicht (S. 18, 48); seine Vorsehung lässt das auf ihn angeschlagene Gewehr ihres Bruders sechsmal versagen (S. 18).

Als Seliwanow in Sosnowka geknutet, d. h. gekreuzigt wird (vergl. oben S. 57, 78 f. u. unten), da dankt er Gott, als ihm durch die von den Peinigern erbetene und gewährte Milch Erquickung zuteil wird (S. 31).

Dieser seiner eigenen Frömmigkeit entsprechen denn auch eine Reihe von Ermahnungen an seine Anhänger in seinem „Send-schreiben“, die sich ähnlich neutral verhalten zu den eigenartigen Vorstellungen der chlүstisch-skopzischen Lehre. „Verlasst euch auf Gott“, heisst es hier (S. 3), der Lehrer soll „sein Haupt an die Himmel fesseln, seinen Sinn immer zum Himmel emporrichten, sein Herz Gott anvertrauen und nicht an das Irdische hängen“ (S. 11). „Seid nur darauf bedacht, dass ihr mit dem Herrn selbst euch unterredet . . . und beschäftigt euch immer mit Gott, nicht aber mit Eitlem“ (S. 5). — Demnach besitzt Seliwanow nicht nur für seine Person ein unmittelbares Verhältnis zu Gott, sondern kennt ein solches auch für seine Anhänger. Nicht nur lehnt er die Vermittlung von Bischöfen und Patriarchen in einem Zusammenhange ab, in dem es heisst, dass auch der Bettler Gott findet (S. 11), sondern er schiebt auch seine eigene Person trotz

1) Während in der kürzern Rezension (S. 18) „okamenéla“ = versteinerte — steht, steht in der längeren „oneméla“ = taubte ab (auf S. 48 demgemäss zu korrigieren). Aber auch dies wird als Wunderwirkung Gottes bezeichnet.

seines hochgespannten messianischen Anspruchs, des „Gottes über die Götter, Zaren über die Zaren, Profeten über die Profeten“ (S. 21), nicht zwischen die Seele und Gott. Er will nur die Seelen seiner Anhänger zu Gott führen, haben sie aber Gott gefunden, dann können auch sie unmittelbar mit ihm verkehren.

Von hier aus, von der Schilderung seines eigenen Gottesverhältnisses in den „Leiden“ und den Mahnungen an seine Anhänger in seinem Sendschreiben, auch ihrerseits ein solches Verhältnis zu gewinnen, wird man trotz der sonstigen Verlogenheit seiner Bekenntnisse an Parfeni (vergl. oben S. 26 ff.) doch Glauben schenken dürfen seiner Erklärung an ihn (oben S. 291), dass er in der Einförmigkeit seiner Haft sich durch Unterhaltung mit Gott tröste. Die Erklärung Parfenis freilich, er sei in Beziehung zur Religion ersichtlich eifrig, bezieht sich nicht hierauf, sondern auf sein regelmässiges Kommunizieren zu den Fastenzeiten.

Nun aber führen von diesem Kerne der Religiosität Seliwanows doch zwei Verbindungsäden zu der ihn umgebenden Hülse seines ekstatisch-messianischen Selbstbewusstseins, welche freilich Seliwanow selber gewiss nicht als solche empfunden hat. Den einen Faden bildet die Art seiner Unterhaltung mit Gott, den andern die Beurteilung seiner Leiden als von Gott über ihn verhängter, weil als messianischer.

Ein charakteristisches Beispiel für seine Unterhaltung mit Gott besitzen wir in dem ersten erzählenden Abschnitt der von Tolstoi herausgegebene Ergänzung seines „Sendschreibens“ (siehe darüber Die geh. h. Schrift der Skopzen S. 71 f. und unten). Denn hier (S. 37 f.) werden Vorausahnungen der nächsten Zukunft als Worte Gottes an ihn bezeichnet, die sich doch durch seine eigenen Lippen (unwillkürlich) äussern, vernunftmässige Einwendungen dagegen als seine eignen Worte, die als Äusserungen des Unglaubens beurteilt werden, wie denn die Ereignisse natürlich den ersteren recht geben. — Nach der Erzählung von der Befreiung aus den Fesseln (S. 27 f., 54 f.) richtet Seliwanow auch sein Verhalten danach ein, ob er ein Wort Gottes vernimmt oder nicht. Obgleich von den Fesseln befreit (vergl. oben S. 75 f.), flieht er nicht trotz der Möglichkeit der Flucht, weil der himmlische Vater es ihn nicht hiess, vielmehr leiden. Als er die ihn infolgedessen treffenden Schläge als zu schwer zu ertragen beurteilt, vernimmt er, wiederum durch seine eigenen Lippen, das Wort Gottes, dass das erst der Anfang seiner Leiden sei.

Diese ekstatische Art der Unterhaltung mit Gott macht Seliwanow zum Profeten. Nach den „Leiden“ weissagt er ferner, dass es ihnen beim „reichen Schulzen“ schlecht gehen werde (S. 55), dass er aus Tifin zu Martün zurückkehren (S. 17, 48), dass dieser, wenn er wieder zu den Gottesleuten gehe, getötet werden werde (S. 52), dass Awerjan vom Profeten Philimon eine ihn betreffende Weissagung erhalten werde (S. 19, 50), ebenso Aleksandr Iwanowitsch von den Profeten Akulina Iwanownas eine Bestätigung seiner Worte an ihn. Letzterem weissagt er auch seine Verschickung nach Norden (nach Riga), wie sich selber eine solche nach Osten (S. 24). Bei der Knutung in Sosnowka weissagt er seinen Anhängern, dass er sich mit ihnen allen wiedersehen und ihre Gemeinde bestehen bleiben würde (S. 33), was ihm in Irkutsk durch einen profetischen Traum bestätigt wird (S. 33). Mit den ihn dort besuchenden Sosnowkaern zu fliehen weigert er sich, weil er auf dem Wege ein Gewebe ausgebreitet gesehen (im Traum? so T., S. 34, 15. Anm.) und Gott ihm befohlen, noch weiter zu leiden. Ihnen aber weissagt er für den Rückweg Gefahr durch Räuber und gibt Verhaltensmassregeln zur Errettung von derselben (S. 34—36).

Sonst ist nur noch eine Weissagung Seliwanows über den Ausgang der Schlacht von Austerlitz bezeugt (durch Lubjanowski, siehe oben S. 173, 175), ferner (von Iwan Andrejanow) die sich als unrichtig erweisende, dass er nach „drei Järchen“ aus der Verbannung nach Susdal zu den Seinen zurückkehren würde (siehe oben S. 221). Dass seine Anhänger dadurch nicht irre an seiner profetischen Gabe wurden, beweist gleich die Erklärung, die der Gewährsmann dieser Weissagung (Alekse Gromow), da die angegebene Frist bereits abgelaufen war, ihr hinzufügt (oben S. 298). Die Zeitangabe konnte ja auch leicht symbolisch gedeutet werden.

Weil Seliwanow im profetischem Geiste redet, so ist auch sein Sendschreiben vom h. Geiste eingegeben (S. 13).

Über sonstiges ekstatisches Sichgebaren Seliwanows besitzen wir nur den einen Bericht in den „Leiden“, wie er die Profetin Anna Romanowna in ekstatischen Schlafzustand versetzt, in welchem sie einen seine Zukunft betreffenden Traum sieht (S. 21, 51 f.). Wenn der Blinde Kudimow für die erste Zeit seiner Tätigkeit angibt (bei Melnikow, Materialien etc. 1872, 1. B. S. 68), Seliwanow habe angeblich unzählige Wunder verrichtet, er und der Stabskapitän Sošonowitsch nach der Erzählung Semjon Kononows

für die Petersburger Zeit von unerhörten und so vielen sagenhaften Wundern reden, dass sie für den Verstand unbegreiflich seien (a. a. O. S. 69, 93, vergl. oben S. 206), so fehlt doch jede nähere Angabe, worin diese Wunder bestanden haben sollen.

Aber auch schon diese eine Erzählung beweist, dass Seliwanow in hohem Masse die von den Chlüsten als das höchste geschätzte ekstatische Begabung besessen haben muss. Sein Gott erweist sich als stärker, als der Anna Romanownas, die doch die Hauptprofetin in dem grossen Gemeindegemeinde der Akulina Iwanowa war (vergl. oben S. 56 ff.) und auch bei Nichtchlüsten wegen ihrer Wahrsagungen berühmt war (vergl. Die geh. h. Schrift der Skopzen S. 19 f., 50). Gerade wegen dieser seiner überragenden Begabung wird er von ihr als Christus anerkannt. Dass Seliwanow das chlüstische Hauptmittel der ekstatischen Erregung, die Radenije beibehalten hat, beweisen alle Schilderungen seiner Petersburger Gottesdienste. Nun freilich hat die asketische Seite der chlüstischen Frömmigkeit durch die Einführung der Verschneidung ein solches Übergewicht im Skopzentum über die ekstatische erlangt, dass der Tanzgottesdienst je länger je mehr ein blosser äusserer Ritus geworden zu sein scheint (siehe das Nähere darüber unten). Dass aber Seliwanow selber, obgleich er in Petersburg sich infolge seiner körperlichen Schwächlichkeit nicht mehr an den Radenija beteiligen konnte (vergl. oben S. 191, 211, 232 Anm.), durchaus den ekstatischen Charakter seiner Gottesdienste aufrecht zu erhalten wusste, beweisen wie die Schilderungen Kukulniks (vergl. oben 228 f.), so besonders auch die Tatsache, dass er wie den Staatsrat Jeljanski, so auch die Obristleutnantin Tatarinowa in so hohem Grade mit der ekstatischen Religiosität, wie er sie vom Chlüstentum überkommen, zu erfüllen vermocht hat (siehe oben S. 157 ff., 163, 165, 2. Anm. u. 231 ff., 239 ff., 246 ff.).

Jedoch wissen wir von den ekstatischen Zuständen, in denen sich Seliwanow befunden, viel zu wenig, als dass von hier aus die Behauptung gewagt werden dürfte, er sei Psychopath gewesen. Diese Behauptung, die ich nur von Abendländern vertreten gehört oder gelesen habe, wird nicht so sehr um jener Zustände willen, als vielmehr angesichts seiner Prätensionen, zugleich Christus und Kaiser Peter III. zu sein, erhoben. Die Russen wissen sehr wohl, dass man die zahlreichen Christusse und Pseudozaren und -kaiser, die in Russland aufgetreten sind, nicht alle als Psychopathen in Anspruch nehmen kann. Dabei verstehen

auch sie jene doppelte Prätension Seliwanows im Sinne der Behauptung persönlicher Identität mit Jesus von Nazareth und jenem Kaiser. Wenn, wie ich nachzuweisen suche (vergl. oben S. 57, S. 83 ff. und unten), jene Prätensionen nicht im Sinne persönlicher Identität zu verstehen sind, sondern vom Boden chrlüstischer christologischer Ansichten aus (siehe B. I. S. 255 ff. und oben S. 86 Anm.), dann fällt vollends der Anlass weg, Seliwanow um ihretwillen für verrückt zu halten. Ganz anders motiviert ist die Behauptung einiger Forscher, Seliwanow sei im hohen Alter zum Ende seiner Petersburger Zeit schwachsinnig gewesen (darüber siehe unten S. 321f.). —

Nehmen wir nun den zweiten Faden auf, der von Seliwanows persönlicher Frömmigkeit zu seiner chrlüstisch-skopzischen Selbstbeurteilung führt, so habe ich bereits oben (S. 56 f.) wahrscheinlich zu machen gesucht, dass er im Schiffe der Akulina Iwanowna nicht nur wegen seiner ekstatischen Kraft, sondern auch weil er im Orjolschen „messianische“ Leiden erduldet, als Christus anerkannt wurde. Nach dem Berichte der „Leiden“ sieht Seliwanow schon ein so geringes Ungemach, wie die Schur der Haare auf der einen Kopfseite, die ihm als einem entsprungenen Deportierten von seiten der Soldaten in Tifin widerfuhr (vergl. oben S. 52 f.), als ein Leiden an, wie es Gott selbst seit Anfang der Welt in seinen Heiligen erduldet (Die geh. h. Schrift der Skopzen S. 48). In der Tat, da Seliwanow niemals das Verbrecherische seiner blutigen Propaganda zum Bewusstsein gekommen zu sein scheint, so konnte er alles Leiden, das er sich durch dieselbe zuzog, sich nur in dieser Weise religiös deuten. Als Heiliger hat er sich ja überhaupt gefühlt (vergl. S. 26: „sie zogen mich an meinen heiligen Haaren heraus;“ Wolf und wildes Schwein tun ihm nichts zuleide, sondern gehorchen ihm S. 16, 53, 59: der Heilige und die Tiere!). Nicht zu seiner Strafe, sondern nur zu seiner Prüfung als „des eingebornen Sohnes“ schickt ihm Gott das „Leiden in den Fesseln“ (S. 54). Aber dieses und ähnliches sind nur vorbereitende Leiden gegenüber den eigentlich messianischen (S. 55, 47), die für seine Kindlein geschehen, für die er sein Blut vergießt und seine Glieder zerstückt lässt, um für sie die Reinheit durchzusetzen und die böse Schlange der Wollust zu besiegen (S. 28, und II. Brief an J. S. S. 46.). Gehört auch das Geschmäht- und Bespeitwerden auf dem Wege zum Orte der Knutung, d. h. zur Kreuzigung, noch zu den vorbereitenden messianischen Leiden, so sind diese selbst doch noch nicht

in dieser zweiten Knutung ¹⁾ erschöpft; sondern das Gebet um Hilfe beim Ertragen derselben (S. 30) verknüpft sich mit dem Gelübde, im Falle der Erhöhung auf die böse Schlange endgültig zu treten und alle Wollust zu zerstören. Dieses Gelübde erfüllt Seliwanow auf dem Wege nach Sibirien durch Vollzug der vollständigen Verstümmelung an sich selber. Also auch diese gehört zu den messianischen Leiden als deren Höhepunkt, an sich, aber auch sofern sie ihm neues Leiden einträgt, die Misshandlung durch den begleitenden Offizier, welche als schlimmer als selbst die Knutung bezeichnet wird ²⁾. Ersteres spricht Seliwanow in der längeren Rezension der „Leiden“ (S. 47, 55) direkt aus, wenn er als den Höhepunkt der Leiden die Annahme der „feurigen Krone“ und das „Besteigen des Kreuzesthrones“ bezeichnet. Ist er schon durch die Knutung im Orjolschen zum Christus geworden, so wies ihn die Wiederholung der Knutung auf eine noch höhere Würde hin. Ist er nicht ein bloss einmal, sondern ein zweimal gekreuzigter Christus, so hat er die Anwartschaft darauf, der kaiserliche Christus Peter III. zu werden, welche Würde er durch die vollständige Verstümmelung erlangt (vergl. oben S. 84 ff.). Damit ist ihm aber auch „die Schale der hochweisesten Lehre und des allersüssesten Trankes eingeschenkt“ (S. 47, 45), d. h. das Recht, auch andern die vollständige Verstümmelung zu predigen, die der Gipfelpunkt seiner Botschaft ist. Dass so Seliwanow die vollständige Verstümmelung mit der Kaiserwürde in eins gesetzt hat, hängt wohl mit der damals im russischen Volke verbreiteten Meinung zusammen, Peter III. sei wegen Impotenz von Katharina II. verfolgt und gestürzt worden. Von hier aus liegt es aber auch nahe, anzunehmen, dass Seliwanow auch die einfache Christus-

1) Wie sehr diese als „Kreuzigung“ vorgestellt ist, beweist die Erzählung von der Staubwolke auf dem Wege nach Sosnowka, die ihn und das umgebende Volk verhüllt (S. 30). Sie soll zweifelsohne an die Finsternis bei der Kreuzigung Jesu (Luk. 23, 24) erinnern. Ferner, dass derjenige seiner Anhänger, über dessen Rücken er für die Knutung gelegt wird, als an Stelle des (Kreuzes-) Holzes befindlich bezeichnet wird.

2) Diese Angabe hat vielleicht apologetischen Zweck gegenüber den Chlüsten, deren Christus Iwan Suslow mit seiner zweimaligen Kreuzigung, d. h. Knutung, und ihm drohenden dritten (vergl. B. I. S. 20) dadurch übertrumpft werden sollte. Als Parallele zu dem Wunder mit dem Laken bei dessen zweiter „Kreuzigung“ ist wohl schon der Wechsel des Hemdes bei Seliwanows Knutung in Sosnowka gedacht (S. 31).

würde irgendwie mit der Verschneidung in Zusammenhang gebracht hat. Auf das Richtige führt hier wohl seine Bemerkung gegenüber Putwinski auf dem Wege nach Sušdal (vergl. oben S. 286), dass auch die Apostel Skopzen waren. Demgemäss wird dann wohl die Stelle in der von Tolstoi mitgeteilten Ergänzung zu den „Leiden“ (S. 39), nach der der Heiland die zwölf Apostel gezeugt, wie er überhaupt durch „Jungfräulichkeit und Reinheit“ zeugt, dahin zu verstehen sein, dass sie durch Jesus zum Skopzenthum bekehrt worden sind. Dann bedeutet aber die vorhergehende Aussage, dass ihm „die Macht gegeben worden ist, den Schlangentachel unschädlich zu machen und alle Unreinheit zu vernichten, d. i. die Sünde des erstgeborenen Adam“, — dass bereits Jesus die Verschneidung gepredigt (vergl. auch S. 12), wie denn im Weiteren diese als das „Sigel Christi“ bezeichnet wird (S. 40). Ja er selbst hat die „Taufe der Reinheit“ angenommen (S. 43; die Beschneidung wird als Verschneidung gedeutet). Wenn sich Seliwanow nicht als einen chlüstischen Christus neben andern gefühlt hat, ja nicht einmal, wie Iwan Andrejanow bezeugt (vergl. oben S. 219), Danila Philippowitsch, den von den Chlüsten als Begründer ihrer Sekte so hoch gefeierten (vergl. B. I. S. 6ff., 257 f.), als Christus anerkannt hat, sich vielmehr ihnen gegenüber als den einzigen Lehrer bezeichnet (Die geh. h. Schrift der Skopzen S. 11, 13, 26), der die volle Gnade hat, so wird er gemeint haben, der erste Christus nach Jesus von Nazareth zu sein, weil er dessen verloren gegangene Lehre von der „Reinheit“ erneuert. Dazu weiss er sich von Gott selbst gesandt (S. 8, 15, 47), wie denn auch die chlüstischen Profeten sein Auftreten seit vierzig Jahren vorausgesagt haben (S. 9f., 22; 13) und jetzt vom Geiste getrieben, auch gegen ihren Willen, ihn als den Gottessohn und Messias anerkennen müssen (S. 19, 20 f., 23, 50—52¹). Jesum Christum aber unterscheidet er deutlich von sich als einen andern²) (z. B. S. 24, 38f., 42f.). Ist er ihm dadurch gleich geworden,

1) Sagt der eine von ihnen, dass infolge des Auftretens Seliwanows „anscheinend die alte Zeit wiederum erscheinen will“ (S. 23), so ist jedoch damit nicht die Zeit Jesu von Nazareth, sondern die Zeit der chlüstischen Legende gemeint (vergl. B. I. S. 3—32). Seliwanow lässt also hier den Profeten im chlüstischen, nicht in seinem Sinne reden.

2) Bezeichnet er gegenüber Anna Iwanowna als seinem Geschöpf sich als ihren Schöpfer (übrigens nur in der Redaktion Melnikows S. 51), so ist das nicht christologisch zu verstehen, sondern von da aus, dass in der Ekstase Gott selbst in ihm wohnt (vergl. oben S. 313 f., 33, 2. Anm.).

dass er die einfache Verschneidung, die jener gepredigt, wieder aufgebracht hat und „gekreuzigt“ worden ist, so hat er ihn durch die Annahme und Predigt der vollständigen Verstümmelung und durch die wiederholte „Kreuzigung“ überboten. Daher gebürt ihm die Würde des kaiserlichen Christus, Peters III¹⁾.

Weil Seliwanow seine Leiden als messianische beurteilt, trägt er sie mit so grosser Geduld. Solches ist doch nicht nur von ihm selbst bezeugt, sondern auch von Troschtschinski für seine fünfjährige Haft im „geheimen Zuchthaus“ und von Parfeni für die Zeit seiner gewiss sehr schwer zu ertragenden völligen Isoliertheit im Sußdaler Klostergefängnis. Parfeni hat doch nur das eine Mal, im ersten Jahr seiner dortigen Haft, ihn in Tränen angetroffen (siehe oben S. 291), als deren Ursache er — von Parfeni nicht verstanden — seine messianischen Leiden angab. Dieser Beurteilung der über ihn von der Regierung verhängten Strafen ist er also immer treu geblieben.

Wie sein persönliches Verhältnis zu Gott, so ist auch sein Verhalten zu seinen Anhängern nicht ausschliesslich durch seine religiösen Präntensionen bestimmt. Er ist ihnen doch nicht nur wie ein „Heiliger“, wie ein „Messias“ und „Gottessohn“, wie „der Gott über die Götter, Zar über die Zaren“ gegenübergetreten, sondern hat das rein menschliche Verhältnis gegenseitiger Zuneigung und innigen herzlichen Vertrauens gesucht und gefunden. Nach den „Leiden“ verkehrt er mit seinem Genossen Martün wie auf gleichem Fusse. Wenn von diesem zuweilen berichtet wird (S. 17, 55, 57 f.), dass er ihn „Herrscher Väterchen“ nennt, so ist das proleptisch, da Seliwanow sich damals noch nicht für Peter III. ausgab, wechselt übrigens mit der Anrede „Brüderchen“, „Bruder“ (S. 17, 48, 57), wie er ihn seinerseits „Bruder“ nennt (S. 16, 48, 55—58) und nicht „Sohn“. „Um der Brüderlichkeit willen“ gibt Seliwanow ihm zuweilen nach, auch wenn ihm seine Vorschläge als unheilvoll erscheinen (S. 55). Martün seinerseits hält

1) Noch mehr würde diese Parallele und Steigerung deutlich, wenn nachgewiesen würde, dass auch die skopzischen Bezeichnungen der blossen Verschneidung als „Feuertaufe“ (nach Matth. 3, 11) und der vollständigen Verschneidung als des „zarischen Sigels“ auf Seliwanow selbst zurückgehen, was an sich wahrscheinlich ist. Denn warum hätte sonst — was das erstere betrifft — Seliwanow die Verschneidung mit glühend gemachtem Messer vollzogen? Die Steigerung der „Feuertaufe“ wäre die „feurige Krone“, Steigerung des „Sigels Christi“ das „zarische Sigel“.

mit seinen Zweifeln an der Zweckmässigkeit und dem guten Erfolge seiner Unternehmungen nicht zurück (S. 17, 57); widerspricht direkt seinen Unternehmungen (S. 56), ja er bevormundet ihn überhaupt etwas. Wie zwischen ihnen ein herzliches Verhältnis besteht (S. 18), so auch zwischen Seliwanow und seinem späteren Begleiter Aleksandr Iwanowitsch. Mit niemand hat er sich so viel unterhalten als mit ihm (S. 23). Seliwanow kann sich nicht genug tun, der Hilfsbereitschaft und Ergebenheit dieses seines „Lieblings“ dankbar zu gedenken, (S. 21 ff., 42), obgleich seine Mit-tätigkeit an dreissig Jahre zurücklag, als Seliwanow seine Schriften diktierte. Ebenso gedenkt er mit grosser Dankbarkeit der „Gottesmutter“ Akulina Iwanowna, die seiner Christuswürde unter ihren Gottesleuten zur Anerkennung verholfen, indem sie ihn als ihren Sohn anerkannte (S. 7, 9, 11, 15, 33, 43 f.; 23.). Auch sein Gespräch mit den ihn in Irkutsk aufsuchenden Anhängern zeugt vom Herzlichkeit (S. 34 f.). Wie zart ist doch das Verhältnis seiner Sosnowkaer Anhänger zu ihm in den Worten am Schluss der „Leiden“ (S. 36 f.) aufgefasst: „ . . . sie zerflossen in Tränen und gaben sich mir alle mit den Herzen hin, und die Tränen einiger Kindlein gelangten durch das Erdreich zu mir nach Irkutsk und berührten meine Füsse, ich fragte sie und sie sagten mir, wessen Tränen sie seien.“ — Nach den Leiden ist er auch gelegentlich versöhnlich gegen die Feinde seiner Sache, wenn sie reumütig ihre Feindseligkeit aufgeben (S. 18, 48 f.).

In den Schilderungen aus der Petersburger Zeit erscheint Seliwanow freilich in erster Linie als der verehrte und angebetete „Gott und Zar“. Dass aber auch damals ein herzliches und inniges Verhältnis zwischen ihm und seiner nächsten Umgebung bestand, beweisen wie die überlieferten „Agrapha“ (siehe oben S. 218 ff.), wie der ganze Tenor seiner doch zunächst für sie bestimmten Sendschreiben und „Leiden“ in ihrer Herzlichkeit gegenüber seinen „Kindlein“, so auch die grosse, zweifelsohne aufrichtige Trauer, welche seine Umgebung bei seiner Verschickung nach Sušdal zeigte, ihre Bemühungen, seine Rückkehr zu erwirken oder wenigstens ihn im Gefängnis zu sehen (siehe oben S. 284 ff.). Von Seliwanows „Sanftmut“ wird ausdrücklich vom Blinden Kudimow auf das Zeugnis eines von ihnen, Semjon Kononows hin, geredet (siehe oben S. 206).

Diesem herzlichen und innigen Verhältnis, das zwischen Seliwanow und seinen Anhängern bestand, entsprechen seine Ermahnungen für ihr Verhältnis unter einander in seinem „Send-

schreiben“. Er ermahnt zu Einmütigkeit und Eintracht, Sanftmut und Demut, Fernhaltung von Feindschaft und Neid, übler Nachrede und Verleumdung der Nächsten (S. 4 f., 7). Auch dieses alles gehört zu seiner „Reinheit“, deren Grundlage die Verschneidung und völlige äussere und innere Keuschheit ist (S. 7). Wenn sie nicht in Eintracht und Liebe verbunden sind, so sind auch ihre Gebete, Fasten und sonstigen Werke nichts (S. 5).

Scheint nun durch das Verbot von übler Nachrede und Verleumdung auch Wahrhaftigkeit gefordert, so kontrastiert damit zunächst seltsam, wie in den „Leiden“ die Lügen Pschenitschnüs zu Seliwanows Errettung von ihm wie etwas lobenswertes erzählt werden (S. 58 ff.). Und zweifelsohne ist Seliwanow selber in hohem Grade ein unwahrhaftiger Mensch gewesen. Das Versprechen an Golizün und Tolstoi, weiter keine Verschneidungen zu erlauben oder selbst auszuführen, hat er nicht nur gebrochen (vergl. oben S. 169, 274 f. 282 Anm.), sondern sicher von vornherein nicht zu halten beabsichtigt. Einen ungünstigen, weil unwahrhaftigen Eindruck hat Seliwanow auf die Tatarinowa und später auf die zu ihm auf kaiserlichen Befehl geschickten Beamten gemacht, weil er gegenüber ihren Fragen nach der Verschneidung und Usurpierung der Erlöserwürde Ausflüchte machte, sich in seinen Worten verwirrte, schwieg und die Rede auf etwas anderes zu bringen suchte (vergl. oben S. 229, 277). Nun freilich hatten diese Personen kaum einen deutlichen Begriff von der chlüstischen Arkandisziplin, die von allem was mit dem Geiste zusammenhängt, also auch von der Christuswürde zu reden verbietet. Weil Seliwanow auch die Verschneidung mit dem h. Geist in Zusammenhang brachte (vergl. seine Erklärung gegenüber Awerjan S. 19, 50; sie galt ihm ja wohl um deswillen als die „Geistestaufe“ gegenüber der kirchlichen Wassertaufe), so hat er die Arkandisziplin auch auf sie ausgedehnt (vergl. schon oben S. 16 f.). Aber Seliwanow ist doch von dem blossen Schweigen, wodurch ihr bereits genügt würde, zu offenkundiger Lüge fortgeschritten, wie schon seine Aussagen gegenüber Troschtschinski beweisen (vergl. oben S. 148, 24 f., 45, 141), ferner seine „Bekennnisse“ gegenüber Parfeni, die ja nachweisbar kaum ein wahres Wort enthalten (vergl. oben S. 26 ff., 313). Hier hat er nicht nur strikt geleugnet, sich als „Erlöser“ ausgegeben zu haben, sondern über seine Verschneidung eine völlig erfundene Geschichte vorgebracht. Einen Nutzen hat er sich von seinen Lügen gegenüber Parfeni und dem Beichtvater kaum haben versprechen können,

es wird ihn das Gefühl der Genugtuung geleitet haben, seine Gegner irre zu führen.

Auf der Linie seiner Verlogenheit liegt seine grosse Verschlagenheit, die er gegenüber seinen Verfolgern gezeigt hat. Wird nicht ohne Anwendung von viel Schlaueit die Flucht von seinem ersten Transporte nach Sibirien im Orjolschen möglich gewesen sein (vergl. oben S. 21 f., 48 f.), so erzählt er ja selbst in den „Leiden“, wie er durch immer neue Listen sich der Haft zu entziehen, vor seinen Verfolgern sich zu verbergen weiss (S. 17 f., 19, 49 f., 26, 27 f., 54 f., 16, 53 f., 57 ff.). Verwunderlich könnte dem gegenüber erscheinen, dass er nicht nur sich weigert, den fünf Jahre nach seiner Verschickung nach Sibirien ihn dort aufsuchenden Anhängern zu folgen (S. 34 f.), obgleich er sich bereits damals in Irkutsk auf freiem Fusse befand, sondern dass er auch späterhin nicht die Flucht gewagt hat. Jenen Abgesandten gibt er als Grund seiner Weigerung die Erwartung von Verhaftung auf dem Wege nach Hause an. In der Tat werden aus Sibirien entflozene Verschickte gewöhnlich wieder eingefangen. Hatte Seliwanow sich in Sibirien ein neues Wirkungsfeld geschaffen (vergl. oben S. 88, 3. Anm.), so musste er fürchten, in Russland wegen der ihm als einem flüchtigen Deportierten beständig drohenden Entdeckung und Wiederverhaftung in seiner Propaganda sehr behindert zu sein. Daher blieb er lieber, wo er war.

Nun scheint nach den vorhandenen Nachrichten (vergl. oben S. 139 ff.) die Freilassung Seliwanows ganz ohne sein Zutun erfolgt zu sein. Der skopzische Kaufmann Kolesnikow holt ihn auf Befehl Pauls I. aus Sibirien, die Gnadenerweisungen beim Regierungsantritt Alexanders I. gegen Sektierer verschafften ihm die Überführung aus dem „geheimen Zuchthause“ in ein Armenhaus, wie es scheint, nicht ohne Vermittlung eines Solodownikow (vergl. oben S. 150 Anm.), seine völlige Freilassung bewirkte der skopzische Staatsrat Jeljanski, um ihn den an der Spitze des Petersburger Skopzenschiffes stehenden Nenastjews zu übergeben. Dieses, wie die Erklärung des Ministers Fürsten Golizün von 1819, dass Seliwanow nicht imstande sei, irgend welche Tätigkeit in der Verbreitung des Skopzentums zu entwickeln (vergl. oben S. 275), hat eine Reihe von Forschern zu der Meinung veranlasst, dass der aus Sibirien zurückgekehrte Seliwanow nicht nur körperlich hinfällig geworden, was Golizün direkt bezeugt, sondern auch geistig gebrochen war. Die Petersburger skopzischen Kaufleute, die unterdessen an die Spitze der skopzischen Gemeinden

getreten, hätten ihn nur zurückgeholt, um ihn als Kultusobjekt ihrer Glaubensgenossen für sich zu einer Erwerbsquelle zu machen. Schon Nadeschdin spricht von dem hohen Alter Seliwanows während seiner Petersburger Zeit, „das an Kindischsein grenzte“ (S. 94). Melnikow sagt von ihm um 1804 (Die weissen Tauben S. 287): „Er war damals bereits fünfundsiebzig Jahre alt, ein welcher, ungewandter kranker Greis, lag meistens im Bett, hatte nicht ein bisschen Energie und war dabei nahe von Verrücktheit . . . Seliwanow war jetzt wie auch in der Folgezeit nur ein Spielzeug in der Hand gewandter Leute.“ Reutski meint (S. 128), dass erst die grosse Verehrung, die der einfache Bauer von den reichen Petersburger Kaufleuten genoss, der Glanz der neuen Umgebung ihn verrückt gemacht habe. Auch Pelikan erklärt (Übers. S. 10), dass Seliwanow in Petersburg an Irrsinn litt und seine Stellung in der Skopzengesellschaft von seiner Umgebung ausgebeutet wurde. Ähnlich urteilen andere.

Diese Beurteilung Seliwanows während seiner Petersburger Glanzzeit war nur möglich, weil den genannten Forschern noch nicht das ganze seitdem zum Vorschein gekommene Material bekannt war. Sein Sußdaler Kerkermeister Parfeni hat ihn keineswegs für verrückt gehalten, und die von ihm in den ersten fünf Jahren seiner dortigen Haft aufgezeichneten Gespräche (vergl. oben S. 26 ff., 290 ff.) sind der strikte Beweis dafür, dass er es in der Tat nicht war. Übrigens äusserte schon Nadeschdin gelegentlich eine bessere Einsicht. So sagt er nach seinem Bericht über Seliwanows Gespräche mit Putwinski auf dem Wege nach Sußdal und seinem Bestechungsversuch ihm gegenüber (vergl. oben S. 285 f.): „Dieses alles gibt Anlass zum Schlusse, dass der hinfällige, hundertjährige Greis durchaus nicht ein solches „Kind“ war, als welches man ihn in Petersburg hingestellt hatte“ (S. 96). Und gegenüber der Schonung, die er 1819 seitens der Regierung erfuhr, erklärt Nadeschdin (S. 53): „Dieser geheimnisvolle Greis verstand sich in den Augen der Regierung so hinzustellen, dass bei der auf ihn 1819 neuerdings gerichteten Aufmerksamkeit, als die Namen des Erlösers und Pjotrs III. wiederum zum Vorschein kamen, man ihn nur für ein „Werkzeug anderer, die unter seinem Namen handelten“, hielt.“

War nun Seliwanow während seiner Petersburger Zeit keineswegs schwachsinnig, sondern ähnlich listig und verschlagen, wie wir ihn während seiner Tulaer und Tambower Propaganda kennengelernt, so ist freilich schwer glaublich, dass seine Rückkehr aus Sibirien ohne sein Zutun erfolgt sei. In der Tat gestatten die vorhandenen Nachrichten, sich die Sache gegenteilig vorzustellen. Ich suchte bereits nachzuweisen, warum Seliwanow

an einer Flucht aus Sibirien nichts gelegen sein konnte (oben S. 322) Desto mehr wird ihm an einer Freilassung gelegen gewesen sein, um die Leitung seiner verwaisten russländischen Gemeinden wieder in die Hand zu nehmen. Seine Hoffnung konnte er nur auf den Amnestie-Erlass setzen, wie er in Russland bei einem Regierungswechsel üblich ist. Nun stand er, wie wir gesehen haben (oben S. 120 ff.), schon vor 1789 trotz der weiten Entfernung in Verbindung mit Aleksandr Iwanow Schilow in Riga. Durch ihn könnten die Petersburger Skopzen von dem Wunsch und der Hoffnung Seliwanows erfahren haben. Ihrer Initiative braucht daher nur die Verbreitung der Nachricht, Seliwanow sei Peter III. (vergl. oben S. 139 ff., bes. S. 146), zugeschrieben zu werden, als sich herausstellte, dass der Amnestie-Erlass beim Regierungsantritt Pauls I. sich auf Verbrecher wie Seliwanow nicht erstreckte, es aber bekannt wurde, dass der Kaiser für die im Volke verbreitete Meinung, dass sein Vater noch lebe, sich interessiere (a. a. O.). Der Eindruck, den der Kaiser von Seliwanow erhielt, vereitelte freilich die Hoffnung auf Freilassung. Aber verstand er im Irrenhause so sehr das Vertrauen der Aufsichtsbeamten zu gewinnen, dass sie ihn zum Wärter für einen sehr unruhigen Kranken bestellten — das ihm nach fünfjährigem Aufenthalt daselbst ausgestellte Zeugnis beweist auch, dass man ihn selber keineswegs für geisteskrank hielt — („Rapport Troschtschinskis“), so wird er auch die Möglichkeit gefunden haben, Beziehungen zu seinen Anhängern zu unterhalten. Musste er nun seine Hoffnung auf einen weiteren Thronwechsel richten, so zeigt beim Eintritt desselben seine durch Troschtschinski vermittelte Bitte an den Kaiser um Begnadigung zur Überführung in ein Armenhaus (vergl. S. 148), dass er in der Tat nicht ganz untätig für seine Freilassung gewesen ist. Man hat allen Grund anzunehmen, dass seine Initiative weiter reichte, als die Nachrichten angeben. Es scheint durchaus zu der Praxis Seliwanows gehört zu haben, möglichst viel durch andere Personen machen zu lassen und selbst im Hintergrunde zu bleiben.

Erstaunlich ist auch die Gewandtheit, mit der Seliwanow sich alsbald in die Verhältnisse der Residenz hineingefunden hat, wenn auch das Bildungsniveau der russischen Bauern und Kaufleute — auch bei grossem Reichtum der letzteren — nicht als allzu verschieden vorgestellt werden darf. Dass er während seiner Petersburger Glanzzeit nicht etwa Spielball in den Händen der skopzischen Kaufleute, bei denen er abwechselnd wohnte, gewesen ist, beweist der Umstand, dass wohl seine Gastwirte wechseln,

die ganze Organisation des Kultus und der Gemeindeleitung aber immer dieselbe bleibt. Dass er ihnen eine gewisse Selbständigkeit einräumt und die Darbringungen seiner Anhänger überlässt, geschah wohl nur, um sie an sich zu fesseln und ihren Eifer in der Propaganda zu entflammen. Ist die Nachricht Iwan Andrejanows glaubhaft, dass er sich mit dem Kaufmann, bei dem er zuerst lebte (Nenastjew), verzürnte (oben S. 194) — und warum sollte sie erfunden sein? — so wird dessen zu grosses Selbständigkeitsstreben die Ursache gewesen sein. War doch wahrscheinlich schon zuvor Nenastjew der anerkannte Leiter des Petersburger Schiffes gewesen (vergl. oben S. 127 f., 153, 170). Aber als nun Seliwanow zu den Kostrows übersiedelt, so wird nunmehr dessen Haus die Zentrale des Skopzentrums, obgleich Nenastjew die Gottesdienste in seinem Hause fortsetzt (vergl. oben S. 195, 225 ff.). Das ist doch ein deutlicher Beweis dafür, dass Seliwanow selber trotz seiner körperlichen Hinfälligkeit auch in Petersburg der eigentliche Leiter seiner Gemeinde und der Propaganda war (vergl. bes. die direkten Angaben Kudimows, Sośonowitschs und Dosifes oben S. 205 ff., 211 ff.). Als er nach Suśdal gebracht wird, verliert die Petersburger Gemeinde alsbald die Stellung als skopzischer Zentrale und muss sie an die Suśdaler abtreten (vergl. oben S. 296 ff.). Zum Überfluss beweisen das Behauptete seine in Petersburg verfassten „Sendschreiben“. Sie (S. 3 ff., 9 ff., 13 f., 25, 38, 40 ff., 45 f.), wie die zahlreichen von uns (oben S. 97, 104 f., 181 ff., 187 ff., 198 ff., 205 ff., 211 ff., 215 ff., 272, 286) mitgeteilten und (unten) noch mitzuteilenden Nachrichten zeigen, wie Seliwanow von Petersburg aus mit Erfolg die Oberleitung aller Skopzengemeinden in seine Hände zu bekommen suchte, indem er nur die Profeten als Gemeindefeiler anerkannte, die von ihm persönlich oder schriftlich als solche anerkannt waren. Musste er bei dieser weitreichenden Tätigkeit erneute Verhaftung fürchten, so war der Wechsel seines Aufenthaltsorts, von dem die polizeiliche Auskunft von 1814 berichtet (vergl. oben S. 177), ferner seine Besuche in den Petersburg benachbarten Gemeinden (oben S. 181 ff.) gewiss auch eine Vorsichtsmassregel. Man wird nicht fehlgehen, wenn man die erstaunliche Tatsache, dass das Skopzentrum in Petersburg bis 1819 fast ganz unangefochten blieb, ja nicht einmal der Tod eines Verschnittenen im Hause Solodownikows zu gerichtlicher Untersuchung führte (vergl. oben S. 201), die Erwirkung eines Allerhöchsten Verbotes des Eintrittes von Polizei in dieses Haus (oben S. 270 f.), letztlich auf die

Gewandtheit und Verschlagenheit Seliwanows selber zurückführt, der allerlei wichtige Beziehungen anzuknüpfen wusste ¹⁾, wohl auch zu Bestechung griff (vergl. oben S. 286), dabei aber selber immer möglichst im Hintergrunde blieb, alles durch seine Umgebung besorgen liess. Auch als Analphabeten hat er sich nur deswegen ausgegeben, um von seiner Harmlosigkeit zu überzeugen (wie das schliessliche Eingeständnis des Gegenteils an Parfeni beweist, vergl. oben S. 292), mit solchem Erfolge, dass eine Reihe von Forschern ihm das bis zum heutigen Tage geglaubt hat (siehe z. B. oben S. 306). — So wurde denn auch bei der 1819 endlich energisch aufgenommenen Untersuchung die Regierung zunächst irre geführt und es kam nur zur Verschickung von drei seiner Anhänger (vergl. oben S. 271 ff.). Erst 1820 ist es ihr schliesslich gelungen, sich zu überzeugen — es ist bisher unbekannt geblieben, auf welche Weise —, dass der bettlägerige Greis „der Hauptschuldige an dem Überhandnehmen der Skopzenhäresie“ sei (oben 2. Anm. zu S. 282). — Ein schliesslicher Beweis für seine Verschlagenheit ist ferner, dass er auch in der so strengen Sußdaler Haft Beziehungen zu seinen Anhängern zu unterhalten wusste, ohne dass Parfeni irgend etwas davon bemerkte (vergl. oben S. 293 ff.).

Man könnte nun meinen, dass Seliwanow nur gegen die Feinde und Verfolger unwahrhaftig und verschlagen gewesen sei, gegen seine Anhänger aber wahrhaftig und aufrichtig. In der Tat kennt ja schon die chlüstische Moral nur sittliche Pflichten gegen die Glaubensgenossen, sie predigt nur „Bruderliebe“, nicht allgemeine Menschenliebe; gegenüber der ungläubigen Welt gibt es nur die Pflicht der Propaganda (vergl. B. I. S. 327 ff., 503). Dem entspricht es, dass Seliwanow die Rechtgläubigen verächtlich „Unreine“, „Juden“ und „Türken“ nennt (S. 28, 30, 31, 32, 53), verbietet, den „Weltlichen“ Almosen zu geben (S. 44). Die sich einmal findende Mahnung zum Gebet für die Verfolger ist wohl nur dahin verstanden, dass um ihre Bekehrung zum Skopzenthum gebetet werden soll, die Ermahnung zum Gebet für den Kaiser und sein Haus (S. 43) wird als Konzession gegenüber

---

1) Besonders charakteristisch für die Gewandtheit Seliwanows scheint mir die Erzählung bei Iwan Andrejanow zu sein (oben S. 221), dass als ein Beamter das Haus Solodownikows besucht, er von seinen gewandtesten Tänzern ihm die Radenije vorführen lässt. Er wusste zweifelsohne, dass jener zum Kreise der Tatarinowa gehörte (oben S. 278, 2. Anm.) und machte sich diesen Umstand zu nutze.

dem dem einfachen Russen so tief eingewurzelt, Gefühl der Anhänglichkeit an die Person des regierenden Zaren aufzufassen sein und erscheint durch die Theorie gerechtfertigt, dass der wahre Herrscher Peter III. ihm zeitweilig die Herrschaft abgetreten (oben S. 174). — Aber es lässt sich nachweisen, dass Seliwanow auch gegen seine Anhänger unwahrhaftig gewesen ist. Bereits die ältesten Akten berichten (vergl. oben S. 16), dass Seliwanow seinen Opfern die Ungefährlichkeit der Verschneidung vorgespiegelt habe, wie er es in den „Leiden“ in der Schilderung der Bekehrung Awerjans selbst erzählt. Da er nun die Operation auf völlig kunstlose Weise mit glühend gemachtem Messer vollzog, so kann ihm die Lebensgefährlichkeit derselben nicht verborgen gewesen sein. Nach der Erzählung Dosifes von der Verblutung eines Bauern infolge der Verschneidung im Hause Solodownikows (vergl. oben S. 201) zeigt sich Seliwanow keineswegs erschüttert, als geschehe etwas völlig Unerwartetes. Es wird nicht das erste Mal gewesen sein, dass einer an der von ihm oder in seinem Beisein vollzogenen Operation starb. Nun könnte man einwenden, dass erst durch die Verschneidung man sein Anhänger ward, also vorher ein Draussenstehender war, dem gegenüber ihm Unwahrheit erlaubt schien. Aber er nahm auch Unverschnittene als Katechumenen in seine Gemeinde auf (vergl. oben S. 190 ff.). Und Unaufrichtigkeit Seliwanows gegen seine Anhänger beweist auch die Art, wie er seine Prätension, Kaiser Peter III. zu sein, geltend machte. Ich habe bereits nachzuweisen versucht, dass er diese nicht im Sinne persönlicher Identität verstand, sondern in seinen „Leiden“ christologisch motivierte. Aber schon hier hat man den deutlichen Eindruck, dass ihn nicht seine Christologie darauf geführt, sondern die Erkenntnis auf seinem Transport durch die Gegenden des Pugatschowschen Aufstandes, welch' ein Mittel, sich Popularität zu erwerben, diese Prätension sei, die dann wohl erst nachträglich in messianischem Sinne gerechtfertigt wurde. Man gewinnt aber aus der Petersburger Zeit nicht den Eindruck, dass Seliwanow das Verständnis dieser Prätension seitens seiner Anhänger im nächstliegenden Sinne der Identität deutlich ablehnte, sondern vielmehr, dass er es beförderte. Das beweist seine Darstellung seines Gesprächs mit Kaiser Paul I. bei seiner Vorstellung vor ihm gegenüber seiner Anhängern (im Unterschiede von der ganz andersartigen gegenüber Troschtschinski, vergl. oben S. 141 ff.); zu dem Zwecke, diese Prätension glaubhafter zu machen, wird von ihm der Besuch Alexanders I.

bei ihm erfunden worden sein, wenn er nicht tatsächlich geschehen ist (vergl. oben S. 173 ff.); ist er aber historisch, dann wird er von ihm zu demselben Zwecke ausgebeutet worden sein, wie ihn denn seine Anhänger bis zum heutigen Tage also deuten. Der Satz am Schlusse der „Leiden“, dass „Zaren und Könige und Bischöfe“ ihn nach seiner „Ware“ gefragt (S. 37), und die Weissagung Anna Romanownas (S. 21), dass „alle Zaren und Könige und Bischöfe sich vor ihm verbeugen und grosse Ehre erweisen werden“, die nicht als unerfüllte gemeint sein kann, beziehen sich offenbar auf die oben genannten persönlichen Berührungen und zeigen deutlich, in welchem Sinne sie Seliwanow von seinen Anhängern aufgefasst wünschte. Dass auch einer oder der andere der Petersburger geistlichen Würdenträger Seliwanow besucht, was jene Worte voraussetzen, ist nicht bezeugt, aber nicht unwahrscheinlich. Wenigstens dürfte der Bischof, in dessen Kirchenbezirk das Bethaus Seliwanows lag, um die dortigen so zahlreich besuchten religiösen Versammlungen gewusst und sich darum gekümmert haben. — Die Grösse, die ihm der skopzische Hoflakai Kobeljew als vom Kaiser kommend überbrachte, hat er als solche angenommen, ja dieser scheint in seiner Gegenwart der Skopzengesellschaft erklärt zu haben, er sei Peter III. (er erkenne ihn als solchen wieder, vergl. oben S. 272 u. 2. Anm.). Das wird doch nicht gegen den Willen Seliwanows geschehen sein.

Überhaupt aber darf das herzliche und innige Verhältnis, das Seliwanow zu seinen Anhängern besass, nicht missverstanden werden. Letztlich hatte er kein persönliches Interesse an ihnen, sondern sie kamen ihm als Mittel zur Erreichung seines Zieles in Betracht. Seinen ihm doch so vertrauten, freilich sich zum Opfer für ihn darbietenden Genossen Martün opfert er unbedenklich, um sich selbst, das hiess damals seine Sache zu retten (Die geh. h. Schrift der Skopzen S. 52 f.). Er schätzt seine Genossen nur nach dem, was sie für seine Sache leisten, ein. Deswegen preist er Akulina Iwanowna und Aleksandr Schilow so hoch, ja räumt ihnen die höchsten Stellen in der himmlischen Hierarchie nach den himmlischen Mächten ein, indem er sich mit ihnen zu einer Art zweiter Trinität zusammenfasst (S. 7, 9, 11, 54), weil sie bei dem für die Zukunft seiner Sache entscheidenden Kampfe mit den Tulaer Chlūsten sich ihr angeschlossen und mit Energie für sie eingetreten. Seine späteren Hauptgehülfen zur Nacheiferung zu derselben Hingabe an seine Sache anreizen soll das Wort in den „Leiden“ im Hinblick auf Schilow (S. 25): „Und ich habe

jetzt keinen solchen Helfer und kann ihn nirgends auswählen, weder in Piter, noch Moskau, noch in anderen Städten; ich habe viele brave Leute, aber weiter gibt es keinen solchen, wie er war“. Zweifellos war das ganze Sinnen und Trachten Seliwanows darauf gerichtet, möglichst viele Leute zur Verschneidung zu bewegen und seine Sekte auszubreiten. Das eben machte ihn zum Fanatiker. Personen und Sachen sah er nur unter dem Gesichtspunkt an, ob sie der Erreichung dieses seines Zieles förderlich oder hinderlich waren. Diesem Ziele war er stets bereit, alles aufzuopfern, auch sein Leben. Erstaunlich ist die zähe Energie, mit der er unentwegt dieses Ziel verfolgte, und damit kommen wir auf einen weiteren Grundzug seines Wesens. Die Knutung im Orjolschen und die Deportation haben ihn nicht eingeschüchtert. Kaum ist er der letzteren entronnen, so nimmt er seine Propaganda im Tulaschen wieder auf und führt sie trotz aller Anfeindungen, ja Nachstellungen der Chlüsten und ihrer Leiter zum Erfolge. Wird ihm der Boden in einer Chlüstengemeinde zu heiss, so versucht er es sofort in einer andern (vergl. Die geh. h. Schrift der Skopzen S. 19, 49 f. und oben S. 55 f.). Und als er zweiundzwanzig Jahre später als ein Greis in hohen Jahren aus Sibirien nach Petersburg kommt, da kühlt seinen Eifer auch die gewiss strenge jahrelange Abschliessung im „geheimen Zuchthause“, im Irrenhause, in keiner Weise ab. Geduldig wartet er auf seine Freilassung, um sofort nach ihrer Erlangung mit unverminderter Energie trotz grosser körperlicher Hinfälligkeit die Propaganda und die Leitung der Skopzen in die Hand zu nehmen und seinen Einfluss über ganz Russland auszudehnen. Auch in den Zeiten seiner im ganzen fast vierzig Jahre dauernden Unfreiheit hat er wohl niemals völlig die Verfolgung seiner Ziele ausser acht gelassen, bis in Sušdal die zunehmende Altersschwäche ihn lähmte.

War Seliwanow demnach ein Willensmensch ersten Ranges, so erklärt sich eben daraus sein erstaunlicher suggestiver Einfluss auf andere. Denn welch' starke persönliche Einwirkung muss dazu gehören, andere für eine so schmerzhaft und auf so entsetzliche Weise vollzogene Operation willig zu machen, mögen sie durch asketische Ansichten noch so sehr dafür vorbereitet sein! Seliwanow ist sich dieser starken Einwirkungsfähigkeit selbst bewusst gewesen. Denn er sagt in den „Leiden“ (S. 28): „Und ein Befehl ward ausgegeben: „nicht nahe zu ihm herangehen, damit er nicht jemand anhauche oder anblicke: siehe er ist ein

grosser Verführer, und damit er nicht eine Zuneigung einflösse... Er kann einen jeden verführen, er wird auch den Zaren verführen, nicht genug dass er uns verführt“ Es ist schwer vorstellbar, wie Seliwanow ohne starke natürliche Beredtsamkeit diesen Erfolg bei seinen Opfern hat erzielen können. Die Forscher behaupten freilich nur für seine Petersburger Zeit (vergl. oben S. 306), dass er „unberedt“ war. Aber seine doch damals diktierten Schriften zeigen eine eindrucksvolle volkstümliche Beredtsamkeit, die durch die z. T. poetische Form noch eindrucksvoller wird. Hat Seliwanow, wie es in der Tat scheint, in Petersburg nicht lange Reden an die versammelten Anhänger gerichtet, sondern sich mit kurzen Aussprüchen begnügt, so halten die chlstischen Profeten und Christusse ja überhaupt längere Ansprachen nur im Zustande der Ekstase, in welchen sie sich durch die Radenije versetzen. War Seliwanow gehindert, an dieser teilzunehmen (vergl. oben S. 211) und so in ekstatischen Zustand zu geraten, so war er auch gehindert, sich „im Kreise“ „flott im Worte zu ergehen“ (Die geh. h. Schrift der Skopzen S. 18, 20, 49, 50 f.). Früher, während seiner Orjoler, Tulaer und Tambower Propaganda, wird das anders gewesen sein (nur vorübergehend spielt er im Tulaschen den Stummen, a. a. O. und oben S. 35). Aber in der Tat: das Entscheidende wird nicht seine Beredtsamkeit gewesen sein, sondern sein starker Wille, der ihm die Menschen unterwarf, dass sie ihm blind folgten. Seliwanow war zweifellos eine wahre Herrschernatur und eine solche bricht sich auch unter den ungünstigsten Verhältnissen Bahn. Wie alle geborenen Herrscher scheint auch er cholерischen Temperamentes gewesen zu sein (vergl. oben S. 201, 206, 194). Seine Zornesausbrüche werden ein weiteres Mittel gewesen sein, sich die Menschen gefügig zu machen. Es ist ja bekannt, wie schwer zu ertragen für schwächere Naturen der Zorn starker Willensmenschen ist, wie sie gemeiniglich alles zu tun bereit sind, auch solches was ihre Vernunft und ihr Gewissen verurteilt, nur um solchen unerträglichen Zorn zu besänftigen.

Schliesslich ist Seliwanow aber auch ein Mensch von grosser natürlicher Grausamkeit gewesen. Mochte er noch so sehr der Überzeugung sein, dass die Verschneidung für die Menschen eine Wohltat sei, weil sie sie mit einem Schlage von der fleischlichen Versuchung befreie, und damit nach seiner Auffassung von der Sünde z. τ., ihnen dadurch der Zugang zu Gott geöffnet werde (vergl. Die geh. h. Schrift der Skopzen S. 4, 7 ff., 13 f., 41 ff.), —

zwischen dieser Überzeugung und der so rohen Tat selbst scheint doch noch ein grosser Zwischenraum zu sein. Wenn er Parfeni die Zahl derer, die er eigenhändig — mit glühendgemachtem Messer — verschnitten, auf mehr als hundert angab (oben S. 290), so kann eine Unwahrheit hierbei die wirkliche Zahl nur verkleinert haben. Gegenüber den Qualen und der Todesgefahr der Opfer scheint er gleichmütig gewesen zu sein (vergl. oben S. 206), Gewissensskrupeln über sein Tun niemals empfunden zu haben, weswegen ihm die Verfolgung seitens der Regierung nur als Feindschaft gegen das Reich Gottes erscheinen konnte („Juden“ und „Türken“ sind die Verfolger). Die Reue, von der er gegenüber Parfeni geredet (oben S. 29, 290 f.), ist ebenso erlogen, wie nachweisbar die gleichzeitige Behauptung, dass er die Verschneidung aufgegeben und längst nicht mehr lehre. Hat Seliwanow andern nur dasselbe zugemutet, was er an sich selbst vollzogen, so ist er eben auch gegen sich selbst grausam gewesen. Diese für modernes abendländisches Empfinden schier unverständliche Grausamkeit gegen sich selbst findet z. T. freilich wohl auch ihre Erklärung an grösserer Unempfindlichkeit gegen Schmerz. So eingehend Seliwanow die von ihm erlittenen Misshandlungen und Qualen schildert, um sich als Messias hinzustellen, so verrät sich doch einmal diese relative Unempfindlichkeit. Bei seiner Knutung in Sosnowka scheint es ihn mehr betrübt zu haben, dass sein reines „Hemden“ ganz mit Blut befleckt wurde, als dass er selbst dieses vergossen, und als einer seiner Anhänger jenes mit seinem eigenen „hübsch weissen“ vertauscht, erscheint er getröstet (S. 31).

Nach allem Vorstehenden ist Seliwanows Psyche eine recht komplizierte gewesen. Zur Lösung des hier vorliegenden Problems dürfte die Völkerpsychologie heranzuziehen sein.

Die bei Haussuchungen konfiszierten, von seinen Anhängern gemalten Bilder Seliwanows (über sie siehe unten) zeigen, soweit sie einen porträtähnlichen Eindruck erwecken, nicht eigentlich slavischen Typus. Diese stellen ihn als Greis dar, dem entsprechend, dass erst in seiner Petersburger Glanzzeit Bilder von ihm gemalt wurden, während die ihn als Mann in mittleren Jahren darstellenden so sehr den Christustypus russischer Heiligenbilder wiedergeben, dass nur wenig Individuelles nachgeblieben ist. Zeigen nun die erstern ihn mit weissem Haar, so sind doch noch Reste von blond zu bemerken, wie denn ja auch das Signalement im Briefe des Fürsten Wjaśemski von 1775 ihn als „blondrötlich“ bezeichnet (oben S. 15 f.). Die grossen Augen sind

zinnblau, die Stirn ziemlich niedrig. — Das sind alles Merkmale finnischer Stämme. Freilich die Nase ist durchaus unfinnisch, kräftig und auffallend gerade, scharfgeschnitten (vergl. das Signalement bei Wjasemski), während bei den Finnen der Nasenansatz mehr oder weniger zurücktritt, sodass leicht Stutznase entsteht (auch oft bei slavisch-finnischen Mischlingen vorhanden); ebenso zeigt das Gesicht weder die breiten Backenknochen, noch den starken Unterkiefer ¹⁾ der Finnen, sondern ein regelmässiges Oval, dessen Rundung nur nach oben hin durch die breite und niedrige Stirn gestört wird.

Nun war ja Seliwanow der Nationalität nach zweifellos Russe, wie seine vollkommene Beherrschung der grossrussischen Volkssprache beweist, und der grossrussische Schlag besitzt (besonders im Norden) ja überhaupt eine starke Beimischung finnischen Blutes. Aber die Grossrussen der Gegend, aus der Seliwanow stammt, sehen doch recht anders aus. In W. Semjonows „Russland, eine vollständige geografische Beschreibung“ etc. werden sie so geschildert (II. S. 170): „Die Grossrussen des mittlerrussischen Schwarzerdegebietes . . . gehören zum südlichen Zweige dieses Stammes, welcher aus der Vermischung der Wjatitschi, der Sewerjane und z. T. der Kriwitschi wie unter einander, so auch mit finnischen Stämmen hervorgegangen ist . . . Wo die Grossrussen ammeisten von finnischer Beimischung frei sind (im Orjolschen . . . und Tulaschen), sind ihre unterscheidenden Merkmale: mittlerer Wuchs, dunkelblonde Haare, im allgemeinen ein ziemlich dichter Haarwuchs, dunkelgraue (seltener braune oder blaue) Augen, ein regelmässiger und hübscher Schnitt des Gesichts, und eine gerade, wenn auch ziemlich kurze Nase“.

Ich würde nun trotzdem, als Laie auf dem Gebiet der Anthropologie, und weil man ja nur Bilder (von wer weiss wie geschickten Malern!) und nicht etwa das Skelett oder auch nur den Schädel Seliwanows besitzt, nicht wagen, einen Finnen unter seinen nächsten Vorfahren zu vermuten, wenn nicht seine Psyche deutlich finnische Züge zeigte. Geradezu der Hauptcharakterzug

1) Der bei Pelikan (als Fig. 2 der Taf. I.) abgedruckte Holzschnitt (wiederabgedruckt in der „Zeitschrift für Ethnologie“ 1875, S. 69 links) zeigt freilich letzteren, andererseits aber eine hohe Stirn. Aber er erinnert nur sehr entfernt an die gemalten Bilder. — Einen guten Eindruck vom finnischen Typus kann man erhalten, wenn man auf das Fremdartige an den Physiognomien und Gestalten Eduard von Gebhardts achtet, wenn er ihn auch gemildert und künstlerisch verklärt darstellt.

der Finnen im Unterschiede von den Slaven ist eine zähe, durch nichts aus dem Geleise zu bringende Energie, welche die grosse Tüchtigkeit dieser maskulinen Rasse bedingt, freilich aber auch in Gefahr ist, u. U. zu Starr- und Eigensinn auszuarten. Ferner liegen Verschlagenheit und Grausamkeit zweifelsohne auf dem Grunde der finnischen Psyche, werden hier freilich grösstenteils durch ein schier unüberwindliches Phlegma neutralisiert. Der Finne muss sehr gereizt werden, um mit roher Gewalttat zu reagieren, er muss sich in Gefahr oder drückender Lage befinden, um von seiner natürlichen Verschlagenheit Gebrauch zu machen. Diese Eigenschaften kommen erst voll zur Geltung, wenn slavische, oder überhaupt arische Beweglichkeit hinzutritt. Dann können so gefährliche Individualitäten entstehen, wie Seliwanow eine war. Dieser steht seinem Charakter nach durchaus nicht vereinzelt da, sondern ist, wenn auch nicht dem Masse, so doch der Art seiner Charaktereigenschaften und ihrer Zusammensetzung nach geradezu typisch für unter derartigen in Russland nicht ganz seltenen Mischlingen vorkommende Persönlichkeiten. Neigung zu Geheimbündelei und Kliquenbildung liegt ihnen geradezu im Blute. Die stärkeren unter ihnen üben einen oft geradezu unverständlichen suggestiven Einfluss auf andere, auch urteilsfähige und sittlich hochstehende, nur schwächere Persönlichkeiten aus, indem sie sie zu logisch und moralisch nicht zu rechtfertigenden Handlungen fortreissen. Denn sie selbst sind von einer merkwürdigen Skrupellosigkeit¹⁾. Wo es sich um die Erreichung ihrer imaginären oder realen Ziele handelt, sind ihnen alle Mittel recht, in deren Aussinnen sie unermüdlich tätig sind, indem sie ein grosses Geschick besitzen, an den wechselnden Verhältnissen und Personen die Seite zu erspähen, an der sie gefasst werden können, um für ihre Zwecke nutzbar gemacht zu werden. Denn auch die Personen werten sie nur als Mittel zur Erreichung von Zwecken, lassen sie daher sofort fallen, sobald sie ihnen nicht mehr nützen, täuschen sie aber, solange ihre Beziehung besteht, über deren eigentliches Wesen dadurch, dass ihnen arisches Gemütsleben oder gar slavische Gefühlsweichheit keineswegs ganz

---

1) Dass Mischlinge sehr verschiedener Rassen, etwa von Europäern und Negern oder Indianern, leicht skrupellos sind, ist ja längst beobachtet worden, so wenig bisher erklärt worden ist, warum bei einer derartigen Mischung mitunter die moralische Anlage zu kurz kommt, während doch die Intelligenz sich steigert.

fehlt. Ihr Wesen ist in dieser Hinsicht merkwürdig disharmonisch und unausgeglichen, der Wechsel von freundlicher, gewinnender Herzlichkeit zu kalter lauernder Unnahbarkeit tritt oft ganz plötzlich ein. Sie sind aber nicht nur von fast unverständlicher Gleichgültigkeit gegen fremdes persönliches Wohl und Wehe, sondern auch gegen das eigene, wo es die Erreichung ihrer Ziele gilt, zeigen eine ganz erstaunliche Fähigkeit der Selbstaufopferung um einer Idee oder Sache¹⁾ willen, und darin liegt ihre Grausamkeit gegen sich und andere, wenn auch Bildung und gesellschaftliche Stellung rohe Äusserungen derselben u. U. hintanhält²⁾).

Sie verlangen von ihren Anhängern das Opfer ihres selbständigen Willens ihnen gegenüber und suchen ihnen diesen Verzicht durch Verschaffung materieller Vorteile, die diese aus eignen Kräften nicht erworben hätten (womöglich auf Kosten anderer), zu erleichtern, um sie so noch mehr, ja durch die schuldige Dankbarkeit unlöslich an ihre Person und Sache zu fesseln. Wer sich aber ihrem suggestiven Einfluss entzieht, meistens nur, weil er schlecht zum Medium veranlagt ist, dem legen sie solches als Schlechtigkeit aus, behandeln ihn als Feind ihrer Sache und suchen ihn mit allen Mitteln, in deren Wahl sie merkwürdig skrupellos sind, unschädlich zu machen. Vermöge ihres starken suggestiven Einflusses auf andere sind sie Meister darin, Stimmung für ihre Freunde und gegen ihre Feinde zu machen, diese gegen jene auszuspielen, Meister in allen Künsten der Verleumdung. Sieht sich nun der Gegner in seinem guten Ruf und materiell geschädigt und unterwirft er verzweifelnd sich schliesslich bedingungslos, so sind sie zuweilen grossmütig bereit, ihm seine frühere Widerspenstigkeit zu verzeihen. Meistens aber bleiben sie auch dann bei ihrer Feindseligkeit, indem sie instinktiv Wiederholung der Unbotmässigkeit voraussehen. Überhaupt wird dieses ganze Treiben nicht nach einem bewusst überlegten Plane ins Werk gesetzt, sondern wie aus einem listigen Instinkt heraus, wie sie sich denn selber bei alledem für Ehrenmänner halten, da sie sich ja für ein ideales Interesse aufreihen, die Gegner aber

---

1) Dass bei den Skopzen auch dieser Ausdruck gebräuchlich ist, dafür siehe z. B. oben S. 211 und unten im Abschnitt e) 1. Kostroma.

2) Es ist mir beim Betrachten von Bildern von nihilistischen oder sozialrevolutionären Attentätern aufgefallen, wie oft sie den russisch-finnischen Mischtypus zeigen.

für schlechte Menschen. Deren zumeist lahmfe Verteidigungsversuche — denn ganz vermögen auch sie nicht sich ihrem faszinierenden Einflusse zu entziehen — legen sie ihnen als böswillige Ränke aus, bei ihnen die eigene Skrupellosigkeit voraussetzend, und halten sich nunmehr zu verschärfter Feindseligkeit berechtigt. Denn sie stellen die sonderbare Prätension an ihre Gegner, dass sie sich von ihnen, ohne sich zu wehren, abschlagen lassen sollen: so sehr vermögen sie nur auf ihrer Seite das Recht zu sehen. — Bei alledem halten sie sich selbst möglichst im Hintergrunde, zeigen sich möglichst wenig in der Öffentlichkeit, lassen alles durch ihre vertrautesten Anhänger tun, denen sie ihre Absichten so geschickt suggerieren, dass sie sie wie ihre eigenen verfolgen, ihrer Abhängigkeit sich garnicht bewusst werdend. Ja gelegentlich betonen sie geflissentlich, wie sehr sie ein zurückgezogenes Leben lieben, wie sehr ihnen alles Parteigetriebe zuwider sei, ja verleugnen andern gegenüber die Taten ihrer Anhänger. Der oberflächliche Beobachter lässt sich dadurch täuschen, ahnt nicht, von wessen Zimmer aus die ganze Aktion ins Werk gesetzt wird, in wessen Hände alle Fäden zusammenlaufen, hält die Mittelsmänner für die Urheber, ja weist wohl auch die Anklagen des Geschädigten, der das Spiel durchschaut, mit Ent-rüstung als Verleumdung zurück. — Auf diese Weise wird der natürliche Verlauf des sie umgebenden Lebens verwirrt, alles auf den Kopf gestellt, mit dem Erfolge, dass nur ihre Partei floriert. Für die allgemeine Wohlfahrt und Moral aber sind sie Schädiger schlimmster Art und als solche, wie als persönliche Feinde kaum zu überwinden ¹⁾. Das einzige Mittel, das gegen sie verschlägt, ist, ihr Treiben möglichst in die Öffentlichkeit zu ziehen. Denn das Bewusstsein der Öffentlichkeit lähmt sie.

---

1) Ähnliche Beobachtungen hat H. Winkler gemacht, Skizzen aus dem Völkerleben (Berlin 1903) S. 30, 25, 28, 110. Hat er mit der Behauptung recht (S. 88), dass der finnische Typus auch bei „zweifelloser zahllosen Mischungen“ durchschlägt, auch wo „kaum noch eine geringe Beimischung finnischen Blutes anzunehmen“ ist, so würde sich daraus die Möglichkeit ergeben, dass auch unter reinen Grossrussen ähnliche Charaktere auftreten. Frappant ist die Parallele, die die interessante Charakteristik eines der leitenden Persönlichkeiten des japanischen Krieges in Wl. Semjónows „Raspláta“ darstellt (ins Deutsche übersetzt von Gercke, Berlin 1908: Rassplata von Wl. Ssemenow, S. 145, 163). Freilich sind mir ihre Abstammungsverhältnisse unbekannt geblieben.

Den Stifter der Skopzensekte hat die Regierung trotz aller ihrer Machtmittel nicht zu überwinden vermocht. Freilich hat sie damals ihre Kunde von den Skopzen und ihre Massnahmen gegen sie wie ein Staatsgeheimnis behandelt.

Starke Religiosität ist dem Finnen von Haus aus eigen, wie die grosse Frömmigkeit der heute noch heidnischen beweist. Aber sie steht noch auf dem Standpunkte der Physis (Ekstase etc.), noch nicht auf dem der Moral. Auch bei jenen Mischlingen kann trotz all' ihrer moralischen Skrupellosigkeit eine, wie es scheint, aufrichtige starke Frömmigkeit vorhanden sein.

Aber auch ihr Denken ist höchst eigenartig und vom arischen sehr verschieden. Beim Lesen finnischer Volksepen, Sagen und Märchen ist man immer wieder erstaunt, mit wie schwerem Flügelschlage die finnische Phantasie sich nur wenig über den Boden der Wirklichkeit erhebt ¹⁾, diese meist nur ins Groteske steigernd (vergl. bei Seliwanow das groteske Gleichnis S. 42, das ganz finnische Art an sich trägt). Die Folge dieser Art seiner Phantasie ist es, dass der Finne und auch der arisch-finnische Mischling viel leichter Phantasiewelt und Wirklichkeit verwechselt, als der Arier. Weil seine Phantasiewelt aus Elementen der Wirklichkeit zusammengesetzt ist, die nur ein wenig modifiziert und verschoben werden, so hält er sie leicht für die wirkliche Welt, und handelt so, als ob jene Welt seiner Einbildung die wirkliche wäre ²⁾. Sein Denken scheint realistisch zu sein und ist doch utopisch, der eigentliche Wirklichkeitssinn fehlt ihm. An dem Bilde, das in seinem Geiste von Personen und Sachen beim ersten Eindruck entsteht, hält er mit unglaublicher Zähigkeit fest und scheint kaum imstande zu sein, es nach späteren Erfahrungen zu modifizieren. — Dem Abendländer erscheinen derartige Menschen leicht als verrückt, aber angesichts dessen, dass alle körperlichen Anzeichen von Geisteskrankheit fehlen können, muss man sich davon überzeugen, dass es sich hier nur um eine uns fremdartige andere geistige Struktur handelt. Denn sie sind nicht selten jeder Nervosität bar, bleiben sich gleich, das Bild einer entstehenden und sich entwickelnden, auf und ab schwankenden psychischen Krankheit bietet sich dem Beobachter nicht. — Von hier

1) Der hohe ästhetische Wert der finnischen Volkspoese liegt ausschliesslich in der grossen Anschaulichkeit und Lebenswahrheit ihrer Schilderungen aus Natur- und Menschenleben.

2) Vergl. dazu B. I. S. 640, 2. Anm.

aus wird es vielleicht verständlicher, wie Seliwanow sich für Christus und Peter III. halten und darauf ausgehen konnte, ein Reich von Verschnittenen auf Erden zu gründen, ohne verrückt zu sein. Ich habe von Russen verschiedenster Weltanschauung immer nur das Urteil aussprechen hören, Seliwanow sei ein „grosser Mensch“ gewesen. In der Tat hat er die negativen Tendenzen, die durch die byzantinische Askese in das russische Volk gekommen sind, in sich zur vollen Ausprägung gebracht und mit finnischem Radikalismus zu verwirklichen getrachtet¹⁾.

Seliwanow ist wohl die bedeutenste Persönlichkeit gewesen, die aus dem russischen Sektentum hervorgegangen ist. Russland ist mehr das Land einheitlicher Massenbewegungen, als das Land grosser Persönlichkeiten. Nicht immer stehen solche hinter jenen, wie hinter dem Skopzentum Seliwanow. Sie entstehen hier nicht sowohl durch konsequente Selbsterziehung, als durch Häufung natürlicher Anlagen des Geistes und Willens. Seliwanow muss man nicht nur letztere, sondern auch erstere trotz seines abstrusen Weltbildes zuschreiben. Man muss bedenken, dass er ohne jede Bildung war, wenn man davon absieht, was er durch vielleicht mangelhafte Fähigkeit selbsterlernten Lesens dem Neuen Testament und vielleicht noch einigen andern religiösen Büchern entnahm (vergl. Die geh. h. Schrift der Skopzen S. 46). Ohne grosse Intelligenz ist die Art und Weise, wie er durch Ausnutzung von Verhältnissen und Personen sein utopisches Ziel in so weitem Umfange erreichte, nicht vorstellbar. Wollte er der Reformator des Chlüstentums sein, so hat er es freilich, soweit es ihm folgte, verdorben. Er hat ihm wohl einen Zuwachs an Fanatismus, nicht aber an Religiosität gebracht. Durch die Steigerung

1) Nicht an die gleichfalls negative Stellung zu Ehe und Familie (vergl. B. I., S. X Anm.), sondern an das Utopische der ganzen Weltbetrachtung (trotz scheinbaren Realismus) habe ich gedacht, wenn ich in meinem Vortrag über Seliwanow auf dem Internationalen Kongress für historische Wissenschaften in Berlin (August 1908) ihn mit Tolstoi verglich. „Cum grano salis lässt sich der Bauer, der als Kaiser leben wollte, mit dem Grafen vergleichen, der als Bauer leben will“. Es ist mir fast unbegreiflich, wie der Referent der „Deutschen Literaturzeitung“ (Jahrg. 1908, № 40, S. 2546) diesen Satz dahin missverstehen konnte, als hätte ich Seliwanow mit dem Grafen Zinzendorf verglichen! Ist Tolstoi eine Art Inkarnation des russischen Geistes, so war Seliwanow in der im Texte angegebenen Richtung eine solche fast hundert Jahre vor ihm.

der asketischen Seite desselben hat er ihr ein solches Übergewicht über die ekstatische gegeben, dass sich diese je länger je weniger zu erhalten imstande war. Und die sexuelle Askese der Chlüsten hat er dadurch um allen sittlichen Wert gebracht, den sie noch besass, dass er die Sexualität ganz vernichtete. Für die Unsumme von körperlichen und seelischen Qualen, die er in die Welt gebracht hat, für den nicht unbeträchtlichen Verlust an Population, den er durch seine gleichsam unterirdische Wühlarbeit seinem Vaterlande verursacht hat, mit welcher er die Wurzeln von Menschendasein zernagte, hat er kein positives Äquivalent geboten. So gehört er nicht zu den grossen Förderern, sondern zu den grossen Schädigern der Menschheit. — Hat er die lockeren Verbände der chlüstischen Gemeinden besser organisiert, indem er sie um seine Person zentralisierte, so bedeutete auch dieses keinen wirklichen Gewinn gegenüber dem desto schneller sich vollziehenden Absterben der ekstatischen Frömmigkeit (mit der auch ihre volkstümlich poetische Ausdrucksform verkümmerte), — desto schneller, weil nun überhaupt nicht mehr Stärke der ekstatischen Begabung (vergl. B. I. S. 492 ff.), sondern einzig und allein Ernennung (seitens Seliwanows) bei der Bestellung der Gemeindeleiter in Frage kam.

Um aber einen ausreichenden Eindruck von dem Umfange der Einwirkungen Seliwanows zu erhalten, haben wir nun noch die Ausbreitung der Sekte während seiner Petersburger Glanzzeit und der Sußdaler Haft zu verfolgen, indem wir dabei unser besonderes Augenmerk auf die Beziehungen zwischen ihm und den skopzischen Gemeinden richten.

e) Die Ausbreitung der Sekte während der Petersburger Wirksamkeit und der zweiten Gefangenschaft des Stifters.

Wenn die Nachrichten über das Skopzenthum in dieser Periode einigermaßen vollständige wären, so müsste sie sachgemäss in die Zeit bis 1820 und die von 1820—1832 zerlegt werden. Denn während bis 1820 die Sekte unter der Oberleitung Seliwanows stand, war sie nachher doch so ziemlich sich selber überlassen, da die unter grossen Schwierigkeiten noch aufrecht erhaltenen Beziehungen zu dem in strengster Isolierung gefangen gehaltenen viel zu sporadisch gewesen sein werden, als dass von wirklicher Leitung die Rede sein konnte. Das ergibt einen bedeutsamen

Unterschied für die Geschichte der Sekte in jener und in dieser Zeit. Man wird annehmen dürfen, dass sie sich in jener Zeit schneller ausgebreitet hat als in dieser, könnte also auch erwarten, dass die Nachrichten über die erstere Periode reichlicher fliessen, als die über die letztere. Aber gerade das Umgekehrte ist der Fall. Freilich ist hierbei nicht die Zeitgrenze das Jahr 1820, sondern das Jahr 1825. Während die Nachrichten bis zum Jahre 1825 z. T. spärlicher sind, werden sie seit 1825 reichlicher, ja zeigen auch, dass die Ausbreitung der Sekte bis 1825 eine grössere gewesen ist, als jene haben annehmen lassen. Das Jahr 1825 aber ist das Jahr des Regierungswechsels. Die früheren Nachrichten sind weniger reichlich, weil Alexander I. relativ milde wie gegen die Sektierer überhaupt, so auch gegen die Skopzen war. Nikolai I. ist aber von seinem Regierungsantritt an meistens mit grosser Strenge gegen sie vorgegangen. Die vielen Skopzenprozesse, die seit 1825 geführt wurden, förderten auch mehr Nachrichten über die Verbreitung der Sekte zu Tage. Dieses Verhältnis zwingt zu einer entsprechenden chronologischen Einteilung.

1. Die Nachrichten aus der Regierungszeit Alexanders I.

Ingermannland.

Unsere frühere Darstellung hat nicht nur die zutagegetretenen Nachrichten über die Ausbreitung der Sekte durch die Tätigkeit und bei der Oberleitung Seliwanows in Petersburg selber vollzählig gebracht, sondern auch bereits gezeigt, wie letztere nach den durch Iwan Schilows Einfluss gegründeten Skopzengemeinden in Pawlowsk, Slawjanka und Pokrówskaja Slobodá in der nächsten Umgebung Petersburgs hinübergriff (siehe oben S. 181 ff.). Dass um diese Zeit oder nicht viel später von Petersburg aus auch in dem ihm vorgelagerten Insel-Kronstadt eine skopzische Gemeinde entstanden war, zeigte die „Angabe“ des Feldwebels Nikolai Iwanow (vergl. oben S. 192). Ausser dem bereits Aufgeführten findet sich in ihr über die Kronstädter Gemeinde noch folgendes (bei Melnikow, Materialien etc. 1872, 3. B. S. 208): „In Kronschtát war nur ein Profet, Jákow Andréjew Kuschewérski, ein Matrose . . . Profetinnen aber gab es überhaupt nicht in Kronschtat, sondern sie befanden sich in Peterburg und weissagten einem jeden von uns einzeln“. . . — Dass sich demnach die Kronstädter Skopzen nach Petersburg begaben, um sich

in der dortigen Gemeinde im Hause der Nenastjews (vergl. oben S. 187 ff.) das „private Schicksal“ verkündigen zu lassen, zeigt doch, wie sehr das Kronstädter Schiff vom Petersburger abhängig war ¹⁾.

Riga.

Wie die Gemeinden Iwan Schilows in Pawlowsk und Umgebung, so wird Seliwanow auch die Aleksandr Schilows in Riga unter seine Oberleitung genommen haben. Wenigstens schildert Serge Michailow Saltükow in seiner „schriftlichen Meldung, vorgestellt dem Moskauer Kriegsgouverneur Bekleschow über die Skopzen in Moskwa, Peterburg und Riga vom 7. Mai 1806“ die Gemeinden dieser Städte wie ein zusammengehörendes Ganzes (vergl. oben S. 179, 123) und als solches wie das Zentrum des Skopzentrums überhaupt. Die nahe Beziehung Seliwanows gerade zu den Rigaer Skopzen beweist die Übersendung seines Schlafrockes, in dem er geknütet worden, gerade an sie (vergl. oben S. 213 u. Anm.). Dass seit der Internierung Aleksandr Schilows in Schlüsselburg aus dem einen Schiffe seiner Zeit bis 1804 nach Saltükow ganze vier entstanden waren (vergl. oben S. 123), wird man daher in der Tat mit Reutski (S. 156) dem von Petersburg hinübergreifenden Einflusse Seliwanows selber zuzuschreiben haben.²⁾ Weitere Nachrichten über die Rigaer Skopzen in diesem Zeitabschnitt fehlen.³⁾

1) Kutepow behauptet des weiteren (S. 211, Anm.), dass „seine Bestimmung darin bestand, dass man dorthin alle neu für die Skopzensekte Angeworbenen zu ihrer weiteren Befestigung in den Regeln der Skopzenhäresie sandte“. — Da er aber sich hierfür nur auf die „Angabe“ Nikolai Iwanows beruft, in der davon direkt nichts steht, so wird er die Beziehung des letzteren zum Petersburger und Kronstädter Schiff verallgemeinert haben (vergl. oben S. 191). Aber er hat diese nicht einmal richtig aufgefasst. Denn Nikolai Iwanow schloss sich dem Schiffe in Kronstadt lediglich deswegen an, weil er in dieser Stadt heimisch war.

2) Dass Nikolai Iwanow einen der Vorsteher der Rigaer Schiffe, Pischtschulin, in Petersburg als in so naher Beziehung zu Seliwanow stehend antrifft (vergl. oben S. 123, 189 ff.), beweist ebenfalls das enge Verhältnis der Rigaer Skopzengemeinde zu der Petersburger.

3) Wenn W. W. (Das Skopzium in Luthertum, Kirchl. Bote 1881 № 49, S. 14) behauptet, dass in Riga seit Schilow es auch unter den Lutheranern skopzische Propaganda gegeben, wie überhaupt in den Ostseeprovinzen, so ist das nur aus den angeführten Nachrichten und dem Zusammenhalte derselben mit dem Charakter der über-

Nowgorod.

Auch sonst sind Nachrichten über Begründung neuer oder Leitung vorhandener Gemeinden in verhältnismässiger Nähe Petersburgs aus dieser Zeit bisher nicht bekannt geworden ausser der „Verfügung des Ministerkomitees vom 24. Mai 1821 über die Skopzen die im Nowgorodschen Gouvernement entdeckt worden“ (abgedruckt bei Melnikow, Materialien etc. 3. B. S. 240). Danach waren hier auf dem Erbgut Jeglinsk eine Anzahl von Skopzen aufgespürt worden und in den Verdacht, die Sekte hier verbreitet zu haben, waren zwei verabschiedete Soldaten gekommen. Die Tauglichen unter ihnen wurden für immer zum Felddienst in Grusien verurteilt, die Untauglichen dazu, in sibirische Garnisonen gesteckt zu werden, die Minderjährigen zur Internierung in dem Militärwaisenhaus, um später das Schicksal der andern zu teilen, die Verbreiter aber zur Verschickung nach Nertschinsk ¹⁾.

wiegenden hiesigen Bevölkerung erschlossen. Aber Riga besitzt seit alters auch eine kompakte russische Bevölkerung (vorwiegend in der Moskauer Vorstadt, vergl. oben S. 118, 1. Anm.) und von Skopzen unter den Lutheranern ist weder bei den damals deutschen Behörden, noch bei der Administration der lutherischen Kirche der Ostseeprovinzen je etwas bekannt geworden. Über Skopzen in Reval ist nur das bekannt, was Nikolai Iwanow mitteilt (vergl. oben S. 188, 127). Auch hier handelt es sich um Russen; dass das Skopzentum von Riga hierher gekommen, ist eine bisher durch nichts bewiesene blosse Vermutung der Forscher. Auch der sonst noch als Skopze erwähnte Bürger der Stadt Mitau in Kurland Raškašow (siehe oben S. 270) war nicht nur Russe, sondern lange zuvor Skopze, als er dieses Bürgerrecht erwarb (1814). Die Petersburger Skopzen hatten ihn 1810, als er zu ihnen aus Moskau geflohen war, über die Grenze geschafft und er hatte in der Russenansiedlung Aleksandrowka bei Potsdam gelebt, bis ihm das Gnadenmanifest vom 30. August 1814 die Rückkehr ermöglichte (Nadeschdin S. 120, Anm. 153, Melnikow Materialien etc. 1872, 3. B. S. 81, Anm. 83). Ich vermute, dass er mit dem Mitauschen Kaufmann Iwan Jakowlew identisch ist, der den Bauern Serge Michailow Saltükow in Moskau verschnitt (vergl. oben S. 123 Anm. und unten). Diese Tat, die durch die Aussage Saltükows an den Tag kam, mag der Grund seiner Verfolgung gewesen sein. — Von einer Ansteckung der Volksmassen durch das Skopzentum in Kurland, wovon Pelikan (Übers. S. 11) redet, ist hier nie etwas gehört worden (sie bestehen ja aus lutherischen Letten).

1) Übrigens hätte es schon in der früheren Periode in der Stadt Nowgorod selbst Skopzen gegeben, wenn Nowizki (Die Duchoborzen etc. ² S. 11, 3. Anm.) mit seiner Korrektur der Erzählung Haxthausens

Moskau.

Zu den Moskauer Skopzen scheint Seliwanow und seine Petersburger Gemeinde von Anfang an in regen Beziehungen gestanden zu haben (trotz der weiten Entfernung von einander hat überhaupt zwischen den beiden Residenzen von jeher der regste Verkehr bestanden). Ist die Hauptquelle über das Moskauer Skopzentum in den Jahren 1803—1806 dieselbe „schriftliche Meldung“ Saltükows, die auch von den Petersburger und Rigaer Skopzen berichtet, so sind bei Gelegenheit seines Prozesses doch noch ältere Nachrichten hervorgetreten. So gibt der „Brief des Moskauer Kriegsgouverneurs A. A. Bekleschów an den Petersburger Oberpolizeimeister Ertel (Oertel) vom 7. Mai 1806“ an (abgedruckt bei Melnikow, Materialien etc. 3. B. S. 222 f.), dass während dessen Verwaltung desselben Amtes in Moskau eine Untersuchung über die Moskauer Skopzen, besonders über einen von ihnen, namens „Mason“ geführt worden, deren Akte freilich in der Kanzlei des Moskauer Polizeimeisters nicht zu finden sei. Doch sei bei der Polizei bekannt, dass damals ein bezüglicher Allerhöchster Befehl an ihn erfolgt sei. Darauf antwortete Oertel in seinem Brief vom 19. Mai desselben Jahres (abgedruckt a. a. O. S. 223), dass ein schriftlicher Allerhöchster Befehl damals nicht erfolgt sei, sondern es sei nur der Allerhöchste (also mündlich verlautbarte!) Wille gewesen, „über die Skopzen geheime Aufsicht zu führen, damit sie sich nicht vermehren“, und solches sei auch von ihm beobachtet worden, eine schriftliche Verhandlung aber sei, soviel er sich erinnern könne, nicht geführt worden.

Melnikow verlegt die erwähnten Vorgänge in das Jahr 1801 (Die weissen Tauben S. 270). In der Tat sagt Nadeschdin (S. 89, Anm. 112), dass nach den Erzählungen der Petersburger Skopzen Kolesnikow oder Mason noch unter Paul aus der Festung Schlüsselburg entlassen worden (während seine Schicksalsgenossen erst nach der Thronbesteigung Alexanders I.) und in der Regierungszeit Alexanders bereits beständig in Moskau gelebt habe, von wo

---

(Studien etc. 1. T. S. 400) von Duchoborzen im Jahre 1800 hierselbst recht hat, dass sie sich vielmehr auf Skopzen bezieht (mit Berufung auf den Quellort, die „Handschrift von den Duchoborzen“ der Bibliothek der Kasaner Geistl. Akademie, S. 162). Denn Brot und Kwas als Abendmahl gebrauchten nicht jene, sondern diese und schlugen beim Gesang mit der rechten Hand aufs Knie (zur Verwechslung vergl. oben S. 182 u. 2. Anm.). — Aber solches ist schon chlüstischer Brauch!

er nur nicht selten nach Petersburg zu Seliwanow gefahren sei. Auch abgesehen von dieser Nachricht wäre anzunehmen, dass Kolesnikow gleich nach seiner Befreiung und im engsten Zusammenhang mit Seliwanow, dessen Zurücktransportierung aus Sibirien (1797) er ja bewirkt und der 1802 auf freien Fuss gesetzt worden war, die Leitung der Moskauer Skopzen in die Hand genommen hat. Der Bericht Saltükows über ihn und seine Moskauer Tätigkeit lautet (bei Melnikow, Materialien etc. 1872, 3. B. S. 219 ff., referiert in der „Vorschrift Bekleschows an den Moskauer Oberpolizeimeister Balaschów vom 24. Mai 1806“, abgedruckt a. a. O. S. 224 f., und in dem „alleruntertänigsten Rapport“ desselben vom 23. Mai, S. 225 ff.):

„In seinen Handelsgeschäften wurde er in Moskwa mit dem hiesigen Kaufmann Fedór Jewséjew Masón bekannt, der in seinem eigenen Hause lebte im Meschtschanskaja- (Stadt-) Teile, in dem Kirchspiel der Tró-iza ¹⁾, welche in Tró-izki ²⁾ liegt, zusammen mit seinem leiblichen Bruder Timofé. Dieser Mason, der ebenso wie auch sein Bruder Skopze war, begann nach seiner, Serge Saltükows, Ankunft hierselbst aus Peterburg mit Rauchware von seinem Wirt, dem St. Petersburger Kaufmann Grigori Alekséjew, vor ungefähr drei Jahren, ihn zu verlocken, indem er ihm zuvor versicherte, dass er ihn liebgewonnen, und darauf ihn häufig beredete, dass er sich unbedingt „weissen“ müsse. Auf seine, Serges, Fragen, was „sich weissen“ bedeute, lud ihn Mason, um ihm dieses zu erklären, zu sich ins Haus, was um den Tag der Himmelfahrt der Marija war, drei Jahre zuvor ³⁾. Wie er beständig geistliche Aussprüche hersagte, wie z. B.: „man müsse sich den fleischlosen Engeln gleichmachen und dazu sein Fleisch töten und die Sinne reinigen ⁴⁾“ u. s. w. u. s. w., so liess er, S. S., sich verführen, desto mehr, als er früher von den Eltern stets zur Frömmigkeit angeleitet worden war, und deswegen war er auch gern zu ihm gegangen. Im Hause überredete er ihn als einen angereisten Menschen, zu übernachten, wozu er seine Zustimmung gab. Den ganzen Abend jenes Tages sagte er vieles aus der H. Schrift, indem er ihn zu überzeugen suchte, dass er sich weisse, und nach seinen Worten profezeite er Unverständliches, was ihn überaus beunruhigte; darauf tranken sie Kaffee und assen zu Abend. Genau um Mitternacht führte er ihn in die sogenannte Betstube, die er unter der Diele in der Erde hatte, und in welcher Tageslicht nicht zu sein pflegt. Dort waren in der

1) = Dreiheit, Dreifaltigkeit; gemeint die Dreifaltigkeitskirche.

2) scil. -gasse.

3) Von Melnikow auf den (15.) August 1804 berechnet. Da aber Saltükows „Meldung“ vom 7. Mai 1806 datiert ist, so wird an den 15. August 1803 zu denken sein, trotzdem der russische Ausdruck wörtlich lautet: „im dritten Jahre“ (zuvor).

4) Im Russ. Gleichklang: otschistítj tšchústwija; vergl. oben S. 162.

Versammlung von Männern und Weibern an fünfzehn Menschen. Die ersteren in langen weissen Hemden, und Mason vollzog den Ritus ihres Dienstes, indem er sich allein inmitten des Zimmers bis zu Erschöpfung drehte, während andere unterdessen rings um ihn auf Stühlen sassen und gleichzeitig mit den Füssen auf die Diele schlugen, mit den Händen aber auf die Kniee, indem sie mit ersterem die Anwesenheit Christi des Allgegenwärtigen darstellen wollten, aber mit dem Stampfen und (in die Hände) Klatschen der übrigen ihn Umgebenden das Fliegen der Engel und des H. Geistes um ihn herum. Dabei profezeite er, gleichsam durch den H. Geist trunken geworden, wiederum. Darauf gingen die Weiber und einige von den anwesenden Männern hinaus, und es blieben acht Mann nach. — Dann begann Mason ihm, S. S., zu wiederholen, dass er „sich weissen“ müsse, und S. fragte ihn wiederum, was das heisse, „sich weissen“. Darauf antwortete er ihm, dass gerade jetzt auch die Zeit gekommen sei, dieses zu erfahren, und er befahl ihm, die Unterhosen herunterzulassen. S. vermochte kaum, die Frage zu tun: „Wozu?“ als man plötzlich ihn ergriff, und einer von den Genossen Masons hielt ihn von hinten und verband ihm die Augen mit einem Tüchlein, aber den Mund stopfte er ihm mit einem Kissen. Darauf streckten sie ihn aus und einer schnitt ihm die Kugeln aus mit einem sogenannten „Stahlschwerte“, „glühend gemacht in Feuer“ in der zu diesem Zwecke über dieser Betstube angelegten Esse oder grossen Ofen — in welchem man den, der das Abschneiden nicht erträgt und stirbt, statt zu begraben verbrennt —, wovon er bewusstlos wurde und nur noch verstehen konnte, dass sie auf jene wiesen und sagten: „Siehe da Adams Kopf!“ Als er dies sah, wurde er völlig bewusstlos und verblieb in solchem Zustande mehr als drei Stunden. Man bespritzte ihn mit Wasser und er begann zu atmen, war jedoch krank, hatte nicht die Kräfte zum Gehen und lag acht Tage im Bett. In dieser Zeit ermahnte ihn Mason mit seinem Bruder Timofe, den Eid zu leisten, dass er ihren Glauben annehmen und niemandem sie offenkundig machen werde, indem sie sagten, dass einzig in solchem Falle die Wunde heilen werde, aber im entgegengesetzten Falle werde der Tod erfolgen. In unerträglichem Kummer und grosser Angst bekräftigte er ihren Eid, indem er das ihm Gesagte nicht verstand und nicht prüfte. Endlich, nach seiner Genesung, wurde er entlassen: lebte hier in Moskwa bei seiner Mutter und reiste zu Handelszwecken nach St. Peterburg und Riga; ebenso war er in dieser Zeit nur einmal zu Hause im Dorfe bei seinem Weibe, vor der er übrigens die an ihm vollzogene Verschneidung verbarg, indem er sagte, dass er mit ihr Vereinigung deswegen nicht habe, weil er in ihm zugestossener schwerer Krankheit Gott das Gelübde getan habe, sich 10 Jahre zu enthalten. Als er aber jetzt nach Moskwa zu seinem Herrn zurückkehrte, wurde er von ihm gefragt, „ob es wahr sei, dass er, S., wie das Gerücht verbreitet sei, kastriert sei“; da habe er es eingestanden und sei von ihm der Polizei vorgestellt worden. Übrigens habe er niemandem irgendwo das ihm zugefügte Unglück erklärt, indem er stets Bedenken getragen habe, den Eid zu verletzen, mit dem er sich vor Mason und seinem Bruder zum Schweigen verpflichtet, sodass er

sogar im Hofgerichte (dadurch) abgehalten wurde, die Wahrheit anzugeben. Jetzt aber erwägend, dass eine lügenhafte Angabe ihn noch mehr in Sünde führe, habe er bereit und in dem oben Gesagten nach reinem Gewissen die wirkliche Wahrheit angegeben“. . . (es folgt der oben S. 220, 1. Anm. mitgeteilte Satz). „Die Oberen unter ihnen oder die von ihnen sogenannten „Meister“, die ihm bekannt seien, seien ausser Mason mit seinem Bruder die in Moskwa lebenden hiesigen Kaufleute: 1) In dem Taganskaja-(Stadt-)Teil, an der Rogóschskaja-Strasse Wasili Schigarjów, bei dem auch alle in Dienst Befindlichen gleichfalls verschnitten seien; 2) Hinter dem Serpuchówschen Tore André Timoféjew¹⁾; 3) Im Dorfe Tscherkíswow der Soldat Aleksandr Iwanow“. . .²⁾.

Die Mitteilung der Eingeständnisse Saltükows nach Petersburg hatte nicht Anordnung von Gewaltmassregeln zur Folge, sondern der Minister der Innern Angelegenheiten Graf Kotschubé teilte dem Moskauer Kriegsgouverneur A. Bekleschow in seiner Relation vom 5. Juni 1806 (unter № 43) als kaiserlichen Befehl mit, in Gemässheit der in Petersburg angewandten Mittel und gemachten Erfahrungen (siehe den bezüglichen Abschnitt des Briefes oben S. 170 f.) „1) vermittels unmerklicher Erkundigungen die Leute zu entdecken, die da in dieser Sekte am meisten Gewicht haben und sie allem zuvor durch sanften Umgang mit ihnen zu Vertrauen und zu Offenheit zu führen; 2) nachdem man ihr Vertrauen gewonnen, sie dazu geneigt zu machen, dass sie nicht nur nicht selber die Verschneidung gestatteten und andere dazu zögen, sondern vielmehr auch ihren Glaubensgenossen einflösten, dass sie sie unter keiner Bedingung vollzögen; 3) ferner, indem man ihnen die Gewissensfreiheit in ihren gedanklichen Verirrungen lässt und mit ihnen darüber nicht in Streitverhandlung tritt, nur zu beobachten, dass die praktische Verwirklichung nicht vorkomme; wenn aber nach allen Überredungen sie (dennoch) entdeckt wird, so in diesem Falle keine öffentliche und formale Untersuchung anzustellen, sondern zuvor darüber Seiner Majestät Angaben zu machen“...

1) Reutski (S. 160) gibt als seinen Familiennamen Kolesnikow an, wonach er also ein Sohn des Bruders Masons Timofe wäre. Er soll das Skopzentrum im Serpuchowschen Stadtteile heimisch gemacht haben, in seinem Bethause sei seine Tochter Pelegéja Profetin gewesen. Eine Akte gibt R. als Quelle dieser Mitteilungen nicht an. Doch wird eine Pelageja Kolesnikowa in der Tat in Moskauer Skopzenprozessen von 1831 und 1832 erwähnt (bei Melnikow 1872, 4. B. S. 116 u. 137).

2) Es folgt die Aufzählung der skopzischen Häupter in Petersburg, vergl. oben S. 179, und der in Riga, vergl. oben S. 123; ferner die Mitteilung über Seliwanow oben S. 179 und über von ihm selbst mitangesehene Verschneidungen oben S. 196. — Über das Mass der Glaubwürdigkeit der Darstellung seiner eignen als zwangsweise vollzogenen, der behaupteten Verbrennung der Leichen der an der Verschneidung Gestorbenen am Orte derselben siehe unten.

Obgleich keine ausdrückliche Nachricht über die Wirkung dieses kaiserlichen Befehls bisher bekannt geworden ist, so wird doch anzunehmen sein, dass nach ihm verfahren worden ist — natürlich nicht mit besserem Erfolge, als in Petersburg. Diese Milde gegenüber den Moskauer Skopzen wird den Moskauer Mitropolit Platon veranlasst haben, in der von ihm noch im selben Jahre 1806 auf allerhöchste Anregung verfassten Schrift „Erläuterung der chlüstisch-skopzischen Glaubenslehre“ (in zwanzig Kapiteln) sie, wie Melnikow mitteilt (Die weissen Tauben S. 277), als „Feinde der Menschheit, Verkehrer der Sittlichkeit, Verletzer der geistlichen und bürgerlichen Gesetze“ hinzustellen. Aber obgleich diese Schrift ¹⁾ sich in dem Allerhöchsten Ukase, der in der Ordre des Justizministers an den Oberprokureur Schétnew vom 25. Juli 1806 veröffentlicht wurde (erwähnt in der Vollständigen Sammlung etc. XXXIII B. № 26484, S. 1058, und in dem in den Materialien etc. 1872, 3. B. S. 234 f. abgedruckten Senatsukase vom 27. Okt. 1816) und in einem an den Generalgouverneur von Odessa (siehe oben S. 113 u. unten) widerspiegelt, hat sie doch nicht eine wirkliche Veränderung der Stellungnahme der Regierung zu den Skopzen veranlasst, wie Melnikow mit Recht bemerkt (S. 277), mag auch die von ihm dafür behauptete Ursache, dass die Freunde der Skopzen den Herrscher überzeugt, Platon habe gegen die Skopzen die reine Verleumdung geschrieben, völlig aus der Luft gegriffen sein.

Weiteres über die Moskauer Skopzen ist erst wieder aus dem „Auszug aus der Akte über die in Moskwa infolge der Angabe des Bauern Matusow entdeckten Skopzen, 1820—29“, bekannt (abgedruckt bei Melnikow, Materialien etc. 1872, 3. B. S. 248 ff.). Danach machten im Jahre 1817 der Moskauer Kleinbürger Iwan Tschernüsčow und ein Bauer Angabe gegen den Kleinbürger Anóphri Jewfímow Pórochow, dass er sie zur Skopzensekte bekehrt. Das ist derselbe Porochow, mit dem sich Seliwanow während seines Aufenthaltes in Moskwa auf der Transportierung nach Sušdal zu sehen wünschte (vergl. oben S. 286). Nach dieser Angabe wurde eine Untersuchung angestellt und der eine der Angeber „nannte viele Leute, welche in Moskwa lebten und in die Skopzische Sekte eintretend aus Armen in kurzer Zeit Wohlhabende wurden und durch Unterstützung sich Häuser

---

1) Sie ist bisher nicht gedruckt worden, handschriftlich wohl aber noch vorhanden.

erwarben, wobei er bewies, dass die Sekte der Skopzen sich so schnell verbreite, dass in wenigen Jahren in Moskwa allein und in seiner nächsten Umgebung sich ungefähr tausend Leute befinden, und in St. Peterburg und in seiner Nähe nicht weniger, aber auch in andern Städten und Orten übertreffen ihre Erfolge die Erfolge der andern Sekten“. — Als die von den Angebern genannten Leute aufgespürt worden waren, erwiesen sich nach dem Zeugnis der Medizinalbeamten 16 von ihnen als verstümmelt, die einen als nur verschnitten, die andern als vollständig verstümmelt. Zu ihnen gehörten Anophri Porochowoi (Karabinjorow), Fedor und Timofe Mason, Ielisar Tschumakow, sein Sohn Anton, Andre Timofejew (identisch mit dem in der Angabe Saltükows aufgeführten), Iwan Podkatow, Fedor Karabinjorow (Porochowoi), Wasili Mitkaljow, Michaila Oboischtschikow u. ä. Der Prozess wurde von der Kriminalpalate im Jahre 1822 beendet, indem die Angeklagten aufgrund des Gnadenmanifestes vom 30. August 1814 freigesprochen wurden, da nach ihren eigenen Angaben nach ihrer Verschneidung mehr als 10 Jahre verflossen waren, im Manifeste aber alle Verbrechen ausser Totschlag, Raub und Plünderung verziehen worden. Im Jahre 1820 begann nun ein neuer grosser Skopzenprozess infolge der Angabe des Skopzen Matusow. Aber die Untersuchung wurde im Mai 1821 abgebrochen und erst im Februar 1825 wieder aufgenommen. Die energische Führung und Beendigung derselben fällt schon in die Regierungszeit Nikolais I.

Aus dem letzten Ende unserer Periode stammt die noch Alexander dem I. übergebene „Meldung“ Iwan Andrejanows (vom 16. Februar 1825), die freilich nur zwei Nachrichten über die Skopzen im Moskauer Gouvernement bietet. Die eine lautet (bei Waradinow S. 261 f., bei Melnikow S. 310): „Auf dem Wege“ (nach Susdal) „erzählte mein Lehrer“ (Gromow), „dass im Moskauer Gouvernement ihre mächtige Profetin Dárja, eine verwitwete Kaufmannsfrau sei, dass sie sehr streng sei, und wer zu ihr kommt und vorher irgendetwas gedacht hat, den schlägt sie auf die Wange und sagt, was jener in seiner Abwesenheit gedacht hat; dass sie einmal im Sobor des Erlösers war, aber der Erlöser befahl, sie dorthin nicht hineinzulassen; einstmals profezte sie einem Kaufmann und beging an jenem Kaufmann eine gewissenlose Tat und über jene Tat hörte ich von meinem Lehrer“¹⁾.

Die andere Nachricht (bei Waradinow S. 258, Melnikow S. 306, auf die oben S. 219 mitgeteilten Sätze folgend) bezieht

1) Andrejanow sagt nicht, was das für eine Tat gewesen. Die Verschneidung kann es nicht gewesen sein; ich errate nicht einmal ihren Charakter.

sich auf Chlūsten im Moskauer Gouvernement, gehört aber hierher, weil von skopzischer Propaganda unter ihnen die Rede ist: „Mein Lehrer sagte, dass es ein Schiff von an den Erlöser und die Reinheit der Skopzen nicht gläubig Gewordenen irgendwo um Moskwa mit 700 Seelen beiderlei Geschlechts gebe und über ihnen als Lehrerin eine Jungfrau, welche wie im Hause, so auch in allem grosse Reinheit liebe; sie drehen sich ebenfalls nach der Sonne und klügeln in gleicher Weise, wie die Skopzen; einige von ihnen gewannen Glauben an den Erlöser und mein Lehrer verschnitt sie“.

Orjol.

Gehört Moskau und das Moskausche Gouvernement bereits zu dem ältesten Verbreitungsgebiete der Skopzensekte (vergl. oben S. 109 ff.), so sind aus ihrem Ursprungsgebiete, dem Orjoler Gouvernement, nach den bereits (oben S. 96 f.) mitgeteilten Nachrichten aus dem Anfange unseres Zeitabschnittes nur noch wenige vorhanden, die in den letzteren hineingehören. Waradinow (S. 83 u. Anm. 1156) erwähnt eine Akte im Archiv des Departements der Allgemeinen Angelegenheiten aus dem Jahre 1812 (№ 9), in welcher von im Orjoler Gouvernement entdeckten Skopzen die Rede sei. In der „Anordnung vom 14. März 1812“ (S. 39 der „Sammlung von Bestimmungen für das Gebiet des Raskols“) habe der Herrscher befohlen, den Skopzen, die verbergen würden, wo sie verschnitten seien, zu erklären, dass man mit ihnen als mit Ungehorsamen verfahren werde, aber diejenigen, welche aufrichtig eingestehen, durchaus nicht zu verfolgen (ebenda und Anm. 1157). — Aber als noch 1816 die Orjolsche Palate des Kriminalgerichts Milde gegen die neuerdings im Orjoler Gouvernement entdeckten zehn Skopzen (darunter 3 minderjährige) in den drei über sie wegen Selbstverstümmelung geführten Prozessen walten liess, indem sie sie aufgrund des Manifestes vom 30. August 1814 (vergl. oben S. 340, 2. Anm.) straflos beliess, erfolgte der „Ukaś des Regierenden Senats über die Nichtausdehnung des Allergnädigsten Manifestes vom 30. August 1814 auf die Skopzen“ — vom 27. Oktober 1816 (Vollständige Sammlung der Gesetze etc. XXXIII. B. № 36484, S. 1058; von Melnikow in den „Weissen Tauben“ S. 281 Anm. referiert, in den „Materialien“ etc. 3. B. S. 234 f. wieder abgedruckt), in welchem der Palate dafür ein Verweis erteilt wurde, da „ein Verbrechen dieser Art als dem Selbstmorde nahe von dem Allerhöchsten Manifeste nicht verziehen werde“ (es folgt Berufung auf den „Allerhöchsten Befehl, vorgeschrieben

in der Ordre des Justizministers an den einstmaligen Oberprokureur Schétnew vom 25. Juli 1806“, nach welchem die Skopzen als „Feinde der Menschheit“ etc. anzuerkennen seien). Statt dessen seien gemäss dem Allerhöchst bestätigten Auszuge aus dem Journal des Ministerkomitees vom 27. Sept. 1812 die dazu Tauglichen zum Kriegsdienst abzugeben, die Untauglichen aber in die Kronswerkstätten zu schicken. — Demnach ist die Wendung zu grösserer Strenge gegenüber den Skopzen in der Zeit zwischen dem 14. März und 27. Sept. 1812 erfolgt.

Ganz aus dem Ende unseres Zeitraums stammt die Mitteilung der „Meldung“ Iwan Andrejanows über Orjoler Skopzen, bezieht sich aber auf eine frühere Zeit (bei Waradinow S. 257, Melnikow S. 305): „Im Orjoler Gouvernement war früher ein solches Schiff, wo die Gottesleute zu Gott betend wie ein Kukkuk schriean, aber als dieses Schiff sich unter den Schutz des Vater Erlösers beugte, so hörte solches wie ein Kukkuk Schreien auf“. — Demnach ist im Orjolschen ein ganzes Chlüstenschiff zum Skopzentum übergetreten, indem es sich unter die Oberleitung Seliwanows in Petersburg stellte, und hat infolge dessen Auswüchse des ekstatischen Redens (vergl. B. I. S. 393 und Anm.) aufgegeben.

Tula.

Nicht reichlicher fliessen die Nachrichten über das Skopzentum dieser Zeit im zweitältesten Verbreitungsgebiete, im Tulaschen. Waradinow teilt (S. 83 und Anm. 1158) aus der Akte im Archiv des Departements der Allgemeinen Angelegenheiten von 18 11, № 14, mit, dass im Tulaschen Gouvernement einige nicht im Staatsdienste befindliche arme Edelleute, die keine Leibeigenen besaßen, sondern ihr Land selbst bearbeiteten, ja sich durch Arbeit auf Fabriken und bei Bauern ernährten, sich als Skopzen erwiesen und der Kriminalpalate übergeben wurden. Diese Edelleute und insbesondere einen von ihnen erwähnt auf neue die „Allerhöchst bestätigte Meinung des Reichsrats vom 10. Januar 1818 über die nicht aufs neue vorzunehmende Verwendung des Edelmannes Jakow Asákow zum Kriegsdienst“ (Vollständige Sammlung von Gesetzen etc. XXXV. B. № 27223, S. 59, wiederabgedruckt bei Melnikow, Materialien etc. 3. B. S. 237 ff.). Danach war der Prozess jener Edelleute zuerst von der Tulaer Kriminalpalate, dann vom Regierenden Senat geführt worden. Letzterer hatte alle Tauglichen ausser Asakow (da er der Zuge-

hörigkeit zur Sekte nur verdächtig war) unter Verlust des Adels zum Kriegsdienst verurteilt, die Untauglichen zur Verschickung auf Lebenszeit in Klöster, welches Urteil am 3. Nov. 1816 bestätigt worden war. Asakow aber hatte unterdessen im Franzosenkriege gedient und war für Auszeichnung allerhöchst zum Fähnrich befördert und nach Entlassung des Kriegsheeres verabschiedet worden. Er wurde durch die vorliegende Akte nicht wieder zum Militärdienst verurteilt, sondern nur unter besondere Aufsicht der örtlichen Obrigkeit gestellt. — Schliesslich waren nach der Akte der Moskauer Kriminalpalate vom 15. April 1823 (abgedruckt a. a. O. S. 246 f.) auf dem Gute Artémjewka oder Alekséjewka des Geheimrats Senateurs Nowosílzew im Bélewschen Kreise fünf Leute verhaftet worden, zwei wegen Selbstverschneidung, die andern weil sie darum gewusst. Die beiden ersteren wurden zu Einreihung in die Heeresabteilungen in Sibirien und Grusien verurteilt, falls sie dazu als tauglich erfunden würden, im andern Falle mit den übrigen zur Verschickung nach Sibirien zu Ansiedlung.

Tambow.

Sind aus unserem Zeitraum detaillierte Nachrichten über Beziehungen zwischen den Orjoler und Tulaer Skopzen und Seliwanow in Petersburg nicht bekannt geworden, so ist das hinsichtlich seines dritten Missionsfeldes wohl der Fall, der Skopzen im Tambowschen. Mit ihnen, zu denen er ja von vorn herein in besonders nahen Beziehungen gestanden (vergl. oben S. 61), welche auch während seiner sibirischen Verbannung fortgesetzt worden waren (vergl. oben S. 62, 87 f.), ist er nachweisbar auch von Petersburg aus in engem Zusammenhang geblieben, was in der Regierungszeit Nikolais sich noch deutlicher herausgestellt hat (siehe unten). — Haben wir bereits (siehe oben S. 195) 1817 bekannt gewordene Beziehungen der Nenastjews zu den Skopzen im Usmanschen Kreise des Gouv. Tambow kennen gelernt, die zum mindesten nicht ohne Wissen Seliwanows werden gepflogen worden sein, so nennt Reutski in seinem „topografischen Register“ (S. 190) gerade ein Dorf dieses Kreises (Baigora Werchnjaja), als in welchem seit 1803—1805 das Skopzentum bekannt geworden (vergl. oben S. 104 f.), und zwei Begründer desselben an diesem Orte. — Deutlich weist auf direkte Beziehungen Seliwanows die Akte im Archiv des Departements der Allgemeinen Angele-

genheiten von 1818, № 12, über die Waradinow (S. 84 und Anm. 1165) referiert: „ . . . unter den Skopzen des Tambowschen Gouvernements waren auch Weiber, an denen die Verschneidung durch Wegschneiden der Brüste vollzogen worden war . . . Bei der Haus-suchung wurde ein Sendschreiben gefunden, geschrieben vom wahrhaften Vater Erlöser und Lehrer der ganzen Welt an seinen Sohn und Tochter, die er ermahnte, sich zu verschneiden, indem er sagte, dass nur die Jungfräulichen vor des Herrn Throne stehen würden (vergl. oben S. 310 Anm.); es wurde auch ein Gesangbüchlein gefunden; sie wurden von der Kriminalpalate gerichtet.“ — Auf denselben Prozess werden sich die genaueren Mitteilungen Reutskis beziehen (er nennt seine Quelle nicht). Die Verschneidung der Weiber habe in der von ihm angegebenen Zeit und Ortschaften (vergl. oben S. 104 f.) begonnen. „Ihnen wurde entweder die rechte Brust allein weggeschnitten oder beide, zuweilen ganz bis auf die Knochen. Zuerst verschnitten sich auf diese Weise die Sosnowkaer Bäuerinnen Awdotja Iwanowna Kašarzowa und Marfa Popowa und die Einhöferin aus Léwüje Lamki Warwára Dróbüschewa. In aller-kürzester Zeit wurden in Sosnowka und Lamki allein ungefähr fünfzehn Weiber verschnitten. . . . Die bekehrten Leute begaben sich unter dem Anscheine einer Pilgerfahrt nach Peterburg und kehrten von dort erst nach beträchtlicher Zeit zurück, mit völlig verändertem, krankhaft bleichem Gesicht — dem Stempel des Skopzentums. In den Häusern der Kašarzowa und Popowa gingen die Radenija vor sich, zuweilen aber auch Verschneidungen. Durch sie eben wandte sich Andre Iwanow an die Tambowschen Skopzen mit seinen Briefen und Sendschreiben. — Im Jahre 1817 entstand über sie in der Tambowschen Palate des Kriminalgerichts ein Prozess. Im Oktober des Jahres 1818 fällte die Palate das Urteil, durch welches sie . . . verurteilt wurden, unter die Soldaten in das besondere Grusinische Korps gesteckt zu werden, aber im Falle der Untauglichkeit zum Kriegsdienst — zur Verschiekung zu Ansiedlung. Über die Weiber aber wurde beschlossen, beim Regierenden Senate vorstellig zu werden, da in den Gesetzen hinsichtlich ihrer keinerlei Hinweise existierten . . . In Gemässheit besonderer Regeln, die dem Polizeiministerium zur Anleitung gegeben worden waren. . . . wurde im Juli 1819 vom Kaiser befohlen, alle diese Skopzen von Gericht und Untersuchung zu befreien. — Daher wurden die Tambowschen Skopzen aus dem Gefängnis an ihre Wohnorte entlassen.“¹⁾

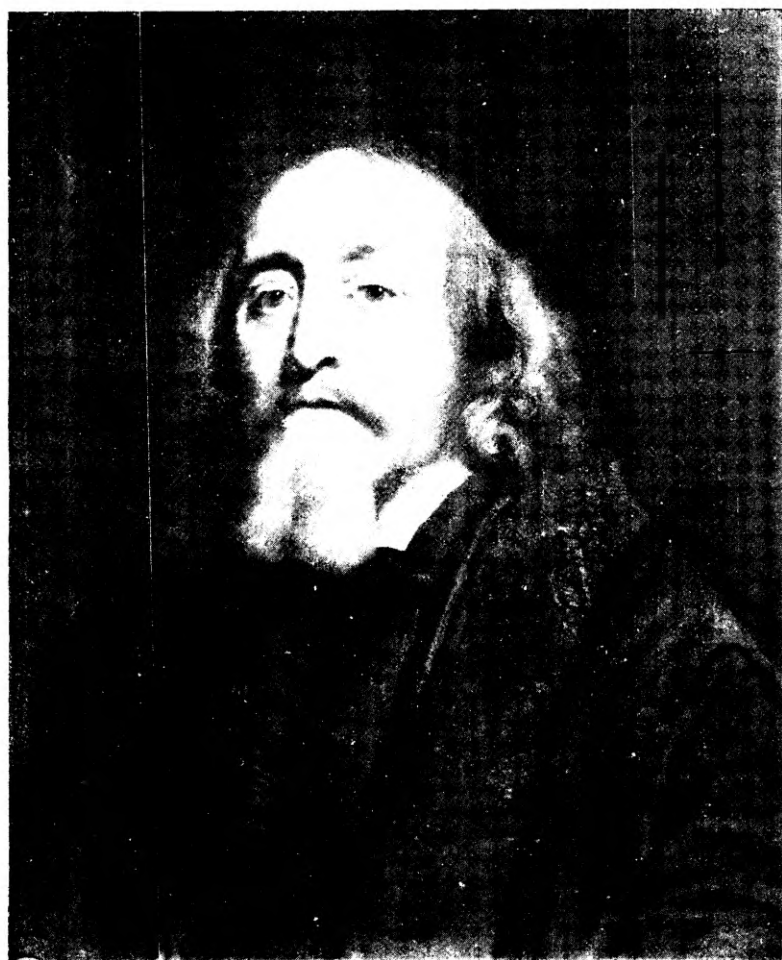
Vielleicht darf man nach dieser Prozessakte annehmen, dass Seliwanow in der Tat die Verstümmelung der Weiber nach Petersburg (vergl. oben S. 253, 3. Anm.) zuerst in den ihm so ergebenen Tambowschen Gemeinden heimisch zu machen gesucht hat.

1) Für letzteres beruft sich Reutski auf den „Ukaš“ der Tambowschen Kriminalpalate an das Morschansker Kriegsgericht vom 24. April 1836“.

Sonst ist bisher nur noch der „Senats-, in der Folge Namentliche“ Ukas vom 4. Febr. 1818 veröffentlicht worden (Vollständige Sammlung etc. XXXV. B. № 27254, S. 82 f.), nach welchem das Ministerkomitee am 8. und 20. Dez. 1817 drei Niederschriften des St. Petersburger Kriegs-Generalgouverneurs über Bauern, die sich im Tambowschen und Rjasanschen Gouv. verschnitten, angehört; der Kaiser befahl, das Gesetz vom 4. August (18. Okt.) 1816 über die Anstifter und Verschneider (vergl. oben S. 341) auch auf die auszudehnen, die sich selbst verschnitten. — Ferner der „Allerhöchste Befehl, bekannt gegeben vom Grafen Araktschéjew, vom 7. Januar 1819“ (bei Melnikow, Materialien etc. 3. B. S. 319), nach welchem zwei skopzische Einhöfer straflos belassen werden sollten, weil ihre vor sieben und acht Jahren vollzogene Selbstverstümmelung als verjährtes Verbrechen betrachtet wurde; bestraft sollten fortan nur die werden, die nach der Allerhöchst bestätigten Verfügung des Ministerkomitees vom 4. August 1816 sich verstümmelt. — Schliesslich finde ich in einer Akte aus der Regierungszeit Nikolais I. (Vollst. Sammlung von Gesetzen etc. Zweite Samml. I. B. № 101 vom 30. Jan. 1826, S. 163 ff.) einen älteren Skopzenprozess aus dem Jahre 1824 erwähnt, nach welchem zwei verschnittene Bauern von der Tambower Kriminalpalate zur Einreihung unter die Rekruten oder im Falle der Untauglichkeit zur Ansiedlung im Gouv. Irkutsk verurteilt worden waren. Die Palate hatte sie der Selbstverstümmelung für schuldig befunden, obgleich der eine behauptete, vor 9 Jahren von irgendeinem unbekanntem Menschen verschnitten zu sein, der andere, dass im Jahre zuvor ihm die Zeugeglieder infolge von Krankheit sich abgelöst.

Kaluga.

Gehen wir zu den dem Moskauschen und den drei ältesten Missionsgebieten Seliwanows angrenzenden Gouvernements über, so hat im Kalugaschen das Skopzentum in der uns beschäftigenden Zeitperiode auch unter den Klerikern Anhänger gewonnen, zu deren einem Seliwanow alsbald in Beziehung trat. Kutepow berichtet (S. 213) nach den Kalugaer Eparchialnachrichten von 1871 (№ 2, S. 43—45; war mir nicht zugänglich), die Untersuchung von 1803 habe ergeben, dass Hauptverbreiter der Sekte und zugleich Verschneider in diesem Gouvernement der Subdiakon Afanási Grigórjew aus dem Dorfe Krásnoje im Kreise Tarusa (vergl. oben S. 102) war. Er bekehrte und verschnitt seinen Sohn Pá-

ANALECTA COMENIANA.

COLLEGIT

IOANNES KVAČALA.

Quae hic publici juris fiunt, supplementa sunt monumentorum antehac a me editorum, et quidem

a. *Commercii literarum J. A. Comenii, quod provenit sub titulo:*

1. *Korrespondence Jana Amosa Komenského. Listy Komenského a vrstevníků jeho. Nová Sbíрка. — V. Praze 1898, et*

2. *Korrespondence etc. II. Zprávy o životě jeho ze současných pramenů. Menší latinské spisky některé. V. Praze 1902.*

b. *Operis, quod edidi in voluminibus XXVI et XXXII Monum. German. Paedagog.: „Die pädagogische Reform des Comenius in Deutschland bis zum Ausgange des XVII Jahrhunderts I. Berlin 1903. II. Berlin 1904.*

Quae nunc nova accedunt, eorum maxima pars desumpta est ex *Manuscriptis Bibliothecae Nationalis Parisinae*; et quidem ex *tomis Fond. lat. 10347 et seq.¹⁾*, qui inscribuntur „*Correspondance de Hevelius I, II, III: nn. 7, 9—23, 26—30, 32—35.* Quae praeterea ex eadem bibliotheca prodeunt, deprompta sunt e *codicibus:*

Nouv. acquisit. lat. 1635 nr. 5.

” ” ” *1641 nr. 31.*

” ” *franç. 6206. nn. 4, 24, 25*

Minor pars hujus collectionis excerpta est ex *Archivo* quod erat *Unitatis Fratrum Bohemorum*, nunc *deposito in Archivo Regio Posnaniae*, *epist. sub nn. 36, 41, 43—45.* Et quoniam de *Archivo Unitatis* jam uberius egi in *libris*, de quibus supra mentionem feci, et quidem:

---

1) Ita est legendum etiam in fronte epistolarum sub nn. 5, 7 et 9—18 impressarum.

Bratrské, Praha 1861“ recudi in Appendice (**nr. 1**), utile putavi. Eidem Appendici inserta est (**nr. 2**) et epistola, quam posterius, inter librum typis excudendum in Archivo Unitatis (vide plura de eodem supra) inveni. Praeterea (**nr. 3**) carmen lugubre Comenii in mortem Alexandri Schlichting de Bukowiec etc. quod impressum est in libro rarissimo **Bibl. Univers. Vratislaviensis**: „Cupressus Emortualis Beatis Manibus Al. Schl. de B. etc. ab Amicis, Praeceptoribus condiscipulis et Clientibus τῶ μακαρίτου. Lesnae Polonorum Typis Wigandi Funcii“ sub nr. 12. — Et tandem (**nr. 4**) Praefationem Interpretis Angli Januae Comenii, Londinii 1687 impressam, quae testimonium est auctoritatis, qua Comenius eo tempore apud didacticos Angliae pollebat.

Omnia haec ad unum redacta et typis commissa sunt, quum a Societate Paedagogorum Moraviae Bohemorum rogatus sum praesse editioni primae Operum Omnium Comenii. Quamquam editioni illi et commercium epistolare adsumendum erit, non potui opus iam inceptum interrumpere; nec debui, quum in editione, quam parari dixi, non omnia quae hic prodeunt, reddi poterunt.

Ratio editionis hujus eadem est, quae operum meorum, quae initio praefationis hujus commemoravi, de qua vide plura Monum. Germ. Paed. XXVI. Tom. I. p. XI. Tantum orthographia epistolarum polonicarum, quae uti descriptae erant, haud satis facile intelligi videbantur, ad nostrorum temporum normam mutata est.

Effigies volumini huic praefixa innotuit ante quattuor annos, reproducta in Catalogo tabularum, quae venibant diebus 27—29 Junii 1905. Amstelodami in deversorio „de brakke Grand“. De reproductione illa egi in *Národní Noviny*, Turč. Svätý Martin, 1905, nr. 112 „Starý umelecký porträt J. A. Komenského“; quam dissertatiunculam recudi fecit *Ephemeris „Komenský“* 1909, nr. 28. Quum haec effigies inter eas, quas Comenii notas habemus, facile prima dici potest, offerendam illam hac vice putavi cultoribus viri praeter Bohemiam. Sub hasta censoria effigies illa empta est a directione Musei Stat. Holl. Amstelodami, in cuius aedibus videri potest.

Restat, ut gratias agam quam maximas dno directori doct. Josepho Reber, nunc Erlangae viventi, qui antiqua sua erga me amicitia et erga Comenium indefesso studio in corrigendis omnibus quae hic impressa sunt, me magno cum emolumento rei adjuvit. Item gratias debeo dno conservatori Bibl. Nat. Paris., dno de la Roncière, qui non abnuit omnia fere documenta ex libris ejusdem bibliothecae impressa, cum manuscripto bis conferre. Nec non dno stud. theol. Glöh, qui me in epistolis polonicis hodierna orthographia transcribendis adjuvit. — Maxima pars errorum librariis commercii literarum Hevelii et Archivi Unitatis Fratrum debetur: status integer literarum illis depromptarum hic, nisi originalia reperiantur, haud unquam restitui poterit.

Plerosque errores minores putavi non esse corrigendos, ut indoles librariorum L. B. pateret. Ex iis autem, quae sensum haud leviter tangunt, corrigantur:

pag.	3 l.	3	pro Selectiones	lege	Selectiores
"	14 l.	3	" nude	"	unde
"	16 l.	29	asterisco deest nota,	in manuscripto legi	[forse suavissimae
"	17 l.	1	sic! deleatur		
"	18 l.	21	pro Cruserus	lege	Crügerus
"	26 l.	12	" Thurunium	"	Thorunium
"	31 l.	3	" Vlatislao	"	Vladislao
"	52 l.	23	" ex sensu	"	et sensu
"	53 l.	6	" W.	"	A.
"	83 l.	25	" praxin	"	Praxin
"	88 l.	1	" suasore.	"	suasore,
"	93 l.	17	" tors	"	sors
"	93 l.	25	"sic!" tollatur.		

Ex collatione repetita litterarum impressarum sub nn. 19—35 cum manuscripto, quae a dno de la Roncière non venit ad tempus in manus meas, notentur emendationes, quae sequuntur:

pag.	97 l.	6	pro ornando	lege	honorando
"	97 l.	13	" vera	"	vero
"	97 l.	19	post vocem Deo: „et die te summa bene-		[volentia erga ma affectum“
"	98 l.	5	pro quae	lege	quam
"	98 l.	5	" poterit	"	pateris

VII

---

pag.	98 l. ultima	pro facto	lege fato
"	99 l. 17	" fer	" ver
"	100 l. 19	" invitus	" in vitris
"	102 l. 1	post vocem fefellit:	"quid vero aesti-
		[mes de figura istius funiculi, do-	[cebis me ubi per otium eam exami-
		[naris: non repeto"	
"	103 l. 5	pro peregrinantem	lege peregrinantis
"	103 l. 14	" atque	" aliquo
"	107 l. 34	" quod	" quae
"	108 l. 9	post vocem magno adde	Geometriae
"	108 l. 12	pro ut	lege id
"	108 l. 23	" docentis	" doceatis
"	108 l. 35	post meo adde	judicio
"	100 l. 2	pro libros	lege libras
"	109 l. 5	" brevè	" brevi
"	109 l. 12	" hujusque	" hucusque
"	109 l. 16	" inveniuntur	" inveniantur
"	109 l. 21	" delegere	" detegere
"	112 l. 17	" cupias	" capias
"	113 l. 7	" num	" nam
"	113 l. 10	" capitulo	" capitalo
"	114 l. 21	" dimeter	" diameter
"	114 l. 35	" pareat	" pereat
"	115 l. 4	" ex	" et
"	115 l. 16	" probas	" probes
"	116 l. 29	" officiaequae	" officiaequae
"	117 l. 6	" tradit	" tradet
"	117 l. 16	" amici	" amico
"	118 l. 6	" interpolarent	" interpellarent
"	118 l. 13	" Goddartium	" Godartii at-
		[Johannis	[que Joannis
"	118 l. 17	" Tichoneas	" Tichonicas
"	118 l. 22	" — morum lo-	" morum; logi-
		[gisticas	[sticam
"	118 l. 27	" tam	" item
"	119 l. 2	" J	" S.
"	119 l. 2	post 208: et F. lat. 10347, fol. 98.	
"	119 l. 5	pro Rerevendus	lege Reverendus
"	119 l. 13	" ingenia	" jejunia

VIII

---

pag. 119 l. 19	pro gribs	lege 9	bris
„ 120 l. 10	„ reveror	„	veneror
„ 120 l. 8	„ clementissimae	„	clementiae
„ 121 l. 10	initio „Serenissimae vestrae	Celsitu-	dinis“
„ 122 l. 22	pro 19	lege 15	
„ 123 l. 3	„ ut	„	id
„ 123 l. 24	„ 1	„	18'
„ 124 l. 9	„ arimutha	„	azimutha

1.

**Seniores et Conseniores Unitatis Fratibus profectoris
in Lithuaniam.**

Lesnae. 2 Julii 1633.

(Archiv. Unit. Depos. Posnaniae III. C.)

Instructio profectoris e Majore Polonia in Lithuaniam ad uniformitatem rituum cum ecclesiis Minoris Pol(oniae) et M(agni) D(ucatus) L(i-thuaniae) tractandam a senioribus et consenioribus Confessionis Bohemicae Lesnae 2 Julii 1633 congregatis data.

I. Primum ecclesiarum delegatis nomine nostro salute praemissa fraternum nostrum amorem et ad faciendum unanimiter opus Domini promptitudinem nuntiabunt nostrasque literas iisdem reddent.

II. Ad tractandum ea quorum gratia conventum erit, cum intentione promovendae ecclesiarum concordiae publicaeque aedificationis in spiritu mansuetudinis sese component.

III. Ante omnia vero exhibebunt congregatis ordinem disciplinae totiusque administrationis nostrae (Bohemicum impressum, Latinum vero manuscriptum exemplar) significabuntque, nobis, cur eam ordinis rationem a Maioribus acceptam, a viris magnis approbatam longaque praxi firmatam deseramus nullam esse causam. Quia tamen ecclesiarum hujus regni status id postulat ut idem sentiamus, idem loquamur, idem faciamus omnes, libenter nos eo descendere, ut generales formulae rituum et ceremoniarum constituentur. Cujus rei bonam nos concipere spem, si modo eodem animo ea quae publicae utilitatis sunt promovendi accedamus omnes.

IV. Proposita igitur forsā et perlecta ordinis et rituum nostrorum ratione significabunt confratribus innotuisse nobis, quomodo per exquisita media dissidentium in Imperio Evangelicorum pacificatio a viris Magnis instituatur atque hic epistolarum aliquot in hac materia datarum copia exhibetur, addito, jam quoque per Gallias dimitti similes itemque in Germania nunc rerum quasi directorem eo nomine compellatum operamque suam addixisse. Quamvis igitur compositio illa a nobis quoque forsā expectari posse videatur, commodius tamen nos censere eam a nobis praeveniri vel eo nomine quod illi nostrarum quoque ecclesiarum consensum in argumentum trahant adeoque nunc etiam nostra suffragia sollicitare (e privatis Hanovis datis id scimus) parant, existimare itaque nos ita esse procedendum ut fraternae per omnia concordiae unanimitatique paratum in nobis exemplum reperiant ceterisque ecclesiis commonstrare possint.

V. Hisce praemissis tractationem ipsam in Domini nomine auspicabuntur duplici cautione: primo, ne quid nostrarum consuetudinum dimittant nisi omnino ejus loco aliquid aedificationi magis serviens ostendatur, ideoque omnem assertionem in quam consenserint, validis argumentis communiri facient. Deinde, nequid pro autoritate et finaliter concludant sed ad referendum synodo; quandoquidem et nos nihil amplius ab illarum ecclesiarum delegatis repositimus.

VI. Et quia proposita est tractari nominatim uniformitas cantionalium, catechesium, libellorumque ritualium seu agendarum, de his ita meminerint.

De Cantionalibus.

VII. Cum sit in confesso, Cationale nostrum perfectionem maiorem prae se ferre (tam ob pleniorē de omnibus fidei articulis cantionum copiam quam ob nitorem rythmi) justum putamus retineri. Permittimus tamen cantiones quae rarioris sunt usus omitti illarumque loco selectissimas e Cationale Lithuanico alio Minoris Poloniae nec non D. Mikolajevii et si quae aliae reperientur dignae inseri correcto tamen rythmo aliisque uti videbitur. Qua in re utilem ecclesiae operam pro parte nostra generosum Gloscovium argutum piumque poetam navare posse confidimus.

2. Psalmi Rybiniani postremae Dantiscanae editionis adjungantur.

3. Kochanowii Selectiones itidem, prout necesse visum fuerit. Ut ita thesaurus cantionum sacrarum in lingua Polonica omnium ecclesiarum auctoritate approbatus exstare possit.

4. Tandem conficiatur sacrorum cantuum per Dominicos et festos dies Index, ut in usurpandis quoque illis per omnes ecclesias uniformitas retineatur omnesque eodem ore laudemus Deum.

5. Ne literis Alphabeti notentur cantiones.

De Catechesi.

VIII. Catecheses quia immediate confessionibus subordinantur neque has nunc immutatum imus suademus usitatas hactenus retineri aut si illi pro se unam aliquam constituent nobis nostram relinqui petimus. Si urgeant Lesnensis synodi Constitutionem excusent id fratres posterioribus cogitationibus relinqui semper locum. Quia igitur 1. Catechesis non est rituum pars non tam notabilem aut noxiam facit discrepantiam, difficilem autem faceret multis novumque discendi laborem. 2. In Germania Orthodoxi caetera unanimes diversis tamen utuntur catechesibus (ut Hasiacae ecclesiae peculiarem habent a Palatina multum differentem). 3. Speramus, si ille in Imperio Syncretismus processerit, etiam Catecheticae Institutionis formam unam aliquam institutum iri, consultius itaque videtur differi quam toties mutari.

De Agendis seu libellis Ritualibus.

IX. Significabunt nos Rev. Krainscii τοῦ μακαρίτου omnes revidisse, convenientiamque cum nostris deprehendisse in potissimis excepto quod quaedam nostra nobis videantur concinniora et vice versa quaedam illorum pleniora. Censere igitur et optare ut ex utrisque unum fiat selectis quidquid vel in ordine vel in phrasibus ad Christi institutum et antiquae ecclesiae praxi proxime accedere mysteriisque sacris explicandis et applicandis maxime efficax deprehensum fuerit, prolixitate solum amota. Quod si paragraphus aliqua utrobique videatur emphatica retineri utraque possit: altera tamen in parenthesis et minore typo ut vel alternatium usurpari possint.

2. Praefationes et ad Ministros Monita ut a D. Krainscio posita sunt approbamus et retineri petimus.

3. Quid vero in specie observavimus sive quae omitti possint sive quae singulariter approbemus referant suis locis juxta consignationem hanc.

I. F o r m a B a p t i s m i .

1. In Prolegomenis optarem aliquid plus poni de susceptorum seu compatrum et commatrum origine: itemque vero et legitimo usu. NB. ne alieni a fide adhibeantur.

2. In Introitu nulla nominis Divini Invocatio habetur.

3. Exordium est longe petitum, non satis ad rem praesentem.

Nam cum ad institutionis Christi formam apud nos jam redacta sit Sacramentorum administratio quid protestari opus? Si Pontificiorum qui interdum adsunt causa moneatur potius (in Parenthesi vel ad marginem) minister talem vel talem loquendi modum posse adhiberi.

4. Pag. 6 linea 9 etc. Contra abusus protestatio ne usurpetur nisi rarissime si adsint qui istis admonitionibus corrigi possint aut a scandalo caveri. Simile est pag. 7 lin. 7 o Babach.

5. Desideramus in foederis pacto bonae conscientiae stipulationem quam Petrus tantopere urget: sicut et abrenuntiatio Sathanae carni et Peccatis, quam Paulus ad Titum flagitat, hic omnino omissa est.

6. Precationis initium generale nimis (nostra precatio omnino vividior est), finis tamen (pag. 13), retineatur emphatica sunt et pulchra.

7. Gratiarum actio ut et ad Parentes admonitio fortassis abbreviari possint. Approbamus vero in nostra Forma desiderata haec sequentia.

1) Distinctas quaestiones duas primas (pag. 8).

2) Distinctos duos textus sacros (pag. 4 et 9).

3) Symboli fidei, ut fiat sive recitatio sive responsione clara (articulis a Ministro in summam contractis) professio.

4) Benedictio Baptizatis ut denuntietur manu imposita (sicut pag. 14). Fundamentum enim ejus rei in exemplo Christi (Marci 10. 16) reperimus.

5) Gratiarum actio Baptismo finito retineatur ut a Deo incipiant, in Deum desinant omnia nostra.

Appendix fiat

de Baptizandis adultis e Mahumetanis, Judaeis, Arrianis Ecclesiae sese associantibus. Quo pertinebunt quaestiones o Przyjmowaniud nowotnych p. 108 et 109, exprecatio pag. III.

II. Forma puerperas introducendi retineatur, quomodo extat p. 19 etc.

III. Forma recipiendi novitios

Duplex sit omnino distincte. Nempe

1) Quo ritu admittendi sint ad verbum Dei (ut loquantur) id est ad institutionem et curam Pastoralem sive Christianorum liberi sive adulti aliunde venientes et ne id fiat nisi privatim.

2) Quo ritu ad communionem Eucharistiae publice recipiendi sint tam hi quam illi. De recipiendis adultis extat formula p. 106. De recipiendis vero parvulis nihil. Nostra igitur exhibeatur integre et ut recipiatur cura sit. In usu enim fuisse morem hunc primitivae ecclesiae Justinii testimonio (pag. 106) patet. Et quamvis postea in abusum degeneraverit prodieritque inde fictum confirmationis sacramentum, abusu tamen sublato usus retinendus est. NB. Ritus Compacios a Cura absolvendi ex Consilio Erasmi recipi . . .¹⁾.

NB. Deest autem in Polonica forma manuum impositionis ritus quem fratres Bohemi constanter retinent quia ab Apostolorum exemplo mutuatur. Actor. 8. 14. Heb. 6. 2. Fit autem precibus peractis populo interim Veni Sancte spiritus decantante.

IV. Forma Administrandae S. Caenae.

Hic delegati offerent nostram formam cum contestatione et concinniore esse et vividam magis audiri itaque eam petent et recipi. Nihilominus tamen ex illorum quoque forma flosculi quidam excerpti. In qua quid nobis inter recognoscendum videretur vel desiderari posse vel omitti aut mutari exponent. Nempe

1) W Nauce pag. 27 lin. penultima abundat vox w Uzywaniu aut certe ponenda ultimo loco videtur.

1) Sic! Charta hoc loco paululum abscisa est.

2) In Chrysostomi Testimonio (lin. 4) obscurum quid est, collatione igitur cum graeco opus.

3) Sessio Ministri cum auditoribus sera nimis pridie communionis praestat octiduo die ante. Cujus rei usus erit multiplex. 1) Discent mature cogitationes ad praeparationem debitam conferre. 2) Saepe fit, ut post inchoatum conscientiarum scrutinium variae perplexitates deprehendantur, ad quas componendas plusculum temporis necessario requiritur. 3) Obviam ibitur quorundam superstitioni, qui a Pastore examinari et absolvi nolunt nisi ante ipsum sacrae Caenae actum ne scilicet in peccatum rursus provoluti indigne accedant. Assuefaciendi ergo potius omnes ut omnem vitam suam praeparationem esse debere ad Caenam Agni intelligant semperque se puros per fidem Christi esse credant si conscientia pura incedant in conspectu Dei. 4) Exercitium erit temperantiae, devotionis toto illo octiduo meliusque jejunium illud (quod injungitur p. 28) procedet. 5) Melius vacabunt Deo et devotioni omnes mature compositis et pacatis conscientiis. 6) Denique (quod non postremum) remanebunt Ministro die Parasceves ut et ipso die Dominico quietae horae ad meditandum et alacriori animo sacra peragendum.

Formam vero illius sessionis existimavimus talem fore optimam. 1) S. Caena denuntietur ante 14 dies, post octiduum autem (proximo die Solis) ut compareant omnes ad praeparatoriam contionem audiendam et conscientiarum examen. 2) Ea igitur die (octava ante synaxin) habeatur mane Contio praeparatoria practica, vivida, conscientiarum soporem (sicubi lateat) excutiens.

3) Contione finita admoneantur omnes ut se ad pomeridianam contionem usque a potu et cibo contineant, conscientiae interea vacaturi. Item si quis habet conscientiae scrupulum a contione statim ut se Pastori et Presbyterio sistat. 4) Pastor igitur cum senioribus suis secularibus in templo remanentes primum inter se colloquantur num aliquem peculiariter moneri, increpari, excommunicari, recipi, consolationibus erigi aut lites aliquas componi necesse sit. Tum copia fiat ingrediendi et conscientiam exonerandi cui cui libet. Si nemo ingreditur ultro accersantur quos opus est fiatque admonitio, dehortatio, reconciliatio.

5) His peractis (et submotis quasi jam offendiculis) tran-

seatur ad examen fidei quale requirit Apostolus (II. Cor. 13. 5). Ingreantur ergo ad Pastorem in templum omnes virilis sexus: ille autem per quaestiones varias exploret quam promptus et solidus quisque sit ad fidei suae rationem reddendam. Possunt nempe vel ex catechismo desumi quaestiones, responsiones vero ad illas simpliciores dare posse ex Catechismo satis sit, longius progressi etiam scripturae testimoniis communire sciant. Tandem peracto examine (vel horae spatio) fiat diligentiae collaudatio, negligentiae (si qua notata fuit) detestatio, ad serium Christianismi studium exquisita cohortatio et denique omnibus ut Christi consortibus jus filiorum Dei annuntietur ut nimirum in habenda proxime Christi Caena compareant, absolutionem sacram audiant et de gratiae pignore participant etc. Tum singulis manu stipulata conscientiae his diebus pure servandae curam commendat et dimittat.

6) Eodem modo intromittatur sexus alter examinetur accurate (quam popularissime tamen ut haereant facile omnia) et dimittatur.

7) Tum habeatur Pommeridiana Contio demumque ad recreandum cibo corpus abeunto, addita ad temperantiam et proprietate ad S. Synaxeos jejunium adhortatione.

W Napominania do wzywania Ducha S^o p. 32.

Najświętszego Sacramento praestat Świętego, Deus sit solus sanctissimus.

Wyłączenie.

Ea Solemnitate si recipiatur praemissum Conscientiarum examen, nulla excommunicatione hic opus sed et inconveniens est in hoc actu. Nam

1) Tranquillandi hic conscientias tempus, non exasperandi,
 2) Nihil in ecclesia faciendum est et quidem nomine Dei in vanum et frustra. Id autem ista excommunicatione fit omnino. Praesupponimus enim omnes fideles hic congregatos esse Dei filios (aut certe arcendi erant ab hoc sacro coetu). Quem igitur excommunicamus?

3) Adversatur id scopo mysterii hujus qui est, fideles copulare in unum et implere gaudio. Non igitur vel tremefaciendae conscientiae demum vel temerariis de se in vicem iudicii obijciendae occasiones, dum inter peccata recensendum quilibet vel de se vel de aliis hoc vel illud cogitare possit. Quemad-

modum ergo credimus Deum hic nube misericordiae suae obtegere peccata nostra ita nobis non detegenda sunt, ut merae delitiae hic relinquuntur filiis Dei. 4) Nullum ejusmodi in Caenae actu dirae excommunicationis exemplum habemus in Apostolis. Denique si quid tangi opus est, infidelibus et inpaenitentibus nullam hic esse partem id lenius hic fieri debet (ut in nostra formula) solennior vero illa excommunicatio potius ordinarie fiat aliis diebus Dominicis cum Absolutio quoque ordinaria (Contione et precibus finitis) denuntiari soleat aut solummodo quoties opus est.

De Precatione

Una sufficiat pro remissione Peccatorum, mensae consecratione et dignitatis nobis collatione. Nam peculiaris pro consecratione panis et vini precatio 1) Videtur enervare aut elevare vim verborum Institutionis. 2) Exstant testimonia apud antiquos sola oratione Dominica consecrationem fuisse usurpata. 3) Maiores nostri eam ante 80 annos jam dimiserunt, cur ergo resumamus Ceremoniarumque multiplicato apparatu nos oneremus?

Ofiara omittenda est impertinenter h. l. adhibetur. Non enim hic Pontificiorum erroribus nos opponendi sed cum Christo convivendi tempus est: Quod si nihilominus verborum Pauli (1 Cor. 5. v. 7 et 8) mentionem fieri necesse est, fiat vel in precatione (ut in Bohem. Agenda pag. 31 Infime) vel in exhortatione ad digne usurpandum.

Wzywanie.

Ex esto vox z bojaźnią praestat z radością. Exaltatione hic opus.

Pacierz.

Adjungatur potius praemissae orationi nec canatur sed recitetur.

Ritus distributionis.

- 1) Panem azymum retineri cupimus.
- 2) Fractionem fieri inter recitandum verba Christi in populi conspectu plurimam.
- 3) Stando vel in genibus procumbendo participare indifferens esto. 4) Sicut et assumptio manu vel ore quamvis non

renuamus paulatim et stationem et manu assumptionem introduci ubi absque scandalo potest. Id enim majores nostri jam ante 140 annos tentabant sed persecutionibus obruti remittere necesse habuerunt. 5) Inter distribuendum verba usurpari placet in ecclesiis Gallicanis usitata: Sume, ede ac recordare Jesum Christum pro te passum. Sume, bibe ac recordare Jesum Christum pro te sanguinem fudisse. NB. In singulari loquendum: Bierz jedz. 6) Iterata consecratio (p. 51) superstitiosa rejiciatur.

Gratiarum actio.

1) Praemittitur ei admonitio ad gratitudinem vitae, sed sufficit ad gratiarum actionem inflammasse hic, demumque a verbali gratitudine veniendum ad realem.

2) Gratiarum actio utraque pulchra est, ponatur utraque vel alternatim usurpanda.

Benedictio.

Non Nobis dicat Minister sed Vobis, stat enim loco Dei: et denunciat populo, non vovet benedictionem et hic jussit Deus num. 6.

NB. 1) De Consumendis a Ministro reliquiis superstitiosa admonitio, ac si aliquid extra usum sacramenti rationem haberet. Alias, cur non similiter de reliquiis aquae in Baptismo solliciti simus.

2) Addendam potius existimamus admonitionem ad Ministros non hanc formulam vel formulas (quod ad verba) ita praescribi omnibus ut capitale sit vel aliis verbis uti vel prompta etiam memoria sacrum hoc ut et alia peragere. Certum siquidem est, sub Papatu enatum esse, ut sacramenta ex praescripto ministrentur, ab opinione scilicet superstitiosa operis operati aut etiam sacrificorum ruditate. Sed exhiberi hic ordinem unanimiter observandum: Verba et Phrases (praesertim in exhortationibus ad paenitentiam, in invitatione, in Absolutione, in gratiarum actione) adhibere posse libere quoties prudentia Ministri alias et alias notaverit auditorum aedificationi inservientes causas.

3) Quemadmodum jejunium praecedere debere sacram communionem ante monetur ita monendum hic jejunia vel certe temperantiae summum studium commendandum esse

Christianis a Communionem. Prima igitur Contio (sive Pomeridiana sive diei sequentis anniversariis festivitatis) practica sit omnino eoque dirigatur ut ad pietatis studium inflammentur omnes, qui Christo redintegrarunt fidem.

A p p e n d i x

sit duplex: 1) De forma Caenam administrandi aegrotis 2) ad supplicium condemnatis. In priori apponantur testimonia vel rationes, posse etiam a prandio vel caena hoc sacramentum administrari, ad informandos scilicet infirmos hic aliquando conscientiosos. NB. Absolutio sit ad aegrotum directe: Confide fili, non sic: confidamus. In altera appendice ponatur Instructio an ultro debeat accedere Minister vel expectare dum accersatur et de toto cum talibus processu.

V. F o r m a c o p u l a n d i c o n j u g e s .

Offeratur Bohemica impressa, si eam libeat amplecti: praesertim in exigendo et praestando conjugali voto.

In Krainscii praescripto desideramus haec:

- 1) Tytuł nie przystoiny.
- 2) Votum in ingressu deest.
- 3) Prolixitas nimia.
- 4) Multa ὕστερα πρότερα.
- 5) Denuntiationes conjugiorum fiant coram ecclesia tribus ante hebdomadis, non demum sub ipsum copulandi actum.
- 6) Nomina usurpanda propria, quaero te Johannes N. an in conjugem tibi ducas praesentem Margarhetam etc. (non autem hanc vel hunc penes te stantem; possent enim plures adstare, non nunquam fit in constipato coetu).
- 7) Interrogatio an non sponsione connubiali alteri cuiquam personae obligatus es? deest. Et si quid praeterea observari potest, corrigatur.

VI. F o r m a C l a v e s u s u r p a n d i .

Duae sunt claves regni Coelorum: altera, qua id clauditur infidelibus et impaenitentibus, altera, qua recluditur. Prioris nulla apud Krainscium mentio, desumenda igitur e nostro quod communicamus. Posterioris forma (p. 113) probatur, excepto quod (lin. 6 p. 116) pro darémno malimus poni dármo: et lin. 9 pro y Ypiro (sic!) ponatur y Inszy.

VII. Forma visitandi aegrotos.

Approbamus nisi quod pag. 125 (infime) addi cupiamus plura scripturae testimonia. Item addi unum adhuc et alterum interrogatum majoris plenitudinis et cohaerentiae causa? Nempe.

VII. Quaestio sit: Si autem te Deus solvere velit, paratusne es?

VIII. Visne in fide Christi perseverare usque in extremum?

IX. Cui commendaturus es animam tuam? Et si quid aliud.

VIII. Funerandi forma.

Determinentur (quantum potest) ritus certi, cantiones, preces etc.

In Krainscii praescripto duo moneantur: 1) a Contione vult primum decantari aliquid, tum orari. Invertendum. 2) Zalecenie cnót habeat locum, sed nec vitia dissimulentur ut quemadmodum illae exemplo ita haec cautioni serviant vivis, adhibita tamen debita et modestia et prudentia. Si nullam hic concipi placet formulam (quamvis optandum esset pro simplicioribus ministris aliquot poni) addatur saltem vel appendicis loco Admonitio et Informatio ad ministros.

NB. Forma Dominicis aliisque festis et profestis diebus sacra peragendi nescimus an eadem constitui possit. Tentetur. Hoc vero ad eam rem suademus: 1) Disponantur loci communes totius Religionis ita ut annuatim absolvi possit tota Religionis institutio ad singulosque locos omnes textus textuumque exegeses in quavis hebdomada dirigantur. 2) Cantiones sacrae eodem modo disponantur unanimiter per omnes coetus decantandae. Utriusque exemplum in ecclesiis Bohemicis habetur.

In visitationum forma illis usitata duo non approbamus. 1) Quod Minister coram Visitoribus contionari jubeatur ordinarie, quum id visitorum sit. Visitationum enim 1) scopus est (inter caeteros) languentes et torpidos verbo et exemplo ad vividitatem excitare, tam auditores quam ministrum. 2) Apostolicum id exemplum docet, qui, quas visitabant ecclesias eas vel prolixissimis contionibus in veritate et ordine bona continebant. Quod si ministrum aliquando a visitoribus audiri necesse est (ad percipiendos eius in verbo fidei profectus) ad

alterius ecclesiae visitationem assumatur ibique conscendere suggestum jubeatur. Aut denique si hoc dimittere nolent, pomeridiana saltem Contio domestici sit ministri, matutina visitatorum. 2) Quod ministri examen aut censura fiat in toto coetu et quidem ipso praesente. Aut enim verecundia prohibetur non nemo ne moneat quod monere alias posset aut confunditur nimium Christi minister in conspectu auditorum, quod aedificationi servire non potest. Nam etsi reprehensibiles simus, non tamen omnium interest scire naevos et defectus Pastorum suorum: aut certe pessum ibit veneratio, quam eisdem Christi loco debent. Tandem Canones apponantur: 1) Approbationi Synodorum omnia haec decreta reservari. 2) Non obtrudi debere ullis ecclesiis per omnes apices sed relinquendam tamen eam quae adiaphoris debetur libertatem, ut si hoc vel illud non illico posset absque scandalo in aliquam ecclesiam introduci, retineatur porro aliquousque pristinus ritus. 3) Populum interimi paulatim esse informandum de iis quae mutari usus postulabit ut mutari ne aegre ferant.

(L. S.) Georgius Erastus S. M.
 Matthias Procopius S. B.
 Johan Amos Comenius M. S.
 Paulus Fabricius S. B. Chr. m. M. P.
 Johannes Rybinius Eccl.

Johannes Hermon. } suo caeterorumque
 Martinus Gertichius } cons. nomine.

Alia manu:

In Frontispicio hujus scripti apparet annus annotatus 1683, quem tamen manu Scribae corruptum esse vel inde apparet, quia omnes illi, quorum propria manus hic subscripta cernitur, ante annum illum 1683 defuncti sunt. Videtur autem restituendus annus 1633, etenim Matthias Procopius anno 1636 et Johannes Rybinius anno 1638 e vivis excessere; ipsa vero Convocatio generalis Orlensis anno 1633 celebrata fuit.

(Contulerunt cum manuscripto Dr. V. Loewe
 et Dr. R. Prümers.)

Des Cartes (Edingio ?)

Lugduni Batavorum. (m. Junio 1638 ?)

(Ms. Sloane Musei Britannici, 417 p. 3 ss.)

Judicium Nobilissimi Domini Des Cartes de libro illustrissimi Herberti de Veritate.

Vir Praestantissime.

Diu, fateor, responsum de submisso a te libro de Veritate tibi debeo, sed nec oblivioni, nec negligentiae eum diligentius inspiciendi id velim imputes, sed partim desiderio accuratius eum considerandi, partim minutis quibusdam occupationibus, quae hactenus otium mihi eripuerunt. Nihilominus non ita obiter inspectus mihi fuit liber iste, quin tantum de eo habeo dicere, reperta mihi inibi quam plurima peregrina ad Metaphysicam spectantia multis partibus meliora iis, quae vulgo hoc in genere proferuntur. Principalis enim scientia ista, reliquarum omnium vere fundamentum, maxima parte in hunc usque diem penitus fere ignota mansit reperiasque pauca ingenia, eius aliqua ex parte tantum vere capacia: Quod forsitan in causa fuit, quo minus ad gustum plurimum iste liber esset, nec pro merito aestimaretur. Sed loquor hic tantum de iis quae Metaphysica in eo occurrunt, omissis quae ex Theologia habet. Illa enim talia sunt, quae nondum ita intelligam, ut judicium de iis meum tibi perscribere audeam. Id tantum addo, si Authori placuisset continere sese intra veritates naturali ratiocinio acquisite, nec tangere revelatas, non minus sibi, fortê quam longe uberioris satisfactorum fuisse.

Judicium de opere pansophico.

Quemadmodum Deus est unus et creavit Naturam unam simplicem, continuam, ubique sibi cohaerentem et respondentem, paucissimis constantem Principiis elementisque, ex quibus infinitas propemodum res, sed in tria regna, Min. Veget. et Animale certo inter se ordine gradibusque distincta perduxit: ita et harum rerum cognitionem esse oportet ad similitudinem

unius Creatoris et Unius Naturae unicam, simplicem, continuam, non interruptam, paucis constantem principiis (imo unico Principio principali), nude caetera omnia ad specialissima usque individuo nexu et sapientissimo ordine deducta permanent, ut ita nostra de rebus universis et singulis contemplatio similis sit picturae vel speculo, Universi et Singularum ejusdem partium imaginem exactissime repraesentanti. De modo autem speculum eius modi conficiendi, naturae maxime consentaneus ille videtur (quem et Comenium hac de re libros mundi utriusque Majoris nimirum et Minoris cum libro Scripturae, ut audio, potissimum consulentem sibi eligere conjicio), qui Vestigia Creatoris in producendis rebus accuratissime observet, ita ut ex rationis lumine primo probetur, necessario concedendum esse rerum conditorem et Deum, deinde Creaturae eo pertractentur modo, quo Moses eas in Genesi sua procreatas luculenter descripsit: quarum gubernationem libri profani, praecipue vero sacri ad finem usque saeculorum continuandam explicant, denique, ad Deum, tamquam ad punctum vel Centrum, unde progressa omnia, reducamus. Sic uti ex uno per et ad unum sunt omnia, ita horum ex, per et ad unum Contemplatio utilissima juxta atque jucundissima est futura.

(Contulit cum manuscripto J. Herbert.)

3.

Des Cartes (Edingio?)

Lugduni Batavorum, (m. Augusto 1638?)

(Oeuvres de Descartes. Correspondence II.
Paris 1898. P. 345 ss.).

Monsieur.

J'ay lû soigneusement le liure que vous avez pris la peine de m'enuoyer, et ie vous en remercie. L'auteur témoigne estre homme de bon esprit et de grande doctrine, et auoir outre cela beaucoup de probité et de zele pour le bien public.

Tout ce qu'il dit contre les sciences qui sont en usage, et la façon qu'on tient pour les enseigner, n'est que trop vrai, et ses plaintes ne sont que trop justes.

Le dessein qu'il propose de ramasser dans un seul livre tout ce qu'il y a d'utile en tous les autres, seroit aussi fort bon, s'il estoit praticable; mais j'apprehende qu'il ne le soit pas. Car outre qu'il est souvent tresmal — aisé de bien juger de ce que les autres ont écrit, et d'en tirer le meilleur, sans rien prendre avec cela de mauvais, les veritez particulieres, qui sont par cy par là dans les livres, sont si détachées et si independantes des vues des autres, que je croy qu'il seroit besoin de plus d'esprit et d'industrie pour les assembler en un cors bien proportionné et bien en ordre, suivant le desir de L'Autheur, que pour composer un tel cors de ses propres inventions. Ce n'est pas qu'on doive pour cela negliger celles d'autrui, lors qu'on en rencontre d'utiles; mais je ne croy pas qu'on doive employer son principal temps à les recueillir. Enfin, si quel-ques-uns estoient capables de trouver le fonds des sciences, ils auroient tort d'user leur vie à en chercher de petites parcelles qui sont cachées par cy par là dans les recoins des Bibliothèques; et ceux qui ne seront propres qu'à ce travail, ne seront pas capables de bien choisir et de bien omettre en ordre ce qu'ils trouveront. Il est vrai que L'Autheur assure avoir desia fait ou commensé un tel Livre, et je veux bien croire qu'il s'en peut acquitter mieux que personne, mais les échantillons qu'il en fait voir icy ne suffisent pas pour en donner grande esperance. Car pour les Aphorismes, page 31 etc., ils ne contiennent que des pensées si generales, qu'il semble avoir beaucoup de chemin à faire, avant que de parvenir aux veritez particulieres, qui sont seules requises pour l'usage. Et outre cela, je trouve deux choses en ses pretensions que je ne sçaurois entierement approuver. La premiere est qu'il semble vouloir trop joindre la Religion et les Veritez Reuelées, avec les Sciences qui s'acquierent par le Raisonnement Naturel. Et l'autre, qu'il imagine une Science universelle, dont les jeunes Ecoliers soient capables, et qu'ils puissent avoir apprise avant l'âge de vingt — quatre ans. En quoy il me semble ne pas remarquer qu'il y a grande difference entre les Veritez Acquises et les Reuelées, en ce que, la connoissance de celles-cy ne dépendant que de la Grace (laquelle Dieu ne dénie à personne,

encore qu'elle ne soit pas efficace en tous), les plus idiots et les plus simples y peuvent aussi bien réussir que les plus subtils; au lieu que, sans avoir plus d'esprit que le commun, on ne doit pas espérer de rien faire d'extraordinaire touchant les Sciences humaines. Et enfin, bien que nous soyons obligés à prendre garde que nos raisonnemens ne nous persuadent aucune chose qui soit contraire à ce que Dieu a voulu que nous crussions, ie croy neantmoins que c'est appliquer l'Écriture sainte à une fin pour laquelle Dieu ne l'a point donnée, et par consequent en abuser, que d'en vouloir tirer la connoissance des Veritez qui n'appartiennent qu'aux Sciences humaines, et qui ne seruent point à nostre salut. Mais peut — estre aussi que cet Auteurs n'entend point oser de (la) Bible en ce sens-là, ny mêler les choses saintes aux profanes; et en tout le reste ses intentions paroissent si bonnes, qu'encore mesme qu'il manquast en quelque chose il ne laisse pas d'estre grandement à estimer. Je vous remercie de l'aui que vous me donnez des médisances de N.; elles sont si foibles et si mal trouuées, que ie croy qu'elles luy font plus de tort, en ce qu'elles découvrent la maladie de son esprit, qu'elles n'en sçauroient faire à aucun autre. Je suis,

4.

Comenius Merseno.

Lesnae, 2 Januarii 1640.

(Ms. Bibliothecae Nationalis Parisiis, Nouvelles acquisitions françaises 6206 cf. 132. 3. . . .).

S. D. P.

Non facile mihi aliquid aequae insperatum accidere potuit quam a te viro tanto (quantus enim sis clarissime Mersenne non ignoro) literis salutari. Ita scilicet gravissimae *) illius tuae humanitatis, quae te post variam et profundam eruditionem qua inter Galliae lumina emines omnibus reddit commendabilem, ad me quoque redit fructus. Pergratum fuit, collaudavique Deum quod Pansophicum nostrum studium te quoque reperit fautorem: ut non solum in publicando illo, si elaboratum esset,

tuam et typographorum vestratum (sic) operam (quod minoris est considerationis) promittas sed et ad elaborandum felicius de divite tuo penu omnia quibus juvari posse speremus liberaliter offeras. Utinam vero ea esset omnibus mens ut rem communis usus communibus auxiliis agere non detrectemus! En autem gratior nobis est propensio tua quod quae communicare promittis (de Motu, de Luce, de Harmonia, de Magnetis prodigiis) sive disquisitiones totales sive particulares, observationes tuas universali operi nostro prorsus fundamentalia sint. Quippe cognitionem veram Motus et Quietis, Lucis et Tenebrarum, Caloris et Frigoris, Harmoniae et Disharmoniae (cum aliis quae principiorum τῶν ἔντων numerum explent) non tantum ad Naturae intima penetrandum januam sed et ad omnia temporis et aeternitatis arcana recludendum clavem veram esse, et persuasus sum, et aliquando omnibus palam fiet. Praeclare igitur de nobis et communi hoc thesauro mereberis si promissa quantocyus submittas. Ego interim tuum consilium, (quod idem aliorum quoque amicorum est, nec res ipsa permittit aliter) sequar; ut communes animi notiones omnium particularium circa particularia objecta cogitationum et disquisitionum bases futurae ante omnia in unum colligantur: non tamen in congeriem, sed ordine quem ipsa universi analysis (vera illa et accurata) praescribit. Atque haec generalia quam recte ad lucis et veritatis normas expedita fuerint, judicabis ante omnia, quorum illa liberae, seriae ac severae censurae submittentur. Expectare illa poteris intra unum et alterum mensem ab Anglicanis amicis: per quos has quoque ad te eadem via qua tuae ad me venerunt, remitto. Vale illustre seculi decus! quem Deus publico bono ut servet incolumem diu, seriis animi votis opto.

Tui observantissimus
 Johan-Amos Comenius
 m.

Lesznae Polonorum
 postridie Calendas
 januarii 1640.

Inscribitur: Reverendo, praeclarissimoque viro D. Marino Mer-senno suo amico et fautori observando. Lutetiam Parisiorum.

(Contulit cum Manuscripto Dn. de la Roncière.)

Mochinger Comenio.

Gedani 13 Jan. 1645.

(Ms. Bibliothecae Nationalis Parisiis Nouv. acquis. lat. 1635 fol 121)

Præclarissimo Viro Johanni Amos. Comenio,
Johannes Mochingerus S. P. D.

Virorum præclarissime amice honorande! Fave oculis, Fave auribus, illos huic epistolæ meæ fac des, has eiusdem exhibitori. Adest permixime dignus nosci Urbis nostræ Veteris Scabinus, Dn. Johannes Hövelke, litterarum omnium cupidissimus, mathematicarum artium gnarissimus; a nullo certe sideralis scientiæ possessore seu fautore exspectare possem quod illi tam perclaré confectum est. Manus ingenio viri respondet, ingenium manui, phases lunæ communes per annos aliquot oculo exactissimo est contemplatus et cælo ad nutum paratissimo tabulis æneis insculpsit. Brevi faciet (et ut faciat a te quoque hortando est impellendus) Ingenii manusque suæ in lucem exire monumentum clam ipse prius loquutus. Videbis moribus tuis preditum. Si quisque et qui plus ultra cogitat, hic quoque est, et in sideribus multum ultra communem modulum sapit: probatus omnibus quibus tantum est cognitus. B. Cruzerus noster discipulum æque consummatum nullum reliquit, qui in non paucis magistri peritiam tantum modo supergressus est. Verbo floret rebus multivariis, nec modo vero iis quas etsi terra condit, vulgus fert super aethera. Complectere quaeso, charum caput: et si quid mecum de litteratura vis communicare, quod litteris perscribere est molestum, Dn. Hövelkio expone. Utor eo valde familiariter. Vale, et annum hunc quem, ut spero optoque, feliciter es ingressus cum Deo secundissimo absolve. Datum Gedani, anno 1645 die 13 Januarii.

Cl

Reverendæ D^{tati} tue

Viro preclarissimo Johanni
Amo Comenio amico meo
plurimum honorando
Elbingae

Johannes
Mochingerus

(Contulit cum Manuscripto Dn. de la Roncière.)

Comenius — Socio cuidam Thorunium profecturo.

Elbingae 21 Jan. 1645.

(Impress. unium Bibliothecae Colleg. Reform.
Vilnensis.....)

De

COLloquii THorunienSIS apparatus cogitationes quaedam,
Anno 1645. Januarii 21.

Venerunt ad nos 12. Januarii serenissimi Regis nostri Uladislai, Universales, denuò Evangelicos ad amicum de Religione, cum Catholicis Colloquium, pro Augusti 28. invitantes. Quae res, ut video, valide nostratium commovet animos: solis exceptis, qui rei magnitudinem aestimare nesciunt. Inprimis autem meritò commovere, et ad singularem vigilantiam excitare debet eos, quibus Ecclesia tantum hoc negotium piis curis versandum, causamque suam (si ad conflictum veniri tandem contingat) defendendum, concredidit. Quorum è numero cùm me quoque et Te, amice dilecte, Deus esse voluit (Credidimus enim vocem populi vocem esse Dei) conventumque jam Orlae sit, ut quilibet ad Colloquium illud deputatus, seriò de omnibus cogitet, et se, pro Veritate defendenda, tum undique necessariis armis (cum Deo) instruat, ac si soli illi tota haec pugna depugnanda foret: merito nos lege ista obstringi sentimus, apparatusque armorum conquirimus. Nec enim jam defugiendi praelii spes esse potest, clarigatione peracta, pugnae conditionibus utrinque susceptis, loco temporeque indictis, acie altera jam velut instructa nobis sese ostentante. Nulla salutis spes in fuga; tota in victoria, si fuerit Veritatis. Quae ne socordiâ nostrâ, aut inscitiâ, succumbat, Deus e coelo invocandus est, adhibendaque quanta maxima potest prudentia, ne bona causa malè agendo perdatur. Mihi quid cogitationum circa res illas obveniat, communicare Tibi constitui, ut Tu aliis, quorum interest: rursumque Tuas et illorum, mihi. Commune enim nego-

tium communes requirit curas, ne quis sit asymbolos. Noveris autem prudenter haec tractare, ut ne veniant sub oculos, quorum non debent. Consiliorum bellicorum prima basis est, celari. Nos autem quid jam nisi bella meditamur? Sed pro pace obtinenda, si veram obtineri posse spes sit.

Placet vero imitari methodum consultantibus usitatam; explicando, Quid, Cur et Quomodo, faciendum videatur, in hoc, illo, isto, casu. Praesertim nunc, dum novis consilii occasio est, ne quid ab initio admittatur, quod emendare post difficile sit. Sed quaeso Te, in his expendendis excitatè age, eosque, quibus communicabis, agere jube: aut si quid minus ad rem hîc dictum indictum sit: si quid benè, id communis cura efficiat melius. Vale

I.

Eo ventum est, ut non de Congressu declinando, sed sapienter instituendo, omnino deliberandum sit.

Declinare scilicet quaesivimus (eventum non bonum veriti) hactenus: potissimum Orlae, conditionibus Colloquii positis, quas partem provocantem subituros spes non fuit. At nunc.

1. Non rejici conditiones nostras, è Literis Regiis patet. Retrahere igitur nos, novasque tergiversandi quaerere vias, tam parum possumus, ac Venditor licitatori, pretium quantum indictum est, offerenti subtrahere contractum.

2. Imo non jam Pontificii provocatores facti sunt, sed nos: qui S. R. Majestatem, ne ab hoc sancto proposito recederet, tametsi altera pars (ut olim) resilire velit, obsecrabimus. Quod si Pontificiis, tanquam provocatoribus, si conditionibus nostris deterriti resilliissent, parata fuisset ignominia: dupla erit nobis, si et provocavimus ipsi et conditiones tulimus, et altera pars conditionibus se submittit, et nos fugiamus tamen?

3. Eo magis, quad non solum congressum ab illis oblatum, illis rursùm obtulimus, sed et theatrum auximus, advocato in spectacula Orbe Christiano: tanquam felicitas quaedam temporibus nostris fato servaretur, pietatis Regis nostri, et cooperatione nostra, jamjam Orbi obventura. Si ergò fugimus, aut fugam velle prodimus, ludificasse videbimur,

non tantùm jam partem adversam, Pacis consilia offerentem; et Serenissimum Regem, eadem Pacis consilia promoventem; sed et ipsum Christianum Orbem, ad horum consiliorum spectacula invitatum, et jam jamque concurrentem.

Nihil ergo restat, nisi cogitare, divinae providentiae occulto ductu nos huc protractos, ut nobis haec pro Veritate lucta inevitabiliter subeunda sit, quôcunque tandem id futurum est exitu. Nobis itaque sonare illam Apostoli vocem rati: State, succincti lumbos in Veritate, et induti loricae justitiae, et calceati pedes in praeparationem Evangelii Pacis etc. (Ephes. 6. 14.) stemus, non fugiamus; succincti, non discincti; induti, non exuti; parati propugnare Evangelium Pacis (imo et propagare) si reperti fuerint in domo illa (in quam invitamur) filii pacis, ut requiescat super illos Pax nostra; si non reperti fuerint, ut pax nostra revertatur ad nos (Luc. 10. 5, 6).

Modus.

Sapienter praeparati fuerimus ad Evangelium Pacis, si

1. Assumpserimus totam armaturam (*πλοπλιν*) Dei: quae est plena irrefragabilis et insuperabilis coelestis doctrinae Veritas. Hâc undique probê armati, consistere speremus (Eph. 6. 11. et 13. etc.)

2. Quia vero causa Dei sine Deo agi, nec potest (ipsius enim est bellum 1 Sam. 17. 47. et 18. 17.), invocandus est ardentissime Deus, ne causam suam deserat propter nomen suum (ibid. v. 18.)

3. Et quia denique providentia Dei humanam non excludit prudentiam, includit potiùs (prudenter enim consiliis geritur bellum Proverb. 20. 18 et erit salus, ubi multa consilia sunt Prov. 24. 6.) vigilantia prorsus opus, ut excubemus cum omni perseverantia (Ephes. 6. 18.) h. e. opus prudentia, in expiscandis hostium consiliis, excogitandisque salubriter opponendis, ut nihil ulla machinamenta possint contra Veritatem, omnia potius pro Veritate, quomocunque adhibeantur.

II.

Collimandum eô, ut ex hoc congressu (quâcunque tandem intentione ab illis offertur, à nobis suscipitur) insigne aliquod bonum consequatur.

Ratio 1. Res est inusitata, raram ferens occasionem bonum aliquod insigne aut inveniendi, aut amittendi. Praevidendum itaque, quid in utramque partem consequi aut debeat, aut possit.

2. Est res magnae molis, multorum hominum secum trahens confluxum, consilia, molimina, labores, impensas et sumptus: famam denique per totum Orbem Christianum, quomodocunque res ceciderit. Providendum itaque ut aliquid moliminibus hisce dignum efficiatur.

3. Res per se sancta est, gloriam Ecclesiaeque salutem concernens. Videndum igitur, ne quid haec et illa detrimenti patiatur, promotionem potius illustrem.

Media.

Negotium hoc committendum illis, qui (respicendo ad Media Tabulaturâ primâ posita) sint.

1. Bene fundati in Veritate, Scripturarum, Antiquitatis, Sapientiaeque humanae (Philosophiae) benè gnari: eôque Veritatis armis sic circumdati, ut non facile à verisimilitudinum aut sophismatum telis vulnera metuant.

2. Verè pii, modesti, humiles, Deo, non sibi, fidere sueti.

3. Ingeniosi tamen quoque, ad excogitandum quicquid extricandis tricis, et proferendae in apertam lucem Veritati, ullo modo servire potest. Qualibus inveniendis, aliisque consiliis disponendis, Conventu adhuc aliquo Evangelicorum opus erit necessario.

III.

Conventu adhuc Evangelicorum prorsus opus, in Aprili vel Majo, certe ultra Junium non differendo.

Ratio 1. Expresse literis Regiis (postremis) dissidentes sub nomine Augustanae et Refor-

matae Confessionis invitantur. At vero nondum constat, velintne Augustani nobiscum per omnia in causa hac, communi alioqu , conjungi: et quousque. Praecognoscendum itaque id, et si quid obstet componendum, ne adversarii acie instructa venientes, et aciem nostram disturbatam invenientes, vel sine pugna triumphant, vel facilius victoriam de dissidente inter se hoste reportent.

De modo agendi conveniendum erit (sive quidem conjunctim causa erit agenda, sive absque Lutheranis) necessario quandoquidem in toto h c negotio si quid periculi esse potest, in modo agendi erit.

3. Ad eligendum jam tandem Collocutorum personas, quot et quinam ex singulis provinciis, et Confessionibus: et an duplicato numero (uti ab illis factum constat) vel minori aut majori. Inprimis autem propter eligendum Praesidem, quem prae aliis matur  vocationem et munia sua scire, multum interest. Denique ad deliberandum, an exterorum Theologorum aliqui advocandi, et qui, et cujus sumptu, et qu  procurante etc. etc.

Modus.

De istis rebus inter se agendi triplex datur Evangelicis Conventus.

1. In proximis Regni Comitibus in Februario et Martio celebrandis: ubi, quia ex omnibus Regni provinciis, primarii quique Evangelicorum Procerum confluunt (etiam Civitatum Borussicarum, ipsiusque Electoris, elegati) de his rebus agendi, commodum erit tempus et Occasio. Sed quis ibi consiliorum director erit? Ubi multitudo, ibi confusio, nisi multitudo revocetur ad unitatem. Cujus rei quia ibi dubito fore modum certum, necessarius videtur Conventus alius, huic fini destinatus, ubi formato Consilio res deliberentur, concludanturque. Conventus, inquam, similis Synodo illorum Varsaviensi, aut nupero nostro Orlensi.

2. Ad quem tamen quia comparere non poterunt, nisi Delegati ab Ecclesiis, necessario praecedent Synodi Provinciales (ut et anno superiore) ubi consilia de toto negotio adhuc colligantur, Deputatique ad Conventum generalem nominentur. Hujusmodi Synodis tempus nullum restabit,

nisi sub initia Maji, h. e. inter Pascha et Pentecosten, quaelibet provincia loco ritùque sibi consuetis.

3. Tandem Conventui generali locus erit commodissime (judicio meo) Thorunii, sub ipsas nundinas, pro festo Corporis Christi. Quia facillime sic undique ibi confluent delegati, faciliusque (si opus) celari res poterit, ipsâ nundinarum panegyri. Et temporis adhuc restabit satis, ultrâ menses duos. Quod si etiam sic ad se tantis rebus praeparandum, non satis videatur temporis. Quid si ergò Synodi mox à Paschatos celebrentur, circa Misericordias? Thorunium verò delegati a Synodis mox e Synodis proficiscantur, ad Cantate? ut vel octiduo deliberationibus dato, ad Pentecosten redire domum suam quisque possit. Ita enim integrum trimestre restabit Colloquutoribus, ad se mèlius omni apparatu instruendum: Itemque ad Theologos exteros (si qui advocandi erunt) autoritate Conventûs illius vocandum, illis vero ad comparandum. Quanquam his forsàn nimis tardè: cum et illorum quisque aliquam ad deliberandum, et se tantis rebus praeparandum, sibi optabit moram. Ergo quantum ad Exteros, optimum erit consilia Varsaviae terminare.

IV.

Deliberanda Varsaviae.

Fundamenta rerum recte poni, maxime semper interest. Videtur itaque Varsaviae actionum nostrarum, ut solide procedant, ponendum fundamentum: quia exinde pendebunt sequentia. Deliberandum nempe erit, sub primum statim congressum.

I. Utrum S. R. Majestati per aliquem, aut aliquos, è medio sui, agendaè sint solenniter gratiae, quod supplicibus nostris postulatis condescendere, Colloquii terminum proferre, conditiones aequas admittere, novoque modo Regium et paternum suum affectum declarare, dignata sit etc. Rogandaque sancti hujus (pro gloria Dei, et salute subditorum sibi populorum) zeli continuatio. Promittendum denique in nobis non fore moram, quominus S. R. M. suum assequatur finem, in experiundo, clarèque tandem cognoscendo, penes quam partem Schismatis hereat culpa etc. Si inquam, talem legationem ad S. R. Majestatem expedire judicabunt; expedient quo-

que non cunctando diu: ut reliquis circa rem hanc deliberationibus à negotiis tempus sufficiat. Videtur enim id faciendum, non tantum civilitatis, aut observantiae debitae, causâ; sed et tutius jam apertiusque consilia haec agitari possint: et denique ut salvi conductus instrumenta (quorum S. R. Majestas spem facit) obtineantur facilius.

II. Agendum quoque incunctanter cum Serenissimi Electoris, Ducis Curlandiae, Civitatumque Prussiae, Legatis: utrum principalium suorum intentio sit huic Dei causae, communi studio defendendae, planè sese associare? Si nescire se dicant, rogentur illico ut scribant: interesse enim, ut ante Comitiorum Regni finem certò id sciantur. Aut saltem utrùm, ad ematuranda consilia Conventu adhuc opus esse existiment: atque num ad eundem Legatos suos mittere velint? Sibi videri (propter causas supra positas, aliasque) necessarium, nominarèque eidem tempus, prout convenerit, locum autem Thorunii. Quia (1) Propior Borussis, nec aliis adeo dissitus. (2) His talibus consiliis jam quasi destinatus, et consecratus. (3) Nonnulla particularia determinandi (ut de Bibliotheca etc.) ibi accasio melior.

III. Deliberandum item plenius, utrum Synodis provincialibus omnino sit opus, an vero Thorunium recta; statim à Páschatos (nempe ad Misericordias vel Jubilate) conveniendum? Videtur posse omitti Synodos: quum nihil adeo novum Synodicè deliberandum obveniat: personis Thorunium ituris, jam antè Synodali auctoritate in Polonia utraque nominatis. Illae itaque eant. Lithvani item Seniores et Conseniores suos Thorunium ire jusserunt, Orlae. Eant itaque: neque sine nova causa novae Ecclesiae creentur molestiae. (Entia multiplicanda non sunt citra necessitatem.) Sed et compendifieri sic poterit rursùm temporis aliquid, ut ejus ad praeparamenta plùs restet Colloquutoribus, et Praesidi.

IV. Deliberandum quoque, et aliquid certi concludendum, de Theologis exteris, an vocandi sint? Videtur: quia id nos velle, literis ad S. R. Majestatem innuimus. Et quia causae magnitudo magnam circumspectionem requirit, quae forsàn a demesticis Ecclesiarum Pastoribus, polemicis actionibus minus exercitatis, non aequè, aut satis tutò, expectari possit. Denique quia causa communis est omnium, quae

se a Papatu separarunt, Ecclesiarum, ne sine aliis agere velle videamur, quod omnium est.

Sed plura sunt, quae dissuadere videntur. Primo, diffidere videbimur causae, quae tot fulcris egeat. Secundo, cederet id dedecori gentis, quasi hominibus destituatur: cùm tamen in literis suis ad S. R. Majestatem de quodam heroicorum ingeniorum nido gloriati videmur. Tertio, quis invitabit? qua auctoritate? quos? difficultates ubique emergunt. Quarto? Cujus impensis? Neque hic nodus facilis erit solutu, in tantis Ecclesiarum nostrarum defectibus, qui et domesticos per trimestre Thurunii sustentari aegrè permittent. Quintò, Non necessarium: cum non polemico rigore, sed declarationibus mutuis, res agi proponitur. Aut potius, cùm non terminandi aliquid potestas Colloquutoribus utrinque dabitur, sed tentandi, an sic aliquid profici possit, ad referendum Ecclesiis. Quicquid ergo hîc actum fuerit, Exterorum judicia implorandi semper erit prompta facultas, non unius et alterius, sed multorum. Atque si reassumendi erunt tractatus (innuit enim S. R. M. im literis suis, vel fundamenta pacificationis primò congressu esse ponenda) apparebitque aliqua necessitas interesse illos aliunde advocatos, vocari tùm poterunt. Denique, Inconveniens est, confidere causam esse Dei, et diffidere vindici causae suae Deo: quasi non possit (invocatus seriò) vel ex ore infantium et lactentium perficere laudem, propter inimicos suos (Ps. 8. 3.) Scimus sanè, spem in Deo fixam, non excludere prudentiae humanae media: quicquid tamen sit, Sauliticum est istud, Non vales resistere Philistaeo isti, nec pugnare adversus eum: quia puer es, ille autem vir bellator ab adolescentia sua (1 Sam. 17. 33.) Hoc autem Davidicum: Tu venis ad me cum gladio, et hasta, et clypeo: ego autem venio ad Te in nomine Domini exercituum, Dei agminum Israel, quibus exprobrasti hodie. Et dabit te Dominus in manum meam, ut sciat omnis terra, quia est Dominus Deus in Israel. Et noverit universa Ecclesia haec, quia non in gladio, nec in hasta, salvat Dominus: ipsius enim est bellum (ibid. v. 45. 47.) Et vero, annon experimentum prae-

sentiae suae parvulis suis dedit Dominus, cum nuper in Orlensi Conventu talia cogitare, deliberare, concludere, scribereque dedit, quorum causa ipsi illi Exteri Deum laudant? Nec forte de nihilo est (MB) quod Majestas sua vereri se scribit, ne evocata exterorum industria, litibus adsueta, tranquillitati propositi hujus detrimenti aliquid afferat. Ad minimum certè occasio est (si rationes de non evocandis nunī Illis praevallebunt) contestandi, nos Majestati suae nostram accommodare voluntatem, nec sollicitaturos nunc illam exterorum industriam. Quae res firmandae erga Majestatem suam totamque hanc causam fiduciae serviet.

De Exteris tamen vocandis, video non tam facilè dimitendam esse cogitationem. Quicquid enim est, causa communis est, in qua piè tutanda, pie conspirandum est, quā datur. Sic jam cogito. Quid si duo tantum accersantur, alter Lutheranus, alter Reformatus? sed ambo insigniter in his certaminibus versati, solidè pii, veritatis Evangelicae propugnatores strenui: dirigendis, non disturbandis, consiliis idonei: quibus undique tutò fidi, et ab illorum praesentia auxilii multum sperari, possit. Quales nescio an nobis exerto quasi digitò divina ostendit providentia, Calixtum et Duraeum. Quorum ille idem hoc negotium (amicis collationibus Veritatem Evangelicam adversariis commonstrandi, eòque incruentam veritati victoriam parandi) aliquot jam annis egit; publico etiam nuper scripto in lucem exposito; Spectabilique Senatui Dantiscano hunc ipsum nostrum in usum submisso. Quid ergo si ipsemet Librum suum sequi, apud nos comparere, causamque hanc Dei in theatro illo, quod hic Veritati suae illustri modo in apertum producendae sapientia Dei aperit, agere exoretur? Impetrari id a se ut patiat, pietas et zelus Dei facile persuaserint Viro Viro optimo. Nec difficilem fore Principem suum (Augustum Brunsvicensium Ducem, sapientem illum, piumque heroo, inter Germaniae nunc Principes Evangelicos vel solum eminentem) ut in dimissionem ejus ad aliquot istos menses benignè consentiat, quidnī confidamus? Alterius item, Duraei, eruditio, pietas, ingenium mite, pro pace Ecclesiae vota et studia indefessa, Europaeo jam Orbi nota sunt. Verum equidem est, studia illius pacificatoria ad Evangelicos fuisse potis-

simum directâ, si ad tollendum infelix domesticum schisma reperiri posset via: non tamen id alio fine (certè id mihi constat) quam ut constitutâ domi pace, ad magis dissitos Veritatis arma transferri possent, majori quàm hactenus fructu. Eadem igitur sunt utriusque vota et intentiones (quae et cujusque pii Theologi merito esse debent) pro incrementis Regni Christi. Eademque pariter media (quae et Serenissimo Regi nostro Uladis-lao tentari placet) per sociatam, amicam, placidam, mentibus utrinque serenis et tranquillis, causae totius, fundamentorumque quibus illa hinc et hinc fulcitur, recognitionem: postquam per turbulentas disputationes, violentasque actiones (inquisitiones, martyria, bella religiosa) nihil profici hactenus apparuit. Quidnî ergo ad idem opus, quod duo isti Viri Dei ultro agendum jam antè susceperant, et nunc apud nos ut agatur insperatas nobis occasiones, et ad quas inviti trahimur, divina objicit providentia, duo illi simul vocentur? Ut et se invicem, et Nos, et Illos, qui audire nos placidè hactenus recusabant, nunc ultrò aures offerunt, juvent? Quaeso inspicere libeat Actorum 16. v. 9, 10. annon simile aliquid nobiscum nunc ludat sapientia Dei? Annon Macedones illi nobis sunt, qui nos Transire ad se invitant? Annon a Domino vocari nos ad evangelizandum illis, aequè ut Paulus, credemus? praesertim cùm non per somnium, sed vigilantibus nobis, voces illorum aures circumsonant nostras. Si quis dicat: Ibi Macedo adjuvari se, h. e. ad fidem converti petiit; isti autem non converti, sed convertere, h. e. pervertere, quaerunt. Respondeo: Ignari erant Macedones ibi, quid facturus erat Dominus, aequè ut nunc adversarii nostri, Paulus tamen Deum respexit: quidnî et nos? Simile aliquid videre est in Jonathane et armigero suo, Philistaeorum voces, Ascendite ad nos, pro victoriae signo interpretantibus (1 Sam. 14. 10 etc.) Quidnî et nos? eoque magis, quod non ipsi nobis finximus, aut fingimus, has occasiones, haec symbola et omina, sed ultro offeruntur: adeoque sic offeruntur, ut effugere, tametsi velimus, non liceat. Quidni ergo Dominum vocare credamus, illicque ultro jam, non coacti, nostram offeramus operam? Quidni et isti duo Viri Dei, si a nobis vocentur, a Deo se vocari credant? Ad Duraeum redeo, quem quia Aula Principis Aeraici junioris nunc habet Ecclesiasten,

in Hollandia, dimissionem illius ad tantillum tempus impetrari quoque posse, quidn̄i spes sit? Patet vero, quam ante difficultatem de sumptu in Exteros posueram, illam jam non fore tantam: si nonnisi duo erunt; et quidem hi duo, quos ipse Dei zelus, in utroque tam conspicuus, non lucra externa respectare, sed gloriae Dei incrementa summum lucrum reputare, cogēt. Et denique Civitates Borussiae (si non sola, divinā prae illis benedictione dives, Gedanum) poterunt Calixti, Polonicae autem et Lithvanicae Ecclesiae Duraei, suscipere curam. Ita quid restet difficultatum, aut scrupuli, non video. Deus meliora suggerat illis, quorum prudentiā haec determinanda erunt consilia.

V. Quicquid autem de omnibus istis rebus conclusum fuerit, scribendae videntur mox Varsaviae, Procerum Evangelicorum nomine, literae, primum quidem ad Serenissimum Electorem, Curlandiae Ducem, Civitatesque Prussiae, ut at ematuranda consilia, redigendumque omnia in ordinem, Legatos suos (utriusque Ordinis) Thorunium ad 15. Maji (si sic steterit) mittere velint. Deinde ad Exteros illos Theologos (si vocandi erunt) principesque; in quorum Academiis et Ecclesiis vivunt etc. ut omnia maturè disponantur, nec ulla parte imparati reperiamur. Nempe in Conventu Thorunensi (15. Maji) responsa illorum jam haberi, eōque sint aut non sint venturi, sciri maximè intererit.

V.

Deliberanda Thorunii (aut ubi forsā aliās noster primus Conventus futurus etc.)

[1.] An omnino et finaliter tandem, in Colloquium illud consentiendum. Si non defuerint, qui adhuc deliberandum putent, An Colloquium suscipiendum sit, deliberetur. Eo enim id serviet, ut si declinari non posse, nec debere, potuerit, animosiores in Deo reddantur, quibus subeundum erit. Resumenda igitur erunt, et expendenda, quae Tab. 1. dicta sunt: et addenda quae praetereā suggeret Deus. Exempli gratia.

1. Quod vix optare, nedum sperare, potuimus, id nobis ultro offerri, ut benignè audiamur. Quae-

situm id fuit a majoribus nostris, nec obtentum, Constantiae, Wormatiae, Tridenti, sub Sigismundo Augusto in Polonia etc. Ingrati videbimur erga Deum, si occasiones quas providentia sua offert, scientes volentes abiicimus.

2. Certi sumus, nos habere causam bonam: nempe nos non a Veritate ad Errores successisse, sed ab Erroribus ad Veritatem rediisse: eôque Veritatem à nobis stare. Quid ergo metuimus? Veritas mendacii convinci non potest: nec aliud, quàm abscondi. Atqui hic, non ut abscondatur, sed ut in Ecclesiae domo sublimi exponatur Candelabro, occasio est. Attendatur illud Augustini (lib. 1. contra Crescon. c. 34.) Probavi de scripturis sanctis, et qua potui ratione perspicua, nec Eloquentiam quantamlibet, nec Dialecticam quamlibet, metuendam esse assertoribus Veritatis, quominus assertores falsitatis disputando cum eis, et eos refellendo, convincant.

3. Exempla majorum consideranda, qui incerto eventu a talibus absterreri non patiebantur. David coram Regibus se loquuturum de testimoniis Domini professus, operam suam offerebat Deo, Ps. 119. D. M. L. Wormatiam aditurus, amicis dissuadentibus dixit: und wann so viel Teuffel drinnen weren etc. Ad Philippum vero, et ipsum trepidantem, scripsit: Si bonam causam agimus, cur metuimus? si malam, cur inchoavimus?

(4.) Majores nostri hic in Polonia tale Colloquium desiderio desiderabant; Pontificiisque disturbare id quaerentibus, P. Vergerius ad Sigismundum Regem scripsit: Per J. Christum oro, ne Regia M. V. patiat se ullis machinis, atque ullâ vi, ab instituto dimoveri, et vinci. Nullâ enim unquam memoriâ fuit vel ab aliis Poloniae Regibus, vel a M. V. susceptum opus tam utile, tam gloriosum, tam Deo placens ac necessarium, atque hoc de instituendo in causa Religionis Colloquio. Quare toto pectore in eam curam incumbendum erit, nè à Satana impediatur. Permisit vero tum Deus impediri (Rege non inveniente

quomodo minis Papae obsisteret) magnô cursûs Evangelii, tum feliciter efflorescere incipientis, impedimentô. Nunc Deus alias dedit occasiones, Regique nostro Vlatislao eum animum, ut se impediri non patiatur. Quid ergo? Nos jam opus tam utile, tam gloriosum, tam Deo placens ac necessarium, turbabimus? Avertat Deus.

5. Periculi nihil subest, neque in re, neque in circumstantiis. Non in re: quid enim defensuri sumus? Ecclesiam utique doctrinamque veram. An verò sapiens ille vir, Christus, domum suam super arenam struxit, ut pluviam, flumen, ventos, timere necesse sit? (Matth. 7. 24.) Non in circumstantiis: Locus enim, tempus, modus agendi, honesta omnia, imò tuta. Non ad Concilium citamur, sed ad Colloquium. Neque judicandi, aut in nos pronuntiandi, provinciam sibi summunt, sed ut audire libeat, quomodo se nobis de rebus suspectis purgabunt. Nobis ergò Actorum partes veluti jam ultro deferunt: audire quidnî libeat? cum sic non Papa iudex futurus sit (uti quaerebat hactenus) sed pars, et quidem rea. In summa, periculi nihil esse videtur, nisi in modo agendi: sed hic nè quid erroris admittatur, cavere Prudentiae nostrae erit, offeruntque se illius rei, Deo ostendente, viae plures.

6. E contra, avertere pericula quae ex negato Colloquio sequutura certo esse apparet, vix ullius prudentiae opus erit. Placare enim justè irritatum Clementissimi Regis, tam sancta et justa offerentis, animum, quis poterit? Quis hostiles de nobis tanquam malae causae conscientiam victis et fugatis, sistere triumphos? Quis sparsam de nobis per omnes Ecclesias, tanquam Veritatis desertoribus recolligere famam? Quis Ecclesias in Polonia nostras, jam tandem plenè divexandi avertere praetextus? Quis patentissimè apostasiis apertam recludere januam? Quis Veritatem Evangelii, hîc in Regno in lucem proferendi, revocare occasiones? Quis denique propriae conscientiae, ne eum coram Deo et Angelis (quod erubuerit sermones Domini sui in progenie hac) accuset, inveniet emplastrum?

7. Tandem, ignoramus nos consilia Dei, annon jam tempus sit collustrandi totum hoc Regnum, aut saltem plures in eo, Evangelii sui lumine? Imò ignoramus, annon illi ipsi, tenebris

oppressi, prospicere incipiant, pleniorisque lucis desiderio id agant, quod fors an ipsimet nondum intelligunt? Sive autem hoc fuerit, sive illud, ad opus lucis operam suam negare filiis lucis non convenit. Nempe si Reformationis apud se (sine qua Reconciliationem fore nullam, literis Orlensibus jam protestati sumus) occasiones quaerunt; non solum non deesse debemus, quinimo ad redivivum hoc Templum Viri, mulieres, pueri (ut Hallus loquitur) lapides comportare, submissisque etiam genibus rogare, Cypriani verbis, ad se redire velint. Sit denique, qui apud adversarios nihil nisi Babylonem, Sodomam, Hierichuntem cogitat: annon vero Babylonem everti, ut liberentur captivae populi Dei reliquiae? Annon Sodomae ignem, qui impuritates absumat, caelitus immitti? Annon Hiericho cum tubis Dei circumiri, donec muri ejus corruant, oportebit? At haec Babylon, Sodoma, Hiericho, spiritualis est: Gladio igitur, Igne, Tubis spiritualibus opus: quae non alia sunt quam Verbum Dei. Cujus veritas si penes nos est, vibrandi hunc gladium, effundendi hunc ignem, ut ardeat (Luc. 12. 49.) inflandique potenter has Tubas Dei, en occasio! Certe si non alius boni eventus plena spes est, hujus est: quòd tale hoc Colloquium, tali tempore, tali loco, tali apparatu, habitum, Concilio, quale dudum optat Orbis Christianus, Universali, verè libero, in quo triumphet Veritas, dare poterit occasionem etc. etc.

[II.] De jungenda hic Omnium Evangelicorum utriusque partis opera.

Si ergò suscipiendum esse, banâ boni eventûs spe, Colloquium convenerit, conveniendum simul fuerit, à quibus iniri debeat. A quibus autem, nisi qui provocantur? Expresse vero S. R. Majestas Augustanae et Reformatae Confessionis consortes vocat. Quorum utrique cùm se Evangelii consortes credunt; et utrique Regi suo, summae post Deum Majestati, honorem et obsequium debent, et utrorumque Ecclesiae per Regni hujus provincias sparsae (Polonia nempe, et Lithvania plures habet Reformatos, Prussia et Curlandia plures Augustanos) in pace conservari debent: pacis certè negotium ex aequo utrisque incumbit, nec medium stabiliendae pacis, à parte adversa (imo ab ipso Uncto Dei) propositum, quisquam à se amoliri potest. Nec obstare debent, privata in atriculis quibusdam dissidia.

Quantum enim ad causam, quae hîc defendenda est, illa communis est: cujus defensionem neutra pars sine altera, citra alterius praejudicium, noxiamque aliquam consequelam, suscipere potest. Insistimusque hic eidem prorsus fundamento, quantum ad causas, quae nos majoresque nostros a corruptelis Ecclesiae Romanae secedere coëgerunt. Quod autem inter emendandum corruptelas istas, non omnibus in omnibus convenerit, dissensionesque (humanae imperfectionis vitio) irrepserint, id ut in se aliud est, ita communi causae deserendae occasionem dare non debet. Quoties externus ingruit hostis, domesticas sopiri aut seponi discordias ratio ipsa docet, Gentesque et Regna multa salubriter saepe imitati sunt. Laudatur et Themistoclis Alcibiadisque, tanquam sapiens, factum, qui privatim inter se diu hostes, ad legationem tamen simul electi et emissi, simul ac portas egressi sunt, pactum inierunt de seponendis, et ibidem ad portam defodiendis, simultatibus: resumendis, si placeret, in reditu, post expeditum recte publicum negotium. Ita prorsus hic optandum, ut pars utraque causam hanc ex toto suam esse credat: eôque junctim, concorditer, sincerêque hoc Dei opus agent: nulla alia aemulatione, praeterquam sedulò cavendi, ne communis triumphetur Veritas. Quod sperari poterit, si utrinque caveant, ne hostili astutiâ (qualis in Colloquio Possiaceno emicuit) seipsos inter se committi, et adversus invicem concitari, ullo modo permittant: controversias suas alii tempori, adeoque sibi ipsis, reservando, nec illis oblectando eos, qui dividere quaerunt ut regnent.

[III]. De Colloquii a parte nostra Scopis.

Proximum erit, ut constituentur, ad quem potissimum finem nobis actionibus nostris in Colloquio, et quae necessario antecedunt praeparatoriis, collimandum sit: ne scilicet extra scopum jaculemur. Non autem melius figi poterit scopus nobis; quam si attendamus, quem sibi praefigant illi. Ab illis enim, non a nobis, Colloquii hujus charitativi origo: metuimusque non immerito, escae huic subesse hamum. Praevidendum itaque, quicquid humanitus potest. Expresserunt autem illi scopum suum invitatoriis suis, hunc: ut doctrinae collatione facta judicare liceat, Jurene a majoribus nostris secessio facta sit, et a nobis continetur, a Romana

Ecclesia. Et postquam ab illis liquido demonstratum fuerit, quam inania sint quae illorum parti imputentur, ut nobis redeundi, et nos illis reduniendi, ostendatur necessitas. Hoc est, quae-runt schisma tolli: (tametsi forsan Articuli et Ritus aliqui nobis permittendi sint, sicuti Graecis unitis: modo ut hostilitas cesset, odiaque illa tanta, ob quae illi nos ut Haereticos, nos illos ut Antichristianos, prosequimur, desinant. Id enim se intendere, sermonibus passim produnt). Reconciliationem igitur quaerunt; sicut cum Ruthenis Graecis: ergo reductionem sub Papae obsequium. Aut si non possint omnes, quosdam saltem: ut inter nos faciant schisma, sicut inter Ruthenos, qui seipsos jam persequuntur, et paulatim consumunt. Ergo ultima hujus conatus resolvunt se in destructionem nostri. Ita scilicet illi plus intendunt, quam praetendunt.

Nos ergo quid? Si quid ibi bonum est, retineamus: si quid intendere possumus melius, ne intermittamus. Est autem bonum, Tollere schismata, satanae opus; Tolerare infirmos, quos tolerat Deus; Minuere odia, et ampliare favores etc. Sed melius etiam est, invenire Pacem, per Veritatis viam; efficereque, ut sedentibus in umbra mortis, illucescat Christus etc. etc. Intendamus ergo, primum id, quod a nobis requirunt Illi: nempe rationes reddere secessionis, et in illa perseverantiae nostrae, justas esse: ut Errores a nobis non foveri, sed metu Dei declinari, agnoscentes, non tanquam haereticos persequi pergant, quos nullius haeresis convinci posse videbunt. Zelus tamen Dei, fervidaque erga illos charitas (qui quia errare nos credunt, perireque dolent, ideo ab erroribus et interitu liberare quaerunt) merito a nobis requirit, ut sublimius quid, quam exsolvere nos duntaxat ab illorum laqueis, intendamus. Nempe conversionem eorum ad plenam Veritatis agnitionem, Evangeliique nobiscum participationem toto corde optare, et hac occasione sedulo procuratam velle (si misericors volet Deus) officii nostri est. Id quod nos optare literis Orlensibus ad S. R. M. jam pro-

didimus: ut emendetur (misericordia Dei) per Majestatis suae ditiones Ecclesia, legitimaque, et primaevis Christianitatis temporibus consentanea Hierarchia constituatur, pro exemplo Orbis Terrarum. Quia tamen illi primarium suum scopum, quantum possunt, occultant, possumus et nos: nihil in publico praetendentes, nisi ad quod publice vocamur, velle rationem reddere Fidei nostrae.

[IV.] De Mediis ad Finem nostris.

Etiam hic praevidenda sunt, quantum possunt, illorum Tela, ut noceant minus. Nempe ad facilius inveniendum excipiendis, et in eos ipsos retorquendis ipsorum Telis, idonea scuta. Habere enim eos media quaedam inusitata, quibus se conficere nos sperant, fidem facit inusitata illa confidentia, quam prae se ferunt. Et vero prodidit Antesignanus eorum (Nigrinus) quaedam: unde reliqua possunt colligi. Distribuit ille controversa inter nos et illos, in Doctrinalia, Ritualia et Ecclesiastica (sive Hierarchia). In Doctrinalibus confidit se reperisse consensus modum talem, ut neutra pars a suis Libris Symbolicis recedere, aut eos condemnare et abjicere (id quod dicit se scire nunquam futurum) necesse habeat: sed sententiam tantum de quolibet Fidei Articulo suam, ut sic partes declarent, quomodo absurdi species tolli, eoque velum ab oculis alterius partis amoveri, possit: ut non dissidere revera in fundamentalibus (totius Religionis) palam sit. Id quod Explicationibus mutuis obtinere sperat: ostenso Pontificiis, doctrinam Evangelicorum (Augustana Confessione comprehensam) in fundamento esse veram, ex ipsorum Pontificiorum scriptis: rursumque Evangelicis, doctrinam Romanensium (Tridentino Concilio expressam) in fundamento esse veram, testimoniis et confessionibus ipsorummet Evangelicorum. Hic non adeo sibi restare difficultatum putat. II. Plures fore, difficilioresque nodos, in Ritualibus: ubi potissima spes in Patribus, historiaque primaevae Ecclesiae. III. Plurimam difficultatem praedicit fore in Hierarchicis: eo quod evictum iri sperat a secessionis tempore nullum esse legitimum inter Evangelicos Ecclesiasticum

Ministerium, rupta a Capite dependentia. Puto vere illum hic non errare, hunc fore nodum durissimum. Quia tametsi Papa doctrinam Evangelii per omnia puram, ritusque Apostolicos simplicissimos, retinisset: eo tamen ipso, quod se totius Ecclesiae caput, universalem scilicet Episcopum, constituit, et de hinc in Regem terrenum degeneravit, regimenque Ecclesiasticum spirituale in mere politicum et mundanum mutavit, admisit id quod ipsum Antichristum constituere potuit. Si ergo vel omnia caetera restitui permittat, dominatum autem in conscientias retinere proponat, frustra erit: quia qui semel Conscientiarum jugum excusserunt, seque in libertatem a Christo partam asseruerunt, sub captivitatem reduci non patientur).

Haec illi. Nos autem quid? Videndum primo, an hoc medium COLLATIONIS mutuae Librorum symbolicorum, admittendum sit? Videtur, multas ab causas. Sed an ea methodo? Ut primum de Dogmaticis, dehinc Ritualibus, tandem Ecclesiasticis! Videtur: sic enim docet Symbolum ipsum Apostolicum, inchoandum esse non ab illo, Credo Ecclesiam etc. sed, Credo in Deum etc. Ad speciem si veniamus.

In Doctrinalibus, spes est triumphaturam Veritatem. Nobis enim facile erit dicere cum Paulo, Act. 24. vers. 14. 15. 16. etc. Nempe Quicquid de Fidei articulis tenemus nos, id Propheticum et Apostolicum, h. e. Divinum et Catholicum esse, e scripturis S. Conciliisque, et Patribus quatuor seculorum, ipsorummet denique propriis testimoniis (ubi Confessio Catholica D. Gerhardi triumphabit, auxilio Catholici reformati Perkinsi et Riveti. Itemque libellus Reformatio Papatus, juxta Confessionem Augustanam, cum praefatione Arndti) probari poterit. Illi si quid praeterea habent, esse addititium, h. e. non catholicum: quod non semper, non ubique, non ab omnibus, creditum fuit. Quo faciet Molinaei Novitas Papatus. Item liber Ivelli contra Hardingum, ubi proponit 27. Articulos (pro quibus Romanenses tanquam pro focus et aris depugnare nunc solent) cum solemni protestatione, si ullus antiquus Doctor, ullumve generale vetus Concilium, aut ullum Ecclesiae primitivae exemplum, in medium afferri poterit, unde vel unum istorum clare et

perspicue demonstrari possit; daturum se manus. Beza quoque (Epist. ad Dudithium) promittit acceptare, quicquid Canonibus Antiquorum Conciliorum damnatum non fuerit etc.

In Ritualibus eadem erit ratio: simplicitas nempe eorum, quae observamus nos, praeceptis et exemplis Apostolicis, primaevaeque Ecclesiae, defendi poterit. Ut pateat, quod habemus nos tutum esse: quod illi, scrupulis conscientiae obnoxium. Quod autem idem Ivellus de hac materia dixit: Subscribam omnibus, quae non redolent lucrum: nos ex 1. Pet. 5. vers. 1. 2. 3. plenius poterimus sic. Seponant quae redolent (1.) Turpe lucrum et Simoniam. (2.) Ambitionem dominatum in conscientias, Cleri et populi Christiani. (3.) Fiant denique Exemplar plebis ex animo: In reliquis autem, quae ut bona et utilia restabunt, tollatur fucus, restituatur Veritas: tollatur abusus, restituatur usus: mox erimus unum.

In Hierarchicis nihil adeo difficultatis erit (quanquam ille minatur) si nos in promptu habebimus argumenta solida: Monarchiam Christum non instituisse; neque Apostolos aut Ecclesiam primitivam usurpasse; et denique contrariari prorsus intimae rationi Regni Christi etc. Itemque pro legitima Missione talia, quae expugnari non possint.

[V.] De Media nostra recte adhibendi Modis.

Si bonam causam male agendo perdi verum est, tutandae causae bonae media bona non sufficient: quia fraus vigilans dormientem opprimere solet innocentiam. Quanquam igitur Deo, cujus oculus suis vigilat, fidamus, vigilare tamen et ipsi, ut ne simus tentantes Dominum, debemus: praevidereque modos, quibus causa bona bene agi possit. In genere loquendo, Modus quem illi proponunt, per Colloquia placida, sine contentiosis disputationibus bonus est, acceptandus prorsus, quocunque illi eum proponant animo. Nec enim nos esse ferociores convenit, qui Spiritum Christi blandum esse, igneque charitatis tantum, non etiam furoris, comburere scimus (Luc. 9. 54). Nec res ipsa, et Colloquii scopus, alium modum admittit. Dissidere scilicet altercando possumus, concii-

liari nisi non altercando non possumus. Nec aliud ad cujusquam causae cognitionem veram acque necessarium, ac animus sedatus, affectibus non turbatus. Unde sapiens Elihu Jobo et amicis, adversus invicem concitatis, tale dabat consilium: Judicium eligamus nobis, et inter nos videamus, quid melius sit. (Job. 34. 4.)

Quantum ad speciales modos, deliberandum nobis puto.

I. Annon in Colloquutorum numerum adscisci expediat, duos tresve, ex ordine Equestri, Viros Politicos? Illi quidem Theologos tantum nominarunt: sed an nos imitari tenemur? Improbamus nempe, et inter argumenta usurpatae in Ecclesia tyrannidis habemus, quod Papa a judiciis Ecclesiasticis, etiam in Conciliis, Magistratus Christianos (contra antiquam praxin) excludat. Quod cum urgere soleamus scriptis, annon ostendendum videatur praxi? ut harmonica esse omnia nostra sic etiam pateat, et forsitan Catholico-Politicis saliva moveatur. Deinde, praesentatio Confessionis Augustanae Caesari Carolo; et Bohemicae, Regi Ferdinando; utriusque autem in Polonia, Sigismundo Augusto, facta est a Politicis: quidni ergo et defensio? Tertio, Habemus Dei gratia in Politicorum ordine Viros doctos pios, Zelosos; qui, si excludantur, *χωρὰ πρόσωπα* erunt; si loqui permittantur, dona sua in publicum Ecclesiae bonum publice locabunt. Quarto, Praesidem Catholici habebunt Virum gente nobilem, Episcopali et Senatoria dignitate conspicuum: nos vero qualem? Annon e Nobilitate hunc legi conveniat, expendatur. Denique, quia in omnia prospiciendum est, cogitarique etiam possit, annon adversarii Ministros proscribendi occasiones quaerunt: videndum, num sic obex poni possit? Constat enim in Tridentino Concilio unum hoc obstitisse, ne Lutherus et Zwinglius anathematizarentur, quod Principum implicari videretur auctoritas: monente id Cardinali Lotharingio (Petr. Suav. pag. 890).

II. Deliberandum quoque, An quidquam aliter quam scriptis, in Sessionibus publicis publice permutandis, agere expediat? Tutissimum videtur, tantum scriptis agere. Quia sic Primo, facilius meliusque elaborabuntur singula, domi inter suos, omnium voce libere satis, diligenter collatis, accurateque ponderatis, sentiatis. 2. Poterunt ferre sententias non tantum duodecim collo-

quutores, sed et reliqui Eruditi et pii, utriusque ordinis, Viri
 3. Inter Colloquutores possent aliqui esse, quibus extemporaneis esse datum non est: quales, data mora, vel caeteris melius sententias dicere solent. 4. Sed et extemporanei aliquando impingere possunt: quod adversariis aut calumniandi, aut irridendi, ansam praebere potest, quae sic praecidetur. 5. Expeditius videtur processurum negotium, si non volaticis sermonibus tempus trahatur, sed res ordine fixo agantur: ad soliditatem compositis, et ad immutabilitatem exasciatis scriptis, tanquam cancellis, e quibus evagari non liceat. 6. Praesertim cum Adversariorum mos sit, a principali scopo ad quaevis parerga transilire, ut ne manus dent: quod hic ut ne possint praecavebitur. 7. Non aequae occasio erit abrumpendi Colloquii illis, qui antehac id, causae diffisi, et se speratam victoriam assequi non posse videntes, factitare consueverunt. 8. Nec post Colloquium Colloquii Acta aliter, quam res gesta est, vulgandi possibilitas restabit: quum utriusque partis autographa penes utramque partem erunt, utriusque Praesidis manu (vel singulis foliis, ne ulla fraus admitti possit) subscriptis. 9. Quod si dimisso etiam Conventu, charitativum hoc certamen scriptis continuare libebit, poterit, pulchro illius rei sic coram facto exordio. 10. Et quia hoc ipsum, ut scriptis agamus, supplice Orlensi libello a S. R. M. jam quaesitum, neque nobis negatum est, insistendum erit huic viae. Nempe ut quaelibet pars (sive quidem una hebdomadatim Sessio habeatur, sive duae aut plures) domi elaborata sua, seu Quaesita seu Responsa, duobus Exemplaribus ad mundum descripta, secum adferat: et post collationem publice factam (ut nullo verbo, aut verbi apice, Exemplaria inter se variare, omnes utrinque videant) subscriptioneque Praesidis utriusque singulis foliis sigillatis, Exemplar sibi pars adversa utrumque volet sumat, altero parti alteri relicto.

III. Ad agendi modum spectabit praemeditari, Quomodo feliciter inchoari opus possit, ne aut initio statim dissolvatur Colloquium (ut antehac saepius) aut illi nos stratagematis suis quibuscunque, circumveniant: Nos potius illos. Eo scilicet fine ac modo, quo Orationibus praemitti solent Exordia; ad excitandam attentionem, benevolentiam, docilitatem. Putem igitur praemittenda esse Postulata quaedam: quae illi negare non possint, et quae tamen ex-

citandis utrinque animis, totique Colloquii processui necessariis cancellis includendo, Veritatisque potenter demonstrandae, bene serviant. Cujusmodi Postulata ut admitti necesse habeant, erunt aut Notitiae communes, quas negare non sit sani; aut clara Scripturae dicta, quae non audire non sit pii; aut denique Dilemmata, in quibus quicquid elegerint, seipsos feriant, hoc est, in proprias tenebras impingant, prospiciendique melius occasionem inveniant. Exempli gratia: Postulandum putem, ut conveniat utrinque.

1. Colloquii hujus finem esse, Experiri, an dissidentes in Fide Christiana non dissidere possint? hoc est, An omnes possint Veritatem tantum et Pacem diligere (ut mandat populo suo, lactitiae tempora praenuntians, Deus, Zachar. 8. 19). Hoc si stat, stet quoque, orandum esse omnibus nobis Patrem luminum, ut illuminet omnium oculos, ad videndum et inveniendum veram solidae Pacis et Veritatis viam, quae Ecclesiae lactitiam suam, pristinum scil. nitorem, et Conscientiarum veram tranquillitatem, reddat. Quisquis igitur non rogaverit ea quae ad pacem sunt Jerusalem, neque propter fratres suos (proximos suos) et propter domum Dei quaesierit bona ejus, impius esto.

2. Colloquium hoc inchoari auspiciis Serenissimi Regis nostri Uladislai, qui sanctissimi mitissimique Mosis exemplo altercantibus Israelitis suis (quibus se liberatorem datum intelligit) interveniens, eos reconciliare in pace quaerit, dicens: Viri fratres estis, ut quid nocetis alter alterum? (Actor. 7. 26.) Hoc si divino instinctu fieri credimus, perque manum hujus Mosis Deum nobis salutem dare intelligimus (Act. 7. 25). Quisquis ergo altercantium pio huic Mosi dixerit, Quis Te super nos principem aut judicem constituit? rebellis esto.

3. Colloquio hoc funestissimis Christianorum bellis remedium (sapientissimi Regis intentione) quaeri: ut furiose ac per tumultum inter se agere tandem aliquando desinentes, sapientum exemplo consiliis potius quam armis rem gerant, judicioque inter se formato, quid melius sit, omnes ex aequo videant

(Job. 34. 4). Quod sapiens esse cogitatum et consilium, si stat, stet simul, Insipientem, rerumque turbatorem fore illum, quisquis effugia quaerere, aut consilii tam sancti processum (ante plenum illius exitum) abrumperere tentaverit.

4. Colloquium hoc institui populo Christiano inspectante, exitum bonum optante, malum extimescente. Prudenter itaque tractandum, cum timore et tremore, tanquam in quo salus multorum versatur (Phil. 2. 12). Si quis ergo temere hic egerit, temere cum illo agat Deus (Levit. 26. 23).

5. Stet insuper, nec de eo dubii quidquam restet, Negotium hoc totum esse Dei: sancte itaque et religiose, ac cum timore Dei, tanquam in ipsius Dei conspectu, tractandum. Si quis secus faxit, resque divinas non divine tractet, laesae divinae Majestatis reus esto (Rom. 1. 21).

6. Stet, esse negotium spirituale. Carnales ergo affectus in universum seponantur: nec quisquam quenquam secundum carnem (ne Christum quidem ipsum) noverit. Si quis secus faxit, violati Apostolici canonis damnas esto (2 Cor. 5. 16).

7. Stet, concernere negotium hoc amplitudinem Regni Coelorum promovendam: Coelum itaque hic spectandum, non Terram. Terrena si quis sapiat, gloria ejus sit in confusione (Phil. 3. 19).

8. Stet, negotium esse communis Salutis. In commune itaque consulendum, ut omnibus esse possit melius, nec quisquam supplantari se suspicandi occasionem habeat. Si quis secus faxit, circumveniatque in hoc tam sancto negotio fratrem suum, Dominus vindex esto (1 Thessal. 4. 6).

9. Esseque negotium Pacis. Hostilitatis igitur vias, infeliciter hucusque tritas, prorsus esse deserendas: ingredendamque omnibus viam pudicae, pacificae, modestae, suasibilis, plenae misericordia etc. sapientiae (Jac. 3. 17). Quisquis ergo hic Filius Pacis fuerit, requiescat super illum pax: quisquis spreverit pacem, recedat ab illo (Luc. 10. 5, 6).

10. Esse negotium charitatis, quae non quaerit quae sua sunt, non irritatur, non cogitat malum: omnia suffert,

omnia credit, omnia sperat, omnia sustinet (1 Corinth. 13). Stet igitur, purissimo amore et candore charitativum hoc negotium agendum, et peragendum esse totum. Si secus, iudicium sit illi sine misericordia, qui non facit misericordiam (Jac. 2. 13).

11. Esse denique negotium *Faederis mutui*: *Faeder*a autem pactis mutuis, *Pacta* rursus obligationibus, constare: *Faciam*, si facies; *Dabo*, si dabis; *Amabo*, si amabis; *Desinam* esse hostis, si desines tu etc. *Afferri* ergo oportere animos puros, *fidem*, *patientiam*, *praeteritarum offensarum oblivionem* etc. Ubi *dissensionis morbus* verus est, vero *sincerae consensionis remedio* opus esse: *fucatis* nihil profici, nisi ut *ruptura* etiam sit *major et nocentior* (ut *minatur Christus* Marc. 2. 21). Si quis igitur *sciens volens perfide egerit*, *Dominus testis esto* (Malach. 2. vers. 10. 14).

12. Et quia *postulare indigna*, aut *offerre conditiones iniquas*, *belli est initium*, non *pacis*: nos vero tanquam *bellis imposituri finem adsumus*, quidquam igitur *iniqui pars a parte exigere cavebit*. Aut si altera *tentabit*, *coram Deo*, et *Uncto ejus*, *populoque Christiano*, *iniquitatis rea esto*.

13. *Aequum autem esse statuatur*, *Examen illud*, *Utra pars tanti in Ecclesia Christiana Schismatis rea sit*, *neutri parti subterfugiendum esse*. Ut si ab *Ecclesia Romana secedendo peccavimus nos*, *errorem emendandi occasio sit nobis*: si autem *scandala fuisse populis Christianis objecta ab illis* (ut *remedium non fuerit nisi in separatione*) *evictum fuerit*, *scandala ejusmodi submovendi causa ut sit illis*. Si autem *pars tale examen recusaverit*, *cauteriatae Conscientiae argumentum esto*.

14. *Aequum item statuatur*, *Doctrinam*, *Ritus*, *Vitam*, *Ususque et Abusus omnium in Religione concurrentium*, *utriusque partis*, *aeque acriter examinari debere*, donec quid *Veri et Boni ubique subsit*, aut *contra*, *aeque pateat*. Qui sua *pressius attrectari nolit*, *causae morbidae indicium esto*.

15. *Cum autem sola Veritas antiqua sit* (quippe *Error nihil est nisi Veritatis corruptio*, *Veritate igitur posterior*: *Veritas autem ab initio est*, *coaeva illi qui Antiquus dierum*

dicitur (Dan. 7. 9.) quicquid antiquum esse evictum fuerit, illi soli pars utraque acquiescat. Si quae non acquiescere, Errori sciens volens adhaerere tentaverit, contra seipsam testis esto.

16. Quia omne Novum suspectum, atque si ad antiquae Veritatis evidentiam deduci non potest, falsum: quicquid Novitatis convictum fuerit, utraque pars dimittere teneatur. Si recusaverit altera, Erroris manifestissimi convicta esto.

17. Quid tamen fieri potest, ut Error quoque et falsum diuturna sint, ac inveterata; Veritas contra (post obscuracionem aliquam) renovata: sive quid Vetustatem praefert, sive rursus Novitatis accusatur, stet, utrumque examinandum esse serio, donec an vere tale sit aut non sit, pateat. Id qui nolit, non se id quod simulat credere, eoque sibi et aliis fucum facere, convictus esto.

18. Et quia incertae Opinioni contra Veritatem certam nulla debet esse protectio, ubicunque Antiquitatis vel Novitatis fucus deprehensus fuerit, deleatur: nec apparens spectetur Antiquitas aut Novitas, sed vera. Id qui nolit, manifestae hypocriseos exemplar esto.

19. Cum autem vera Antiquitas Christus Jesus sit, et doctrina quam illius jussu Apostoli mundo nuntiarunt, primaevaeque Ecclesia immediate ab illis recepit: quisquis stare super vias, et videre, interrogareque de semitis antiquis quae sit via bona ut ambulet in ea, sciens volens recusaverit, rebellis esto Deo suo, nec inveniat refrigerium animae suae (Jer. 6. 16). Adeoque si quis aliud Evangelium evangelizaverit, praeterquam quod evangelizatum est ab Apostolis, etiamsi Apostolus sit, etiamsi Angelus de coelo, anathema esto (Gal. 1. 9).

20. Quia denique omnis theoria est propter praxim: et quia scienti bonum facere, et non facienti, peccatum est illi (Jac. 4. 17.) statuatur utrinque jam nunc ab initio, quicquid sic antiquae Veritatis theoria vera commonstraverit, transferendum esse ad praxim: ut scilicet pars victa (utracunque fuerit in hoc, isto, illo, puncto) gloriam det Deo,

et illico emendet. Hoc si quae recusaverit, magisque dilexerit gloriam hominum, quam gloriam Dei (Joh. 12. 43.) recidat in illam confusio in conspectu Dei (Ps. 115. 1. Dan. 9. 7. Mal. 2. 2, 3) sitque subversa, proprio judicio condemnata (Tit. 3. 10, 11).

IV. Ad eundem agendi Modum spectabit, ut si quid illi nobis similiter offerent, aut a nobis postulabunt, respondeamus placide: ita tamen, ut scopo nostro conformia sint omnia semper. Ex. gr.

1. Si illi nos primi (tanquam provocantes provocatos) ad colloquia secum invitabunt, responderi poterit, Paratos esse nos: modo sciamus, **An cum hominibus liberis actio futura sit** quibus nempe dicere liceat, quod Apostolus, Ut intelligentibus loquor, Vos judicate quid loquar. Si affirmabunt, transferatur in leges, libere utrinque, tanquam liberis cum liberis agendum esse, Conscientiam nemini praeter Deum mancipando. Si dixerint, Pendere se a judicio Ecclesiae, respondebitur: Quo ergo fine haec inceptantur ab illis, qui sui juris non sunt? Atque hic urgendi, donec detegatur, quanta sit servitus hominem homini mancipare conscientiam). Tandem tamen, si ita res poscat, poterit dici: Ergo et nobis appellare licebit ad plures. Ut enim Vos non accepistis Religionem a Vobis, ita nec nos Reformationem a nobis. Pendemus igitur utrinque aliunde, a majori numero. Ergo non aliter tractabimus de his, quam ad referendum aliis. (Id sic ab initio protestari bonum erit: tum ne veniri possit ad Ministrorum proscriptionem, si hanc moliantur ut non nemo timet: tum ut occasio sit provocandi postea ad Concilium etc.)

2. Si autoritate sua niti, aut Ecclesiae titulos crepare, incipient (quod solemne illis, initiumque in ipsis Invitatoriis fecerunt) proponatur ipsis quaestio, **Utrum pro Veritate, an Autoritate pugnaturi sumus?** Posterius forsan vix audebunt dicere, in tam lucido theatro. Ergo si Prius dicent, fiat canon; Autoritates et respectus humanos seponendos, Veritatem nude spectandam. Secus facientes causa cadant, ipsius Dei, Veritatis aeterni vindicis, ope.

3. Si aperte postulabunt, ut redeamus unde secessimus, ad Ecclesiam Romanam: respondere licebit; **Redeat prius Ecclesia**

Romana ad se, quae prior discessit a se: atque in nobis non erit mora. Nempe ut Ecclesia ista rursus talis sit, qualis fuit dum sine controversia vera et pura fuit. Neque nos esse ursoros Apostolorum tempora, ubi Ecclesia nascens fuit, doloribus partus adhuc pressa, multa parte adhuc informis (formabatur enim demum) sed qualis fuit persecutiones et haereses eluctata, sub Constantino, Augustino etc. Nempe detrahantur omnia quae interea succreverunt, nobis et Verbo Dei suspecta, et quae merito pro zizaniis in agro Domini (dum homines dormirent) seminatis, habentur. Concedatur ergo canon: **Quicquid tum non fuit, neque nunc esto.** Sic Ecclesiam recte esse reformatam nos credituros, neque aliam reformationem flagituros. (Atque, sic occasio erit eundi per historias Ecclesiasticas, antiquas et novas: ut quicquid posterioribus temporibus additum fuisse (in dogmatibus et ritibus) aperte deprehensum fuerit, tollatur. Tum et si quid ab Historicis annotatum non reperietur, a Christo tamen et Apostolis fuisse traditum demonstrari certo non poterit, perque abusum quendam irrepsisse patebit, tollatur similiter, vi Axiomatis Christi, **Ab initio non fuit sic.** Ita pauciores habituri simus Ritus, sicut et Dogmata, puriora tamen omnia.

4. Si evincere tentabunt, Romanam Ecclesiam Ecclesiarum esse matrem; concedatur tantisper, dum nobis illi concedant, Filios Ecclesiae sibi divinitus datam habere potestatem Matrem suam iudicandi, et ut fida sit Patri et Marito suo, cogendi: aperte sic mandante Deo, Osee 2. 2. **Judicate Matrem vestram, judicate! quoniam ipsa non uxor mea, et ego non vir ejus, nisi auferat fornicationes suas a facie sua etc.** Ad minimum igitur Matrem hanc filiis suis rationem reddere et se a reatu, si innocens est purgare teneri: aut si secus fuerit deprehensum emendare vias suas. Iram metuens et vindictam, si non Filiorum suorum (quorum monita, preces, lacrymas, contemnere, virgisque, flagris, scorpionibus, imo gladiis, compescere, consuevit, Matth. 23. 37). Patris tamen et mariti sui: qui zelotypus cum sit, extrema ibidem minatur (v. 3, 4, 5, 6, 10, 11 etc.) nisi vadat et revertatur ad virum suum priorem, ut sit illi bene, cantareque possit juxta dies juventutis suae (v. 7, 14, 15, 16).

5. Si postulabunt, ut saltem Papam odioso no-

mine Antichristum ne appellemus posthac, nobis vicissim Haereticorum titulum condonantes: dicere licebit, **Dimittat ergo Papa id, in quo proprie Antichristianismi medulla est.** Id autem quid sit, patere ex 2 Thess. 2. 4. nempe, Universalis Episcopi titulum, et in conscientias dominatum. Reddat igitur Papa Episcopis dignitatem suam, et consciis libertatem suam: ut Episcopi immediate sint vicarii Christi aequae ut ille: et Christus ut regnet per Spiritum suum in cordibus electorum. (NB. Hic locum habebunt Articuli Sorbonae, Anno 1611. Jesuitis ad subscribendum propositi: 1. Concilium supra Papam esse. 2. Papae in temporalibus potestatem nullam esse. 3. Non licere ei Reges excommunicare. 4. Nec sacramento subditos solvere. 5. Clericos crimen laesae majestatis incurrere. 6. Quae in confessione ad Rempublicam spectantia cognoscuntur, omnino deserenda esse. Haec in exemplum dicta sunt.)

V. Ad agendi quoque modum spectat, habere in paratis plurimos arietes, ad disjiciendum omnes (aeneos licet et chalybeos) praejudiciorum muros. Ex. gr. Dum jactant, Doctrinam et Fidem in Ecclesia Romana semper mansisse, manereque, incorruptam, tametsi in Vita abusus irrepserint: habendus est in promptu abominabilium Errorum catalogus, ad gloriationis vanitatem palpabiliter demonstrandam. Nec permitamus, ut litigiis de Ecclesiae auctoritate, de Scripturae sensu, de Missione, similibusque, tempus trahatur: sed impetenda est causae arx, ut invito Deo et veritate inpeccantiam Papae suo tribui, nolint velint, agnoscant. Ubi artificiosum erit (NB.) si agatur ita syllogistice, ut praecedens utraque illorum propria sit, ex illorum Libris desumpta; Conclusio vero ipsa eorum jugula petat. Ex. gr. Aliquoties in Jure Canonico legitur, Simoniam esse haeresin. Atqui Papas, Episcopos, Abbates, Parochos, fere omnes, ab aliquot jam seculis non aliter quam per Simoniam constitui, multas ipsorummet querelas habemus, fideque historica demonstrari potest. Unde necessario sequetur, totum Papatum haeresin esse.

2. Cum Antiquitatem et Patres jactabunt, habendus erit in promptu Index expurgatorius, quaerendumque: Quo fine igitur tot in Patribus loca emaculari curaverint? Ita enim patebit, Antiquitatem pro nobis esse, non pro illis: ipsos autem facere, quod non decet, dicentes falsum testimonium de proximis suis (antiquis Doctoribus) contra proximos suos (Oves suas, ut eas in errore contineant). Eoque se assimilare (nisi paenitentia ducantur) illis, qui veritatem commutant in mendacium (Rom. 1. 25) dati in sensum reprobum, ut faciant ea quae non conveniunt (ibid. v. 28). Sicut ergo fur confunditur, quando deprehenditur, ita incipiant erubescere illi (Jer. 2. 26) deprehensaque reddant septuplum, et omnem substantiam domus suae tradant (h. e. agnoscant et fateantur dogmata sua esse nova, antiquitatis patrocinio destitui) eoque modo se liberent (Prov. 6. 31). (Sed NB. Index ille Expurgatorius ad manum habendus erit, inspiciendaque ipsa Editionum loca, ut nobis prius certum sit, ita esse, quam illis objicere falsi crimen attentemus. Ne dum alios falsi testimonii accusamus, ipsi id contra proximum committamus.)

VI. Ad agendi modum spectabit, ut si forsani illi nos inter nos committere quaerent aut alias importune urgebunt, nos ipsos rursus inter se committendi, media quaedam habeamus ad manum. Id enim in causa bona ad impetus hostiles retundendos licere, Apostolicum docuit exemplum, Act. 23. 6. Imitari hoc tentabat Cardinalis Lotharingius, in Colloquio Possiaceno, sed non successit: quis scit annon hic idem novis artibus tentabunt? Praevidendum itaque et praecavendum. Possunt autem revera illi, salva veritate et pietate, candoreque Christiano, adversus invicem concitari, si quas Politici illorum cum Clero habent lites (de dominatione seculari, de exemptione a jurisdictione Magistratus, de Papae supra Reges potestate etc.) tempestive producantur, prudenterque ad rei Veritatem tractentur. Sorbonae etiam exemplo: quae jura Majestatis defendendo, et patriae tranquillitati consulendo, eadem opera et Magistratibus placere, et insolentiam retundere, consuevit.

VII. Tandem, si nihil aliis modis proficitur, provocare

licebit modeste ad Concilium generale, liberum: ad quod similiter provocant omnes gentes, etiam Catholicae in suis cum Romana Curia controversiis, Galli, Veneti, etc. in ipso etiam Tridentino Concilio. Ita patebit modestia nostra, obstinatos prorsus non esse nos. Habebimusque causam communem cum aliis Populis. Atque si tandem his occasionibus Generale liberum obtinebitur Concilium, magnum tulerimus Colloquii nostri pretium.

[VI.] De Colloquutoribus eligendis.

Tempus quoque jam tandem erit Colloquutores nominandi nostros, ut se dignis modis praeparandi ne desit spatium justum. Ubi deliberandum erit.

1. Solisne tamen Theologis committenda erit haec sparta? an e Politicis adjungi placeat quosdam? Pro posteriori argumenta quaedam dicta sunt ante: nec fortassis aliter judicabit Theologorum nostrorum quisquam. Sed audiendae erunt Dominorum Patronorum rationes.

2. Quotnam illorum? Ad paritatem nos invitant. Illi vero praeter duodecim Colloquutores alios 12. elegerunt, succenturiaturos, si quis primariorum istorum morte decedat, aut morbo detineatur, aliamve ob causam absit. An ergo imitandum?

3. Quinam vero erunt? Viderint id provinciae singulae. Quod si Polonia et Lithvania duodecim e suis nominent, Prussia et Curlandia tot idem? Ex illis autem viginti quatuor ad ipsum Colloquium congregatis, eligantur denuo duodecim, quibus cum Praeside sedendi tribuatur autoritas? Posset itaque (ad Ecclesiarum numerum proportionem habita) Polonia major nominare tres; Minor quatuor; Lithvania quinque. Dantiscani (apud quos Ministerium divisum) duos; Elbinga et Thorunium singulos; Regiomontani cum Academia duos; Elector duos; Dux Curlandiae duos; et exteri illi, si erunt, duo.

4. Tum vero agendum erit de illorum officio. Nempe an arbitrio illorum committenda sint omnia, aut quibus conditionibus? Admonendi videntur, ut quisque totum negotium tam sibi esse cordi sinat, ac si soli sibi in arena standum sit, Veritatis defensionem subituro, bellumque hoc Domini pro victoria Veritatis et salute Ecclesiae depugnaturus. Nihil itaque faciat reliqui, quod ad optatum causae exitum ullo modo facere posse videatur. Nec tamen alio fine, nisi ut arma sua in

commune post armamentarium conferat, in acie vero ubi jus-
sus fuerit, pugnet. Quia tamen res diffusa est nimis, optimum
factu videtur, ut distribuantur pensa, qua potissimum parte
seipsum quis instruere debeat. Ex. gr.

(a.) Alii legant *Historiam Antiquitatis*, maxime
primorum quatuor seculorum, Patrumque illius temporis: ut ne
nobis ulla in re antiquitatis nomine fucum facere possint. Quod
studium cum sit diffusius, eligi huc possunt e 24. istis sex,
rursumque inter se pensa partiri.

(b.) Alii conquirant *Testes Veritatis*, contra irrepen-
tes quovis seculo corruptelas. Quo facient *Centuriae Mag-
deburgenses*, *Catalogus Test. Ver. Flacii*, *Gerhardi
Confessio Catholica*. Forsan et *Novitas Papatus Moli-
naei* etc. Ad hoc sufficient, spero, tres.

(c.) Alii evolvant *scripta Polemica* nostri seculi,
adversus Pontificios et ab illis, a Lutheri tempore, edita. Nempe
Lutheri, *Eccii*, *Emseri*, *Calvini*, *Bellarmini* (et
Antibellarminorum) *Becani*, *Chamieri*, etc. Cui rei rur-
sum vel sex *Viri docti*, et jam ante in istis non male versati,
destinandi erunt.

(d.) *Historia Concilii Tridentini* ad unguem
noscenda erit, ex *Petro Suave*, *Andradio*, *Chemnitio*
etc. Cui *historia Confessionis Augustanae* addi poterit: atque
haec tres agant.

(e.) *Tandem Irenica scripta* (initio facto a *Cassan-
dro*, ad *Grotium*, usque (ac *Rivetum*) non ignoranda,
quid, et quibus viis, quove successu tentatum sit hactenus:
ut cur non processerit, et penes quam partem schismatis causa
resideat perpetuo, ostendi possit. Cui negotio reliqui tres de-
stinari poterunt.

Esset autem valde utile, ut *Omnes hi Indices* sibi
conficiant, ad quos quicquid de ullis materiis
legerint, accurate referant; quo quoties hujus
aut illius rei usus veniat, mox ab hoc, illo, isto,
suppeditari possit. Item, ut *Authores*, qui allegabuntur
(allegationibus non fidendo) conquirant, inspiciant, consignent,
secumque tandem ad *Colloquium* afferant. Hoc modo si omnia
fiant, satis instructi videbimur cum Deo, ne ignorantia labo-
rare, aut ulla parte succumbere, necesse sit.

[VII.] De eligendo Praeside.

Proximum erit, ut eligatur in ipso Colloquio futurus actionum director; cui provida committetur cura, ut ordine fiant omnia. Illi Praesidem vocant, nobisque similiter appellandi potestatem faciunt; (quanquam Serenissimus Rex Moderatorem appellare videtur). Hunc nobis e Politicis legi debere, rationes quasdam attuli ante. Sed quia alius erit Politicus e Senatibus Regni, personam Regis repraesentans, Directoris forsitan aut Protectoris nomine, videbitur quid necessitatis aut decoris futurum sit. Si e Theologis: deliberandum, utrum e Superattendentibus Poloniae, vel Lithvaniae, aut Curlandiae, an potius e Theologiae Doctoribus (quorum tres quatuorve affuturos spes est) tanquam scilicet in Controversiis versationibus, sermonisque Latini usu promptioribus, eligendus sit. Quanquam fortassis in Praeside, nec hoc nec illud primario spectandum erit, sed prudentia, et in rebus agendis usu comparata dexteritas; autoritas denique, quam aetas, officium, mores, conciliant.

[VIII.] De exteris rursus Theologis.

Si Proceres in Comitibus Regni congregati, literis suis jam Varsaviae datis quosdam requisiverint, hic denuo salutandi causa erit, sive quidem responsa illorum jam habebuntur, sive non. Nempe de viatico illis significandum, unde petendum sit, rogandique ut tempestive adesse velint ad terminum, qui nominabitur; antevertendo ad minimum hebdomada unam et alteram, si non mensem integrum.

[IX.] De Bibliotheca.

Cum Theologis Thoruniensibus, adeoque Senatu ipso, agendum erit de Bibliotheca, an, et quanta, adsit? et an usus ejus futurus sit nobis patens? Ut scilicet Authores, quorum ibi copia est, aliunde afferri non sit opus: et qui forsitan non adsunt, aliunde eos curari, cuique juxta suum pensum, necessitas pateat.

(De loco Palatii, Sessionumque, et quae eo spectant, forma, utrum jam quoque agendum videatur, inter se et cum Senatu, nihil attingo. Tempus feret consilium.)

[X.] De silentio indicendo: praeterque ad Deum.

Primum et ultimum erit, obstringere se mutuo ad sacra silentia, ut ne consilia prodantur. Tametsi enim nihil agamus, in quo aspici deprehendi sit, prodireque tandem in lucem,

quicquid in occulto agimus, necesse sit (Luc. 12. v. 2. 3.) notum tamen est, Consiliorum in concertaminibus (sive amicis sive hostilibus) eam esse naturam, ut si patescant, vim amittant: ipseque Dominus noster (liceat consilia ejus intervertere nemo posset) quaedam discipulis suis dicta, et coram illis solis facta, vulgari, antequam ipse glorificatus esset, prohibebat. Insuper, negotium nobis cum verus est, qui non Veritati sed sibi (faxit Deus ut iudicio fallamur) victoriam quaerent, ideoque expiscari consilia, ut praevertant et pervertant, nullo intermittent modo. Quod ergo Dominus suis tum, cum eos ut Oves inter lupos mitteret, dixit, nobis jam dici putabimus: Estote prudentes sicuti serpentes, et simplices sicut columbae (Matth. 10. 16.) Ergo neque suis facile communicabunt secretiora illa, quae ad agendi modum pertinent: ne quidem eos animandi, illisque de successu bono spem bonam ingenerandi, causa. Nam cui Tu dixeris, dicet ille rursum alteri, et hic tertio, sub fiducia forsitan semper, donec publica erunt omnia. Recte igitur dixit, qui dixit: Quod tacere vis alios, tace ipse primus. Et quid ante victoriam triumphare prodest? Insolentiae speciem habet tametsi victoriae certus sis. Non gloriatur accinctus aequae, ut discinctus: dixit Rex arctissima obsidione cinctus, evadendi spe omni humanitus exclusus, obsessori suo Regi, certa triumphi spe jam insolescenti (1. Reg. 20. 11. etc.) Illud ergo nobis stet ob oculos: Beatus qui semper pavet (Prov. 28. 14.) Item; Homo sapiens in omnibus metuit (Eccles. 18. 27.) Et quia idem sapiens dicit: Cordis tui consilium stabilito; nemo enim tibi fidelior illo etc. Sed in his omnibus deprecare Altissimum, ut dirigat in veritate viam tuam: (Eccles. 37. 17. 18. 19.) secum unusquisque potissimum consilia ineat, illaque hu milititer cum Deo suo communicet, utque is dirigat in Veritate viam suam, et detegat in dies meliora, oret. Sed bonum foret publice quoque per Ecclesias preces indici, eoque fine orationis formulam, e scripturis collectam praescribi: ut quicumque recordantur Domini, ne taceant, neque dent silentium ei, donec stabiliat, et donec ponat Jerusalem laudem in terra (Jes. 62. 7.) Illi soli gloria etc. etc.

Comenius Hevelio.

Elbingae 8 Februarii 1645.

(MS Bibliothecae Nationalis Paris. Nouv. acquis. lat. 10347 f. 7).

Nobilissime fautor, domine Höveli; Boni res omissis sit, amicitiam nostram realem fore, quod tam promte desiderium explere meum libuerit, submisso mihi novo illo novae Philosophiae libro. Quem quam avide expectavi, tam avide legi, nec manu dimisi prius quam revolvissem totum. Quam expleverit sitim quaeris? Accendit magis irritato, non exsaturato desiderio. Non libet de homine amico aliter quam amice pronunciare: sed provideo non defore qui pronunciabunt. **Paucis.** Infra spem sunt omnia propemodum. Cartesium in Cartesio desidero. Subtilitatem inventionum merito miramur: Sed et hoc potuisse persuaderi et sperare persuaderi posse aliis, omnibus totius naturae phaenomenis per istas suas hypotheses satis fieri: Fieri tamen potest, ut ego hebescam, nec assequar omnia. Esto: laboris tamen lectioni ejus impensi me nunquam poenitebit: multum enim profui: inprimis, si nobis quoque Naturalium aliqua theoria concinnanda erit adhuc (optem autem mihi tantum temporis, ut liceat redigere in ordinem aliquot annorum observationes nostras) ut hypotheses ponantur vere reales, a revelata divinitus veritate ex sensu communi, nulla parte abluentes, phaenomenisque non ad opiniones, sed vere, et ad sensum palpabiliter satisfaciens. Vides quid promittere audeam? Audeo, sed tibi, id est amico per amicam confidentiam. Et quia mihi tu suggestisti, unde id sperare audentius praesumam. Sed haec inter nos. Gratias itaque pro exemplari Philophiae Cartesianae iterum iterumque ago. Sed et referam suo tempore, senties id: aliter si nequivero, certe nostra illa physica quorum spem feci, ita tibi (et amicis qui tecum sunt aut erunt) communicando ut citra calculum vestrum luci quidquam dare religio mihi futura sit, tutius id fore, ut nobis domi primum satisfaciamus, scrupulosque si ulli enasci poterunt removeamus; quam in publico demum. Ad vos his ipsis diebus transire cogitabam ut eclipseos tecum,

apud te, tuorum instrumentorum ope, spectator essem. Sed fieri jam non poterit, propter Vistulae pontes incertos; et quia nubilosi dies noctesque tamdiu continuati spem nobis spectaculi adimunt. Alia denique impediunt negotia, differenda igitur erit hæc profectio in Vernum usque tempus. Salutem adscribo multam clarissimo W. Mochingero, nobilissimo W. Franchenbergio ipse scribam paucis. Vale et fave.

Elbingae, 8 febr. 1645

Tui
amantissimo
Comenio.

8.

Comenius Joanni Schlichtingio.

(Elbingae ?)

1645.

(Impress. unicum Bibliothecae Colleg. Reform.
Vilnensis.)

De legitima in Ecclesiis Evangelicis Pastorum
Missionem Dissertatio.

Intellexi ex literis tuis, amice, illum nostrum qui sibi dissidentes in Religione Christiana (nominatim Romanenses cum Protestantibus) reconciliandi partes sumsit, existimare totam Controversiarum (amice componendarum) molem, in unam illam fundamentalem resolutum iri: Num Protestantes illorum, quos duces sequantur (Lutheri et Calvinii) legitimam missionem ad Ecclesiam reformandum, eoque Ecclesiam à Romana separatam constituendum, **probare** possint. Hoc enim si poterunt, Romano-Catholicis nullum amplius fore dubium, Protestantes veram doctrinam, vera sacramenta, veramque Ecclesiam habere: uti ejus (desumpta ex data ad Illustrissimum D. Palatinum epistola) verba sonant.

2. Mirum artificium, mirum tot Controversias simul et semel decidendi compendium! Utinam feliciter excogitatum! Tantâ enim controversiarum (hoc est dissensionum, contradictionum, affirmationum, negationum, argumentationum, exceptionum, instantiarum, limitationum, effugiorum, assultatio-

num et insultationum, litis denique ex lite multiplicationum) mole obruimur, ut plerique in tanto strepitu quem potius audiant, aut cui magis credant, ignari, vel omnia esse aequae incerta suspicentur, vel partes nonnisi caeco impetu, quod quem nascendi sors, aut educatio detulit, sequantur. Beatos igitur existimare Christianos merito liceret, si Deus tot infelicissimis conflictationibus tandem aliquando felicem imponendi finem tale aliquod, tam blandum et efficax, ostenderet medium.

3. Mihi tamen est cur dubitem, hoc ipsum quod ille jam profert tale fore. Primum, quia tentatum fuit jam antè, sine successu tamen, etiam apud nos in Polonia. Nempe Smiglecius Jesuvita hanc ipsam quaestionem ante annos triginta eodem formavit modo, subque titulo Nodi Gordii Ecclesiis in Polonia reformatis obtulit. Responsumque est ab illis, et vicissim: causa tamen mansit quae fuit. Sed demus quod ille vult, amice haec utrinque reassumenda, nec dimittenda esse, nisi obtineatur quod quaeritur: quis tamen spondebit, partem sic victam victoria cessuram? Fuit sanè, cum Romani et Albani tergemini fratribus commisso certamine, praelii et sanguinis compendium fecerunt, feliciterque in unum coaluerunt populum: sed fuit rursus, cum Goliathi et Davidis duellum Philistaeos Israëlitis conciliare non potuit: quia Philistaei, quanquam concertaminis illius authores, postquam non ut spe praeconceperat, evenit, ignominiosam fugam, quam honestam ex pacto deditioem, praeeligere maluerunt.

At vero cum charitas Christiana non soleat cogitare malum, omnia potius credendo, omnia sperando, omnia sustinendo, eludi mavult spem suam, quam non optima quaeque sibi tum de proximorum candore, tum vero magis de bonitate Dei polliceri: non subterfugiendum esse puto hoc etiam concertaminis genus, sive sic res cadat, sive aliter. Succumbere enim non poterit Veritas, si penes nos est, recte armis, suis defensa. Si penes illos (quod Illi utique praesumunt) in lucro nobis et honore erit, à Veritate vinci, Veritati reconciliari, Veritate jam demum recte circumfulgeri. Certè si filii lucis sumus non debemus non optare, ut Veritas è tenebris in lucem producta victoriam, laetosque triumphos, agat. Laetos inquam, sine caede et sanguine: qualis fuit cum seposita hostilitate et armis Albani Romanis, et Romani Albanis, coalescebant. Sin Philistaeis non stare

pactis, et se ad sua recipere allibuerit, confusionem tamen reportabunt: venietque tempus cum nolint velint dedant se Israëli, Davide regnante.

5. Rectè igitur Te fecisse existimo, quod jussis hac in re Illustrissimi Domini parere, et ad aliquot Viros Theologos quaestionem hanc deferre, eorumque non tantum judicia, sed et quaestionis decidendae fundamenta, exquirere volueris. Et quia meam quoque audire libet sententiam, dabo horas aliquot meditationi huic; et quicquid jam nunc videre quod ad rem sit, dederit Dominus, candide in chartam coniectum communicabo. Expressâ tamen cautione, ne ista manibus Tuis elaborantur, antequam omnes alii sententias communicaverint: et antequam, num illis serio tali hoc armorum genere congruere animus sit, certò constet, deque eo conveniat. Illustrissimo tantum Domino communicare haec poteris: in specimen, non defore Veritati arma, si hâc viâ ventum fuerit ad arma.

6. Scribis B. Nigrinum expressè ad Te protestatum, Nolle audire de Ministrorum nostrorum legitima vocatione, nec de Electione, aut Ordinatione: sed de Missione tantum: in hac quaestione concentrari omnia. Id ego sic intelligo. Concedere illum Vocationem apud nos posse esse legitimam: si ad Pastorum vocent illi, quibus Collaturae seu Patronatûs jus competit. Posse et legitimam esse Electionem: si qui vocant, circumspiciant personas idoneas. Nec denique jam disputare vult de Ordinationis Ritu: si conformis sit Canonibus Conciliorum ea de re traditis, aut etiam simpliciori praxi Apostolicae, Solam Missionem nobis facit dubiam: h. e. an potestas mittendi legatos Dei, nomine Dei, quam Christus à Patre acceptam dedit Apostolis (Joh. 20, 21) illi autem successoribus suis (Tit. 1, 5) et hi rursus aliis, ut sic continuet ad Mundi usque finem, penes nos sit, nostris in Ecclesiis. Hoc unum, solem, totum, esse vult, à quo decisio Controversiarum omnium unicè pendeat.

7. Quid nos ad haec? Dicam quid mihi videatur. Placet quod controversias minuat. Placet quod controversiarum aliquam basin figat. Placet, quod aperte et sine ambagibus loquatur: λόγομαχίαν enim quid prodest? Eveniat Illi, et nobis,

secundum vulgatum illud: Qui benè distinguit, benè docet, Premam ergo ipse eadem vestigia, distincteque procedendo.

I. Ante omnia, Illum nobis hoc tale certamen offerendo in ipso limine impingere, docebo § 8 etc.

II. Dehinc, Ad hoc Certaminis genus provocationem nihil nisi a Certamine vero effugium esse, probabo, § 13, etc.

III. Certamen nihilominus tamen admitendo, Missio legitima Pastorum Ecclesiae quid sit, ostendam, § 17, etc.

IV. Talem habuisse Reformationis nostrae authores, euincam § 47, etc.

V. Eandemque in Ecclesiis nostris sanctius custodiri, quam apud Romanenses, demonstrabo. § 59.

VI. Fundamenta erroris illorum circa rem hanc detegam, § 67.

VII. Demumque concludam, 72.

De I.

8. In ipso eum limine impingere dixi: quia fundamental loco sumit, quod nec verum esse probavit. nec ut interim verum esse concedatur postulavit. Nempe totius hujus controversiae ima basis necessario ponenda est bimembris haec quaestio. In Pastoribus Ecclesiae Doctrinae ex Missione, an Missio ex Doctrina, aestimanda, judicanda, probanda sit? Ille affirmat prius: et tanquam utrinque concessum esset, Missionem pro Doctrinae norma sumit et secundum hanc ad certamen provocat: penes illos fore Doctrinae Veritatem pronuntians, qui Missionem suam demonstrare poterunt melius. Quod si nos non concesserimus haerebit in ipso limine. Durum enim ipsi erit, adeoque impossibile, argumentis veris evincere quod praesupponit; Doctrinae et sacramentorum Veritatem à Veritate Missionis pendere. Nobis autem affectionis illius falsitatem Rationibus, Testimoniis divinis, Exemplis, ostendere facillimum.

9. Nam si Missio vera Doctrinae verae verus

character est: sequitur legitime missos semper vera docere, nec aberrare unquam. Atqui hoc falsum: ergo et illud. Primo enim, possunt etiam legitime missi negligentes esse circa legem Dei, eamque non curare, indeque in errores prolabi. Patet id exemplo Pastorum Ecclesiae Israeliticae: qui legitimam, vereque divinam, habebat Missionem, Successionem, Promissionem, Mandatum, et quid non? Et tamen concreditam sibi (non duntaxat ad custodiendum, sed et legendum ac alios docendum) legem Dei tam negligenter habuerunt, ut amitterent tandem: eaque rursum casu repertâ, demum quam enormiter aberrassent omnes, cognoverunt. (2. Chron. 34). Secundo potest etiam legitime missus, falsis imaginationibus seductus, male interpretari legem Dei: doctrinamque sic depravatam et mordicus ipse tueri, et ad alios propagare. Cujus rei aperta testimonia Ezech. 22, 26. Sophon. 3, 4, et alibi: sub Novo autem Testamento exempla infinita. Quid enim Nicolaus Diaconus, ab ipsismet Apostolis legitime electus (Act. 6) annon faedus evasit haereticus? Et Arius, Macedonius, Nestorius, Eutiches, Photinus etc. annon legitimi Ecclesiarum Pastores fuere? Et quam tetros errores disseminârunt tamen?

10. Hinc est, quod Deus quoties extraordinarios mittebat legatos (Prophetas) non Missionem Ordinariorum rectificatum ibat, sed doctrinam et vitam. Pleni sunt his omnes Prophetarum libri. Per Jesajam sic loquitur Deus. Sacerdos et Prophetæ nescierunt prae ebrietate, absorpti sunt a vino, erraverunt in ebrietate (c. 28, V. 7). Item: Quis est caecus nisi servus meus? quis surdus nisi Nuntius meus, quem MITTO (42, V. 19). Et per Jeremiam; Verbum Domini projece- runt, sapientia nulla est in eis etc. à Propheta usque ad sacerdotem cuncti faciunt mendacium (cap. 8, V. 9. 10). Et sic ubique. Aperte itaque falsum prae- supponit Nigrinus: In qua Ecclesia vera Missio, ibi et doctrina vera etc.

11. Si quaeras: Ergone Missionis veritatem à Doctrina suspendemus? Respondeo, Tutius id posset utique. Quia qui doctrinam habet veram, intelligitur eam accepisse à Veritatis doctore Deo: non ut sibi servet, sed ut transfundat in alios. Hinc Apostoli auditoribus suis, Doctores

veros à falsis dignoscendi characterem dabant, doctrinam suam: si quis venit ad Vos, et hanc doctrinam non affert, nolite eum recipere in domum (2. Joh. vers. 10). Item, Charissimi nolite omni spiritui credere, sed probate spiritus (sive quis missus sit sive non) an ex Deo sint (1 Joh. 4. 1). Et collecti synodice contra Pseudoapostolos Apostoli, in synodali sua epistola, non hoc taxarunt in pseudo Apostolis, quod missi non essent, sed quod docerent quae Apostoli non mandaverant (Act. 15. 24). Instructio denique quam Christus dedit Legatis suis (Matth. 28). Docete eos servare omnia, quae mandavi Vobis: inferre videtur, ex Doctrina agnosci posse verum Christi legatum eum scilicet esse, qui docet ea sola et omnia, quae mandavit Christus.

12. Verum enim vero rectius ad propositam quaestionem per Neutrum respondetur. Nempe nec Doctrinam ex Missione, nec Missionem ex Doctrina, aestimandam: quia neutrum ab altero pendet simpliciter, utrumque propria sua pro se requirit testimonia. Nam quem admodum vere à Deo missus degenerare potest, ut non omnia vera doceat (quod jam vidimus) ita Doctrinam veram habere potest, ad docendum non missus. Ex. gr. Mulier aliqua potest esse tam illuminata, ut vel Ecclesiae Doctorem superet: et tamen quia ad docendum Ecclesiam mitti non potest (obstante canone Apostolicò 1. Cor. 14. 34) temerarie faceret, si docendi ministerium usurparet: stolidè autem, qui Ministerium ejus ob solam doctrinae excellentiam approbaret: tam diversa illa sunt (si non semper separata, semper tamen separabilia) Doctrina et Missio. Concludo, imperite ab invicem suspendi, quae ab invicem non pendent: quod dum ad certamen nos provocans (NB.) facit, in ipso limine impingit.

De II.

13. Dixi etiam, Talem hanc ad tale hoc Certamen provocationem, fugam esse melioris Certaminis, per quod facilius, verius, melius, utrobi verior Ecclesia sit, innotescere posset. Quod nam istud melius Certamen? Hoc, quod Augustinus

adversûs Arianos ursit: ut de dogmatibus Fidei, non auctoritate Conciliorum, hujus aut illius (hic dicendum, non auctoritate Doctorum aut Pastorum, missorum aut non missorum). Sed scripturarum auctoritatibus Res cum re, Causa cum causa, Ratio cum ratione, certet (adversus Maximinum lib. 3. c. 14). Tale hoc de Doctrinae veritate certamen, auctoritate solius Scripturae peragendum, si declinant illi, causae suae non fidere manifesto produnt. Lex enim lux est (Proverb. 6, 23). Lux autem manifesta facit omnia (Ephes. 5. 13). Cur ergo qui Veritatem facit, et docet, lucem hanc fugiat? (Joh. 3, 21).

14. Firmi aedificii argumentum firmum est, suo fundamento nixum stare immote: ruinosi contra indicium certum, externis egere fulcris; nec illô unô, sed variis. Similiter Ecclesiam, si cum doctrina sua proprio fundamento suo secura acquiescit, tutaque super illud unum quiescit, bene fundatam esse certum sit: si adventitia quaerit fulcra, vacillare indubium. Ecquodnam autem Ecclesiae fundamentum? Docet id Apostolus illis verbis: Superaedificati super fundamentum Apostolorum et Prophetarum, ipso summo angulari lapide Christo etc. (Ephes. 2, 20). Et in Apocalypsi Johannes: Murus Civitatis (Dei) habens fundamenta duodecim, et in ipsis duodecim nomina duodecim Apostolorum Agni (21, v. 14). Dicimus ergo, si quis doctrinae suae veritatem non directe à fundamento Prophetico et Apostolico demonstrare quaerit, sed ad externa (Traditionum, Conciliorum, successionis Pastorum etc.) diverticula confugit, eum effugia quaerere. Qualia quaesita sunt ab omni aevo illis, qui causae aperte defendendae diffidebant.

15. Exemplo sint Pastores Ecclesiae Israëliticae: quos cum a vero Dei cultu ad varii generis corruptelas, idololatriam etiam, deviantes Prophetae errorum admonebant, agnoscere, fateri, emendare, tergiversabantur: sua se legitima missione, et in sede Mosis successione, tutati. Queritur ea de re Deus apud Micheam: Sacerdotes ejus in mercede docent, et Prophetae ejus in pecunia divinant: et tamen super Dominum requiescunt, dicentes; Numquid non Dominus in medio nostrum? Non venient

super nos mala (cap. 3. v. 11). Et in Jeremiae necem conspirantes, etiam si extraordinarius ille e medio tollatur, non propterea tamen perituram Legem a Sacerdote, neque consilium a Sapiente, neque sermonem a Propheta, seipsos solati sunt (Jerem. 18. 18) quia Templum Domini, penes ipsos esset: cujusmodi solatia Deus verba mendacii appellavit (Jerem. 7, 4).

16. Sed et ulterius progressi cathedrales illi ordinarii, ausi sunt extraordinariis Dei legatis Missionis defectum exprorare. Ut Jeremiae: Mendacium tu loqueris, non te misit Dominus Deus noster (capite 43. v. 2). Et Johanni Baptistae: Cur ergo baptizas? (Joh. 1. 25). Et de Christo ipso: Nos Moysis discipuli sumus. Nos scimus quia Moysi loquutus est Deus: hunc autem nescimus unde sit (Joh. 9. 28). Ipsummet vero adorti dixerunt: In qua potestate haec facis? Et quis dedit tibi hanc potestatem, ut ista facias? (Marc. 11. 27). Monendi itaque nostri illi erunt, ne sic istos imitando, sive insolentiam, sive causae diffidentiam, tam manifeste prodant: potiusque ad causae arcem, Doctrinae secundum Scripturas utriusque examen, veniri patiantur.

De III.

17. Ne tamen nos ipsos subterfugia quaerere illi dicant, standum puto huic etiam Concertamini: atque sic jam ad tertium illud veniemus: Missio Pastorum legitima quid sit. Praesupponimus enim utrinque, ad Ecclesiae Ministeria neminem debere proprio ausu proruerere, sed cum reverentia accedere tum, cum mittitur. Sicut Apostolus dicit: Nec quisquam sibi sumit honorem, sed qui vocatur a Deo, tanquam Aaron (Hebr. 5, 4). Ut cum veritate de se dicere possit: Pro Christo legatione fungimur (2. Cor. 5. 20). Et non metuat de se querelam istam Dei esse, Non mittebam Prophetas illos, et ipsi currebant (Jer. 23, 21). Male cessit Core, Datani et Abiron, quod non vocati divinitus ad Sacerdotium, vocato Aarone, sese opposuerunt, fungi etiam sacerdotali munere tentantes (Num. 16). Male et Ozae, quod extenderat manum ad Arcam Dei, non jussus: licet id non temeritate ductus, sed in casu necessitatis, cum declinassent boves, et Arca

ruitura videbatur, ut sustentaret eam, fecisset (2. Sam. 6). Tam severus est Ordinis sui vindex Deus, ut eum violari nec destinato consilio, nec bonae intentionis praetextu, ferre possit.

18. Ut autem de legitima Ecclesiae Ministrorum Missione solide aliquid dici, et quicquid dicetur solide dijudicari, possit: ante omnia dicendum erit in genere, et velut in idea, Missio quid sit? Et quid legitima Missio? Et quid Divina Missio, et quotuplex. Ita enim facilius, et citra erroris periculum, quid hodie Ministrorum Ecclesiae legitima sit Missio Scripturas divinas ea de re consulendo, perspicere poterimus.

19. Mittere, est aliquem aliquo, alicujus necessariae rei expediendae gratia, ire jubere. Tria ergo in omni Missione concurrunt: Mittens, Mittendus sen Missus et Negotium aliquod ad expediendum commissum. Tolle unum horum, Missionem sustuleris. Pone tria illa in actu, Missio erit. Mittens est agens principale: Missus est instrumentum ejus: Commissio, sen negotium commissum, est Opus ipsum, seu effectus, qui intenditur.

20. Missio legitima est, in qua omnia concurrentia ita comparata sunt, ut quod quis jure desideret non inveniatur. Observanda ergo sunt requisita in Mittente, Mittendo, et Commissione ipsa. In Mittente requiritur autoritas seu potestas: tam in illum quem mittit, quam in rem propter quam mittit. Cum ergo Abraham Eliezerem servum in Mesopotamiam mitteret, adductum inde sponsam filio suo, missio fuit legitima: quia et negotium honestum, potestatisque paternae; et imperium in servum herile. At vero cum Absolon mitteret in universas tribus Israël, qui seditionem moverent contra Davidem (2. Sam. 15. 10) missio fuit illegitima, quia mittebat alienos subditos, ad turbandum alienos subditos etc. In Mittendo autem requiritur, primo ad negotium illud idoneitas: ut nempe commissa exsequi velit, sciat, possit: Deinde Electio (ut non ipse, tametsi sciat, velit, possit, currat, sed mandatum expectet) confirmatio denique ut legationis suae ubi opus fidem facere possit, excuti non possit. In Negotio tandem, seu exsequutione ipsa, requiritur, ut exsequutioni mandetur (I) id quod mandatum est, non aliud.

(2) ad illos ad quos mandatum est, non ad alios, (3) iis modis quibus mandatum est, non aliis. Tolle aliquid horum, legatio aut erit illegitima, aut irrita. Clara haec esse puto, veritatisque indubiae: ut nec per exempla illustratione, nec per rationes aut testimonia probatione egeant.

21. Modi etiam diversi Missionis, sen Legationis attendendi sunt, qui desumuntur a fine. Mittitur enim aliquis, aut ad nuntiandum solum aliquid: ut cum Joab mitteret Chusi ad Davidem, nuntiaturum victoriam (2. Sam. 18. 21). Aut ad exsequendum aliquid ex praescripto, ad formulam instructionis datae: ut cum David mitteret Joabum, dicens, Vade reduc filium meum (2 Sam. 2. 14. 21). Aut denique ad expediendum aliquid pro arbitrio, juxta leges prudentiae: ut cum David eundem Joabum cum Exercitu mitteret in terram Ammonitarum, ad eos subjugandum (2 Sam. 10. 7. et 11).

22. Jam ad Legatos Dei ad Homines haec accommodando, certum est Deum quoque trino illo fine Angelos et Homines (nunc autem de Hominibus sermo est) mittere ad Homines: illosque legatos a diverso legationis fine diversas accipere denominationes. Nempe qui mittitur aliquid Hominibus nuntiatum (seu voce tantum, seu scripto etiam) vocatur Propheta, seu vates, ex afflatu Dei arcana quaecunque proloquens. Qui vero ad agendum mittitur, cum data in manum actionum norma, Lege Dei scripta, vocatur Ordinarius Ecclesiae Minister, Pastor; et ut in Veteri Test. erant, Sacerdos aut Levita. Tertii generis legati Dei sunt, quos Deus extraordinariis occasionibus ad extraordinarium opus emittit: nempe ad restaurandum collapsum ordinem, aut repurgandam legis Doctrinam, reparandumque cultum suum. Quales divini Heröes excitari solent, tum ex Ordine Ecclesiastico, Prophetae (ut Samuel, Elias, Elisaeus, Esdras, Johannes Baptista etc.) tum ex Politico (ut Moses, Gedeon, David, Josaphat, Ezechias, Josias, Nehemias etc.).

23. Cum autem praesens quaestio non de ordinariis illis, primae et secundae classis, sed de extraordinariis, h. e. Reformato-ribus instituta sit, videndum est quibus eos characteribus insignire soleat Deus, e quibus divinitus excitatos esse pii sibi persuadere, adeoque certi esse, possint.

24. Conspicuis maxime character est, si quos Deus ad singulare suum opus mittit, eosdem dono miraculorum instruat.

Qualiter instruxit Mosen baculo miraculoso, per quem omnia stupenda patravit. Quod idem miraculorum donum datum fuit Eliae, Elisaeo, Christo (qui ad opera sua provocabat Joh. 5. 36) Apostolisque. Non datum tamen Natani, Jeremiae, Esdrae, Nehemiae, Johanni Baptistae etc.

25. Miracula ergo non semper infallibile signum sunt missi aut non missi a Deo Herois, rerum reparatoris: tum quia Deus non omnibus a se excitatis id confert; tum quod Satan simia Dei ad obscurandum Opera Dei hoc idem signum suis apprimere solet. Ut de Jaune et Jambre, oppositis Mosi, constat: et de Antichristianis satellitibus praedictum est, tanta patraturos miracula (tametsi mendacia) ut seducantur, si possibile sit, electi etiam (Matth. 24. 24. 2. Thess. 2. 9. Apoc. 16. 14).

26. Cum igitur Miracula et prodigia, nec semper nec solis divinitus missis adsunt, circumspectanda omnino sunt alia signa, quae Satanae imitari aut impossibile sit, aut usurpare (ni destruere velit res suas) libere non possit. Cujusmodi nota primum est Temporis circumstantia: si tum exsurgant tales divino impetu Viri, cum Ecclesiae status adeo corruptus est, ut Deus diutius eum ferre non possit.

27. Secundo, inusitatus ille organa Dei incessans fervor, et pro gloria Dei Zelus, ut continere impetum Spiritus nequeundo res quae supra hominem videri possint, periculique plenae sunt, animose aggrediantur: ut Phinees, Num. 25. 11. Samson, Jonathan (1. Sam. 14. 6), David (ibid. 17. 33. 37), Mathias (1. Mach. 2. 24), Paulus (Act. 17. 16) etc.

28. Tertio, Verbum Dei (sive auditum intra se afflatu et affatu divino, sive lectum in Dei lege) divini hi Viri amant ardentissime, eoque pro scuto Abrahami, et Gladio Gedeonis, et Baculo Mosis, utentes, in virtute Dei virtutes edunt. Nam quocumque se vertunt, hoc gladio pugnant; quocumque telorum genere impetuntur, hoc scuto omnia malignitatis jacula extingunt: ut in Mose, Davide, Christo, Apostolis, palam est.

29. Quartum hoc est signum, quod ipsa obstantium sibi multitudine, prohibentiumque clamoribus, et intentatis sibi minis, adeoque irradientium in se opus Dei cachinnis irritantur magis, et ad opus Dei confidentius audendum et

agendum inflammantur. Ut David invidia fratrum suorum, Jonathan irrisu hostium (1. Sam. 14. 12) terribilamentis vero, minis, et maledictionibus Goliathi (ib. 16. 29. 43).

30. Tandem, successus mirabiles qui ultra spem ipsorum Heroum subsequi solent, ostendunt vim superiorem quam quae ab homine sibi relicto proficisci posset. Ut cum aute solum Jonathan et puerum ejus tam dense caderent hostes: cum tempore Johannis Baptistae tantam vim pateretur Regnum Dei etc. etc.

31. Sed redeamus ad formam Missionis Legatorum ad Ecclesiam: quaeramusque, veros et legitimos mittentes et Mittendos (seu Missos) Missionis denique, seu Commissionis, negotia. His etenim vere deprehensis, utrum in Ecclesiis Evangelicis legitima Missio sit, nec ne, vere perspicere cuius erit obvium.

32. Pastores Ecclesiae mittendi potestas principaliter quidem soli Deo competit: sed et (indultu ac ordinatione ejus) Hominibus tamen. Deo principaliter: quia ille solus Dominus est Ecclesiae suae, cui Regni sui cura est. Illius sunt omnes Angeli et Homines, quos mittit quando vult, in quibuscunque negotiis vult: nec consilio nec auxilio ullius Creaturae, ut alibi ita hic, indigus. Illius arvom est genus humanum (1 Cor. 39) illius et proveniens inde messis. Unde Christus: Rogate Dominum messis, ut mittat operarios in messem suam (Matth. 9. 38).

33. Notetur autem, majoris lucis ergo, Missionem hanc Ministrorum tribui Deo, Patri, Filio et Spiritui S. subordinate. Patri, ut omnium divinarum actionum fonti: qui et Filium et Spiritum S. Ecclesiae missit. Filio, ut illi, cui Pater omnem potestatem dedit in Coelo et in Terra. Quod fundamentum ipse Christus ponit, dum Apostolos ire jubet, et docere omnes gentes (Matth. 28). Et alibi dicit: Sicut Pater misit me, ita et ego mitto Vos. Spiritui denique Sancto, ut vicario Christi, quem ille à Patre impetratum Ecclesiae missit, ut cum illa maneat in aeternum (Joh. 14. 16). Quaquam enim in V. Test. etiam opus hoc Dei, commune fuerit et Filio Dei (sapientiae aeternae Luc. 11. 49). Et Spiritui Sancto (Jes. 48, 16) in Novo Test. tamen

peculiariter Spiritui Sancto, ut Christi vicario (Joh. 14. 16) tribuitur. Apertum est Actor. 13 testimonium: quomodo Ministris Ecclesiae Antiochenae orantibus et jejunantibus Spiritus S. dixerit: Segregate mihi Saulum et Barnabam, in opus ad quod assumpsi eos etc. Et quod ipsi a Spiritu S. missi abierint. Sic Act. 10. 19. 20. Et Act. 20. 28 accersitis Paulus senioribus Ecclesiae Ephesinae dixit: Attendite vobis et gregi, in quo Vos Spiritus S. posuit Episcopos etc. Unde sollemnis ille remansit in Ordinatione Ministrorum cantandi mos, Veni Sancte Spiritus etc.

34. Sed quia ibidem vox Spiritus Sancti facta dicitur ad Ecclesiam: Segregate mihi Saulum et Barnabam in opus, ad quod assumpsi eos (Gr. advocavi: vers. 2.) patet Spiritum Sanctum potestatem hanc contulisse Ecclesiae, ut quos ipse vocat, illa segreget; h. e. uti jam loquimur, ordinet, seu consecret. Et quia dicitur: Tunc jejunantes, et orantes, imponentesque eis manus, dimiserunt eos (v. 3). Patet hoc Antiochenorum exemplo Ecclesiam jus sibi datum recte usurpare. Imo et qui ritus ad Ministrorum ordinationem sufficiant (jejunia, preces, manuum impositio) satis aperte hoc exemplo Spiritus S. docuit.

35. Quaeritur autem Cuinam in Ecclesia ritus illos peragendi, et sic Ministros [in] Ecclesia inaugurandi, potestas competat? Resp. Illis, qui Ministerio in Ecclesia jam funguntur. Ita enim hic factum. Erant in Ecclesia Antiochena Prophetae et Doctores, in quibus Barnabas et Simon, et Lucius, et Manahen, et Saulus. (v. I.) Ministrantibus autem illis Domino, dixit Spiritus S. Segregate mihi etc. Ecce Pastores et Doctores Ecclesiae Antiochenae quinque! inter quos nullus nominatur Apostolus, nullus etiam Episcopus! Et tamen segregare, h. e. ordinare jubentur, e medio sui duos. Cur quaeso non dicit Spiritus S. Mittite eos Hierosolymam ad Apostolos: vel alio quopiam, ad Episcopum: sed, Vos segregate? Et notabile est, illos ipsos sic a presbyteris ordinatos, mox rursum alios ordinasse, Actor. 14. 23. Nec aliter ullum in primitiva Ecclesia legimus ordinatum, quam per impositionem manuum Presbyterii h. e. Seniorum illius Ecclesiae (I. Timoth. 4. 14). Nempe cuius Ecclesiae (aeque Antiochenae atque Hierosoly-

mitanae) aequale jus esse voluit Deus: et cuius Pastorum Ecclesiae pro salute gregis Dominici aequalem curam: Ministerii scilicet Ecclesiae pars est, providere, [ne] idonei Ministri desint Ecclesiae, tum in praesens, adjuutores fidi, tum in posterum, successores certi. Sic per Universum Naturae regnum naturae parentem ordinasse videmus, ut quaelibet Creatura sui similem producat, Metallum metallum, Stirps stirpem, Animal animal, Homo hominem, Sic et Faber fabrum, Pictor pictorem etc. Quidni ergo Doctor doctorem, Pastor pastorem?

36. Quanquam igitur post Apostolorum tempora, propter irrepentem abusus, melioris ordinis causa constitutum fuit, ut non quilibet Presbyter presbyteros ordinaret, sed primarius ille, cui Pastorum totius viciniae inspectio demandata, et ab ipsa ἐπισκοπή (h. e. inspectione) Episcopi (h. e. Inspectoris) nomen datum fuit. Id tamen quod humana prudentia in abusum remedium reperit, jus divinum cuius Ecclesiae, et cuiusvis Ecclesiae Ministro, datum, evertere non potest: nec prohibere, quominus eadem prudentia humana remedium in noxam versum rursus mutet: ad imitationem scilicet Christi, qui abusus illapsos res ad principia revocando emendare solitus fuit, dicendo, Ab initio non fuit sic. Manet igitur, authoritateque antiquorum Patrum et Conciliorum probari potest, cuius Ecclesiae particulari jus illud competere, ut sibi Ministros eligat; Ministris autem, ut electos confirment; et sic utrisque, ut quos Dominus vocat, eos segregent ad opus, ad quod eos vocat Dominus. Per nos tamen Ecclesiastica illa sanctio maneat: ut Ordinis causa Episcopi potius, hoc est constituti Ecclesiarum Superattendentes, ordinent, quo in Ecclesia omnia honeste et secundum ordinem fiant (I Corinth. 14. 40).

37. Hoc majoris est considerationis, attentioemque requirit curam, ut ne quem segregent, quem forsitan non vocat Dominus. Hic enim focus intervenire potest multiplex, Ecclesiaeque noxa certa, si mittantur quos Deus non misit: non Pastores futuri, sed mercenarii, aut lupi etiam. Dum enim homines dormitant, venit inimicus, et disseminat per agrum Domini zizania sua: non in plebe tantum Pseudochristianos, sed magis etiam inter doctores ipsos, Pseudoapostolos. Videamus ergo jam, quid requiratur in Mittendo

ad Ecclesiae Ministerium, ut num vere a Deo mittatur pateat: postquam scilicet Domino sic miraculose voluntatem suam manifestare (ut demissa coelitus voce: Segregate mihi hunc vel illum dicat) non amplius libet.

38. Repeto hic, bifariam Deum consuevisse Ecclesiae doctores et rectores mittere, ordinarie et extraordinarie: idque omni tempore, ante Legem, sub Lege, et sub Evangelio. Ante Legem Patriarcharum familias per ipsos primogenitos regere, ordinaria Dei via fuit: quibus scilicet praeter legitimum in confratres imperium sacerdotii jus competere voluit. Si tamen illi in officiis dormitarent, extraordinario afflatu et affatu suo excitabat quosdam, et cum illis, perque illos cum aliis, foedus renovabat: uti factum Seth, Enoch, Noae, Abraham. Sub Lege excitavit Mosen et Aaron: erectoque in tribu Levi sacerdotio, jus successionis sic ad illos alligavit solos, ut nec ex illis aliquis ad aliud vitae genus transire, auderet. Ita ibi Sacerdotes et Levitae non fiebant, sed nascebantur: non mittebantur, aut vocabantur, sed succedebant. Quoties tamen visum Deo, mittebat extraordinarios, Prophetas: qui exorbitantes illos Ordinarios, Sacerdotes, cum Principibus et Populo, officii admonerent. Venit Christus, reformavitque Ecclesiam sic, ut novam constitueret, vocatis eo fine, et ad Gentes demissis, extraordinariis duodecim Legatis, Apostolis: qui ordinariam instituerent Ministerii rationem, quae Spiritui Sancto placuit: nempe ut eligerentur in quolibet fidelium coetu homines fideles, qui essent idonei, alios rursus docere etc. (Tit. 1. 5. 2. Tim. 2. 1. 1. Tim. 3. 1. etc. etc.) Qui mos perdurat, ut viri pii et docti undecunque accersantur, et alii aliis substituantur. Nec tamen ideo Deus sibi jus ademit, hodieque, si opus sit, extraordinarios excitandi: nempè si ordinarii aut negligenter, aut frandulenter opus Dei agant, non gregem Domini pascentes, sed semetipsos. Paucis ergo dicendum, secundum Scripturas, quibus signis Ordinarii legitimi cognoscantur? quibus extraordinarii?

39. Ordinarii legitimi cognoscuntur ex internis legitimis donis, externa legitima vocatione, legitimaque ordinatione. Si quis enim intra

se talis sit, ut ea quae cuique fido Christi servo agenda sunt agere possit, sciat, velit, quidni divinitus eo destinari credatur? Tum si accedat externe Vocatio legitima, quidni divinitus se vocari, qui divinum in se jam ante sentit opus, credat? Si denique legitima accesserit Ordinatio, quidni tanquam pro divinitus ad Apostolatus sui munus obsignato habeatur ab omnibus?

40. Sed quaeri rursus potest: Quae enim legitima illa interna dona sunt? Quae legitima vocatio? Quae legitima Ordinatio? Resp. Ea, quorum ideas in primitiva Ecclesia expressit Spiritus S. (Omne enim primum, reliquorum in suo genere mensura est.) Quid ergo Christus et Apostoli, in vocandis ad Ministerium, et mittendis ad opus Domini, requirebant? Haec fere sunt. Diligere Dominum Jesum toto corde (Johan. 15, 9 et 21, 15) Imitari ejus humilitatem, et in proximos dilectionem (Joh. 13, 15). Non optare quidquam potius scire, quam Christum Jesum crucifixum (1 Corinth. 2, 2). Vita externa esse inculpato (1 Tim. 3, 1 etc.) Doctrinaque potentes ad exhortandum, contradicentes autem redarguendum (Tit. 1, 9) paratos denique pascere gregem Dei, non coacte, sed spontanee, secundum Deum: neque turpis lucri gratia, sed voluntarie: neque dominandi causa, sed ut forma fiant gregis, ex animo (1 Pet. 5, 2, 3). Talium donorum Dei si quis sibi conscius est, alique in illo notant, tantundem est ac si Spiritus Sanctus caelitus demissa voce dicat: Segregate mihi hunc ad opus, ad quod instruxi eum. Ergo si quis, qualem Apostoli futurum Evangelistam delineaverunt, talis jam est, legitimitatis suae characterem habet primum certo.

41. Si vero quem talem animadvertunt illi, qui in Ecclesia aliqua Domino ministrant jejunantes (Act. 13. 2. h. e. fideles Inspectores, sincere ac pie opus Domini facientes) segregatum quoque eunt, et ut se ad opus Ministerii segregari patiantur monent, hortantur, orant: externa haec Vocatio secundus legitimae divinae Missionis character est: tam certo et infallibiliter, quam certo illi qui vocant ipsimet legitimi vocati sunt, in eoque quod agunt Christi, non suam causam agunt. Nempe si vocant ipsi vocati, eligunt electi, invitant

ad salutis Ecclesiae curam illi quibus ipsis Ecclesiae salus curae est: non conspurcati simonia, aliisque Ordinis sacri maculis etc. 42. Legitima denique Ordinatio erit, si iidem illi Domino ministrantes, conscia Ecclesia, praemisso jejunio et praecibus, ritu Apostolico manus superimponant, etc. hoc tertium erit, ultimique, legitimae Missionis sigillum, et character indelebilis.

43. Haec de Ordinariis Dei in Ecclesia Ministris, unde agnoscantur an legitimi sint. Extraordinarios non homines mittunt, sed Deus ipse, Joh. 1. 6. quos agnosci vult (ut ante dictum) aliquando per Miracula, quorum patratorum illis dat potestatem: ut in Mose, Samuele, Elia, Elisaeo, Apostolis, videre est. Aliquando ex sola doctrina, per quam a falsis doctrinis, aut etiam prodigiosis figmentis, ad Legem, et Testimonium revocatum in Ecclesiam suam: ut in Jesaia, Jeremia, et plerisque Prophetarum exempla habemus. Johanne item Baptista: de quo notanter praedictum fuit, eum conversurum cor patrum ad filios, et cor filiorum ad patres eorum (Mal. 4. 6) h. e. harmoniam utriusque Testamenti docturum, Vaticiniorumque complementis demonstratis, doctrinae suae veritatem evicturum. Quod et fecit, Joh. 1. 16. 17. Miraculum vero nullum edidit, Joh. 10. 41.

44. Christus cum Apostolis et miracula patrabant, et doctrinam suam e Mose Prophetisque potenter defendebant. Notandum tamen est, quanquam Christus ad Miracula saepe provocaret, cum majori tamen vehementia provocasse ad scripturarum testimonia (Joh. 5. v. 36. 37. 38. 39.) sicuti et Apostoli miraculosis apparitionibus praetulerunt propheticum sermonem, tanquam firmiorem (2. Pet. 1. 18. 19.). Imo Deus ipse, quum nosset satanae, simiae suae, facilius esse fingere et mentiri miracula, quam doctrinam; praemonuit populum suum, si surgant qui signa et portenta praedicentes, eo argumento seducere vellent populum, a Deo vero ad Idololatriam, ut ne crederent, etiamsi signa illa evenisse viderent (Deut. 13. vers. 1. 2. 3. 4. 5.). Per Jesaiam vero etiamsi mortui loquantur, potius tamen Legi et Testimonio attendendum esse. Apostolus denique praedicens Antichristi adventum secundum

operationem Satanae, in omni virtute, et signis, et prodigiis mendacibus: jubet fideles stare, et tenere doctrinam Apostolicam (2. Thes. 2. vers. 9. 14. 15.). Unde constat in extraordinariis Dei legatis non semper miracula, semper doctrinam divinam, requiri.

45. Sunt tamen et alia criteria, ex quibus cognosci possunt: quae hic breviter repetam. 1. Primum criterion sumitur a Tempore, quo mittuntur: nempe non nisi Ecclesiae statu sic corrupto, ut in illis qui ordinarie praesunt, nihil spei sit reliquum: quod omnium exemplorum inductione probari posset. (Nempe Deus noster sapiens est, frustra nihil facit. Faceret autem, si ordinariis recte res agentibus extraordinarios superimmitteret: turbarent enim alii alios.) 2. Secundum criterion sumitur a Loco, in quem; seu a Personis ad quas, mittuntur. Non enim mittuntur ad unum et alterum, ut clanculum aliquid doceant vel agant, sed mittuntur ad Gentes et Regna, ut evellant, et destruunt, et disperdant, et dissipent, et aedificent, et plantent (Jer. 1. 10.) h. e. ut publice reforment. 3. Tertium a materia: quod non novam adferunt doctrinam, ceremonias, religionem, sed antiquam tantum in memoriam revocant et a corruptelis repurgant: ut in Prophetis, Christo et Apostolis patet. 4. Quartum ab adjuncto peculiari heroico Zelo, quo adversus inolitas superstitiones et abusus feruntur. Replentur enim fortitudine spiritus Domini, judicio et virtute, ad annuntiandum Jacob scelera sua, et Israel peccata sua (Mich. 3. 8.). Idque usque adeo, ut tametsi desistere velint, sermo tamen Domini est in corde eorum quasi ignis exaestuans, clausus in ossibus eorum, ut deficient, ferreque nequeant (Jer. 20. 8. 9.) 5. Quintum a Spiritu Sapientiae, qui se in scripturarum explicatione et applicatione tam potenter exserit, ut resisti nequeat sapientiae et spiritui, qui loquitur, Actor. 7. 10. 6. Tandem a successu miraculoso, quem Deus labori eorum tribuere dignatur, semper majore quam ut ullis machinationibus inhiberi possit, Domino semper illis cooperante, et sermonem eorum subsequentibus signis confirmante. (Marc. 16. 20).

46. Hactenus de Mittentibus et Mittendis: dicendum quoque de ipsa Missione, seu Commissionem, et Negotio, ad quod Ecclesiae Ministri

legitimi mittuntur. Patet vero ex mandato Christi Apostolis dato, ab illisque rursus aliis, quos et ipsi mittebant inculcato, Ministros Novi Foederis non ad aliud mitti quam ut (1.) Evangelium praedicent omni Creaturae, Marc. 16. 15. h. e. paenitentiam et remissionem peccatorum in nomine Christi, Luc. 24. 47. (2.) ut credentes baptizent, Matth. 28. 19. (3.) Exemplo vitae pie Christianis digne praeceant Joh. 13. 15. 1. Tim. 4. 12. 1. Pet. 5. 3 etc. (4.) Paenitentibus et credentibus peccata remittendo, impaenitentibus vero et incredulis retinendo, Regni caelorum claves administrent, Matth. 18. 18 (5.) Tandem fidelibus suae cum Christo aeternae communionis spem sacramenti Corporis et sanguinis Christi obsignent, Luc. 22. 19. Act. 2. 48. etc. Haec de Ministrorum Missione, in genere.

De IV.

47. A thesi ad hypothesin veniendo, litem Reformato-
toribus nostris, Husso, Luthero, Zvinglio etc. movent, an legitimam habuerint Missionem? Resp. Si in Ecclesia Romana legitima Missio est, legitimam ergo habuerunt: quia quam habuerunt, inde fuit. Aut, si propter secessionem facta est illegitima: Aurum alicui ablatum invito domino non erit aurum. Et Arbor ex alieni horti surculo in meum translata, non Arbor. Et struthiocamelus ex Ovo quidem materno, non tamen fotu materno, sed calore alieno, exclusus, non struthiocamelus. Americani denique non-Homines, quia à communi stirpe (cum Sem occuparet Asiam, Japhet Europam, Cham Africam) avulsi. Et nautae Christiani naufragio in aliquam Insulam ejecti, ibique Propagati, et Ministerio inter se erecto Ecclesiam repraesentantes, non-Christiani.

48. Sed regerunt. Habuerunt ab Ecclesia missionem: at non ad aliquid contra Ecclesiam attentandum, sed ad Ecclesiae obediendum etc. Ad nervum itaque rei veniendo, video litem quam movent tres particulares includere quaestiones. I. Primam, an nostri illi missionem habuerint ad

reformandum. II. An ad Ecclesias quasdam ab aliis avellendum, et peculiare caetus constituendum. III. An ad alios sibi substituendum, et sic schisma continuandum.

49. Quantum ad primum: dicendum est, (1.) Lutherum, aliosque Reformationis Authores, non reformasse primo, sed deformatione potenter à Verbo Dei demonstrata, ut reformare vellent qui Ecclesiae praesidebant, supplicavisse: demumque cum nemo audire vellet, fecisse quod fieri oportere docuit Christus, ut si homines tacent clament lapides. (2.) Secundo, Non reformabat Lutherus, sed Episcopi, Capitula, Magistratus ipsi, rectius ex Dei Verbo informati. (3.) Tandem, tametsi manum admovissent ipsi, recte tamen id, quia quilibet Ecclesiae Minister obligatur vera docere, falsa dedocere: et, ut ad Jeremiam loquitur Deus, evellere, destruere, disperdere, dissipare mala, aedificare vero et plantare bona. Lutherus nominatim: cui in Vocatione ad professionem Theologicam dictum fuit, Vestrum est, Legem Divinam interpretari, et Librum vitae docere. Cum verò renuntiaretur Licentiatus, jurabat: Juro, me Veritatem Evangelicam pro virili defensurum. In actu Doctorali sic: Doctrinas vanas, peregrinas, ab Ecclesia damnatas, ac piarum aurium offensivas, non dogmatizabo. Quae certe servare caste non poterat, nisi agnitis Erroribus contradiceret.

50. Obiiciunt: De Doctrina disputatur, an corrupta sit. Resp. Ergo disputate de Doctrina, Missionem facite missam. Jam enim tacite fatemini, si corrupta fuit, liberum fuisse Theologiae Doctori eam repurgare. Aut si id quoque negatis, negatis Vos creare Theologiae id est Veritatis, doctores, sed opinionum et consuetudinum (bonae an malae fuerint susque deque habito) mancipia. Obj. At jurabat quoque superioribus obedientiam, contra quos insurrexit. Resp. Pontifex dum obligat Episcopos et per Episcopos Doctores et Pastores, aut eos obligat Christo, aut contra Christum sibi. Si hoc, Antichristus est, audiendus non est. Si illud; quid ergo pec-

cant, qui majorem Christi, quam illius rationem habent? Pono casum. Si Episcopus aliquis opponeret se Papae decreto, mandanti hoc aut illud: Parochi autem obsequerentur Papae potius quam Episcopo, utpote superiori: laudaretne factum Papa? spero. Laudet ergò etiam, quòd Ecclesiarum Pastores Papam Christo contraria mandare videntes, huic potius, Pastorum Principi, solique uni vere summo Pontifici, parendum sibi existimant. Si approbare id recusat, tyrannus est, qui quod suo superiori non exhibet, id a suis inferioribus impotenter exigit. Stabitque contra illum in judicio Trajanus, qui Praefecto a se constituto gladium tradens, Hoc uteris pro me, inquit, si justa fecero: sin, contra me.

51. Verbò, dicant nobis. I. Cum ab illis Doctores Theologiae creantur, Veritatisne doctores, an Opinionum mancipia, creentur? II. Cum ad Superiorum obedientiam obligantur, an etiam ad obediendum omnium supremo, Christo? III. Atque si huic etiam, utrum plus Christo an minus? Et quicquid responderint, pro nobis erit.

52. Quantum ad secundum (utrum Reformatores Missionem habuerint ad Ecclesias quasdam ab aliis avellendum, et schisma faciendum?) Respondetur, Avulsionis non illos fecisse initium, sed Papam, qui excommunicavit. Exclusi ergo ab illo, nullamne habere debebant Ecclesiam? nullosne caetus? Imò verò puriora constituendi omnia occasio fuit, et separandi se ab illis quibus adeo pura sordebant. Id autem exemplo Pauli Apostoli, de quo Act. 19. 9. legitur: Cum quidam indurarentur, et non crederent, maledicentes viam Domini coram multitudine, discedens ab eis segregavit Discipulos etc. Petrus autem etiam non expectare excommunicationum fulmina docuit, cum recipientibus se a superstitionis Pharisaeis ad Christum, ut se salvarent à generatione ista prava, suasit. Act. 2. 40. Si dixerint: An nos tales? Respondendum erit: Ergo redeamus ad examen Doctrinae: vestra an nostra Pharisaeica vel Christiana sit. Videtisne quam omnia eò venire (ad Doctrinae examen) non suadent sed cogunt?

53. Quantum ad tertium (num continuandi schisma Reformatoꝝ nostris, aut nobis potestas sit?) respondetur. Si justa secedendi fuit causa, obstinatio contra veritatem, etiam non redeundi juste est causa *Obstinationis continuatio*: quia causâ non sublatâ effectus non tollitur. Atque sic expressè Deus prophetae suo mandabat, ut, postquam primores conjurassent non obsequi Deo (per Prophetas emendationem flagitanti) ille ligaret testimonium, et obsignaret legem in discipulis suis, expectans Dominum etc. (Jes. 8. 16. 17.) Additque Propheta: se cum pueris suis factum hœc modò in signum, et in portentum in Israel (vers. 18.) O utinam modernus ille Israel agnoscat, hos parvulos, quos ille ut nuper natos contemnit (qui nempe inter se ligant testimonium, et obsignant legem) in signum et testimonium illis relinqui! ut judicia Dei, denuntiata illis qui non recipiunt claritatem veritatis, sed consentiunt iniquitati, praevenire discant!

54. Summa summarum: Christus a Caipha de DOCTRINA, et de DISCIPULIS interrogatus; de illa, nulla circuitione usus palam se docuisse, respondit: de his nihil. Cur, nisi quia probata Doctrinae bonitate, Discipulos colligere licitum fuit. Ostendant ergò Romanenses, doctrinam nostram non esse doctrinam Christi: simúlque discipulos huic doctrinae deditos sustulerint. Si prius non possunt, posterius missum faciant: neque nos discipulos doctrinae nostrae, quam nos esse Christi probamus, prodere cogant, non probatò prius doctrinam non esse bonam. Aut effugia se quaerere, magis magisque evidens facient.

55. Habemus et Paulum exemplo, qui accepta divinitus doctrinae Evangelii revelatione (Gal. I. 12.) non Jerosolymam ibat ad Apostolos, licentiam praedicandi postulaturus ab hominibus, sed praedicabat (vers. 17.) Post annos demum quatuordecim Apostolis congressus, contulit cum illis Evangelium, quod praedicabat in Gentibus: seorsum iis, qui videbantur aliquid esse, ne forte in vacuum curreret, aut cucurrisset (Gal. 2. 2.) Ecce Evangelium cum illis conferebat; h. e. Doctrinae reddebat rationem, non Missionis. Et quidem cui? Illis qui aliquid esse videbantur, primariis nempe Apostolorum, penes quos

fuit Novae Ecclesiae auctoritas: qui nominantur (vers. 9.) Jacobus, et Cephas, et Johannes. Quodsi igitur nos quoque in praesenti congressu, Pauli exemplô cum illis qui aliquid esse videntur, columnae Ecclesiae, parati sumus conferre Evangelii doctrinam, quam praedicavimus et praedicamus, merito acquiescere debent. Si nolunt, et posthabitô doctrinae respectu Missionem solam impetunt, faciunt quod eos facere Apostoli non docuerunt.

56. Si quaerere pergunt: An ergo Lutherus cum aliis Reformatoribus, extraordinariam, ut Paulus, Vocationem et Missionem habuerunt? Respondebimus: Habuerunt ordinariam et extraordinariam. Utriusque enim sigilla in evidenti sunt: ut ex illis quae de utraque Missione antea diximus, si huc accommodentur, clarum esse potest. Addamus extraordinariorum criteriis, quod Jer. 28. vers. 9. habetur: Propheta qui vaticinatus fuerit pacem, cum venerit verbum ejus, tunc scietur propheta quem misit Dominus in veritate. Ecce enim Lutherus et Calvinus de pace conscientiarum vaticinati sunt: redituram esse in corda eorum, qui ab humanis traditionibus, propriisque meritis aversi, ad purum Dei Verbum, uniusque sanguinis Christi fiduciam, redierint. Et ecce eventum verbum hoc! pax Christi exsuperans omnem sensum exultat in cordibus Evangelio credentium; quod vel martyrum et exulum myriades testantur.

57. Quod de Extraordinariorum doctrinae efficacia dictum est, merito urgemus. Possunt enim Lutherus et Calvinus integros commonstrando populos, cum Apostolo dicere: Epistola nostra vos estis. Nempe qui per ministerium Pauli potens fuit convertere à superstitionum tenebris totas gentes, idem per horum ministerium ad meliori luce collustrandum tot gentes potentiam exseruit suam. Nec est cur illi jactent populos, quos sub devotione tenent: vi enim tenent, et prohibitione conspectus lucis. Tollantur Opes, Honores, Inquisitiones, Carceres, Rogi, Caeteraque hinc terriculamenta, illinc allecamenta; fiatque populo Christiano spiritus probandi (quod Apostoli suis suadebant) facultas: mox penes quos sit vera lux tenebras dispellens, apparebit. Et quidni annuant? Vera certe lux tenebras

nullas timet. Experiantur itaque nobiscum efficaciâ Verbi! (Permittant nostris praedicare mysteria regni Dei libere, et publice, Varsaviae, Cracoviae, Madriti, Romae: obtenturi procul dubio idem a nostratibus Noribergae, Amsterdami, Londini, Hafniae, Stockholmi: roboréque spiritûs (amotis armis carnalibus, quae non sunt militiae hujus) urgeant se invicem, donec pateat, penes quos verae lucis vera vis sit.

58. Quaerunt insuper, An Reformatores superioris seculi potestatem habuerint alios mittendi; h. e. successores sibi substituendi, et sic schisma continuandi? Respondeo, Sicut in Natura cuilibet Metallo, Plantae, Animali potestatem dedit Creator producendi sui simile conservandae speciei causâ: ita similem potestatem, hominibus in artificialibus, moralibus, spiritualibus, non ademit. Mandavit potius (haec vis est divinae legis) ut quisquis bonus est, bonos faciat alios: quisquis factus lex in Domino, illuminet alios: et quisquis veritatem docendi potestatem accepit ipse, operam det, quô post obitum quoque suum ne desint, qui eandem, doceant: ita exemplô praeunte Petro (2. Ep. 1. 15) et expressis verbis mandante Paulo (Tit. 1. 5 et 2. Tim. 2. 2). Nempe omnis Arbor et Herba fert semen, ex quo alia nascitur Arbor et Herba. Et omnis Christianus eniti debet, ut lucretur alios, faciatque Christianos. Quidni ergo magis Fidei Christianae Doctor, ut alios faciat Fidei doctores? Cujus rei fundamentum hoc est, quòd Regnum Messiae diversum est a Regimine Mosis, ubi ut populus Dei, Israelitae, ita et sacerdotes eorum, nascebantur, non fiebant: Christiani contrâ, non nascuntur, sed fiunt, Quia spiritus Messiae effusus est super omnem carnem (Joël 2. 28) ipseque Christus Regnum constituit universale, non alligatum ad unam Gentem, Locum, Leges, Ritus, Ideoque loco unius Cathedrae Mosis, erexit duodecim thronos (Luc. 22. 30) addiditque post unum insuper, ab illis duodecim non dependentem (Gal. 1. et 2.) Nec Ceremonias vel Ritus idem Christus per se ordinavit ullos, per Apostolos verò paucissimos: nec tam illos mandans quàm commendans: non necessitatis scilicèt, sed honestatis et ordinis causa (1. Cor. 14. 40.) Omnia eò fine, ut Regnum suum totum merè spirituale, liberum, catholicum esse ostenderet. Promulgavit item Ecclesiae suae Rectorem perpetuum aeternumque vicarium suum, spiritum

sanctum (Joh. 14. 16. 26. etc.) quem habitaturum promisit non in certo aliquo mundi loco, aut in certa visibili fide (sic!), sed in cordibus suorum (Rom. 8. 9. 11. 1. Cor. 3. 16 Ephes. 3. 16. 17) qui Doctores, Pastores, Prophetas, excitat et mittit, quos vult, quô vult, quando vult (Act. 13. v. 2. 3. et 16. v. 6. 7. 10). Ut nihil relictum sit Christianis nisi probare spiritus, an sint ex Deo (1. Joh. 4. 1.) Doctoribus autem Ecclesiae, ut alios post se Ecclesiae relinquunt doctores.

De V.

58. Ita ostendi, Reformatoribus Ecclesiae, superiori seculo, non defuisse potestatem, Doctrinam et ritus corruptos cum superiores nollent reformandi (2.) Caetusque separatos puriores constituendi, Ministrosque Evangelii creandi. Sequitur, An qui eorum vestigiis insistunt, et ab Ecclesia Romana separati manent, legitimam habere possint Missionem: revulsi videlicet a visibili Ecclesiae capite? Resp. Nimum postulatur, et tanquam probatum praesupponitur, Christum regimen Ecclesiae Monarchicum instituisse: eique caput visibile, hominem mortalem praefecisse: et hunc Romae habitare jussisse: indeque Orbis Christiani regimen suspendisse. Omnia haec nobis, tanquam fundamentum immotum, demonstrari prius oportet, quàm nos ullâ illegitimae defectionis consequentiâ urgere poterunt: de quo pòst. Nunc argumentis nostris nos defendamus, secundum positas prius legitimae Missionis leges (§ 17. etc.).

60. Fiduciam habemus per Christum ad Deum, inquit Apostolus: non quòd sufficientes simus a nobis, quasi ex nobis, sed sufficientia nostra ex Deo est, qui et idoneos nos facit Ministros novi Testamenti, non literae, sed spiritus etc. (2. Cor. 3. 4 etc.). Fiducia nostra eadem est, Ministros esse nos a Deo factos novi Testamenti: eoque Missionem nostram esse legitimam, quia à Deo, per media licet. Media tamen haec quia legitima sunt (qualia requiri suprâ dictum) per homines licet mittamur, à Christo tamen, et

spiritu ejus. Fundamenta verò fiduciae nostrae sequentia sunt.

61. Primum est illud Christi ad Apostolos: Non vos me elegistis, sed ego elegi vos. Id est, Non requisivistis à me officium Apostolatûs, nihil mihi pro eo dedistis: gratis in Vos dignitatem hanc contuli. Similiter apud nos agitur, per gratiam Dei: nec emuntur, nec venduntur officia sacra, sed quem dignum Ecclesia aestimat, hic eligitur et vocatur.

62. Deinde, Non currimus ultro, sed mittimur revera. Ad quid enim curremus? Cum opes et dignitates vere Mundanae, Abbatiae, Episcopatus, aliaeque pingues praebendae, penes illos sint, qui felicitatem externam Ecclesiae verae notam sibi constituerunt, dissentientésque à se ferro et igne persequuntur. Nos verò nobis audire necesse habemus illud Christi: Mitto vos ut agnos inter lupos.

63. Tertio, Mittimur non Hominis alicujus, qui se vicariam Christi potestatem habere dicat, et quod indubio sit, nomine; sed nomine ipsius Christi, cui omnem potestatem esse datam in coelo et in Terra, certi sumus. Et qui dixit: Sicut misit me Pater, ita ego Vos mitto: nempe ad mittendum alios rursus, qui Missum illum à Patre, et opus quod peregit, nuntient Mundo.

64. Quarto, Mittimur non cum alia instructione, quam cum qua Apostolos suos, illorumque successores, misit Christus. Nempe ad (1.) praedicandum (2.) Evangelium (3.) Omni Creaturae (4.) docendumque eos servare omnia (et sola) quae mandavit Christus (5.) Et baptizandum credentes, etc. Munus enim non sacrificandi, aut aliud quid à Christo non mandatum, nobis committitur: sed praedicandi. Et quidem Evangelium: h. e. doctrinam de gratuito Dei favore erga omnes in Christum credentes; Justificationeque non quae ex Operibus, sed quae ex Fide, venit. Atque id annuntiando Omni Creaturae: h. e. apertè, sine velo et dissimulatione. Monendo et hortando omnes, ut servent mandata Christi: h. e. Vivant ex fide, et ambulent dignè Deo. Baptizantesque: h. e. Sacramenta à Christo instituta in gratiae Dei sigilla adhibentes, non alia etc.

65. Quintus character divinae Missionis est ipsa Doctrinae, quam annuntiamus, Veritas: super Prophetici et Apostolici sermonis firmitudinem ita fundata, ut destrui, non destructa Scripturarum divinarum autoritate, non possit. Potestne Spiritus mendacii characterem Veritatis, cujus hostis est, appendere suis? Si doctrinae nostrae characterem hunc negant, destruant ergò doctrinam nostram per scripturas; hōc Lydiō lapide aurum nostrum non esse aurum ostendant: demumque nos à Spiritu Veritatis non esse missos triumphabunt, non antè. Recte enim Geylerus (celebris inter eos ante tria ferè secula Theologus) Ecclesiae Doctores cum Auro et argento comparat: quod, sive signatum sive non signatum, si probum, valet: si improbum, etiam signatum decipit. Hinc est (inquit) quòd in Moneta, dum exploratur, non spectatur imago, sed probatur materia: quia signari etiam potest plumbum et aes, et fit impostura. Ut hebetis ingenii sit externam tantum spectare signaturam, non verò potiùs interiorem viritatem.

66. Sextus character legitimae apud nos, et verae divinae, Missionis, sunt ipsi consequentes eam Effectus: de quibus Christus, Ecce ego vobiscum sum! Et Evangelista: Illi vero profecti praedicaverunt, Domino illis cooperante, et sermonem illorum confirmante sequentibus signis. Nempe prouti dixerat: Ego Vos elegi ut eatis, et fructum afferatis, et fructus vester ut maneat, Joh. 15. 16. Similia hic sunt, per Dei gratiam, omnia. Nam ecce Dominus nobiscum est, etiamsi Mundus sit contra nos. Nos praedicamus, etiamsi Mundus inhibeat. Et Dominus cooperatur, etiamsi Mundus non animadvertat: dum efficaciam tribuit Verbis doctrinae suae, ut acceptam habeant gentes et populi, nec amorem ejus persecutionum torrentes extinguere valeant, Manet ecce fructus noster doctrina Evangelii inconvicta, ineversa. Si negant, ostendant contrarium.

67. Tandem, Divini in nobis Operis characterem gerimus in corde nostro, Desiderium Unitatis Ecclesiae, si per illos non stet qui obstinatâ subingressorum Errorum et abusuum defensione schismati

occasionem dederunt, nec redditum ad se nisi cum veritatis jactura, et illata conscientiae vi, eoque salutis periculo, permittunt: Ut vel invitissimi plus obedire Deo, quam hominibus, cogamur. Quod quia novit qui novit omnia, schismatis culpam non nobis tribuet, qui eam inviti sustinemus: sed illis, qui satanae astu posita scandala nec agnoscere, nec tollere volunt.

68. Qui an aequè laetâ, aut saltem securâ conscientia, Missionem suam ad veritatis tribunal defendere confidant, ipsis videndum relinquimus. Profectò si nemo legitimus est nisi qui mittitur, in Ecclesia Romana, vix ulli erunt legitimi: quia vix ulli sunt qui non currant, et se per ambitum et Simoniam ingerant. Testimonio sunt tot querelae Conciliorum, jam ab aliquot seculis celebratorum, tótque conditi Canones: quibus tamen non tantum profectum est, ut querelae desierint hunc usque in diem. Quid quod non mittuntur ut Agni inter Lupos, sed fere ut Lupi inter Agnos: aut certè ut Mercenarii ad gregem non pascendum sed deposcendum, juxta querelam Dei, Ezech. 34. Quid, quod non mittuntur cum Instructione Apostolica (ad praedicandum Evangelium etc.) sed cum alia nova humanitùs excogitata, ad sacrificandum pro vivis et mortuis etc. Unde nomen Praedicatorum à se amovent, nobisque per ludibrium tribuunt; ipsi sublimiore titulo, Sacerdotum et Sacrificorum, designari cupientes Caetera illis conscientia sua dicat.

De VI.

69. Dixi etiam, Detegenda esse fundamenta Erroris circa rem hanc. Primarium est, quod Mens humana rebus divinis plerumque propria affingens phantasmata, non tam quid de rebus statuat Deus, quàm quid nobis expedire videatur, attendit. Hinc nobis pomposa placent omnia etiam Ecclesiae, Ceremoniarum, dignitatum, opum et potentiae apparatus, splendor: contra perpetuas Christi et Apostolorum adversus talia, tanquam puerilia crepundia, aetatem adultae Ecclesiae (qualis in N. Test. est) indecentia, protestationes. Regnum meum non est de hoc Mundo, inquit Christus. Item: Regnum Dei non venit cum observatione; Regnum

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

выходятъ съ 1893 г. въ неопредѣленные сроки, не менѣе 4 разъ въ теченіе года.

Ученыя Записки распадается на два отдѣла: официальный и научный.

Въ официальномъ отдѣлѣ помѣщаются годовыя отчеты Университета, актовыя рѣчи, отзывы о диссертацияхъ, обзорныя лекціи и т. п.

Въ научномъ отдѣлѣ помѣщаются работы преподавателей Университета; изъ студенческихъ же работъ печатаются (по возможности въ извлеченіи) лишь сочиненія, удостоенныя золотою медалю.

Научныя статьи **Ученыхъ Записокъ** печатаются какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на одномъ изъ болѣе распространенныхъ западно-европейскихъ языковъ, а также на латинскомъ, по выбору автора.

Подписка принимается Правленіемъ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Подписная цѣна 6 руб. въ годъ.

Редакторъ **Д. Кудрявскій.**
